

В В О Д Н Ы Й
тело
С Л О В А Р Ъ
Л А
значение
Л А К А Н О В С К О Г О
а
П С И Х О А Н А Л И З А
ФФ
S

Дилан Эванс

ROUTLEDGE

Русский перевод: группа ЛС на ФФ
vk.com/lacan_seminars
www.facebook.com/groups/lacan.seminars

Вводный словарь лакановского психоанализа

Жак Лакан является, возможно, самым оригинальным и влиятельным психоаналитиком после Зигмунда Фрейда. Его идеи революционизировали клиническую практику психоанализа и оказали существенное воздействие на такие разнообразные направления мысли, как теория кино, литературная критика, феминистская теория и философия. Поскольку тексты Лакана известны своей сложностью и своеобразием стиля изложения, *«Вводный словарь лакановского психоанализа»* окажется незаменимым для представителей тех теоретических дисциплин, которые испытали особое влияние идей этого мыслителя.

Данный словарь содержит детальные определения более двухста лакановских терминов. Внимание уделено как общепринятым психоаналитическим понятиям, употребляемых Лаканом, так и его собственной терминологии, развивавшейся на протяжении всех этапов его учения. Принимая во внимание клинический фундамент лакановского творчества, словарь подробно описывает исторический и институциональный контекст основных лакановских идей. Каждое существенное понятие рассматривается исходя из его генеалогии, уходящей корнями в труды Фрейда, Фердинанда де Соссюра, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и других.

«Вводный словарь лакановского психоанализа» предлагает уникальный источник информации для обучающихся и практикующих психоаналитиков. Благодаря рассмотрению понятий в их клиническом контексте словарь является идеальным справочником для представителей других дисциплин.

Дилан Эванс обучался психоанализу в Буэнос-Айресе, Лондоне и Париже.

*An Introductory Dictionary of
Lacanian Psychoanalysis*

Dylan Evans

London and New York

***Вводный словарь лакановского
психоанализа***

Дилан Эванс

Лондон и Нью-Йорк, 1995 год

Предупреждение!

Перевод данного словаря был осуществлен без официального согласия автора и издательства. Таким образом, владение и распространение этой цифровой копии является сознательным нарушением авторских прав. Несоблюдение авторских прав может привести к серьезным правовым мерам со стороны владельцев этих прав.

Данный перевод опубликован в сети Интернет с исключительно некоммерческими целями и распространяется бесплатно и без каких-либо ограничений. Все права принадлежат соответствующим правообладателям.

Шрифт, оформление и нумерация страниц могут не совпадать с оригиналом.

Данный перевод является непрофессиональным и неофициальным. Если при чтении вы заметили какие-либо ошибки, или у вас появились замечания относительно правильности перевода того или иного фрагмента – пожалуйста, пишите на электронный адрес нашей группы:

LACANSEMINARS@GMAIL.COM

или оставляйте сообщения в наших сообществах:

ВКонтакте: vk.com/lacan_seminars

Facebook: www.facebook.com/groups/lacan.seminars/

Перевод посвящается Александру Беше (a.k.a. Alexander Ressentiment), студенту философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, который вдохновил нас на тяжелый труд своей искренней и серьезной заинтересованностью теорией лакановского психоанализа

Содержание

Список рисунков	viii
Предисловие	ix
Формат словаря	xv
Благодарности (авторские)	xvii
Благодарности (переводчиков)	xviii
Даты жизни и творчества Жака Лакана	xix
Вводный словарь лакановского психоанализа	xxiii
Приложение: ссылки на страницы в лакановском <i>Écrits</i>	259
Библиография	261

Данная страница намеренно оставлена пустой

Список рисунков

Рисунок 1	Борромеев узел	37
Рисунок 2	Таблица частичных влечений	45
Рисунок 3	Элементарная клетка графа желания	59
Рисунок 4	Завершенный граф желания	60
Рисунок 5	Структура четырех дискурсов	63
Рисунок 6	Четыре дискурса	64
Рисунок 7	Соссюровский знак	81
Рисунок 8	Соссюровский алгоритм	81
Рисунок 9	Лента Мебиуса	109
Рисунок 10	Первая формула метафоры	122
Рисунок 11	Вторая формула метафоры	122
Рисунок 12	Формула метонимии	125
Рисунок 13	Таблица трех типов нехватки объекта	132
Рисунок 14	Оптическая модель	140
Рисунок 15	Отцовская метафора	147
Рисунок 16	Диаграмма полового различия	161
Рисунок 17	Схема L	210
Рисунок 18	Схема L (упрощенная форма)	211
Рисунок 19	Тор	218

Предисловие

Мой дискурс функционирует следующим образом: один термин определяется только через его топологические отношения с другими.

(Жак Лакан, *СII*, 89)

Психоаналитические теории образуют совокупность языков, использующихся для анализа психоаналитического лечения. Сегодня существует множество таких языков, каждый со своей особой лексикой и синтаксисом. Факт использования ими сходных понятий, унаследованных от Фрейда, может создать впечатление, что все они являются диалектами одного и того же языка. Однако такое впечатление ошибочно. Каждая психоаналитическая теория обращается с этими терминами особым образом, а также вводит собственные, в результате чего образуется специфический, совершенно непереводимый язык. Один из наиболее значимых современных психоаналитических языков был разработан Жаком Лаканом (1901–1981 гг.). Данный словарь является попыткой исследования и прояснения этого языка, столь часто обвиняемого в безнадежной запутанности, а иногда даже рассматриваемого в качестве совершенно непостижимой «психотической» системы. В этой запутанности видели попытку целенаправленного ограничения доступа к лакановскому дискурсу, а также стремление защитить его от критики. Если это действительно так, то данный словарь движется в противоположном направлении: он представляет собой попытку сделать лакановский дискурс более доступным для широкого рассмотрения и критики.

Словарь является идеальным способом прояснения языка, поскольку его структура подобна структуре языка. Он представляет собой синхроническую систему, термины которой не имеют самостоятельного существования, поскольку определяются через взаимные различия. Это закрытая, автореферентная структура, в которой значение всегда откладывается в постоянной метонимии; в ней каждый термин определяется через обращение к другим терминам, что не позволяет читателю-новичку обнаружить какую-либо точку входа (а где нет точки входа, там, согласно Лакану, нет и отношений между ламами).

Многие исследователи осознавали важность словаря как средства прояснения психоаналитической теории. Наиболее известным примером является классический словарь психоанализа, созданный Жаном Лапланшем и Жаном-Бернаром Понталисом (1967). Также есть прекрасно написанный краткий словарь Чарльза Райкрофта (1968). Кроме этих двух словарей, в основном касающихся теории Фрейда, существуют также словари кляйнианского психоанализа (Hinshelwood, 1989), юнгианского психоанализа (Samuels и др., 1986), психоанализа и феминизма (Wright, 1992).

Бросается в глаза отсутствие в этом списке словаря лакановского психоанализа. Это не значит, что подобных словарей не существует; напротив, есть немало французских словарей, посвященных исключительно лакановским терминам (Chemama, 1993; Kaufman, 1994) и даже один юмористический лакановский словарь (Saint-Drome, 1994). Однако ни один из этих словарей не был переведен, поэтому англоязычным [впрочем, как и русскоязычным – прим. пер.] исследователям Лакана приходится обходиться без полезного справочного инструмента. Некоторые из статей словаря Лапланша и Понталиса (1967), а также словаря Элизабет Райт (1992) посвящены лакановским терминам, однако этого явно недостаточно. Некоторые из англоязычных изданий включают в себя глоссарии, дающие ключ к некоторым из лакановских терминов (например, Sheridan, 1977; Roustang, 1986), впрочем, лишь в небольшом количестве и с очень краткими описаниями. Таким образом, настоящий труд призван заполнить очевидный пробел в справочном материале по психоанализу.

Хотя многие отмечали ценность словаря как средства прояснения психоаналитических языков, мало кто полностью осознавал те опасности, которые связаны с его использованием. Одна из них заключается в том, что словарь уделяет внимание синхронической структуре языка, тем самым пренебрегая его диахроническим измерением. Поскольку все языки, включая и те, которые мы называем психоаналитическими, изменяются в процессе использования, они пребывают в состоянии непрерывного развития. Если не принимать во внимание этот факт, словарь может создать ложное впечатление, что языки представляют собой раз и навсегда данные, фиксированные сущности.

В данном словаре предпринимается попытка избежать этой опасности посредством этимологических прояснений, а также указаний на то, каким образом лакановский дискурс развивался на протяжении его творчества. Лакан посвятил разработке психоаналитической теории более пятидесяти лет, поэтому нет ничего удивительного в том, что за такой период времени его дискурс претерпел существенные изменения. Впрочем, эти изменения не всегда понимаются правильно. В общих чертах, существует два главных способа их неправильного прочтения. С одной стороны, некоторые комментаторы представляют развитие лакановской мысли в виде серии эффектных и неожиданных «эпистемологических разрывов»: например, 1953 г. в творчестве Лакана иногда рассматривается как точка радикально нового «лингвистического поворота». С другой стороны, некоторые впадают в иную крайность, видя в творчестве Лакана реализацию единого и неизменного замысла, предполагающего изначальную заданность всех его понятий.

Я старался избежать обеих крайностей, исследуя то, как различные термины лакановского дискурса претерпевали семантические изменения на протяжении всего его творчества. Демонстрируя постепенность этих изменений, я старался проблематизировать упрощенные представления об эпистемологических разрывах. Важным обстоятельством, упускаемым из виду апологетами подобных представлений, является то, что лакановские термины, приобретая новые значения, никогда при этом не утрачивали прежних: его теоретический словарь расширялся скорее посредством приращений, чем скачков. С другой стороны, указывая на изменения и семантические сдвиги, я надеялся развеять иллюзию, что лакановские понятия всегда существовали в некоем предзаданном виде (Лакан осуждал подобную иллюзию; Lacan, 1966c:67). Таким образом, мой подход дает возможность адекватно оценить и понять как постоянные, так и изменяющиеся и развивающиеся элементы лакановского учения.

Данный словарь содержит статьи о более чем двухстах терминах, использовавшихся Лаканом на протяжении всего его творчества. В него могли быть включены еще многие из его терминов, однако главным критерием отбора была частота их использования. Таким образом, читатель сможет найти здесь статьи о таких часто употребляемых терминах как «символическое», «невроз», и т.п.; однако такие редко употребляемые термины, как, например, «голофраза», в словарь включены не были.

В дополнение к часто употребляемым лакановским терминам в словаре можно также найти несколько терминов, к которым Лакан обращался редко или не обращался вовсе. К этой группе принадлежат термины, проясняющие исторический и теоретический контекст собственно лакановских понятий (например, «Кляйнианский психоанализ»), а также объединяющие под одним названием совокупность взаимосвязанных в его творчестве тем, которые иначе пришлось бы распределять по различным статьям (например, «половое различие»).

Помимо этих критериев, отбор терминов зависел также от моего собственного способа прочтения Лакана. Автор, рассматривающий Лакана с другой точки зрения, несомненно, предпочел бы выбрать другие термины. Мое прочтение Лакана, имплицитно проявляющееся в способе отбора терминов, вовсе не претендует на звание единственно верного и наилучшего. Это лишь еще одно прочтение среди прочих, столь же частичное и избирательное, как и любое другое.

Частичность и ограниченность данного словаря касается не только способа отбора терминов, но также количества источников. Данный словарь ссылается не на полное собрание сочинений Лакана, поскольку таковое еще не издано, а лишь на некоторые из его избранных работ (в основном на уже опубликованные, а также на несколько неопубликованных). Это обстоятельство определяет неизбежность существования в нем пробелов. Впрочем, как отмечал Лакан, «условием любого прочтения является, несомненно, существование накладываемых им на само себя ограничений» (S20, 62).

Таким образом, цель моего предприятия заключалась не в предоставлении труда, сравнимого по размаху и степени проработки с классическим словарем Лапланша и Понталиса. Его цель была куда скромнее: описать в общих чертах наиболее важные термины лакановского дискурса, поэтому в названии словаря и значится слово «вводный». В будущем, конечно, можно будет создать исчерпывающее, более подробное издание данного словаря, основанное на полном собрании сочинений Лакана; однако нынешнее вопиющее отсутствие какого бы то ни было англоязычного [впрочем, как и русскоязычного – прим. пер.] словаря лакановских терминов, оправдывает публикацию этой работы даже в столь незавершенном и рудиментарном состоянии. Этот словарь, следовательно, можно рассматривать в качестве сопротивления, являющегося, в лакановском смысле слова, «текущим состоянием толкования» (S2, 228).

Другим сознательным ограничением было сведение к минимуму количества ссылок на вторичные источники. Поэтому читатель найдет немного обращений к комментаторам Лакана и его интеллектуальным наследникам. Исключение современных лакановских аналитиков является не настолько серьезным упущением, как может показаться на первый взгляд, поскольку их работы в основном представляют собой *комментарии* к Лакану, а не оригинальные разработки его идей (работы Жака-Алена Миллера являются заметным исключением). В случае с учением Мелани Кляйн ситуация складывается кардинально

противоположным образом: ее идеи были существенно развиты такими ее последователями, как Паула Хайманн, Уилфред Бион, Дональд Мельцер и др.

Более серьезным упущением может показаться отказ от обращения к работам таких наиболее радикальных критиков Лакана, как Жак Деррида, Элен Сиксу и Люс Иригарей, а также тех, кто применяет его творчество в поле литературной критики или теории кино. Это упущение могут оправдать два важных обстоятельства. Во-первых, в англоговорящем мире часто забывают, что целью лакановского учения являлось, прежде всего, предоставление теоретического базиса для организации аналитиками более успешного процесса аналитического лечения. Исключением ссылок на применение лакановского наследия в сферах теории кино, литературной критики и феминизма я стараюсь подчеркнуть эту мысль и, тем самым, оказать противодействие царящему в англоязычной сфере пренебрежению клинической основой лакановского творчества. Во-вторых, я хочу подтолкнуть читателя к самостоятельному изучению Лакана, без предубеждений, почерпнутых у его последователей или критиков. Впрочем, я все-таки делаю исключение из данного правила в тех случаях, когда спор вокруг определенного термина представляется настолько существенным, что отсутствие каких-либо упоминаний о нем может ввести читателя в заблуждение (например, «фаллос», «взгляд»).

Мое решение сделать акцент на клинической основе лакановского творчества не связано с желанием исключить из поля заинтересованных Лаканом всех не аналитиков. Напротив, этот словарь обращен не только к психоаналитикам, но и к читателям, представляющим другие дисциплины. Лакан сам всячески поощрял дискуссии между психоаналитиками и философами, лингвистами, математиками, антропологами и др., а сегодня всевозрастающий интерес к лакановскому психоанализу проявляется и во многих других областях, особенно в теории кино, теории феминизма и литературной критике. Для тех, кто приступает к изучению лакановского психоанализа с точки зрения этих дисциплин, наибольшую трудность составляет именно неосведомленность относительно динамики самого психоаналитического лечения. Подчеркивая клиническую основу лакановской мысли, я стремлюсь поместить его термины в надлежащий им контекст и, таким образом, сделать их более понятными для читателей, не являющихся психоаналитиками. Я убежден в том, что это необходимо даже для тех читателей, которые хотели бы применять идеи Лакана в других областях, например, в теории культуры.

Другой проблемой для читателей, не имеющих психоаналитического образования, может стать незнание фрейдовской традиции, с которой работал Лакан. Для решения этой проблемы в большинстве статей данного словаря предоставляется краткое описание употребления того или иного термина самим Фрейдом. Вследствие своей краткости эти описания чреваты упрощением сложных понятий и вызовут, несомненно, некоторое недоумение у тех, кто хорошо знаком с творчеством Фрейда. Тем не менее, я надеюсь, что они смогут помочь незнакомым с Фрейдом читателям.

Учитывая широту той читательской аудитории, к которой обращен данный словарь, возникает вопрос об уровне сложности подачи материала. Ответом на этот вопрос стало решение варьировать уровень сложности в зависимости от тематики статей. Таким образом, базовое ядро статей, написанных достаточно доступным языком и описывающих наиболее фундаментальные термины лакановского дискурса (такие как «психоанализ», «стадия зеркала», «язык»), дополняется группой статей, обрисовывающих исторический контекст

развития этих терминов (например, «возвращение к Фрейду», «Международная Психоаналитическая Ассоциация», «школа», «семинар», «эго-психология»). Эти статьи, в свою очередь, отсылают читателя к более сложным текстам, написанным специальным языком и достаточно трудным для начинающего. Надеюсь, что такая структура поможет читателю лучше ориентироваться при перемещении по словарю. Впрочем, этот словарь не является «введением в Лакана»; на сегодняшний день уже существует более чем достаточно англоязычных вводных работ о Лакане (например, Benvenuto и Kennedy, 1986; Bowie, 1991; Grosz, 1990; Lemaire, 1970; Sagur, 1992), некоторые из которых действительно превосходны (например, Žižek, 1991; Leader, 1995). Данный словарь является, скорее, *вводным справочником*, путеводителем, с помощью которого читатель может найти ответ на конкретный вопрос или проработать определенную линию исследования. Он создавался не в качестве замены самого текста Лакана, но в качестве справочного пособия, использующегося при его чтении. Поэтому словарь изобилует ссылками на страницы лакановских произведений, позволяющими читателю свободно обращаться к первоисточнику, помещая тот или иной термин в его контекст.

Другая проблема касается перевода. Различные переводчики по-разному переводят лакановские термины на английский язык. Например, Алан Шеридан и Джон Форрестер переводят термины *sens* и *signification* как «значение» [англ. *meaning*] и «означивание» [англ. *signification*], а Стюарт Шнайдерман – как «смысл» [англ. *sense*] и «значение» [англ. *meaning*] соответственно. Энтони Уилден предпочитает переводить *parole* как «слово» [англ. *word*], а Шеридан – как «речь» [англ. *speech*]. Во всех случаях я следую за Шериданом, поскольку его переводы лакановских «*Écrits*» и «*The Seminar, Book XI, The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*» остаются на сегодняшний день основными для англоязычных читателей Лакана текстами. Во избежание возможной путаницы рядом с английскими переводами размещаются также оригинальные французские термины. Как и Шеридан, я оставляю некоторые из терминов непереуведенными (например, *jouissance*), опять же потому, что в англоговорящем лакановском дискурсе их употребление стало общепринятой практикой (хотя лично я согласен с критикой данной практики у Форрестера; см. Forrester, 1990:99–101).

Впрочем, в отличие от Шеридана, я оставляю алгебраические символы в их оригинальном виде. Например, я не перевожу символы *A* и *a* как *O* и *o* соответственно [от англ. *Other/other*], оставляя их в том виде, в котором их использовал Лакан. Такой подход является общепринятым при переводе Лакана на другие языки (например, испанский и португальский). Кроме того, Лакан предпочитал, чтобы его «строчные буквы» оставались непереуведенными. Более того, опыт разнообразных международных конференций, посвященных лакановскому психоанализу, наглядно показывает, что наличие базовых общих символов для говорящих на различных языках аналитиков может в значительной степени способствовать продуктивной дискуссии.

Перевод немецких терминов Фрейда я в основном заимствую из «*Полного собрания сочинений Зигмунда Фрейда*» под редакцией Джеймса Стрэйчи, за исключением термина «*Trieb*», который я перевожу как «влечение», а не как «инстинкт» (что является сегодня общепринятой практикой).

Другая, более фундаментальная проблема заключается в парадоксе, предполагаемом самим актом написания словаря лакановских терминов. Функция словаря обычно заключается в точном объяснении значения/значений каждого термина и устранении двусмысленности.

Однако вся суть лакановского дискурса заключается в подрыве любой попытки остановить непрерывное скольжение означаемого под означающим. Его стиль, известный своей сложностью и запутанностью, был, как утверждает Деррида, сознательно сконструирован «таким образом, чтобы предотвратить любые попытки установить неизменный доступ к изолируемому содержанию, к непротиворечивому, определяемому значению, находящемуся за пределами письма» (Derrida, 1975:420). Таким образом, попытка предоставить «исчерпывающие определения» лакановских терминов, как отмечает Алан Шеридан в предисловии переводчика к «*Écrits*», будет противоречить самой идее лакановского учения (Sheridan, 1977:vii). В кратком глоссарии лакановских терминов, расположенном в том же предисловии, Шеридан отмечает, что Лакан предпочитал, чтобы некоторые из его терминов оставались без всякого объяснения, «поскольку любые объяснения будут мешать их эффективной работе» (Sheridan, 1977:vii). В этих случаях, Лакан предпочитал оставлять «читателю возможность вырабатывать значение понятия в процессе его использования» (Sheridan, 1977:xi).

Может создаться впечатление, что вышеуказанные замечания противоречат моим первоначальным утверждениям о том, что словарь является идеальным способом прояснения лакановского наследия, поскольку ничто не может быть более чуждым самому духу его творчества, чем заключение его в словарную форму. Возможно это так. Очевидно, что никто еще не сумел научиться языку, читая словарь. Однако я не стремился предоставить «исчерпывающее определение» для каждого из лакановских терминов, а лишь пытался прояснить их сложность, показать, каким образом они изменяются на протяжении его творчества, а также помочь составить некоторое представление об общей архитектуре лакановского дискурса. Поскольку статьи организованы в алфавитном порядке, а не в определенной концептуальной последовательности, читатель может начать с любой точки, а затем обращаться по ссылкам к текстам самого Лакана и/или по перекрестным ссылкам к другим статьям в словаре. Таким образом, каждый читатель сможет проложить свой собственный путь через этот словарь, руководствуясь при этом, как сказал бы Лакан, лишь своим желанием знать.

Дилан Эванс
Лондон, июнь 1995 года

Формат словаря

За исключением случаев сохранения оригинального написания слова (например, *objet petit a*, *aphanisis*), название каждой статьи записывается на русском. В случае необходимости, русский термин сопровождается его английским/французским/немецким эквивалентами: в круглых скобках (если перевод термина давался в оригинале) или в квадратных скобках (если указывается английский вариант написания).

Использование мужского личного местоимения не следует понимать как ссылку исключительно на мужской пол.

Перекрестные ссылки на другие словарные статьи обозначены прописными буквами (например, ИСТЕРИЯ).

Внутритекстовые ссылки указывают на английские переводы, если таковые существуют, и на французские первоисточники в случае произведений, которые до сих пор не были опубликованы на английском языке.

[Ссылки на существующие русскоязычные переводы не указываются. Расположение статей с непереводаемыми названиями определяется по транскрипции. Например, статья «*jouissance*» (жоссанс) относится к букве «Ж», а «*cogito*» (когито) – к букве «К» – прим. пер.]

В случае указания на наиболее часто цитируемые работы, используются следующие аббревиатуры

- E Jacques Lacan, *Écrits. A Selection*, пер. Alan Sheridan, London: Tavistock Publications, 1977 (см. Приложение).
- Ec Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966 (см. Приложение).
- S1 Jacques Lacan, *The Seminar. Book I. Freud's Papers on Technique, 1953–54*, пер. с примечаниями John Forrester, New York: Norton; Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- S2 Jacques Lacan, *The Seminar. Book II. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis, 1954–55*, пер. Silvana Tomaselli, примечания John Forrester, New York: Norton; Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- S3 Jacques Lacan, *The Seminar. Book III. The Psychoses, 1955–56*, пер. Russell Grigg, примечания Russell Grigg, London: Routledge, 1993.
- S4 Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre IV. La relation d'objet, 1956–57*, ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1994.

- S7 Jacques Lacan, *The Seminar. Book VII. The Ethics of Psychoanalysis, 1959–60*, пер. Dennis Porter, примечания Dennis Porter, London: Routledge, 1992.
- S8 Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre VIII. Le transfert, 1960–61*, ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1991.
- S11 Jacques Lacan, *The Seminar. Book XI. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis, 1964*, пер. Alan Sheridan, London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis, 1977.
- S17 Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre XVII. L'envers de la psychanalyse, 1969–70*, ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1991.
- S20 Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre XX. Encore, 1972–73*, ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975.
- SE Sigmund Freud, *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud* (24 тома), перевод и редакция James Strachey в сотрудничестве с Anna Freud, при поддержке Alix Strachey и Alan Tyson, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis; New York: Norton, 1953–74.

Благодарности (авторские)

Благодарю Cambridge University Press и Norton за разрешение цитировать и воспроизводить рисунки из «*The Seminar. Book I. Freud's Papers on Technique, 1953–54*» (пер. John Forrester, с примечаниями John Forrester, Cambridge University Press, 1987) а также цитировать «*The Seminar. Book II. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis, 1954–55*» (пер. Sylvana Tomaselli, примечания John Forrester, Cambridge University Press, 1988).

Благодарю Norton за разрешение цитировать и воспроизводить рисунки из следующих публикаций, все за авторством Жака Лакана: «*Écrits: A Selection*» (пер. Alan Sheridan, New York: Norton, 1977); *Écrits* (Paris: Seuil, 1966); «*Le Séminaire. Livre IV. La relation d'objet*» (ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1994); «*Le Séminaire. Livre XVII. L'envers de la psychanalyse*» (ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1991); «*Le Séminaire. Livre XX. Encore*» (ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975).

Мои благодарности всем, кто различными способами помогал мне в создании этого словаря. Julia Borossa, Christine Bousfield, Vincent Dachy, Alison Hall, Eric Harper, Michele Julien, Michael Kennedy, Richard Klein, Darian Leader, David Macey, Alan Rowan, Gerry Sullivan, Fernando S.Teixeira Filho и Luke Thurston читали фрагменты черновиков и предлагали улучшения, так же, как и анонимный читатель Routledge. Разумеется, ответственность за ошибки полностью лежит на мне. Особая благодарность Luke Thurston за написание статьи о *sinthome*. Edwina Welham и Patricia Stankiewicz из Routledge курировали перевод от черновой версии до печатного варианта.

Остается только поблагодарить мою подругу, Marcela Olmedo, за ее терпеливую поддержку в ходе написания этого словаря, а также за ее помощь в оформлении иллюстраций.

Благодарности (переводчиков)

Выражаем благодарность всем, кто, так или иначе, поспособствовал нам в осуществлении этого проекта. В число этих людей входят как участники группы Лакановские Семинары на Философском Факультете, оставлявшие критические замечания к публикуемым переводам статей и поддерживавшие наше начинание положительными отзывами и репостами, так и посетители наших семинаров, неизменно дававшие нам пищу для размышлений своими вопросами.

Отдельная благодарность Дмитрию Жиляеву за деятельное и чрезвычайно эффективное содействие в подготовке финальной редакции перевода, а также вдумчивую и живую дискуссию, которая в значительной степени продвинула наше собственное понимание идей Лакана.

Даты жизни и творчества Жака Лакана

Ниже помещена краткая хронология, перечисляющая главные события в жизни Лакана. Эта хронология была составлена на основании информации, предоставленной Bowie (1991:204–13), Macey (1988: гл. 7) и, в особенности, Roudinesco (1986, 1993). Тем, кто интересуется более детальной информацией, я советую обратиться к следующим источникам: Forrester (1990: гл. 6), Miller (1981) и Turkle (1978). Для более сжатого ознакомления см. Clement (1981) и Schneiderman (1983).

- 1901 Жак Мари Эмиль Лакан родился 13 апреля в Париже, став первенцем Альфреда Лакана и Эмили Бодри.
- 1903 Рождение Мадлены, сестры Лакана (25 декабря).
- 1908 Рождение Марка-Франсуа, брата Лакана (25 декабря).
- 1910 Фрейд основывает Международную Психоаналитическую Ассоциацию (МПА).
- 1919 Лакан заканчивает среднее образование в *College Stanislas*.
- 1921 Лакан освобожден от военной службы по причине худощавости. В последующие годы он изучает медицину в Париже.
- 1926 Первая публикация Лакана появляется в «*Revue Neurologique*» [совместно с Th. Alajouanine и P. de Lafontaine – прим. пер.]. Основание *The Société Psychanalytique de Paris* (SPP).
- 1927 Лакан начинает клиническое обучение психиатрии.
- 1928 Лакан проходит обучение под руководством Гаэтана Гатиана де Клерамбо в специальной лечебнице для душевнобольных при полицейской префектуре.
- 1929 Брат Лакана, Марк-Франсуа, становится членом Бенедиктинского ордена.
- 1930 Лакан публикует свою первую самостоятельную статью в «*Annales Médico-Psychologiques*».
- 1931 Лакан увлекается сюрреализмом и встречается с Сальвадором Дали.
- 1932 Лакан издает свою докторскую диссертацию («*О параноидальном психозе и его отношении к личности*») и посылает копию Фрейду. Фрейд посылает в ответ открытку о получении.

- 1933 Две статьи Лакана появляются в журнале сюрреалистов «*Minotaure*». Александр Кожев начинает читать лекции о «Феноменологии духа» Гегеля в *École des Hautes Études*. В последующие годы Лакан регулярно посещает эти лекции.
- 1934 Лакан, проходя анализ у Рудольфа Левенштейна, присоединяется к SPP в качестве кандидата в ряды его членов. В январе он женится на Марии-Луизе Блондин, в том же месяце рождается их первый ребенок – Каролина.
- 1935 Марк-Франсуа Лакан становится священником.
- 1936 3 августа Лакан представляет доклад о стадии зеркала на четырнадцатом конгрессе МПА в Мариенбаде. Он начинает свою частную психоаналитическую практику.
- 1938 Лакан становится членом SPP, а его статья о семье публикуется в «*Encyclopédie Française*». После гитлеровской аннексии Австрии Фрейд покидает Вену и переезжает в Лондон; по пути в Лондон он проезжает через Париж, но Лакан не идет на маленькое собрание, организованное в честь этого приезда.
- 1939 В августе родился Тибо, второй ребенок Лакана и Марии-Луизы. 23 сентября, в возрасте восьмидесяти трех лет, в Лондоне умирает Фрейд. После нападения Гитлера на Францию SPP прекращает свое существование. Во время войны Лакан работает в парижском военном госпитале.
- 1940 В августе рождается Сивилла, третий ребенок Лакана и Марии-Луизы.
- 1941 Сильвия Батай, отдельно проживающая жена Жоржа Батая, рождает Жюдит. Хотя Жюдит является дочерью Лакана, она получает фамилию Батай, поскольку Лакан все еще женат на Марии-Луизе. Мария-Луиза требует развода.
- 1945 После освобождения Франции SPP снова начинает проводить встречи. Лакан путешествует по Англии, где на протяжении пяти недель изучает положение психиатрии в годы войны. Объявлен официальный разрыв с Марией-Луизой.
- 1947 Лакан публикует отчет о своем визите в Англию.
- 1949 17 июля, на шестнадцатом конгрессе МПА в Цюрихе, Лакан представляет второй доклад о стадии зеркала.
- 1951 Лакан начинает проводить семинары в квартире Сильвии Батай, на улице Лилль, 3. В это время Лакан уже является вице-президентом SPP. В ответ на использование Лаканом сеансов с переменной длительностью, проверяющая комиссия SPP требует от него соблюдения правил. Лакан обещает соответствовать этому требованию, но продолжает варьировать длительность сеансов.

- 1953 Лакан женится на Сильвии Батай. Становится президентом SPP. В июне Даниэль Лагаш, Жюльета Фаве-Бутонье и Франсуаза Дольто уходят из SPP и создают *Société Franchise de Psychanalyse* (SFP). Вскоре после этого Лакан тоже уходит из SPP и присоединяется к SFP. 8 июля Лакан открывает инаугурационную встречу SFP, на которой читает лекцию о «символическом, воображаемом и реальном». Ему сообщают в письме, что в результате ухода из SPP он больше не является членом МПА. В сентябре Лакан посещает шестнадцатую Конференцию по Психоанализу Романских Языков в Риме; доклад, подготовленный им для этого случая («*Функция и поле речи и языка в психоанализе*») [также известный как «*Римская речь*» – прим. пер.], оказывается слишком длинным для того, чтобы его можно было прочесть вслух, поэтому его печатные копии раздают участникам. В ноябре Лакан начинает первый публичный семинар в госпитале Святой Анны. Этот семинар будет продолжаться двадцать семь лет и станет впоследствии основной платформой лакановского учения.
- 1954 МПА не принимает заявку о присоединении, поданную SFP. Хайнц Хартманн в личном письме Даниэлю Лагашу пишет, что главной причиной отказа является присутствие в рядах SFP Лакана.
- 1956 SFP снова подает заявку о вступлении в МПА. В ответ снова получает отказ. Лакан опять становится камнем преткновения.
- 1959 SFP снова подает заявку о вступлении в МПА. На этот раз МПА создает комитет для рассмотрения заявки SFP.
- 1961 Комитет МПА приезжает в Париж для проведения интервью с членами SFP и пишет отчет. По результатам этого отчета МПА отказывает SFP во вступлении в качестве члена общества, но вместо этого дает ей статус «исследовательской группы» до дальнейшего расследования.
- 1963 Комитет МПА продолжает проводить интервью с членами SFP и пишет новый отчет, в котором рекомендует SFP к вступлению в качестве члена общества на том условии, что Лакан и два других аналитика будут удалены из списка обучающихся аналитиков. В этом отчете также отмечается, что Лакану должно быть навсегда отказано в праве обучения, а обучающимся аналитикам – в праве посещения его семинара. Лакан позднее будет говорить об этом как об «отлучении». Лакан уходит из SFP.
- 1964 В январе Лакан перемещает свой публичный семинар в *École Normale Supérieure*, а в июне основывает собственную организацию, *École Freudienne de Paris* (EFP).
- 1965 Роспуск SFP.
- 1966 Избранные произведения Лакана публикуются в сборнике под названием «*Écrits*». Лакан читает доклад на конференции в Университете Джона Хопкинса в Балтиморе.

- 1967 Лакан предлагает учредить «переход», новую процедуру в ЕФР, посредством которой члены общества могут получать признание конца своего анализа.
- 1968 Лакан симпатизирует студенческим протестам в Мае. Последователями Лакана в Венсенском Университете (Париж VIII) учреждается Факультет психологии, который открывает свои двери в декабре, во время продолжающихся студенческих демонстраций.
- 1969 Публичный семинар Лакана перемещается на *Faculté de Droit*.
- 1973 Отредактированная рукопись лакановского семинара 1964 г. «*Четыре основные понятия психоанализа*» выходит в свет в издательстве *Éditions du Seuil*; это первый опубликованный семинар Лакана.
- 1975 Лакан посещает США, где читает лекции в Йельском университете и Массачусетском технологическом институте. Встречается с Ноамом Хомским.
- 1980 После ожесточенных дебатов внутри ЕФР, Лакан распускает эту организацию, создавая вместо нее *Cause Freudienne*. Он посещает международную конференцию лакановских аналитиков в Каракесе.
- 1981 *Cause Freudienne* расформировывается, а вместо нее возникает *École de la Cause freudienne*. Лакан умирает 9 сентября в Париже в восьмидесятилетнем возрасте.

Вводный словарь лакановского психоанализа

А

автономное ЭГО

(англ. *autonomous ego*) Термин «автономное эго» был предложен сторонниками ЭГО-ПСИХОЛОГИИ. Согласно их представлениям, ЭГО становится автономным благодаря достижению гармоничного баланса между примитивными влечениями и диктатом реальности. Таким образом, понятие автономного эго является синонимом «сильного эго», «хорошо адаптированного эго», «здорового эго». Последователи эго-психологии рассматривают психоанализ как процесс, помогающий эго анализанда стать автономным: предполагается, что данная цель достигается посредством идентификации анализанда с сильным эго аналитика.

Лакан критически относится к понятию автономного эго (см. Е, 306–7). Он утверждает, что эго не свободно, но определяемо символическим порядком. Автономия эго является нарциссической иллюзией господства. В действительности автономией обладает только символический порядок, а не эго.

агрессивность

(фр. *agressivité*; англ. *aggressivity*) Тема агрессивности является одной из центральных в произведениях Лакана в период с 1936 г. до начала 1950-х гг. Прежде всего, следует отметить, что Лакан проводит различие между агрессивностью и агрессией: последняя отсылает только к актам насилия, в то время как первая является фундаментальным отношением, которое определяет появление не только подобных актов, но и множества других феноменов (см. S1, 177). Лакан утверждает, что агрессивность присутствует в актах любви так же, как и в актах насилия, она «лежит в основе деятельности филантропа, идеалиста, педагога, и даже реформатора» (Е, 7). В этом смысле, Лакан переосмысляет фрейдовскую концепцию амбивалентности (взаимозависимости любви и ненависти), которую он полагает одним из фундаментальных открытий психоанализа.

Лакан связывает агрессивность с дуальными отношениями между эго и его двойником. На СТАДИИ ЗЕРКАЛА младенец рассматривает свое отражение в зеркале как целостность, контрастирующую со слабой координацией его реального тела: этот контраст переживается

как агрессивное напряжение между зеркальным образом и реальным телом, поскольку кажется, будто целостность образа угрожает телу распадом и фрагментацией (см. ФРАГМЕНТИРОВАННОЕ ТЕЛО).

Таким образом, последующая идентификация с зеркальным образом предполагает амбивалентное отношение к двойнику, включающее в себя как эротику, так и агрессию. Эта «эротическая агрессия» определяет амбивалентность всех будущих форм идентификации и является существенной характеристикой нарциссизма. Поэтому нарциссизм может легко переходить от крайней самовлюбленности к «нарциссической суицидальной агрессии» (*agression suicidaire narcissique*) (Ес, 187).

Ассоциируя агрессивность с воображаемым порядком эроса, Лакан существенно расходится с Фрейдом, рассматривавшим агрессивность в качестве внешнего проявления влечения к смерти (которое, согласно Лакану, принадлежит не воображаемому, а символическому порядку). Также он ассоциирует агрессивность с гегелевским понятием борьбы не на жизнь, а на смерть [англ. *fight to the death*], являющимся одним из этапов диалектики раба и господина.

Лакан утверждает, что агрессивность анализанда необходимо привести в действие на самом раннем этапе лечения, заставив ее проявиться в негативном переносе. Агрессивность, направленная на аналитика, становится впоследствии «первоначальным узлом аналитической драмы» (Е, 14). Эта фаза лечения очень важна, поскольку если агрессивность была правильно воспринята аналитиком, то ее проявления будут сопровождаться «явным уменьшением глубинного сопротивления со стороны пациента» (Lacan, 1951b:13).

адаптация

(фр., англ.: *adaptation*) Адаптация является биологическим понятием (см. БИОЛОГИЯ); предполагается, что организмы вынуждены адаптироваться, чтобы соответствовать окружающей среде. Адаптация подразумевает гармоничное отношение между *Innenwelt* (внутренним миром) и *Umwelt* (внешним миром).

ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ применяет понятие адаптации к психоанализу, объясняя невротические симптомы с точки зрения недостаточно адаптированного поведения (например, использование архаических защитных механизмов в ситуации, в которой они уже неэффективны). Она утверждает, что цель психоаналитического лечения заключается в том, чтобы помочь пациенту адаптироваться к реальности.

Уже в ранних работах 1930-х гг. Лакан выступает против любых попыток объяснения человеческих феноменов с точки зрения адаптации (см. Lacan, 1938:24; Ес, 158; Ес, 171–2). Критика адаптативного подхода является постоянной темой в творчестве Лакана; в 1955 г., например, он утверждает, что «измерение, открытое анализом противоположно всему, что стремится к адаптации» (S2, 86). Он занимает эту позицию по нескольким причинам:

1. Интерес к адаптивной функции эго игнорирует его отчуждающую функцию и основан на упрощенном представлении о «реальности». Реальность является не какой-то объективной данностью, к которой должно адаптироваться эго, а результатом его собственных

недоразумений и проекций. Поэтому «вопрос состоит не в адаптации к ней [реальности], но в демонстрации того, что оно [эго] слишком адаптировано, поскольку само создает эту реальность» (Е, 236). Задача психоанализа заключается в подрыве иллюзорного смысла адаптации, так как последний блокирует доступ к бессознательному.

2. Если целью лечения является адаптация, то аналитик превращается в арбитра адаптированности пациента. Таким образом, собственное «отношение аналитика к реальности не проблематизируется» (Е, 230); автоматически предполагается, что аналитик адаптирован лучше, чем пациент. Это обстоятельство неизбежно превращает психоанализ в инструмент власти, с помощью которого аналитик заставляет пациента принять его собственное понимание реальности; это не психоанализ, а СУГГЕСТИЯ.

3. Идея гармонии между организмом и его средой, имплицитно присущая понятию адаптации, неприменима к человеку, поскольку вписанность человека в символический порядок вырывает его из порядка природы и приводит к тому, что «воображаемое отношение человека [к природе] отклоняется». В то время как «все животные машины [англ. *animal machines*] прикреплены к условиям внешней среды» (S₂, 322), для человека характерен «определенный биологический разрыв» (S₂, 323; см. РАЗРЫВ). Любая попытка обрести гармонию с природой игнорирует сущностно избыточный потенциал влечения, суммирующийся во влечении к смерти. Люди по существу являются плохо адаптированными.

Лакан утверждает, что фокус эго-психологии на адаптации пациента к реальности сводит психоанализ к инструменту социального контроля и управления. Он видит в этом полное предательство психоанализа, который рассматривается им как сущностно подрывная практика.

Лакан считает неслучайным то обстоятельство, что тема адаптации была разработана теми европейскими психоаналитиками, которые эмигрировали в США в конце 1930-х гг. и были вынуждены не только адаптироваться к жизни на новом месте, но и адаптировать психоанализ к американским вкусам (Е, 115).

алгебра

(фр. *algèbre*; англ. *algebra*) Алгеброй называется раздел МАТЕМАТИКИ, в котором решение задач сводится к управлению символическими выражениями. Впервые формализовать психоанализ с помощью алгебраических символов Лакан пытается в работе 1955 г. (см. СХЕМА L). Эта попытка обусловлена тремя основными факторами:

1. Формализация психоанализа необходима для приобретения им статуса науки (см. НАУКА). Подобно тому, как Клод Леви-Стросс использует квази-математические формулы, чтобы обеспечить научный фундамент антропологии, Лакан пытается сделать то же самое для психоанализа.

2. Формализация может предоставить ядро психоаналитической теории, которое впоследствии может быть целостно передано даже тем, кто никогда не проходил психоаналитического лечения. Поэтому формулы мыслятся в качестве существенного аспекта

обучения психоаналитиков и ставятся в один ряд с обучающим анализом как средством передачи психоаналитического знания.

3. Формализация психоаналитической теории посредством алгебраических символов должна предотвратить интуитивное понимание психоанализа, которое Лакан считал уловкой воображаемого, преграждающей доступ к символическому. Вместо того чтобы постигаться интуитивным образом, алгебраические символы должны использоваться, управляться и читаться различными способами (см. E, 313).

Большинство английских переводчиков лакановских текстов обычно переводят и его алгебраические символы. Так, например, Алан Шеридан в своем переводе *Écrits* переводит символ A (обозначающий *Autre*) как O (англ. *Other* [Другой]). Как отмечает сам Шеридан, Лакан относился к подобной практике отрицательно (Sheridan, 1977:xi). В данном словаре, в согласии с предпочтениями Лакана, было сохранено оригинальное французское написание всех алгебраических символов.

Алгебраические символы используются главным образом в МАТЕМАХ, СХЕМЕ L и ГРАФЕ ЖЕЛАНИЯ. Все они приведены ниже, вместе со своими наиболее общими значениями. Важно помнить, что символы не всегда относятся к одним и тем же понятиям в лакановской теории, но используются различным образом в ходе ее развития. Наиболее ярким примером такого изменения является изменение значения символа a, использование которого в 1950-х гг. кардинально отличается от его использования в 1960-х гг.. Впрочем, даже использование терминов с относительно стабильным значением порой изменяется; например, символ s, почти всегда символизирующий означаемое, в одном из алгоритмов используется для обозначения субъекта, предположительно знающего (см. Lacan, 1967). Поэтому обращение с нижеследующим списком требует определенной осторожности.

A = большой Другой

\mathcal{A} = зачеркнутый Другой

a = (см. *objet petit a*)

a' = (см. *objet petit a*)

S = 1. (до 1957 г.) субъект

2. (с 1957 г.) означающее

3. (в схемах о Саде) чистый субъект удовольствия

\mathcal{S} = зачеркнутый субъект

S₁ = господское означающее

S₂ = цепь означающих/знание

s = означаемое (в сосюрковском алгоритме)

S(A) = означающее нехватки в Другом

s(A) = означивание Другого (сообщение/симптом)

D = требование [фр. *demande*]

d = желание [фр. *désir*]

m = эго (*moi*)

i = зеркальный образ [англ. *the specular image*] (схема R)

$i(a)$ = 1. зеркальный образ (граф желания)

2. идеальное эго (оптическая модель)

I = эго-идеал [англ. *the ego-ideal*] (схема R)

$I(A)$ = эго-идеал (граф желания)

Π = реальный фаллос

Φ = символический фаллос [фи прописная – прим. пер.]

ϕ = воображаемый фаллос [фи строчная – прим. пер.]

$(-\phi)$ = кастрация [минус фи строчная – прим. пер.]

S = символический порядок (схема R)

R = поле реальности [англ. *the field of reality*; очевидно, у Эванса ошибка: должно быть «поле реального» – прим. пер.] (схема R)

I = порядок воображаемого (схема R)

P = символический отец/Имя-Отца

p = воображаемый отец

M = символическая мать

J = *jouissance*

$J\Phi$ = фаллический *jouissance* [Употребление символа $J\Phi$ (джей прописная, фи прописная) здесь и далее основано на диаграммах XXII семинара. Следует оговориться, что уже в XXIII семинаре Лакан использует в тех же диаграммах символ $J\phi$ (джей прописная, фи строчная).

Использование у Эванса этого символа также несистематично – прим. пер.]

JA = *jouissance* другого

E = утверждение

e = проговаривание [англ. *enunciation*]

V = воля к наслаждению (*volonté de jouissance*)

Типографические детали и диакритики имеют в лакановской алгебре очень большое значение. Различие между прописными и строчными символами, использование курсива, апострофа, знака минуса, подстрочного индекса – все эти детали играют определенную роль в алгебраической системе. Например, прописные буквы обычно указывают на символический

порядок, а строчные – на воображаемый. Использование черты также несет определенное значение, которое подчас изменяется даже внутри одной и той же формулы.

анализанд/психоанализанд

(фр. *analysant/psychanalysant*; англ. *analysand/psychoanalysand*) До 1967 г. для обозначения человека, проходящего процесс психоаналитического лечения, Лакан использовал термин «пациент» (фр., англ. *patient*), «субъект», или «*(psych)analysé*». В 1967 г. он вводит термин «*(psych)analysant*» [(псих)анализант – прим. пер.], основанный на английском термине «*(psycho)analysand*» [(психо)анализанд] (Lacan, 1967:18). Лакан предпочитает этот термин потому, что он, будучи извлеченным из герундия, предполагает, что основную работу делает тот, кто лежит на кушетке. В отличие от «*(psych)analysant*», термин «*(psych)analysé*» имеет пассивную форму, предполагающую меньшую степень участия в аналитическом процессе. По мысли Лакана, анализанд не «анализируется» аналитиком, он сам производит собственный анализ, задача же аналитика заключается в обеспечении успешности этого процесса.

aphanisis

Буквальный перевод этого греческого термина – «исчезновение». Он был впервые введен в психоаналитическую теорию Эрнестом Джонсом, который использовал его для обозначения «исчезновения сексуального желания» (Jones, 1927). Согласно Джонсу, страх *aphanisis* могут испытывать представители обоих полов. В случае мальчиков его проявлением является комплекс кастрации, а в случае девочек – зависть к пенису.

Лакан заимствует этот термин у Джонса, коренным образом изменяя его значение. Лакан понимает под *aphanisis* не исчезновение желания, но исчезновение субъекта (см. SII, 208). *Aphanisis* субъекта является угасанием субъекта, фундаментальной разделенностью субъекта (см. РАСЩЕПЛЕНИЕ), вызывающей к жизни диалектику желания (см. SII, 221). Поскольку целью невротика является *aphanisis*, исчезновение желания является для невротика не объектом страха, а как раз наоборот – его целью, он пытается защитить себя от собственного желания, отложить его в сторону (S8, 271).

Также в качестве синонима «*aphanisis*» Лакан использует термин «угасание» [англ. *fading*]. Под «*fading*» (Лакан использует английское слово) подразумевается исчезновение субъекта в процессе отчуждения. Лакан пользуется этим термином для описания МАТЕМ влечения и фантазма: субъект «угасает» или «исчезает» перед лицом требования и перед лицом объекта, что в математиках обозначается чертой, зачеркивающей знак субъекта.

аффект

(фр., англ. *affect*) В работах Фрейда термин «аффект» противопоставляется термину «идея». Оппозиция аффективного и интеллектуального является одной из древнейших тем философии, проникшей в словарь Фрейда через немецкую психологию.

Согласно Лакану, однако, эта оппозиция не является действительной для поля психоанализа, поскольку она «более всего противна психоаналитическому опыту и более всего препятствует пониманию его сути» (S1, 274).

Отвечая тем, кто обвинял его в преувеличении роли интеллекта и отрицании значения аффекта, Лакан утверждал, что само это различие является ложным (он отмечал также, что критика чрезмерной интеллектуальности зачастую является оправданием непоследовательного мышления – см. E, 171). Психоаналитическое лечение основано на символическом порядке, в котором противоположность между аффектом и интеллектом полностью преодолевается. С одной стороны, психоаналитическое лечение «это не аффективные обнималки-целовалки [*smoochy-woochy*]» (S1, 55), с другой – это и не чисто интеллектуальное дело: «Мы не имеем здесь дело с интеллектуальным измерением» (S1, 274). Лакановский психоаналитик должен отдавать себе отчет в том, что и «аффективные обнималки-целовалки», и интеллектуализация могут быть воображаемыми уловками эго, формами сопротивления анализу. Тревога является единственным аффектом, который никогда не обманывает.

Лакан не соглашается с аналитиками, признающими первичность аффективного, так как последнее не является противоположностью интеллектуального: «Аффективность не обладает какой-то особой плотностью, которая позволяет ей избегать рационализации. Она не существует в некоем мифическом пространстве, находящемся за пределами производства символа и предшествующем дискурсивной формализации» (S1, 57). Впрочем, он также отвергает обвинения в преуменьшении роли аффекта, указывая на то, что целый год его семинара был посвящен исключительно анализу тревоги (Lacan, 1973a:38).

Лакан не предлагает общей теории аффектов, но касается их постольку, поскольку они оказывают влияние на психоаналитическое лечение. Он настаивает на отношении аффекта к символическому порядку; аффект означает что субъект аффектирован своим отношением к Другому. Лакан утверждает, что аффекты представляют собой сигналы, а не означающие (S7, 102–3), и подчеркивает мысль Фрейда о том, что вытеснение происходит не на уровне аффекта (который может быть только трансформирован или смещен), а на уровне репрезентирующей идеи (в лакановской терминологии – означающего) (Eс, 714).

Комментарии Лакана относительно аффекта имеют важные последствия для клинической практики. Во-первых, для того, чтобы направить лечение в нужную сторону, аналитику необходимо переосмыслить с точки зрения символической структуры все психоаналитические понятия, традиционно интерпретирующиеся с точки зрения аффектов (например, перенос).

Во-вторых, аффекты представляют собой уловки, призванные обмануть аналитика. Следовательно, аналитик должен остерегаться быть обманутым собственными аффектами.

Это значит, что он должен не игнорировать свои чувства к пациенту, но уметь адекватно ими распоряжаться (см. КОНТРПЕРЕНОС).

Наконец, целью психоаналитического лечения является не восстановление прошлых переживаний и не абреакция [повторное переживание травматического события, с целью дать выход избытку сдерживаемых эмоций – прим. пер.] аффекта, но словесная артикуляция истины желания.

Другим термином лакановского дискурса, имеющим отношение к «аффекту», но отличающимся от него, является термин «страсть». Лакан говорит о «трех фундаментальных страстях»: любви, ненависти и невежестве (S1, 271); такая классификация является результатом обращения к буддистской мысли (E, 94). Эти страсти не являются воображаемыми феноменами, но размещаются в точках пересечения трех порядков.

Б

безумие

(фр. *folie*; англ. *madness*) Употребляя термин «безумие» или говоря о ком-то как о «безумце», Лакан обычно подразумевает ПСИХОЗ: «Психозы... соответствуют тому, что всегда называли и продолжают заслуженно называть *безумием*» (S3, 4). Лакан добавляет, что «нет причин отказывать себе в удовольствии пользоваться этим термином» (S3, 4). Таким образом, совершенно не полагая этот термин унижительным или уничижительным, Лакан ценит его за поэтические коннотации и допускает его употребление только в качестве синонима психоза. Так, например, в 1946 г. Лакан хвалит французского психиатра Анри Эй [англ. *Henri Ey*] за «настойчивое сохранение этого термина» (Ес, 154).

Bejahung

В «*Ответе на комментарий Жана Инполита относительно «Negation» Фрейда*» (Lacan, 1954b), Лакан описывает первоначальный акт утверждения, предшествующий любому акту ОТРИЦАНИЯ. Этот акт утверждения Лакан обозначает немецким термином «*Bejahung*» (утверждение; англ. *affirmation*), взятый у Фрейда (Ес, 387; см. Freud, 1925h). Если отрицание относится к тому, что Фрейд называл «суждениями существования», то *Bejahung* предполагает нечто более фундаментальное – первичный акт символизации как таковой, включение чего-либо в символический мир. Только после того, как объект символизирован (на уровне *Bejahung*), к нему могут быть отнесены атрибуты существования или не существования (отрицания).

В качестве альтернативы *Bejahung* Лакан рассматривает психотический механизм ФОРКЛЮЗИИ. В отличие от *Bejahung* – первоначального включения чего-либо (например, Имени-Отца) в символическое – форклюдия предполагает первоначальную невозможность осуществить это включение (S3, 82).

беспомощность

(фр. *détresse*; англ. *helplessness*) Термин «беспомощность» (нем. *Hilflosigkeit*) имеет особое значение в работах Фрейда и обозначает определенное состояние новорожденного, который, будучи неспособным осуществлять действия, необходимые для удовлетворения собственных ПОТРЕБНОСТЕЙ, оказывается полностью зависимым от других людей (особенно от МАТЕРИ).

Беспомощность человеческого младенца обусловлена преждевременностью его появления на свет. Этот факт был отмечен еще Фрейдом и впоследствии использовался Лаканом в его ранних произведениях. По сравнению с другими животными, например, обезьянами, человеческий младенец рождается относительно несформированным, особенно это касается координации движений. Это значит, что он больше и дольше, чем другие животные, зависит от своих родителей.

Вслед за Фрейдом, Лакан подчеркивает значение первоначальной зависимости человеческого младенца от матери. Оригинальность мысли Лакана заключается в том, что он обращает внимание «на то, что эта зависимость поддерживается миром языка» (E, 309). Мать интерпретирует крик ребенка как индикатор голода, усталости, одиночества и пр. и ретроактивно определяет его значение (см. ПУНКТУАЦИЯ). Беспомощность ребенка контрастирует с всемогуществом матери, которая решает, удовлетворять его потребности или нет (S4, 69, 185). Признание этого контраста вызывает у ребенка депрессивную реакцию (S4, 186).

Также понятием беспомощности Лакан обозначает чувства брошенности и субъективного лишения, которые ощущает анализанд в КОНЦЕ АНАЛИЗА: «В конце обучающего анализа субъект должен достичь и познать всю глубину переживания полного смятения» (S7, 304). Конец анализа понимается Лаканом не как достижение некой блаженной завершенности, но, напротив, как тот момент, когда субъект встречается с крайним одиночеством. Однако если младенец может надеяться на помощь матери, анализанд в конце анализа «не может больше рассчитывать ни на чью помощь» (S7, 304). Если это утверждение производит впечатление весьма аскетического взгляда на психоаналитическое лечение, то именно такого взгляда и придерживается Лакан: психоанализ, по его словам, представляет собой «длительную субъективную аскезу» (E, 105).

бессознательное

(фр. *inconscient*; англ. *unconscious*) Хотя термин «бессознательное» употреблялся и до Фрейда, именно в его работах он приобрел особенное значение, став одним из ключевых понятий его учения.

Фрейд различает два способа использования термина «бессознательное» (Freud, 1915e). Как прилагательное этот термин обозначает психические процессы, не находящиеся в данный момент в поле сознания субъекта. Как существительное («*das Unbewußte*») он обозначает одну из психических систем, описанных Фрейдом в его первой теории психической структуры

(т.н. «топографическая модель»). Согласно этой теории, психика разделена на три системы или «психические локальности»: сознание, предсознательное и бессознательное. Система бессознательного представляет собой нечто, не просто находящееся в данный момент вне поля сознания, но радикально отделенное от сознания посредством вытеснения и неспособное, поэтому, войти в сознательно-предсознательную систему не исказив ее.

В рамках второй теории психической структуры (т.н. «структурная модель»), Фрейд разделяет психику на три «агента»: эго, супер-эго и Ид. Ни один из психических агентов не тождественен бессознательному, поскольку даже эго и супер-эго имеют бессознательные элементы.

До 1950 г. Лакан использует термин «бессознательное» только в качестве прилагательного. По этой причине ранние работы Лакана могут показаться особенно странными исследователям, знакомым с учением Фрейда. Однако с 1950-х гг., когда Лакан начинает свое «возвращение к Фрейду», термин все чаще употребляется им как существительное. В то же время, Лакан подчеркивает оригинальность фрейдовского понятия бессознательного, указывая, что оно не является простой противоположностью сознания: «Многие из психических явлений, которые можно вполне оправданно называть бессознательными в смысле исключенности из них характеристик сознания, не имеют при этом никакого отношения к бессознательному во фрейдовском смысле слова» (Е, 163). Также Лакан настаивает, что бессознательное не тождественно тому, «что было вытеснено».

Лакан заявляет, что понятие бессознательного было превратно понято большинством последователей Фрейда, которые подразумевали под ним «простоеместилище инстинктов» (Е, 147). Выступая против подобной биологизации, Лакан утверждает, что «бессознательное не является ни врожденным, ни инстинктивным» (Е, 170), но имеет лингвистическую природу. Эта мысль находит концентрированное выражение в знаменитом афоризме Лакана: «Бессознательное структурировано как язык» (S₃, 167; см. ЯЗЫК, СТРУКТУРА). Анализ бессознательного как синхронической структуры Лакан дополняет идеей открытия и закрытия бессознательного, его временной пульсации (S_{II}, 143, 204).

Некоторые психоаналитики критиковали лингвистический подход Лакана к бессознательному за его ограничительный характер, ссылаясь при этом на то, что Фрейд исключал слова-представления из бессознательного (S₇, 44; для лакановского опровержения этих возражений, см. ВЕЩЬ). Лакан оправдывал лингвистический подход, утверждая, что бессознательное структурировано как язык потому, что «мы можем иметь дело с бессознательным только тогда, когда оно изложено, и только с той его частью, которая была словесно артикулирована» (S₇, 32).

Лакан описывает бессознательное как дискурс: «Бессознательное – это дискурс Другого» (Ес, 16; см. ДРУГОЙ). Эта загадочная фраза, ставшая одним из самых знаменитых афоризмов Лакана, может трактоваться различными способами. Одна из наиболее важных ее интерпретаций предполагает, что «под бессознательным необходимо понимать воздействия, оказываемые речью на субъекта» (S_{II}, 126). Точнее, бессознательное представляет собой совокупность воздействий ОЗНАЧАЮЩЕГО на субъекта. При этом, означающее является тем, что вытеснено и что возвращается в образованиях бессознательного (симптомах, шутках, ошибочных действиях, снах и пр.).

Судя по многочисленным отсылкам к языку, речи, дискурсу и означающему, очевидно, что бессознательное принадлежит порядку СИМВОЛИЧЕСКОГО. Действительно, «бессознательное структурировано как функция символического» (S7, 12). Бессознательное является формой детерминации субъекта символическим порядком.

Бессознательное не находится «внутри»: напротив, оно «трансиндивидуально», поскольку речь и язык являются интерсубъективными феноменами (E, 49); бессознательное находится, если можно так выразиться, «снаружи». «Суть бессознательного определяется внешним по отношению к человеку положением символического» (Eс, 469). Видимость того, что бессознательное находится «внутри» является следствием воздействия воображаемого, блокирующим отношение между субъектом и Другим, а также инвертирующим сообщение Другого.

Хотя бессознательное наиболее отчетливо проявляется в образованиях бессознательного, «оно не дает ни одному из наших действий выйти за пределы своего поля» (E, 163). Законы бессознательного – повторение и желание – так же повсеместны, как и сама его структура. Поскольку бессознательное нередуцируемо, целью анализа не может быть его превращение в сознание.

Кроме различных лингвистических метафор, используемых в качестве способов концептуализации бессознательного (дискурс, язык, речь), Лакан описывает его и в других терминах.

- **ПАМЯТЬ** Бессознательное является также видом памяти, символической историей означающих, определяющих жизненный путь субъекта: «То, что мы учим субъекта распознавать в качестве своего бессознательного, является его историей» (E, p. 52).

- **ЗНАНИЕ** Поскольку означающие артикулируются в цепи означающих, бессознательное представляет собой вид знания (символического знания, или *savoir*). Точнее, оно является «незнаемым знанием».

БИОЛОГИЯ

(фр. *biologie*; англ. *biology*) В своих работах Фрейд часто обращается к биологии, рассматривая последнюю в качестве модели строгого научного исследования, на основе которой должна быть выстроена новая наука – психоанализ. Лакан, однако, выступает против любых попыток построения психоанализа на основе биологической модели, поскольку непосредственное приложение к психоанализу биологических (или этологических/психологических) понятий (например, АДАПТАЦИИ) неизбежно приведет к заблуждению и забвению существенного различия между ПРИРОДОЙ и культурой. Согласно Лакану, биологическое объяснение упускает из виду первичность для человеческого существования символического порядка. Подобный «биологизм» проявляется, по его мнению, в творчестве психоаналитиков, отождествивших желание с потребностью, а влечения с инстинктами. Лакан настаивает на проведении различий между этими понятиями.

Подобные аргументы появляются уже в самых ранних психоаналитических работах Лакана. Например, в своей статье о семье 1938 г. он критикует попытки объяснения семейных структур на основе биологических данных, утверждая, что психология человека управляется комплексами, а не инстинктами (Lacan, 1938:23-4).

По мысли Лакана, отказ от биологического редукционизма не только не противоречит мысли Фрейда, но, напротив, является возвращением к сущности его учения. Фрейд использовал биологические модели потому, что в его время они считались образцом научной строгости в целом, а также потому, что предположительные науки [англ. *conjectural sciences*] еще не обладали на тот момент подобным уровнем точности. Безусловно, Фрейд не отождествлял психоанализ с биологией или любой другой точной наукой и, заимствуя понятия из биологии (например, понятие влечения), перерабатывал их таким образом, что в результате появлялись совершенно новые концепты. Например, феномен инстинкта смерти [англ. *the death instinct*] «не является проблемой биологии» (E, 102). Лакан выражает свое отношение к позиции Фрейда посредством парадокса: «Фрейдовская биология не имеет ничего общего с биологией» (S₂, 75).

Лакан, подобно Фрейду, заимствует понятия из биологии (например, имаго, дегисценция [медицинский термин, обозначающий расхождение краев раны, щель в костном канале или частичное обнажение, например, пришеечного участка корня зуба – прим. пер.]), а затем полностью переосмысляет их в рамках символической структуры. Пожалуй, наиболее показательным примером такого подхода является работа Лакана с понятием ФАЛЛОСА, который понимается им как означающее, а не телесный орган. В то время как Фрейд рассматривает комплекс кастрации и половое различие с точки зрения присутствия или отсутствия пениса, Лакан рассматривает их с не-биологической, не-анатомической точки зрения (присутствие или отсутствие фаллоса). Этот подход привлек внимание некоторых теоретиков феминизма, рассматривавших его в качестве способа построения не-эссенциалистской теории гендерной субъективности.

Последовательно отвергая любые формы биологического редукционизма, Лакан в то же время не соглашается с позицией культурализма, полностью игнорирующей значение биологии (Eс, 723). Он выступает с защитой правильно понятой «биологизации» (не как редукции психических явлений к грубой биологической обусловленности, но как выявления того особого способа, которым биологические факторы оказывают воздействие на поле психических явлений) (Eс, 723). Показательно, что на примерах из этологии животных Лакан демонстрирует силу образов в осуществлении механизма разрядки; также он рассматривает механизмы поведения голубей и саранчи в контексте стадии зеркала и ракообразных – в контексте мимикрии (S₁₁, 99) (см. ГЕШТАЛЬТ).

Рассматривая вопрос о половом различии, Лакан отвергает, вслед за Фрейдом, ложную дихотомию между «анатомией и социумом» (Freud, 1933a: SE XXII, 114). Подход Лакана заключается не в доказательстве превосходства одного или другого фактора, а в демонстрации сложного способа их взаимодействия в процессе занятия половой позиции.

борромеев узел

(фр. *noeud borroméen*; англ. *borromean knot*) К узлам Лакан обращается впервые в начале 1950-х гг. (например, E, 281), но только с 1970-х гг. начинает исследовать их с точки зрения их топологических свойств. Изучение теории узлов отмечает важный этап развития лакановской ТОПОЛОГИИ; от анализа поверхностей (лента Мебиуса, тор и др.) Лакан переходит к более сложной топологии узлов. Топология рассматривается им в качестве радикально не-метафорического способа исследования символического порядка и его взаимодействий с реальным и воображаемым; она является *самой структурой*, а не ее *репрезентацией*. На позднем этапе своего творчества Лакан очень заинтересовался одной разновидностью узлов, а именно, борромеевым узлом.

Борромеев узел (изображен на Рисунке 1) получил свое название от фамилии рода Борромео, на гербе которого изображалась фигура из трех колец, связанных таким образом, что если одно из них будет изъято, разъединятся все три (S_{20} , 112). Строго говоря, правильнее будет называть эту фигуру цепью, а не узлом, поскольку первая предполагает взаимосвязь нескольких отдельных нитей, а последний формируется из одной. Для формирования борромеевой цепи необходимо как минимум три кольца; предела количеству колец не существует, добавлять их можно до бесконечности, при этом сохраняя принцип борромеевой цепи (то есть если одно из колец будет изъято, то вся цепь распадется).

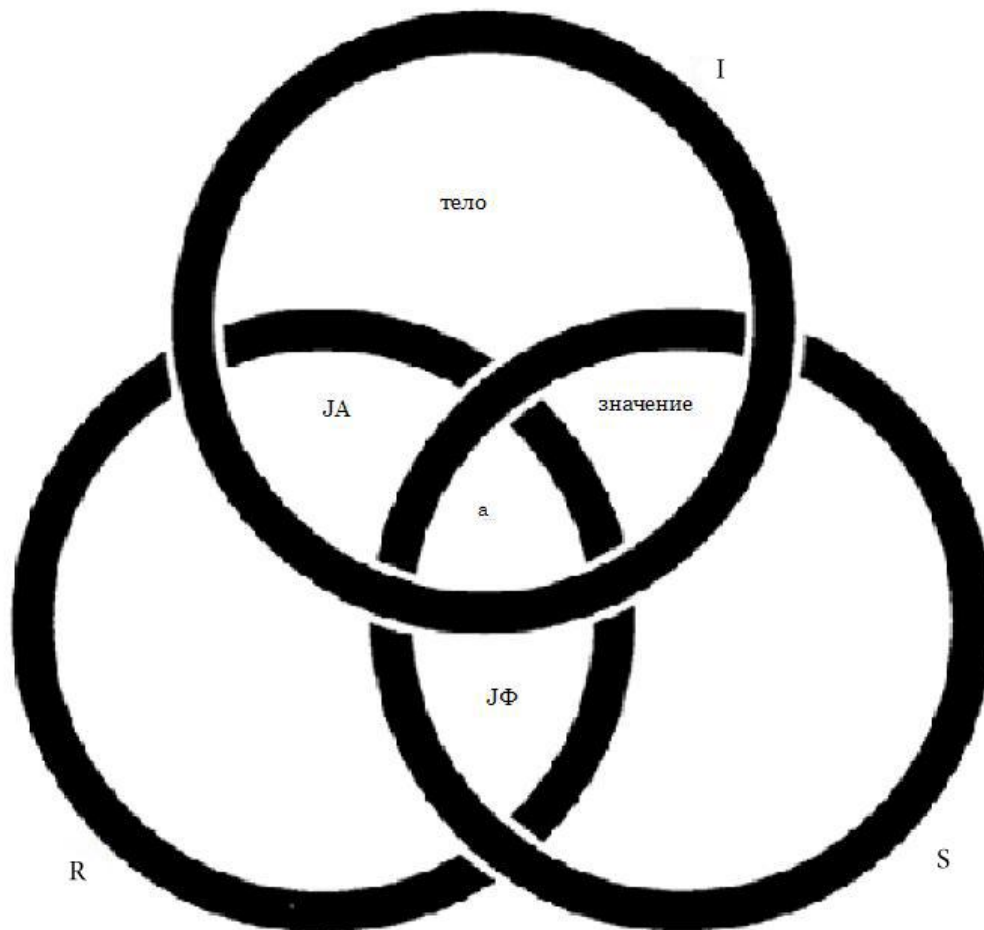

Рисунок 1 Борромеев узел

Впервые Лакан рассматривает борромеев узел в семинаре 1972-1973 гг., но детально его анализу посвящает семинар 1974-1975 гг. В этом же году Лакан, среди прочего, иллюстрирует с помощью данного узла взаимозависимость трех порядков – реального, символического и воображаемого – демонстрируя их сходные черты. Каждое кольцо представляет собой один из порядков, а на их пересечении могут быть размещены различные элементы.

В семинаре 1975-1976 гг. Лакан описывает психоз как результат развязывания борромеева узла. Он также предполагает, что для предотвращения этого развязывания иногда добавляется четвертое кольцо, *SINTHOME*, удерживающее три остальных кольца вместе.

бред

(фр. *délire*; англ. *delusion*) В психиатрии бред обычно определяется как прочно укоренившееся ложное убеждение, несовместимое с доступной информацией, а также с убеждениями той социальной группы, к которой принадлежит субъект (см. Американская Психиатрическая Ассоциация, 1987:395; Hughes, 1981:206). Бред является главной клинической особенностью ПАРАНОИИ и может проявляться как в виде отдельных идей, так и в виде комплексных структурах убеждений (*бредовых систем*).

С точки зрения Лакана, параноик страдает от отсутствия ИМЯ-ОТЦА. Бред является его попыткой заполнить дыру в своем символическом мире, образовавшуюся из-за отсутствия первичного означающего. Таким образом, бред – это не болезненное проявление самой паранойи; напротив – это попытка параноика вылечить себя, спасти себя от уничтожения символического мира через производство его заместителя. Как отмечает Фрейд в работе о Шребере, «то, что мы принимали за патологию, бредовое образование, в действительности является попыткой излечения, восстановления» (Freud, 1911c: SE XII, 71).

Лакан настаивает на значимости бреда и подчеркивает важность принятия во внимание того, каким образом сам психотический пациент рассматривает свой бред. Бред представляет собой форму дискурса, и должен быть понят поэтому как «поле означивания, организованное определенным означающим» (S3, 121). По этой причине все феномены бреда «проясняются посредством отсылки к функциям и структуре речи» (S3, 310).

Параноидальные бредовые конструкции могут принимать различные формы. Одной из наиболее распространенных является «бред преследования», вращающийся вокруг Другого Другого [англ. *the Other of the Other*], скрытого субъекта, который манипулирует большим Другим (символическим порядком), контролирует наши мысли, злоумышляет против нас, наблюдает за нами и пр.

буква

(фр. *lettre*; англ. *letter*) Частые обращения Лакана к «букве» необходимо рассматривать в контексте сосюрковского анализа ЯЗЫКА. В «Курсе общей лингвистики» Соссюр обосновывает примат разговорного языка над письменным тем, что первый появляется раньше второго как

в истории человечества, так и в жизни отдельного индивида. Написание [англ. *writing*] понимается как вторичное проявление разговорного языка, а ОЗНАЧАЮЩЕЕ – как чисто акустический, а не графический образ (Saussure, 1916).

Обращаясь к творчеству Соссюра в 1950-х гг., Лакан вольно приспособливает его для своих нужд, рассматривая букву не просто как графическую репрезентацию звука, но как материальный базис самого языка; «Под буквой я понимаю материальную основу, которую конкретный дискурс заимствует у языка» (Е, 147). Таким образом, буква связана с порядком реального, материальным субстратом, поддерживающим символический порядок. Понятие материальности предполагает, по Лакану, как идею неделимости, так и идею локальности; буква – это «сущностно локализованная структура означающего» (Е, 153; см. S20, 30) (см. МАТЕРИАЛИЗМ).

Как элемент реального буква сама по себе бессмысленна. Лакан иллюстрирует это положение, обращаясь (вслед за Фрейдом – см. Freud, 1913b: SE XIII, 177) к древним египетским иероглифам, которые на протяжении длительного периода времени не поддавались расшифровке. Пока Жан-Франсуа Шампольон не расшифровал эти таинственные надписи на основе Розеттского камня, никто не мог понять о чем они, но всем было ясно, что они были организованы как система означающих (S1, 244–5; см. Е, 160). Точно так же означающее существует в качестве бессмысленной буквы, отмечающей судьбу субъекта, который должен ее расшифровать. Примером такой расшифровки является хрестоматийный случай Человека-волка. Фрейд отмечал, что бессмысленная буква V постоянно появляется в различных жизненных ситуациях этого пациента (Freud, 1918b).

Пример Человека-волка демонстрирует, что буква является по существу тем, что возвращается и повторяет себя; она постоянно настойчиво вписывает себя в жизнь субъекта. Лакан иллюстрирует феномен ПОВТОРЕНИЯ на примере рассказа Эдгара Аллана По «Украденное письмо» (Рое, 1844). Играя на полисемии слова «письмо» [*lettre* во французском и *letter* в английском языках обозначают также «буква» – прим. пер.], Лакан представляет повествование По о переходящем из рук в руки написанном документе (письме) как метафору означающего, циркулирующего между разными субъектами и устанавливающего особенную позицию для каждого из тех, кем оно овладевает [англ. *is possessed by it*] (Lacan, 1955a). Именно в этой статье Лакан пишет, что «письмо всегда находит своего адресата» (Ес, 41).

Учитывая роль буквы в бессознательном, аналитик должен обращать внимание не на значение или означивание дискурса анализанда, но на его чисто формальные свойства: он должен читать речь анализанда так, как если бы это был текст, «понимая его буквально» (фр. *prendre à la lettre*; англ. *taking it literally*). Следовательно, существует близкая связь между буквой и написанием [англ. *writing*], связь, на которую Лакан указывает в семинаре 1972-1973 гг. (S20, 29–38). Хотя и буква, и написание принадлежат порядку реального и поэтому не имеют никакого смысла, Лакан утверждает, что буква является тем, что читают, в отличие от написания, которое не предназначено для прочтения (S20, 29). Написание также связано с формализацией и математикой; именно поэтому Лакан говорит о своих алгебраических символах как о «буквах» (S20, 30).

Лакановское понятие буквы является предметом критики со стороны Жака Деррида (1975) и двух его последователей (Лаку-Лабарта и Нанси, 1973). Лакан ссылается на совместную работу последних [*Le Titre de la lettre* – прим. пер.] в семинаре 1972-1973 гг. (S20, 62–6).

БЫТИЕ

(фр. *être*; англ. *being*) Использование Лаканом термина «бытие» придает его дискурсу метафизический оттенок, не характерный для большинства школ психоаналитической теории, отказывающихся от рассмотрения собственных метафизических и философских оснований (см. Е, 228). Лакан утверждает, что рассмотрение подобных вопросов необходимо для психоанализа, так как вмешательство аналитика «задевает самое сердце бытия [анализанда]», при этом оказывая влияние и на бытие самого аналитика, поскольку тот не может «оставаться за пределами игрового поля» (Е, 228). Таким образом, «очевидно, что поле действий аналитика должно быть обнаружено именно на уровне отношения к бытию» (Е, 252). Лакан утверждает также, что, по мере прохождения лечения, аналитик подвергается систематической потере бытия (фр. *désêtre*; англ. *loss of being*), поскольку анализанд постепенно редуцирует его до уровня объекта.

На лакановское представление о бытии оказали влияние идеи Мартина Хайдеггера (см. Heidegger, 1927). Бытие принадлежит символическому порядку, поскольку обретает свой статус «только в отношении к Другому» (Е, 251). Это отношение, как и сам Другой, отмечено нехваткой (фр. *manque*; англ. *lack*), а конституирование субъекта нехваткой бытия (фр. *manque-à-être*; англ. *lack of being*) вызывает к жизни желание, желание-быть (фр. *manque-à-être*; англ. *want-to-be*); желание, таким образом, является, в сущности, желанием бытия [англ. *desire for being*].

Противопоставляя бытие СУЩЕСТВОВАНИЮ, Лакан подразумевает существование в реальном, противоположное символическому функционированию бытия. Нечто может *быть*, но при этом не *существовать*, в том случае, если оно создается речью и не имеет коррелята в реальном (например, завершённый Другой). И, наоборот, нечто может *существовать*, но при этом не *быть*, например, «невыразимое, глупое существование» субъекта, несводимое к артикуляции означающего (Е, 194).

Лакан создает неологизм *parlêtre* из отглагольного существительного *être* (бытие) и глагола *parler* (говорить) для того, чтобы подчеркнуть собственное понимание бытия как конституированного в языке и посредством языка. Человеческое существо [англ. *human being*] является, прежде всего, говорящим существом.

В

Вещь

(фр. *chose*; англ. *thing*) Анализ понятия «Вещи» составляет одну из центральных тем семинара 1959-1960 гг., в котором Лакан использует французский термин «*la chose*» попеременно с немецким термином «*das Ding*». Существует два главных контекста употребления этого термина:

1. Контекст фрейдовского различия «слов-представлений» (нем. *Wortvorstellungen*; англ. *word-presentations*) и «вещей-представлений» (нем. *Sachvorstellungen*; англ. *thing-presentations*). Это различие особенно заметно в метапсихологических сочинениях Фрейда, где он доказывает, что в предсознательно-сознательной системе оба типа представлений связаны вместе, в то время как в системе бессознательного можно обнаружить только вещи-представления (Freud, 1915e). Некоторые из современников Лакана видели в этом утверждении Фрейда основной аргумент против лакановской идеи о лингвистической природе бессознательного. Возражая на подобные замечания, Лакан указывал, что в немецком языке существуют два слова для обозначения «вещи»: «*das Ding*» и «*die Sache*» (см. S7, 62–3, 44–5). Именно последний термин чаще всего использовался Фрейдом для обозначения вещей-представлений в бессознательном. Лакан утверждал, что хотя на одном уровне *Sachvorstellungen* и *Wortvorstellungen* противоположны, на символическом уровне «они идут рука об руку». Таким образом, *die Sache* является репрезентацией вещи в порядке символического, а *das Ding* представляет собой Вещь в ее «немой реальности» [англ. *dumb reality*] (S7, 55), Вещь в реальном, расположенную «по ту сторону означаемого» [англ. *the beyond-of-the-signified*] (S7, 54). Вещи-представления, расположенные в бессознательном, являются, таким образом, лингвистическими феноменами, в отличие от *das Ding*, находящегося по ту сторону языка и бессознательного. «Вещь характеризуется тем, что ее невозможно вообразить» (S7, 125). Лакановское представление о Вещи как о непознаваемом *x*, находящемся по ту сторону символизации, имеет очевидные сходства с кантовской «вещью-в-себе».

2. Контекст *JOUISSANCE*. Являясь объектом языка, *das Ding* является также объектом желания. Это потерянный объект, поиски которого необходимо постоянно возобновлять, доисторический, незабвенный Другой (S7, 53), иными словами – это запретный объект инцестуального желания, мать (S7, 67). Принцип удовольствия представляет собой закон, удерживающий субъекта на определенном расстоянии от Вещи (S7, 58, 63) и заставляющий его

циркулировать вокруг нее, не имея возможности когда-либо ее достичь (S7, 95). Таким образом, субъект видит в Вещи свое Наивысшее Благо [англ. *Sovereign Good*]. Однако стоит ему преодолеть принцип удовольствия и достичь этого Блага, как он начинает испытывать страдание/зло (Лакан играет с французским словом *mal*, которое может означать как страдание, так и зло, см. S7, 179), и, соответственно, «не сможет выдержать того чрезмерного блага, которое предоставляет ему *das Ding*» (S7, 73). Поэтому сама недостижимость Вещи является скорее благом, чем злом (S7, 159).

После семинара 1959-1960 гг. термин «*das Ding*» практически полностью исчезает из трудов Лакана. Однако связанные с ним идеи определяют некоторые существенные черты новых разработок понятия *objet petit a*, к переопределению которого Лакан приступает в 1963 г. Так, например, *objet petit a* является осью, вокруг которой вращается влечение (S11, 168), и рассматривается в качестве причины желания, так же, как *das Ding*, являющаяся «причиной наиболее фундаментальной человеческой страсти» (S7, 97). Также представление о том, что Вещь не является воображаемым объектом, но принадлежит реальному (S7, 112), будучи «тем, что в реальном страдает от означающего» (S7, 125), предвосхитило зародившуюся в 1963 г. тенденцию к перемещению *objet petit a* в регистр реального.

ВЗГЛЯД

(*фр. regard; англ. gaze*) Первые замечания Лакана о «взгляде» появились еще на первом году его семинара (Lacan, 1953-4) и были связаны с феноменологическим анализом «взгляда» [англ. *look*] у Жан-Поля Сартра (использование в английском переводе Сартра и Лакана различных терминов [*look* и *gaze* – прим. пер.] затушевывает тот факт, что оба мыслителя использовали одно и то же французское слово – *le regard*). Согласно Сартру, взгляд [англ. *gaze*] позволяет субъекту понять, что Другой тоже является субъектом: «Моя фундаментальная связь с Другим-как-субъектом должна обращаться в мою постоянную возможность *быть видимым* Другим» (Sartre, 1943:256 – курсив в оригинале). Когда взгляд Другого застаёт субъекта врасплох, тот испытывает стыд (Sartre, 1943:261). На данном этапе Лакан еще не развивает собственное понимание взгляда, и, кажется, в общем, соглашается с идеями Сартра (Sartre, 1943:261). Особое восхищение вызывает у него мысль Сартра о том, что взгляд не обязательно имеет отношение к органу зрения:

Конечно, *наиболее частым* проявлением взгляда является схождение двух зрачков в моем направлении. Но взгляд точно так же проявляется в шелесте листьев, стихающем звуке шагов, узком зазоре между ставнями, или легком движении занавески.

(Sartre, 1943:257)

Только в 1964 г., развивая понятие *OBJET PETIT A* как причины желания, Лакан создает свою теорию взгляда, весьма отличную от теории Сартра (Lacan, 1964a). В противоположность Сартру, Лакан проводит различие между взглядом и актом видения [англ. *act of looking*]; взгляд понимается им в качестве объекта, на который направлен акт видения, или, точнее, объекта скопического влечения. Таким образом, взгляд в лакановской интерпретации не принадлежит субъекту; это взгляд Другого. И если Сартр предполагал существование

взаимности между смотрением на Другого и пребыванием в его взгляде, то, по мысли Лакана, отношения между взглядом и глазом имеют антиномический характер: видящий глаз находится на стороне субъекта, а взгляд – на стороне объекта. Совпадение между ними невозможно, поскольку «ты никогда не смотришь на меня с того места, с которого я вижу тебя» (S11, 103). Когда субъект смотрит [англ. *looks*] на объект, объект всегда уже глядит [англ. *gazing*] на субъекта, но с такой точки, в которой субъект не может его видеть. Этот разрыв между глазом и взглядом является ничем иным, как расщеплением самого субъекта, выраженным в визуальном поле.

В 1970-х гг. понятие взгляда было взято на вооружение психоаналитической теорией кино (напр. Metz, 1975), особенно феминистскими кинокритиками (например, Mulvey, 1975; Rose, 1986). Однако многие из этих исследователей объединили лакановское понятие взгляда с сартровским, а также с другими идеями о видении, например, фукианской интерпретацией паноптизма. Поэтому так называемая «лакановская теория кино» является, в большинстве своем, результатом серьезной концептуальной путаницы (см. Joan Copjec, 1989). См. также Jay (1993).

ВИДИМОСТЬ

(фр. *semblant*; англ. *semblance*) Одной из основных тем творчества Лакана является идея о том, что явления обманчивы, идея, связанная с классической философской оппозицией явления и сущности (см. S11, 103ff.). Существование этой оппозиции предполагается самим различием воображаемого и символического. Воображаемое является царством видимых явлений, действующих как уловки, в то время как символическое представляет собой царство структур, которые не могут быть увидены, но могут быть познаны дедуктивным путем.

Признание этой противоположности лежит в основе любого научного начинания, поскольку его главной предпосылкой является представление о том, что ученый должен проникнуть в скрытую реальность, минуя обманчивые впечатления. Как и в науке, в психоанализе «истины достигает только тот, кто не останавливается на уровне явлений» (S7, 310). Впрочем, психоаналитические явления отличаются от естественнонаучных. Явления природы (например, ровная палка, кажущаяся искривленной при опускании в воду) лишены измерения сознательного обмана; именно поэтому Лакан утверждает, что аксиомой естественных наук является вера в честного, не-лживого Бога (S3, 64). В предположительных науках [англ. *conjectural sciences*], как и в психоанализе, напротив, всегда необходимо допускать, что обманчивость явлений – это результат целенаправленного обмана.

Для обозначения обманчивых впечатлений Лакан использует два термина. В решении философских вопросов различия между сущностью и явлением он употребляет термин «*appareance*». Однако большее значение по ходу творчества Лакана приобретает термин «*semblant*». Он возникает в 1957 г. (например, Ec, 435; S4, 207) и используется несколько раз в семинаре 1964 г. (S11, 107), но только в начале 1970-х гг. начинает занимать важное место в теоретическом словаре Лакана. Поначалу он пользуется этим термином при рассмотрении проблем женской сексуальности, для которых характерно явление маскарада (см. Rivière, 1929). Позднее Лакан использует его, чтобы охарактеризовать символический

порядок и его отношение к воображаемому и реальному. В семинаре 1970-1971 гг., посвященном «дискурсу, который не будет видимостью», Лакан утверждает, что ИСТИНА не является простой противоположностью явления [англ. *appearance*], но находится в единстве с ним; истина и явление – это две стороны ленты Мебиуса, имеющей в действительности только одну сторону. В семинаре 1972-1973 гг. Лакан утверждает, что *objet petit a* является «видимостью бытия» (S20, 84), и что любовь направлена на видимость (S20, 85), а *jouissance* вызывается и развивается на основании видимости (S20, 85).

ВЛЕЧЕНИЕ

(фр. *pulsion*; англ. *drive*) Понятие «влечения» (*Trieb*) находится в центре фрейдовской теории сексуальности. Согласно Фрейду, человеческая сексуальность отличается от половой жизни других животных тем, что управляется не ИНСТИНКТОМ (предполагающим врожденное, относительно фиксированное отношение к объекту), а влечениями, которые отличаются от инстинктов исключительной изменчивостью и обуславливаются историей жизни субъекта.

Лакан настаивает на сохранении фрейдовского различия между *Trieb* («влечение») и *Instinkt* («инстинктом»), критикуя Джеймса Стрэйчи, который упразднил это различие, переводя в «*Полном собрании сочинений*» оба термина как «инстинкт» (E, 301). Если «инстинкт» обозначает мифическую, доязыковую ПОТРЕБНОСТЬ, то влечение не имеет ничего общего с полем БИОЛОГИИ. Влечения отличаются от биологических потребностей тем, что их нельзя удовлетворить, а также тем, что они не нацелены на достижение объекта, но бесконечно циркулируют вокруг него. Лакан утверждает, что цель влечения (*Triebziel*) заключается не в достижении *результата* [англ. *goal*], но в следовании *самому пути* [англ. *aim*], заключающемуся в огибании объекта (Si, 168). Таким образом, настоящая цель влечения заключается не в достижении мифической полноты удовлетворения, но обращении по круговой траектории; реальным источником наслаждения является повторяющееся движение по замкнутому контуру.

Лакан напоминает своим читателям, что Фрейд определял влечение как мотнаж [англ. *montage*] четырех прерывных элементов: натиск, цель, объект и источник. Влечение не может рассматриваться в качестве «некоторой абсолютной данности, чего-то архаического и исходного» (Si, 162); напротив, оно является от начала и до конца культурным и символическим конструктом. Таким образом, Лакан освобождает понятие влечения от навязчивых сравнений с динамикой и гидравликой, имевших место в работах Фрейда.

Лакан создает теорию «контура» [англ. *circuit*], включающую четыре фрейдовских элемента влечения. В этом контуре влечение возникает в эрогенной зоне, огибает объект, а затем возвращается в эрогенную зону. Контур структурирован тремя грамматическими залогами:

1. Действительный залог [англ. *active voice*] (например, видеть);
2. Возвратный залог [англ. *reflexive voice*] (например, видеться);
3. Страдательный залог [англ. *passive voice*] (например, быть видимым).

Первые два элемента контура (действительный и возвратный залого) аутоэротичны: в них отсутствует субъект. Только только в третьем элементе (страдательный залог) влечение

замыкает свой контур, возникает «новый субъект» (следовательно, до этого момента субъекта не существовало: см. *SI*, 178). Хотя третьим элементом является страдательный залог, влечение всегда сущностно активно. Поэтому в случае третьего элемента контура, Лакан пишет не «быть видимым» [англ. *to be seen*], но «делать себя видимым» [англ. *to make oneself be seen*]. Даже такая предположительно «пассивная» фаза влечения, как мазохизм, подразумевает активность (*SI*, 200). Контур влечения является единственным для субъекта способом преодоления принципа удовольствия.

Фрейд утверждает, что сексуальность состоит из ряда частичных влечений (нем. *Partieltrieb*; англ. *partial drives*), таких как оральное и анальное, каждое из которых определяется отдельным источником (той или иной эрогенной зоной). Сперва эти отдельные влечения функционируют беспорядочно и независимо (т.н. «полиморфная перверсивность» ребенка), но в процессе полового созревания организуются и соединяются под приматом гениталий (Freud, 1905d). Лакан подчеркивает частичную природу всех влечений, но расходится с Фрейдом в двух пунктах:

1. Лакан отклоняет идею о том, что частичные влечения могут достичь целостной организации или слияния, доказывая, что первенство генитальной зоны если и достигается, то всегда остается ненадежным. Таким образом, он подвергает сомнению представление некоторых психоаналитиков после Фрейда, считавших, что частичные влечения гармоничным образом интегрируются в генитальном.

2. Лакан утверждает, что влечения частичны, но не в том смысле, что они являются частями целого («генитального влечения»), а в том, что они представляют сексуальность лишь отчасти; они представляют не репродуктивную функцию сексуальности, но лишь измерение наслаждения (*SI*, 204).

Лакан различает четыре частичных влечения: оральное, анальное, скопическое и призывающее. Каждое из них определяется особым частичным объектом и эрогенной зоной, как показано на Рисунке 2.

	ЧАСТИЧНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ	ЭРОГЕННАЯ ЗОНА	ЧАСТИЧНЫЙ ОБЪЕКТ	ГЛАГОЛ
D	Оральное	Губы	Грудь	Сосать
	Анальное	Анус	Фекалии	Испражняться
d	Скопическое	Глаза	Объект-взгляд	Видеть
	Призывающее	Уши	Голос	Слышать

Рисунок 2 Таблица частичных влечений

Первые два влечения относятся к требованию, а вторые два – к желанию.

В 1957 г., в контексте графа желаяния, Лакан предлагает формулу ($\$ \diamond D$) в качестве МАТЕМЫ желаяния. Эту формулу следует читать так: зачеркнутый субъект в отношении к требованию, угасание субъекта перед настойчивостью требования. При этом угасание сохраняется без сознательного намерения его поддерживать.

Общей чертой всех фрейдовских вариаций теории влечений является базовый дуализм. Поначалу этот дуализм воспринимался с точки зрения противоположности между половым влечением (*Sexualtriebe*) и эго-влечением (*Ichtriebe*), или влечением самосохранения

(*Selbsterhaltungstriebe*). Однако эта противоположность подвергается сомнению по мере того, как в период с 1914 г. по 1920 г. Фрейд начинает постепенно понимать, что сами эго-влечения имеют сексуальную природу. Это приводит к переосмыслению дуализма влечений с точки зрения противоположности между влечениями к жизни (*Lebenstriebe*) и влечениями к смерти (*Todestriebe*).

Лакан признает важность сохранения фрейдовского дуализма и отвергает монизм Юнга, утверждавшего, что все психические силы могут быть сведены к одному понятию психической энергии (S1, 118–20). Однако Лакан переосмысляет этот дуализм через противоположность между символическим и воображаемым, а не между различными видами влечений. Таким образом, согласно Лакану, все влечения являются сексуальными, и каждое влечение является ВЛЕЧЕНИЕМ К СМЕРТИ, поскольку характеризуется эксцессивностью, повторяемостью и, в конечном счете, разрушительностью (Eс, 848).

Влечения тесно связаны с ЖЕЛАНИЕМ; последнее также возникает в поле субъекта, в отличие от генитального влечения, которое (если оно существует) находит свою форму на стороне Другого (SII, 189). Однако влечение является не синонимом желания, но одним из частичных аспектов его реализации. Желание едино и неделимо, влечения же являются частичными проявлениями желания.

влечение к смерти

(фр. *pulsion de mort*; англ. *death drive*) Хотя определенные намеки на понятие влечения к смерти (*Todestrieb*) можно найти уже в ранних трудах Фрейда, в полной мере оно было артикулировано только в его произведении «По ту сторону принципа удовольствия» (1920г). В этой работе Фрейд установил фундаментальную противоположность между влечениями к жизни (эрос), стремящимися к связности и единству, и влечением к смерти, действующим в противоположном направлении, разрывающим связи и разрушающим предметы. Впрочем, влечение к смерти и влечения к жизни никогда не проявляются в чистом виде, будучи всегда смешанными/сплавленными в различных пропорциях. Фрейд утверждал даже, что если бы влечение к смерти не было тесно связано с эротизмом, оно ускользало бы от нашего восприятия, поскольку само по себе оно безмолвно (Freud, 1930a: SE, XXI, 120).

Понятие влечения к смерти является одним из самых противоречивых фрейдовских понятий. Многие его ученики отвергали это понятие (считая его поэтической метафорой или неоправданным отступлением в метафизику), но Фрейд продолжал отстаивать его до конца своей жизни. Из не лаканианских школ психоаналитической теории только кляйнианский психоанализ принимает это понятие всерьез.

Вслед за Фрейдом, Лакан утверждает понятие влечения к смерти в качестве центрального понятия психоанализа: «Игнорировать влечение к смерти в его [Фрейда] доктрине – значит не понимать ее вовсе» (E, 301).

В своих первых заметках о влечении к смерти, появившихся в 1938 г., Лакан описывает его как тоску по утраченной гармонии, желание возвратиться к доэдипальному слиянию с материнской грудью, потеря которой связана с комплексом отнятия от груди (Lacan, 1938:35).

В 1946 г. он ассоциирует влечение к смерти с суицидальной тенденцией нарциссизма (Ес, 186). Связь влечения к смерти с доэдипальной фазой и нарциссизмом в этих ранних заметках помещают влечение к смерти в ту область, которую Лакан позднее назовет порядком воображаемого.

Однако когда в 1950-х гг. Лакан начинает разрабатывать собственную концепцию трех порядков – воображаемого, символического и реального – он помещает влечение к смерти не в воображаемое, а в символическое. В семинаре 1954-1955 гг., к примеру, он утверждает, что влечение к смерти является фундаментальным стремлением символического порядка к производству ПОВТОРЕНИЯ: «Влечение к смерти является лишь маской символического порядка» (S2, 326). В этом переходе становится очевидным отличие Лакана от Фрейда, который ассоциировал влечение к смерти с биологией и представлял его в качестве фундаментального стремления любого живого существа к возвращению в доорганическое состояние. Помещая влечение к смерти в символическое, Лакан ассоциирует его с культурой, а не природой; он утверждает, что влечение к смерти «не является проблемой биологии» (Е, 102) и должно рассматриваться отдельно от биологического инстинкта возвращения к неодушевленному состоянию (S7, 211–12).

Другое отличие лакановского понимания влечения к смерти от фрейдовского проявляется в 1964 г. Если Фрейд противопоставлял влечение к смерти сексуальным влечениям, то Лакан утверждает, что влечение к смерти представляет собой не отдельное влечение, но необходимый аспект любого ВЛЕЧЕНИЯ. «Различие между влечением к жизни и влечением к смерти истинно постольку, поскольку они представляют собой две стороны любого влечения» (S11, 257). Исходя из этого, Лакан утверждает, что «любое влечение является, по сути, влечением к смерти» (Ес, 848), поскольку: 1) любое влечение предполагает собственное угасание, 2) любое влечение вовлекает субъекта в повторение и 3) любое влечение является попыткой выхода по ту сторону принципа удовольствия, в пространство избыточного *JOUISSANCE*, где наслаждение переживается как страдание.

возвращение к Фрейду

(фр. *Freud, retour à*; англ. *Freud, return to*) Творчество Лакана можно понять только в контексте интеллектуального и теоретического наследия основателя психоанализа, Зигмунда Фрейда (1856–1939 гг.). Лакан проходил обучение психоанализу в МЕЖДУНАРОДНОЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (МПА), которая была основана Фрейдом и позиционировала себя в качестве единственной преемницы фрейдовского наследия. Однако со временем Лакан начал разрабатывать радикальную критику тех интерпретаций фрейдовского наследия, которых придерживалось большинство представителей МПА. После исключения из МПА в 1953 г., Лакан усилил критику в ее адрес и начал утверждать, что фундаментальные открытия Фрейда были преданы забвению тремя основными школами психоанализа внутри МПА: ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ, КЛЯЙНИАНСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ и ТЕОРИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ. В свою очередь, Лакан предлагал «вернуться к Фрейду», подразумевая как более внимательное прочтение его текстов, так и возвращение к сути его учения. Прочтение работ Фрейда в оригинале позволило Лакану раскрыть элементы, не замеченные другими комментаторами и затерявшиеся при плохом переводе. Большая часть

работ Лакана представляет собой детальный текстуальный комментарий к произведениям Фрейда, содержащий в себе многочисленные ссылки на труды критикуемых Лаканом аналитиков. Поэтому понять творчество Лакана можно только принимая во внимание как идеи самого Фрейда, так и многообразные модификации этих идей у других аналитиков («пост-фрейдистов»). На фоне идей последних Лакан развивает мысль о необходимости «возвращения к Фрейду»:

Для меня возвращение [к Фрейду] является не возвращением вытесненного, но, скорее, анализом антитезиса, конституирующего период в истории психоаналитического движения, начавшийся с момента смерти Фрейда, анализом, необходимым для того, чтобы на историческом материале показать, чем психоанализ не является, а также попытаться найти вместе с вами средства для восстановления истинной мысли Фрейда, которая сохранилась даже в искаженном виде...

(Е, 16)

Однако Лакан скептически воспринимает идею возвращения к ортодоксальности, имплицитно предполагаемую фразой о «возвращении к Фрейду». Лакановский способ прочтения Фрейда и его стиль мысли настолько оригинальны, что, кажется, не оправдывают той излишней скромности, которая выразится в стремлении Лакана быть простым комментатором. Кроме того, Лакан возвращается лишь к определенным элементам понятийного аппарата Фрейда, уделяя одним понятиям больше внимания, а другим – меньше. Можно даже утверждать, что Лакан не более «верен» учению Фрейда, чем те пост-фрейдисты, которых он критикует за предательство его идей; как и они, Лакан выбирает и разрабатывает в творчестве Фрейда интересующие его темы, пренебрегая остальными. Поэтому лакановский психоанализ, наряду с эго-психологией, кляйнианским психоанализом и теорией объектных отношений, может рассматриваться в качестве одной из «пост-фрейдистских» форм психоанализа.

Впрочем, Лакан рассматривал свое творчество иначе. Он утверждал, что в текстах Фрейда существует глубинная логика, сообщающая им, несмотря на видимые противоречия, определенную последовательность. Лакан отмечал, что только его прочтение Фрейда позволяет выявить эту логику и что «различные стадии, изменения в направлении» творчества Фрейда «связаны с тем, что Фрейд беспокоился о поддержании первоначальной строгости своей теории» (Е, 16). Иными словами, хотя лакановское прочтение Фрейда можно считать частичным в той же степени, что и все остальные (в том смысле, что оно отдает предпочтение определенной части фрейдовского творчества), это, по мысли Лакана, не дает основания приравнивать его к остальным в отношении верности фрейдовскому учению. Поэтому заявления Лакана о собственной преданности и обвинения в предательстве нельзя рассматривать в качестве простой формы риторической стратегии. Конечно, эти заявления выполняли определенную риторико-политическую функцию, в том смысле, что претензия Лакана на «верность Фрейду» в 1950-х гг. позволяла ему оспаривать монополию МПА на фрейдовское наследие. Однако, несмотря на это, утверждения Лакана свидетельствуют также в пользу того, что он вывел логику сочинений Фрейда на новый, прежде никем не достигнутый уровень.

воображаемое

(фр. *imaginaire*; англ. *imaginary*) Лакан употребляет существительное «воображаемое» уже в 1936 г. (Ес, 81). С самого начала этот термин имел коннотации иллюзии, очарования и соблазна, и непосредственно касался ДУАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ между ЭГО и ЗЕРКАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ. Важно отметить, что, хотя термин «воображаемое» имеет коннотации иллюзии и соблазна, он не синонимичен «иллюзорному», поскольку последнее предполагает нечто случайное и несущественное (Ес, 723). Воображаемое весьма существенно; оно оказывает мощное воздействие на реальное, его невозможно просто отбросить или «преодолеть».

Начиная с 1953 г. воображаемое становится, наряду с символическим и реальным, одним из трех ПОРЯДКОВ центральной трехчастной схемы лакановской мысли. Основой порядка воображаемого продолжает оставаться формирование эго на СТАДИИ ЗЕРКАЛА. Другим важным аспектом воображаемого становится ИДЕНТИФИКАЦИЯ, поскольку эго формируется посредством идентификации с двойником, или зеркальным образом. Отношения эго и двойника (являющихся взаимозаменяемыми) формируют прототип любых дуальных отношений. Конституирование эго через идентификацию с маленьким другим предполагает, что эго, как и порядок воображаемого, являются пространствами радикального ОТЧУЖДЕНИЯ: «Отчуждение является основополагающим для порядка воображаемого» (S₃, 146). Поскольку дуальное отношение между эго и двойником в основе своей нарциссично, НАРЦИССИЗМ является еще одной характеристикой порядка воображаемого. Нарциссизм всегда сопровождается определенной АГРЕССИВНОСТЬЮ. Воображаемое – это царство образов и фантазий, обмана и соблазна. Главными иллюзиями воображаемого являются целостность, синтез, автономия, двойственность и, более всего, подобие. Воображаемое, таким образом, представляет собой порядок обманчивых поверхностных явлений, видимых феноменов, скрывающих лежащую в их основе структуру; одними из таких феноменов являются аффекты.

Однако противоположность между воображаемым и символическим не означает, что воображаемое лишено структуры. Напротив, воображаемое всегда уже структурировано символическим порядком. Например, анализируя стадию зеркала в 1949 г., Лакан говорит об отношениях в воображаемом пространстве, предполагающих символическое структурирование этого пространства (Е, 1). Выражение «матрица воображаемого» [англ. *imaginary matrix*] предполагает, что воображаемое структурировано символическим (Ес, 221). Также в 1964 г. Лакан описывает структурирование визуального поля в согласии с символическими законами (S₁₁, 91–2).

Воображаемое включает в себя также измерение языка. Если означающее лежит в основании символического порядка, то ОЗНАЧАЕМОЕ и ОЗНАЧИВАНИЕ являются элементами порядка воображаемого. Таким образом, язык обладает как символическим, так и воображаемым измерениями; его воображаемое измерение представляет собой «стену языка», инвертирующую и искажающую дискурс Другого (см. СХЕМА L).

Воображаемое оказывает на субъекта очаровывающее воздействие, основанное на почти гипнотической силе зеркального образа. Следовательно, оно укоренено в отношении субъекта к собственному телу (или к образу собственного тела). Очаровывающая/захватывающая сила воображаемого как соблазняет (в наибольшей степени воображаемое проявляется в

отношениях между полами, в таких формах, как ухаживание и брачная демонстрация [англ. *sexual display*]; Lacan, 1956b:272), так и обессиливает (воображаемое фиксирует субъекта в серии статических поз (см. *SAPTATION*)).

Воображаемое измерение теснее всего связывает человеческого субъекта с этологией и психологией животных (S₃, 253). Поэтому все попытки объяснения природы человеческой субъективности с точки зрения психологии животных будут ограничены воображаемым (см. ПРИРОДА). Воображаемое является главной общей чертой животной и человеческой психики (S₂, 166), однако вследствие того, что порядок воображаемого человека структурирован символическим, его «воображаемые отношения отклоняются [от царства природы]» (S₂, 210).

Лакан выказывает картезианское сомнение в познавательной способности воображения. Как и Декарт, он настаивает на том, что достижение ясного знания возможно только при условии верховенства чистого мышления, независимого от образов. Именно такие соображения побуждают Лакана использовать для объяснения структуры бессознательного топологические фигуры, которые не могут быть представлены в воображении (см. ТОПОЛОГИЯ). Недоверие к воображению и чувствам дает основание относить Лакана к рационалистам, а не эмпирикам (см. НАУКА).

Лакан обвинял основные психоаналитические школы своего времени в сведении психоанализа к порядку воображаемого. Представители этих школ полагали, что целью психоанализа является идентификация с аналитиком, и сводили анализ к дуальному отношению (E, 246–7). Лакан видел в таком подходе предательство психоанализа, отклонение, которое может привести только к еще большему отчуждению субъекта. Критикуя подобный воображаемый редукционизм, Лакан утверждал, что сущность психоанализа заключается в использовании символического. Только с его помощью можно разрушить губительные фиксации воображаемого. Таким образом, аналитик может извлечь пользу из воображаемого, только превращая образы в слова, подобно тому, как Фрейд рассматривал сон в качестве ребуса: «Воображаемое можно расшифровать, только превратив его в символы» (Lacan, 1956b:269). Подобное использование символического является единственным способом «пересечения плоскости идентификации» (S_{II}, 273) в аналитическом процессе.

ВОСПОМИНАНИЕ

(фр. *remémoration*; англ. *recollection*) Лакан различает воспоминание (фр. *remémoration*; англ. *recollection*) и запоминание (фр. *mémoration*; англ. *remembering*), являющиеся символическими процессами, и реминисценцию (фр. *réminiscence*; англ. *reminiscence*), принадлежащую воображаемому. Если запоминание является актом, в котором некоторое событие или означающее впервые регистрируется в символической ПАМЯТИ, то воспоминание является актом воскрешения в памяти [англ. *recalled*] этого события или означающего.

Реминисценция предполагает повторное переживание [англ. *reliving*] прошлого опыта и связанных с этим опытом эмоций. Лакан утверждает, что целью аналитического процесса является не реминисценция, а воспоминание. В этом его отличие от изобретенного Йозефом

Брейером «катартического метода», в котором внимание акцентируется на разрядке патогенных аффектов посредством повторного переживания определенных травматических событий. Хотя в ходе психоаналитического лечения могут пробудиться воспоминания, сопровождающиеся интенсивной эмоциональной разрядкой, эти воспоминания не являются основой аналитического процесса. Лакан ассоциирует реминисценцию с платоновской теорией знания.

Воспоминание в процессе лечения предполагает прослеживание господских означающих в жизни пациента или, иными словами, «осознание субъектом своей истории в рамках своего отношения к будущему» (E, 88). Посредством припоминания лечение пытается достичь «полного воссоздания истории субъекта» (S₁, 12) и «принятия субъектом этой истории» (E, 48). Важно не интуитивное или эмпирическое «повторное переживание» ключевых событий прошлого (в этом случае мы будем иметь дело с простой реминисценцией, или, что еще хуже, с РАЗЫГРЫВАНИЕМ), но то, что сам анализанд (ре)конструирует [англ. *reconstruct*] из своего прошлого (S₁, 13). Ключевым словом здесь является «реконструкция», поскольку «дело заключается не столько в воспоминании, сколько в переписывании истории (S₁, 14).

время

(фр. *temps*; англ. *time*) Одна из самых выдающихся особенностей лакановского психоанализа заключается в разрабатываемом им подходе к проблеме времени. В целом, этот подход характеризуется двумя важными новшествами: понятием логического времени и акцентом на ретроактивности и предвосхищении.

- **Логическое время** В статье «Логическое время» (1945 г.) Лакан подрывает претензии логики на вневременность и вечность, доказывая, что определенные логические исчисления неизбежно предполагают обращение к темпоральности. Однако эта темпоральность не имеет ничего общего с темпоральностью часов и является следствием определенных логических артикуляций. Различие между логическим и хронологическим временем лежит в основе всей лакановской теории темпоральности.

Тот факт, что логическое время не является объективным, не означает, что оно представляет собой продукт субъективного ощущения; напротив – это четкая диалектическая структура, которая может быть сформулирована в математических терминах. В той же статье Лакан утверждает, что логическое время имеет троичную структуру и состоит из трех моментов: 1) момент видения; 2) время для осмысления; 3) момент заключения. На примере софизма (проблема трех заключенных) Лакан показывает, что три этих момента выражены не в объективных хронометрических единицах, но в терминах интерсубъективной логики, основанной на напряжении между ожиданием и спешкой, промедлением и безотлагательностью. Таким образом, логическое время является «интерсубъективным временем, структурирующим человеческое действие» (E, 75).

Лакановское понятие логического времени не является лишь упражнением в логике; оно также имеет практические импликации для психоаналитического лечения. Наиболее известной из них, в историческом масштабе, является использование сессий с переменной продолжительностью (фр. *séances scandées*; англ. *sessions of variable duration*), которые

Международная Психоаналитическая Ассоциация (МПА) посчитала достаточным поводом для исключения Лакана из своих рядов. Но уделяя внимание исключительно этой особой практике, можно упустить из виду другие интересные клинические измерения теории логического времени, такие, например, как понятие «времени для понимания», проливающего свет на фрейдовское понятие «проработки» [англ. *working-through*] (см. Forrester, 1990: гл. 8).

Понятие логического времени предвосхищает обращение Лакана к сосюрговской лингвистике, в основе которой лежит различие между диахроническим (или темпоральным) и синхроническим (атемпоральным) измерениями языка. С начала 1950-х гг. Лакан уделяет больше внимания синхроническим или вневременным СТРУКТУРАМ, а не «стадиям» развития. Таким образом, когда Лакан говорит о «времени», он обычно подразумевает не мимолетный диахронический момент, но структуру, относительно стабильное синхроническое состояние. Точно так же упорядочивание «трех периодов Эдипова комплекса» происходит в согласии с логическим приоритетом, а не хронологической последовательностью. Изменение рассматривается не как постепенное и ровное движение по прямой, но как резкий переход от одной дискретной структуры к другой.

Акцент на синхронических или вневременных структурах можно рассматривать как попытку разработки фрейдовского утверждения о не-существовании времени в бессознательном. Однако Лакан модифицирует эту интерпретацию, заявляя в 1964 г., что бессознательное может быть охарактеризовано темпоральными движениями открытия и закрытия (SII, 143, 204).

- **Ретроактивность и предвосхищение** Другие формы психоанализа, такие как эго-психология, берут за основу линейную концепцию времени (например, представление о линейной последовательности стадий развития ребенка; см. РАЗВИТИЕ). Лакан полностью отвергает такую концепцию, утверждая, что в психике благодаря ретроактивности и предвосхищению время может двигаться как в прямом, так и в обратном направлении.

- **Ретроактивность (фр. *après coup*; англ. *retroaction*)** Лакановский термин «*après coup*» использовался французскими аналитиками для перевода фрейдовского понятия «*Nachträglichkeit*» (которое в «*Полном собрании сочинений*» переводится как «отложенное действие» [англ. *deferred action*]). Этот термин указывает на то, что в психике события, происходящие в настоящем, воздействуют на события прошлого *a posteriori*, поскольку прошлое существует в психике как совокупность постоянно перерабатываемых и реинтерпретируемых в свете настоящего опыта воспоминаний. Психоанализ интересуется не действительная последовательность событий в прошлом, но то, каким образом эти события существуют в памяти пациента и то, каким образом он о них говорит. Следовательно, утверждая, что целью психоаналитического лечения является «полное восстановление истории субъекта» (S1, 12), Лакан ясно дает понять, что под «историей» он подразумевает не простую последовательность прошедших событий, но «синтез прошлого в настоящем» (S1, 36). «История это не прошлое. История является прошлым постольку, поскольку оно историзируется в настоящем» (S1, 12). Поэтому догенитальные стадии рассматриваются не как действительные события, предшествующие генитальной стадии, но как формы ТРЕБОВАНИЯ, ретроактивно проецируемые в прошлое (E, 197). Лакан показывает, что дискурс также структурируется ретроактивно; только после произнесения последнего слова в предложении можно понять его смысл в целом (E, 303) (см. ПУНКТУАЦИЯ).

- **Предвосхищение** [англ. *anticipation*] Если ретроактивность имеет отношение к тому, как настоящее воздействует на прошлое, то предвосхищение указывает на то, как будущее влияет на настоящее. Предвосхищение, как и ретроактивность, характерно для структур речи: первые слова предложения упорядочиваются в предвосхищении последующих (Е, 303). Это производится на стадии зеркала как предвосхищение воображаемой будущей целостности (которая никогда, по сути, не достигается). Лингвистическим примером структуры предвосхищения является будущее совершенное время [англ. *future-perfect tense*] (Е, 306). Предвосхищение также играет важную роль в троичной структуре логического времени: «Момент заключения» приходит поспешно, в предвосхищении будущей определенности (Ес, 209).

ВЫТЕСНЕНИЕ

(фр. *refoulement*; англ. *repression*) Понятие вытеснения является одним из базовых понятий психоаналитической теории и обозначает процесс изгнания определенных мыслей и воспоминаний из сознания и заключения их в бессознательном. Фрейд впервые подошел к осмыслению этого процесса исследуя амнезию у истерических пациентов. Позднее он провел различие между первичным вытеснением («мифическим» забвением чего-то, что никогда и не было осознано, первоначальным «психическим актом», посредством которого конституируется бессознательное) и вторичным вытеснением (конкретным актом вытеснения, изгнания возникшей в сознании идеи или ощущения). Поскольку вытеснение не уничтожает идеи и воспоминания, но только заключает их в бессознательном, вытесненный материал всегда возвращается в искаженном виде в форме симптомов, снов, оговорок, и пр. (возвращение вытесненного).

Согласно Лакану, вытеснение является фундаментальной операцией невроза, отличающей его от других клинических структур. Если *форклюзия* характерна для психотиков, а *отрицают* перверты, то *вытесняют* только невротики.

Что же подвергается вытеснению? На определенном этапе Лакан утверждает, что вытеснению подвергается означаемое (Е, 55), однако вскоре меняет позицию и начинает утверждать, что вытесняется только означающее, но никогда не означаемое (S11, 218). Последнее утверждение соответствует фрейдовской мысли о том, что вытесняется не «аффект» (который может только смещаться или преобразовываться), но «идеационный представитель» влечения.

Лакан заимствует у Фрейда различие между первичным и вторичным вытеснением:

1. Первичное вытеснение (нем. *Urverdrängung*) представляет собой отчуждение влечения, в котором потребность артикулируется посредством требования (Е, 286). Оно является также бессознательной цепью означающих (Е, 314). Объектом первичного вытеснения является первое означающее. «С того момента, как он [ребенок – прим. пер.] начинает говорить, с этого самого момента и не раньше, я понимаю, что происходит вытеснение» (S20, 53). Лакан понимает под первичным вытеснением не особый психический акт, происходящий во

времени, но структурную особенность самого языка – то есть, необходимую незавершенность, невозможность высказать «всю истину об истине» (Ес, 868).

2. Вторичное вытеснение (нем. *Verdrängung*) представляет собой особый психический акт вычеркивания означающего из цепи означающих. Вторичное вытеснение структурировано как метафора и приводит к «возвращению вытесненного», когда вытесненное означающее появляется под видом различных образований бессознательного (т.е. симптомов, снов, оговорок, шуток и пр.). В случае вторичного вытеснения, само вытеснение и возвращение вытесненного являются «одним и тем же» (с. 168).

Г

галлюцинация

(фр., англ. *hallucination*) В психиатрии под галлюцинациями понимаются «ложные ощущения», то есть ощущения, возникающие «при отсутствии соответствующего внешнего стимула» (Hughes, 1981:208; см. Американская Психиатрическая Ассоциация, 1987:398). Лакан находит такое определение неудачным, поскольку в нем игнорируется измерение смысла и означивания (Ес, 77; см. Е, 180). Галлюцинации являются типичными проявлениями ПСИХОЗА и могут принимать как аудиальную (голоса в голове), так и визуальную, соматическую, тактильную, обонятельную или вкусовую формы.

Лакан утверждает, что психотические галлюцинации являются следствием ФОРКЛЮЗИИ, которая предполагает отсутствие ИМЕНИ-ОТЦА в символической структуре психотического субъекта. Галлюцинация представляет собой возвращение подвергшегося форклюзии означающего в измерении реального: «То, что не появляется в символическом, возникает в реальном» (Ес, 388). При этом нельзя путать механизм форклюзии с ПРОЕКЦИЕЙ, которая является, согласно Лакану, механизмом невроза, а не психоза. Утверждение о существовании различия между этими механизмами Лакан основывает на фрейдовском анализе галлюцинаций Шребера: «Утверждать, что ощущения, подавленные внутри, проецируются наружу, будет неверно; истина, как мы видим сейчас, в другом – то, что упраздняется внутри, возвращается извне» (Freud, 1911с: SE XII, 71).

Хотя галлюцинации чаще всего ассоциируются с психозами, они имеют и другое значение, играющее важную роль в структуре желания всех субъектов. Фрейд утверждает, что «первое хотение [англ. *wishing*] являлось, судя по всему, галлюцинаторным катексисом воспоминания об удовлетворении» (Freud, 1900а: SE V, 598).

генитальное

(фр. *génital*; англ. *genital*) Генитальная стадия является одной из описанных Фрейдом стадий психосексуального РАЗВИТИЯ. Это заключительная стадия, которой предшествуют две догенитальные стадии (оральная и анальная). Прохождение генитальной стадии начинается в возрасте между тремя и пятью годами (период инфантильной генитальной

организации, или фаллическая фаза), затем прерывается латентным периодом, и возобновляется в период половой зрелости (собственно генитальная стадия). Фрейд определял эту стадию как заключительный этап формирования «целостной организации» либидо, на котором происходит синтез прежней анархической «полиморфной перверсивности» догенитальных стадий (см. Freud, 1940a: SE XXIII, 155). Поэтому для психоаналитической теории после Фрейда понятие «генитальности» приобрело центральное значение и стало служить для обозначения стадии окончательного психосексуального взросления («генитальная любовь» у Балинта).

Лакан отвергает психоаналитические концепции генитальной стадии, генитальной любви и т.п., называя их «нелепым гимном генитальной гармонии» (E, 245). По его мнению, в генитальности нет ничего гармоничного.

- **Генитальная стадия** Лакан рассматривает стадии психосексуального развития не как естественные фазы биологического взросления, но как ретроактивно структурированные формы ТРЕБОВАНИЯ (S8, 238–46). Желание, скрытое за требованием на оральной и анальной стадиях, полностью конституируется только на генитальной стадии (S8, 270). Таким образом, Лакан, как и Фрейд, описывает генитальную стадию в качестве третьего этапа, следующего после оральной и анальной стадий (S8, 268). Однако анализируя эту стадию, Лакан уделяет особое внимание тому, что Фрейд называет *инфантильной* генитальной организацией (также известной как фаллическая фаза); это период, когда ребенок знает только об одном половом органе (мужском) и проходит через комплекс кастрации. Таким образом, подчеркивает Лакан, поскольку генитальная фаза отмечена знаком кастрации, она может существовать лишь гипотетически; «генитальная реализация» может быть достигнута только при условии принятия субъектом собственной кастрации (S4, 219). Более того, настаивает Лакан, даже после того, как полиморфно-перверсивная сексуальность догенитальных фаз подчиняется генитальной организации, догенитальная сексуальность не исчезает полностью; «наиболее архаичные стремления ребенка являются... ядром, не исчезающим даже под приматом генитальности» (S7, 93). Таким образом, Лакан отвергает понятие последней стадии синтеза; для человека синтез невозможен, поскольку человеческая субъективность фундаментально разделена.

- **Генитальное влечение** Лакан не включает это влечение в список частичных влечений. Учитывая его мысль о том, что любое влечение является частичным, отказ рассматривать генитальное влечение в качестве частичного проблематизирует само его существование. В 1964 г. Лакан очень четко выражает свою позицию: «Генитальное влечение, если даже оно существует, не может быть поставлено в один ряд с другими влечениями» (S11, 189). В отличие от них, генитальное влечение (если оно существует) «находит свою форму» на стороне Другого (S11, 189). Кроме того, не существует такого «генитального объекта», которому оно могло бы соответствовать.

- **Генитальная любовь** Лакан отвергает понятие «генитальной любви» Майкла Балинта (Balint, 1947). Это понятие обозначает психосексуальную зрелость, предполагающую полную интеграцию и гармонизацию двух элементов – чувственности и аффекта – и отсутствие между ними какой бы то ни было амбивалентности. Фрейд никогда не использовал этот термин, и Лакан считает его чуждым психоаналитической теории. Он называет идеи полной психосексуальной зрелости и синтеза, предполагаемые термином «генитальной любви», иллюзиями, скрывающими «конфликты и унижения» (нем. *Erniedrigungen*; англ. *snubs*),

характерные для любой, даже наиболее совершенной любовной взаимности» (Е, 245). Не существует пост-амбивалентных объектных отношений.

Понятие генитальной любви тесно связано с понятием «жертвенности» [англ. *oblativity*], используемым некоторыми психоаналитиками для обозначения взрослой формы любви, в которой любимого любят за то, чем он является, а не за то, что он может дать. Лакан относится к понятию жертвенности так же критично, как и к понятию генитальной любви, и рассматривает его в качестве формы морализации и предательства открытия психоанализом частичного объекта (S8, 173–4). Он утверждает, что понятие жертвенности ближе к анальному эротизму и не имеет ничего общего с генитальностью. Отталкиваясь от фрейдовской идеи эквивалентности между фекалиями и дарами, Лакан утверждает, что формула жертвенности – «все для другого» – является фантазмом навязчивого невротика (S8, 241).

ГЕШТАЛТ

Gestalt это немецкое слово, означающее организационный принцип или целое, свойства которого отличны от свойств каждой из его отдельных частей. Экспериментальное исследование гештальтов началось в 1910 г. с изучения определенных явлений восприятия и привело к созданию «гештальтпсихологии», основанной на холистическом понимании разума и тела и уделяющей большое внимание психологической важности телесной репрезентации. Эти идеи легли в основу гештальт-терапии разработанной Полом Гудмэном, Фритцом Перлзом и Ральфом Хефферлином.

Лакан подразумевает под понятием гештальта особую организационную модель, в качестве которой выступает визуальный образ другого представителя того же вида, воспринимающийся как завершенное целое. Такой образ является гештальтом потому, что воздействие, оказываемое им в целом, не сводимо к сумме воздействий, оказываемых его частями; это воздействие является «спусковым механизмом» (фр. *déclencheur*; англ. *releasing mechanism*), инициирующим определенный инстинктивный ответ, например, репродуктивное поведение (S1, 121f). Иными словами, когда животное воспринимает целостный образ другого представителя своего вида, оно реагирует на него определенным инстинктивным образом. Лакан приводит примеры инстинктивных реакций на образы из этологии (например, Е, 3), однако больше всего его интересуют функции гештальта у людей. Для человека телесный образ представителя своего вида тоже является гештальтом, провоцирующим инстинктивную реакцию. Это особенно справедливо для сексуальных образов. Однако его сила не сводится только к инстинкту. Она лежит в основе очаровывающего воздействия ЗЕРКАЛЬНОГО ОБРАЗА (см. САРТАЦИОН). Это формируется на стадии зеркала именно через идентификацию с гештальтом телесного образа. Однако воображаемое единство это постоянно подтачивается страхом расчленения, проявляющегося в образах ФРАГМЕНТИРОВАННОГО ТЕЛА; эти образы представляют собой противоположность целостного гештальта телесного образа.

ГОСПОДИН

(фр. *maître*; англ. *master*) В произведениях 1950-х гг. Лакан часто ссылается на «диалектику раба и господина», разработанную Гегелем в «Феноменологии духа» (1807). В данном случае, как и во всех других случаях обращения к Гегелю, лакановская мысль испытывает влияние идей Александра Кожева. Лакан познакомился с его прочтением Гегеля в ходе лекций 1930-х гг. (см. Kojève, 1947).

Согласно Кожеву, ДИАЛЕКТИКА раба и господина является неизбежным результатом того, что человеческое ЖЕЛАНИЕ является желанием признания. Чтобы достичь его, субъект должен доказать другому, что он что-то собой представляет. Однако поскольку другой точно так же желает признания, субъект вынужден начать с ним борьбу. Эта борьба за признание, за «чистый престиж» (Kojève, 1947:7; см. S1, 223) должна быть «борьбой на жизнь, а на смерть», поскольку доказать, что ты являешься человеком, можно только рискуя собственной жизнью в погоне за признанием. Однако борьба должна остановиться до смерти одного из борющихся, поскольку признание может быть получено только от живого человека. Поэтому борьба завершается тогда, когда один из борющихся отказывается от желания достичь признания и сдается другому; побежденный признает победителя своим «господином» и становится его «рабом». По сути, человеческое общество держится на согласии некоторых людей быть рабами вместо того, чтобы бороться насмерть; существование общества господ невозможно.

После достижения победы, господин заставляет раба трудиться на него. Труд раба заключается в переработке природы для того, чтобы господин мог потреблять ее и наслаждаться ею. Однако эта победа не так абсолютна, как может показаться: отношения между господином и рабом диалектичны, поскольку они ведут к отрицанию обеих сторон отношения. С одной стороны, господин не удовлетворяется достигнутым признанием, поскольку оно исходит не от другого человека, а всего лишь от раба, который является для господина просто животным или вещью; таким образом, «тот, кто ведет себя как Господин, никогда не достигает удовлетворения» (Kojève, 1947:20). С другой стороны, раб частично компенсирует свое поражение посредством труда, возвышающего его над природой и изменяющего ее первоначальное состояние. Изменяя мир, раб изменяет себя и становится творцом собственной судьбы, в отличие от господина, изменения которого опосредуются рабским трудом. Исторический прогресс является теперь «продуктом трудящегося раба, а не воинственного Господина» (Kojève, 1947:52). Результат этого диалектического процесса, таким образом, парадоксален: господин приходит к разочарованию «экзистенциального тупика», а раб сохраняет возможность достижения подлинного удовлетворения благодаря «диалектическому преодолению» собственного рабства.

Лакан обращается к диалектике раба и господина для иллюстрации широкого круга проблем. Например, борьба за чистый престиж иллюстрирует интерсубъективную природу желания, для которого принципиальное значение имеет признание со стороны другого. Борьба не на жизнь, а на смерть также иллюстрирует АГРЕССИВНОСТЬ, внутренне присущую дуальным отношениям эго и его двойника (E, 142). Более того, раб, покорно «ожидающий смерти господина» (E, 99), является хорошей аналогией навязчивого невротика, характерными чертами которого являются неуверенность и прокрастинация (см. S1, 286).

Лакан использует диалектику раба и господина, разрабатывая концепцию господского ДИСКУРСА. В формулировке этого дискурса господин является господским означающим (S₁),

которое заставляет раба (S_2) производить излишек [англ. *surplus*] (a), который он впоследствии присваивает себе. Господское означающее представляет субъекта всем другим означающим; таким образом, дискурс господина стремится к тотализации (поэтому Лакан ассоциирует дискурс господина с философией и онтологией, играя на созвучии слов *maître* и *m'êtré* [«господин» и «я сам», «я» – прим. пер.]; S_2 , 33). Однако он никогда не достигает своей цели, поскольку господское означающее не может представить субъекта полностью; всегда остается некий излишек, ускользающий от репрезентации.

граф желания

(фр. *graphe du désir*; англ. *graph of desire*) Граф желания является топографической репрезентацией структуры желания. Лакан впервые разрабатывает граф желания для иллюстрации психоаналитической теории шуток (см. Freud, 1905c) в «Пятой книге семинара» (Lacan, 1957–8). Граф снова появляется в нескольких из последующих выступлений (см. Lacan, 1958–9 and 1960–1), но затем практически исчезает из произведений Лакана. Он появляется в различных формах, наиболее известную из которых Лакан предлагает в статье «Подрыв субъекта и диалектика желания» (Lacan, 1960a). Данный вариант графа желания состоит из четырех стадий. Первая из них является его «элементарной клеточкой» (Рисунок 3; см. E, 303).

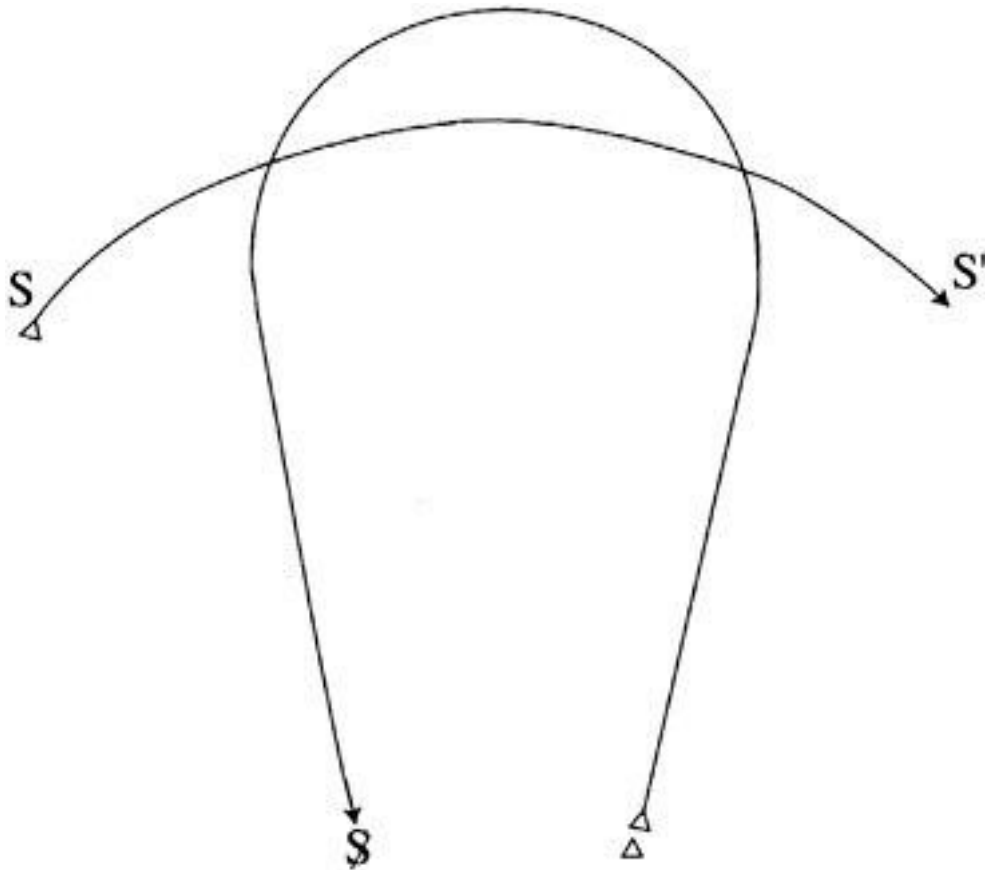

Рисунок 3 Элементарная клетка графа желания

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

Горизонтальная линия представляет диахроническую ЦЕПЬ ОЗНАЧАЮЩИХ; подковообразная линия представляет вектор интенциональности субъекта. Двойное пересечение этих линий иллюстрирует природу ретроактивности: сообщение, возникающее в точке $s(A)$ на завершенном графе, является *POINT DE CAPITON*, определяемой ретроактивно благодаря особой пунктуации, задаваемой Другим. Долингвистический, мифический субъект чистой потребности, обозначенный треугольником, должен пройти через дефиле [англ. *defiles*] означающего, которое производит разделенного субъекта, \mathcal{S} .

Промежуточные стадии графа не предполагают существования какого-либо эволюционного или темпорального развития, поскольку граф всегда существует как целое; они используются Лаканом лишь в качестве педагогических приемов, иллюстрирующих структуру завершенного графа (Рисунок 4; см. E, 315 и Ec, 817).

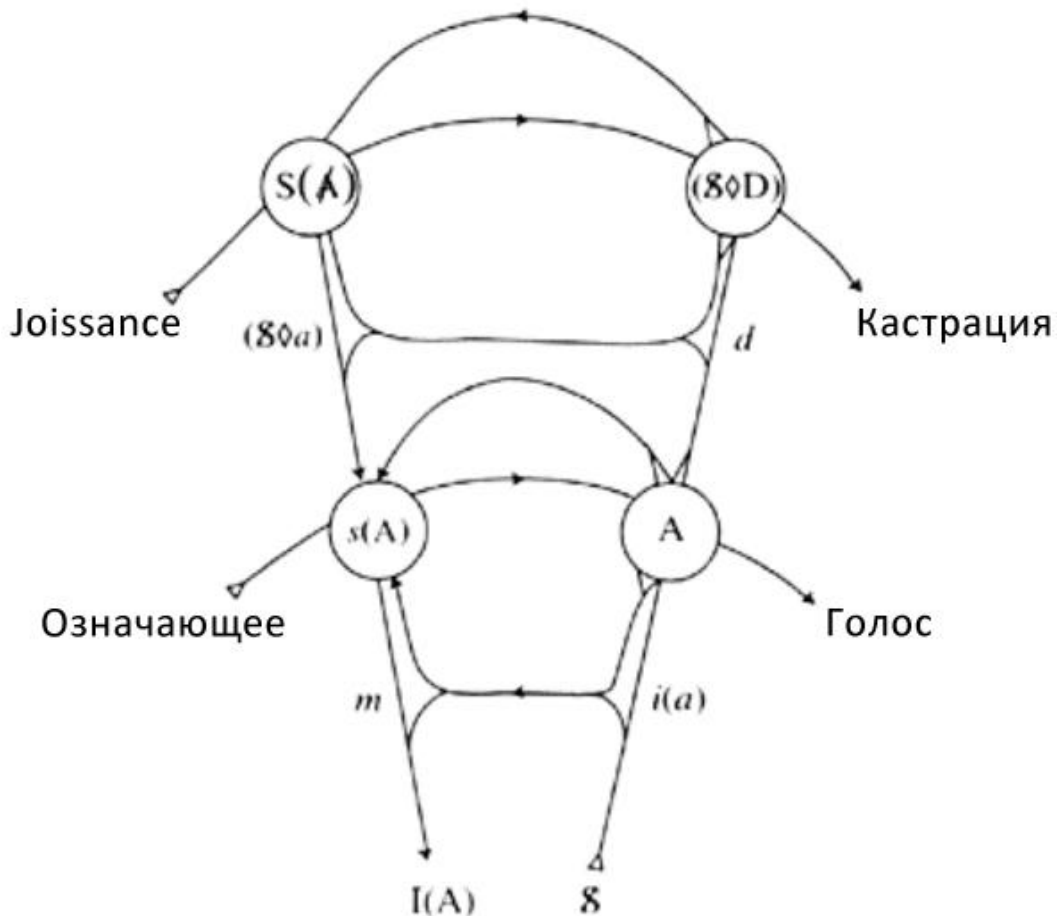

Рисунок 4 Завершенный граф желания

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

В завершенном графе присутствуют две цепи означающих. Нижняя цепь (от означающего к голосу) является сознательной цепью означающих, уровнем утверждения. Верхняя цепь (от *jouissance* к кастрации) является цепью означающих, расположенной в бессознательном, на уровне ПРОГОВАРИВАНИЯ. Таким образом, структура удваивается: верхняя часть графа структурирована так же, как и нижняя.

Д

ДВОЙНИК

(фр. *semblable*; англ. *counterpart*) Термин «двойник» начинает играть важную роль в творчестве Лакана с 1930-х гг. Он используется для обозначения других людей, в которых субъект обнаруживает черты подобия с собой (в первую очередь речь идет о сходстве визуального характера). Двойник играет важную роль в комплексе вмешательства и на СТАДИИ ЗЕРКАЛА (оба этих явления тесно связаны).

Комплекс вмешательства является одним из трех «семейных комплексов», описанных Лаканом в статье 1938 г. Он возникает тогда, когда ребенок впервые осознает, что у него есть брат/сестра, то есть другие *похожие на него* субъекты, играющие определенную роль в структуре семьи. Ключевое значение имеет именно подобие; ребенок идентифицируется со своим братом/сестрой на основе телесного сходства (которое возможно, конечно, только при условии относительно малого возрастного различия между ними). Именно эта идентификация вызывает появление «имаго двойника» (Lacan, 1938:35–9).

Имаго двойника равнозначно образу тела самого субъекта, то есть тому ЗЕРКАЛЬНОМУ ОБРАЗУ, идентификация с которым на стадии зеркала приводит к формированию эго. Эта равнозначность особенно ярко проявляется в феномене ТРАНЗИТИВИЗМА и демонстрирует способ конституирования субъектом объектов на основе своего эго. Образ тела другого человека распознается только потому, что он напоминает образ собственного тела, и наоборот, двойник воспринимается в качестве отдельного, самостоятельного эго, только благодаря проекции на него собственного эго.

В 1955 г. Лакан вводит различие между «большим Другим» и «маленьким другим» (или «воображаемым другим»). Последний термин он относит к двойнику и/или зеркальному образу. Двойник представляет собой маленького другого, не являющегося другим в полном смысле этого слова; в отличие от большого Другого он не представляет радикальной инаковости и является другим постольку, поскольку он подобен эго (равнозначность a и a' в схеме L).

диалектика

(фр. *dialectique*; англ. *dialectic*) Термин «диалектика» возник в Древней Греции, где использовался для обозначения (среди прочего) дискурсивной процедуры выявления противоречивости позиции одного из участников спора. Платон приписывает применение этой тактики Сократу, который использует ее в начале большинства его диалогов для того, чтобы ввести собеседника в состояние замешательства и беспомощности. Лакан сравнивает это состояние с первой стадией психоаналитического лечения, на которой аналитик вынуждает анализанда столкнуться с противоречиями и разрывами в собственном повествовании. Впрочем, так же как Сократ приводит собеседника к истине исходя из его противоречивых утверждений, аналитик, продолжая анализ, выводит истину из свободных ассоциаций анализанда (см. S8, 140). Таким образом, утверждает Лакан, «психоанализ является диалектическим опытом» (Ес, 216), поскольку аналитик должен вовлечь анализанда в «диалектическую операцию» (S1, 278). Только благодаря «бесконечному диалектическому процессу» аналитик может ниспровергнуть иллюзию постоянства и стабильности эго, подобно тому, как это происходит в Сократическом диалоге (Lacan, 1951b:12).

Хотя авторство диалектического метода принадлежит древнегреческим философам, его влияние на современную философию обусловлено реактуализацией в учениях посткантовских идеалистов Фихте и Гегеля, которые рассматривали диалектику как триаду: тезис, антитезис и синтез. Для Гегеля диалектика представляет собой и метод мышления, и структуру самого исторического процесса. Так, в «Феноменологии духа» (1807) Гегель доказывает, что сознание движется к абсолютному знанию через серию столкновений между противоположными элементами. Каждое столкновение разрешается операцией, называемой *Aufhebung* (обычно переводится как «снятие» [англ. *sublation*]), в которой новая идея (синтез) рождается из борьбы противоположностей – тезиса и антитезиса; синтез одновременно уничтожает, сохраняет и поднимает эту противоположность на более высокий уровень.

Лакан усвоил гегелевскую диалектику благодаря Александру Кожеву, лекции которого он посещал в Париже в 1930-х гг. (см. Kojève, 1947). Вслед за Кожевым, Лакан уделяет особое внимание той стадии диалектического процесса, на которой ГОСПОДИН противостоит рабу, а также способу диалектического формирования ЖЕЛАНИЯ через отношение к желанию Другого. Используя в качестве примера случай Доры, Лакан демонстрирует, как психоаналитическое лечение ведет к истине через серию диалектических изменений (Lacan, 1951a). Также с помощью понятия *Aufhebung* Лакан демонстрирует, как символический порядок одновременно уничтожает, сохраняет и поднимает объект воображаемого (воображаемый фаллос) до статуса означающего (символический фаллос); фаллос становится «означающим самого *Aufhebung*, возникающим благодаря собственному исчезновению» (Е, 288).

Впрочем, между лакановской и гегелевской диалектикой существуют принципиальные отличия. Лакан не признает существование последнего синтеза, представленного понятием абсолютного знания у Гегеля; невозможность подобного синтеза определяется несводимостью бессознательного. Согласно Лакану, «*Aufhebung* является одним из сладких снов философии» (S20, 79). Отрицание заключительного синтеза ставит под вопрос само понятие прогресса. Таким образом, Лакан противопоставляет собственную версию *Aufhebung* гегелевской, заменяя идею ПРОГРЕССА «аватарами нехватки» (Ес, 837).

дискурс

(фр. *discours*; англ. *discourse*) Каждый раз, используя понятие «дискурс» (а не, к примеру, «речь»), Лакан подчеркивает надиндивидуальную природу языка, то есть то обстоятельство, что речь всегда предполагает другого субъекта, собеседника. Таким образом, знаменитый лакановский афоризм «бессознательное – это дискурс другого» (впервые появился в 1953 г. и позднее был переформулирован как «бессознательное – это дискурс Другого») определяет бессознательное как совокупность воздействий, оказываемых на субъекта речью, адресованной ему другим, забытым субъектом, другой психической локальностью (другой сценой).

В 1969 г. Лакан начинает несколько иначе использовать понятие «дискурс», сохраняя при этом акцент на ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ. С этого года данное понятие начинает обозначать «социальную связь, осуществляющуюся в языке» (S₂₀, 21). Лакан выделяет четыре типа возможных социальных связей, четыре возможных способа соединения символической цепи, регулирующей интерсубъективные отношения. Этими «четырьмя дискурсами» являются дискурс господина, дискурс университета, дискурс истерика и дискурс аналитика. Лакан представляет каждый из четырех дискурсов в качестве алгоритма. Каждый из алгоритмов содержит следующие алгебраические символы:

S₁ = господское означающее

S₂ = знание (*le savoir*)

§ = субъект

a = прибавочное наслаждение

Отличия между дискурсами определяются расположением этих четырех символов. В алгоритме каждого дискурса существует четыре позиции, каждая из которых имеет свое название (Рисунок 5). В различные периоды своего творчества Лакан по-разному называет эти позиции. Данная схема взята из семинара 1972-1973 гг. (S₂₀, 21).

Рисунок 5 Структура четырех дискурсов

Источник: Jacques Lacan. *Le Séminaire. Livre XX. Encore*, ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975.

Каждый из дискурсов определяется помещением четырех алгебраических символов на различные позиции. Порядок следования символов при этом не изменяется, так что каждый из последующих дискурсов производится в результате смещения символов предыдущего на

четверть оборота. Верхняя левая позиция («Агент») является доминирующей позицией, которая определяет собой весь дискурс. В дополнение к четырем символам, каждый алгоритм содержит также стрелку, указывающую направление от агента к другому. Все четыре дискурса проиллюстрированы на Рисунке 6 (взятом из S17, 31).

Дискурс господина

$$\frac{S_1}{S} \rightarrow \frac{S_2}{a}$$

Дискурс университета

$$\frac{S_2}{S_1} \rightarrow \frac{a}{S}$$

Дискурс истерика

$$\frac{S}{a} \rightarrow \frac{S_1}{S_2}$$

Дискурс аналитика

$$\frac{a}{S_2} \rightarrow \frac{S}{S_1}$$

Рисунок 6 Четыре дискурса

Источник: Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre XVII. L'envers de la psychanalyse*. ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975.

В 1971 г. Лакан высказывает предположение, что позиция агента является также позицией ВИДИМОСТИ. В 1972 г. в этих же формулах Лакан рисует две стрелки вместо одной; верхняя стрелка (которую он называет «невозможность» [англ. *impossibility*]) указывает в направлении от агента к другому, а нижняя («бессилие» [англ. *powerlessness*]) – от продукта к истине (S20, 21).

Дискурс ГОСПОДИНА является базовым дискурсом, из которого происходят все остальные. Доминирующую позицию в нем занимает господское означающее (S_1), которое представляет субъекта ($\$$) другому означающему, или, точнее, всем другим означающим (S_2). Однако в такой операции означивания всегда присутствует излишек, которым является *objet petit a*. Поэтому все попытки тотализации обречены на провал. Дискурс господина «скрывает разделенность субъекта» (S17, 118). Он также ясно иллюстрирует структуру диалектических отношений раба и господина. Господин (S_1) является агентом, принуждающим раба (S_2) к труду; результатом этого труда является излишек (a), которым стремится завладеть господин.

Дискурс университета производится посредством смещения дискурса господина на четверть оборота (против часовой стрелки). Доминирующую позицию занимает знание (*savoir*). Этим демонстрируется то обстоятельство, что за любой попыткой передать другому по-видимому «нейтральное» знание всегда может быть обнаружена попытка установления господства (господство знания, и доминирование над другим, которому это знание передается). Дискурс университета представляет собой гегемонию знания, проявляющуюся сегодня в форме гегемонии науки.

Дискурс истерика производится так же, как дискурса университета, но на этот раз смещение происходит по часовой стрелке. Этот дискурс представляет собой не просто «что-то, сказанное истериком», но определенный тип социальной связи, в которую может быть

вписан любой субъект. Доминирующую позицию занимает разделенный субъект, симптом. Данный дискурс указывает в направлении знания (S17, 23). Психоаналитическое лечение предполагает «структурное введение дискурса истерика посредством создания искусственных условий»; иными словами, аналитик должен «истеризировать» дискурс пациента (S17, 35).

Дискурс аналитика производится посредством поворота дискурса истерика на четверть (подобно тому, как Фрейд, разрабатывая психоанализ, совершает интерпретативный поворот к дискурсу своих истерических пациентов). Позиция агента, занимаемая аналитиком в ходе лечения, принадлежит *objet petit a*; это значит, что в ходе лечения аналитик должен стать причиной желания анализанда (S17, 41). Тот факт, что данный дискурс является инверсией дискурса господина, подчеркивает, что для Лакана психоанализ является разрушительной по своей сути практикой, подрывающей все притязания на доминирование и господство (для получения более полной информации о четырех дискурсах, см. Bracher и др., 1994).

доэдипальная фаза

(фр. *stade préœdipien*; англ. *preoedipal phase*) Доэдипальная фаза представляет собой период психосексуального развития, предшествующий образованию ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА. Этот термин появился в позднем творчестве Фрейда, в контексте изучения женской сексуальности (Freud, 1931b).

До Лакана доэдипальную фазу обычно представляли в качестве ДУАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ между матерью и ребенком, предшествующего внедрению третьего элемента, который мог бы опосредовать их связь. Лакан утверждал, что недостатком такого представления является нерепрезентируемость данного периода для психоаналитической теории. Психоанализ имеет дело исключительно со структурой, для существования которой необходимо как минимум три элемента. Следовательно, если доэдипальная фаза является дуальным отношением, она «не может рассматриваться с аналитической точки зрения» (E, 197). Поскольку всегда присутствует третий элемент, ребенок никогда не оказывается полностью наедине с матерью (S4, 240–1).

Поэтому, говоря о доэдипальной фазе, Лакан представляет ее в качестве троичного, а не дуального отношения (S4, 81). В качестве третьего элемента в доэдипальной триаде, опосредующего дуальное отношение между матерью и ребенком, выступает ФАЛЛОС, воображаемый объект, циркулирующий между ними в серии обменов. В семинаре 1957–1958 гг. Лакан говорит об этой воображаемой триаде не как о доэдипальной фазе, но как о первом «периоде» Эдипова комплекса.

Вне зависимости от того, выделяется ли он в качестве доэдипальной фазы или рассматривается как первый период Эдипова комплекса, воображаемая триада мать-ребенок-фаллос возникает тогда, когда младенец ощущает нехватку в матери. Младенец понимает, что мать не может полностью им удовлетвориться и желает чего-то другого (фаллоса). Поскольку ребенок хочет стать фаллосом для матери, он включается в соблазнительную игру обманок [англ. *seductive game of lures*]. В этой игре он «никогда не присутствует там, где он есть, и никогда полностью не отсутствует там, где его нет» (S4, 193; см. также S4, 223–4). В семинаре 1956–1957 гг., анализируя случай Маленького Ганса (Freud, 1909b), Лакан доказывает, что до

определенного момента эта игра удовлетворяет Ганса. Он утверждает также, что в ней самой не содержится ничего, что могло бы прервать это райское доэдипальное состояние (S4, 226). Впрочем, кое-что еще все же вмешивается в эту игру, вызывая неприятное ощущение тревоги. Этим «кое-чем еще» оказывается первый намек на влечение, проявляющий себя в инфантильной мастурбации (S4, 225–6). Вмешательство реального органа трансформирует циркуляцию в воображаемой триаде в смертельную игру, в которой ребенок оказывается жертвой капризного желания всемогущей, всепоглощающей матери (S4, 69, 195). Только вмешательство четвертого элемента – отца, заявляющего свои права на фаллос на основании символического закона – может вырвать ребенка из этой смертельной игры.

Лакан проявляет интерес к доэдипальной фазе не только потому, что она является условием формирования Эдипова комплекса, но также потому, что именно она является источником любых перверсий (S4, 193). ПЕРВЕРСИЯ всегда предполагает идентификацию с одним из элементов доэдипальной триады, то есть матерью или воображаемым фаллосом (или обоими в случае фетишизма).

другой/Другой

(фр. *autre/Autre*; англ. *other/Other*) Термин «другой» является, возможно, самым сложным из лакановских терминов. Когда Лакан начал впервые использовать этот термин в 1930-х гг., он еще не имел принципиального значения и обозначал просто «других людей». Хотя Фрейд использовал термин «другой» в смысле «*der Andere*» (другой человек [англ. *the other person*]) и «*das Andere*» (друговость [англ. *otherness*]), Лакан, похоже, заимствовал этот термин у Гегеля. С работами последнего он познакомился в ходе посещения серии лекций, прочитанных Александром Кожевным в *École des Hautes Études* в 1933-1939 гг. (см. Kojève, 1947).

В 1955 г. Лакан проводит различие между «маленьким другим» («другой») и «большим Другим» («Другой») (S2, гл. 19). Это различие становится центральным для всего его последующего творчества. В дальнейшем, в лакановской алгебре большой Другой стал обозначаться знаком А (прописная буква, как в французском *Autre*), а маленький другой – знаком а (строчная буква, курсив, как в французском *autre*). Лакан настаивает на том, что понимание этого различия является основополагающим для аналитической практики: аналитик должен быть «насквозь проникнут» различием между А и а (Е, 140), для того, чтобы суметь поместить себя на место Другого, а не другого (Ес, 454).

1. Маленький другой – это иллюзорный другой, на самом деле являющийся отражением и проекцией ЭГО (поэтому в СХЕМЕ L символ а может обозначать как маленького другого, так и эго). Он одновременно является и ДВОЙНИКОМ, и ЗЕРКАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ. Следовательно, маленький другой полностью вписан в порядок воображаемого. Более подробно о различных способах использования символа а в работах Лакана, см. *OBJET PETIT A*.

2. Большой другой представляет собой радикальную инаковость, друго-вость [англ. *otherness*], неассимилируемую посредством идентификации и поэтому преодолевающую иллюзорную друговость воображаемого. Другой вписан в порядок символического, поскольку Лакан сравнивает его радикальную инаковость с языком и законом. Действительно, большой

Другой является индивидуализированной для каждого субъекта формой символического. Другой является и другим субъектом, представленным в его радикальной инаковости и неассимилируемой уникальности, и символическим порядком, опосредующим отношение с этим другим субъектом.

Однако значение «Другой как субъект» является сугубо вторичным по отношению к значению «Другой как символический порядок»; «Другой должен рассматриваться, прежде всего, как локус, в котором конституируется речь» (S3, 274). Поэтому говорить о Другом как о субъекте можно только во вторичном смысле: субъект может занимать место Другого и «воплощать» его для другого субъекта (S8, 202).

Доказывая, что речь исходит не из эго, и даже не из субъекта, а из Другого, Лакан подчеркивает, что и речь и язык находятся вне чьего-либо сознательного контроля; они происходят из иного места, находящегося вне сознания; следовательно, «бессознательное – это дискурс Другого» (Ес, 16). Рассматривая Другого в качестве места, Лакан ссылается на фрейдовское понятие психической локальности, описывающее бессознательное как «другую сцену» (см. СЦЕНА).

Мать является первым «воплощением» большого Другого для ребенка, поскольку именно она воспринимает его примитивные крики и ретроактивно распознает их в качестве сообщений (см. ПУНКТУАЦИЯ). Формирование комплекса кастрации происходит тогда, когда ребенок осознает, что этот Другой не является целым, что в нем существует НЕХВАТКА. Иными словами, в сокровищнице означающих, построенной Другим, одного означающего всегда недостает. Мифического завершенного Другого (А в лакановской алгебре) не существует. В 1957 г. Лакан графически проиллюстрировал незавершенность Другого посредством ЧЕРТЫ, зачеркивающей символ А и производящей \mathbf{A} ; следовательно, этот кастрированный, незавершенный Другой называется *зачеркнутым Другим*.

Другим также является «Другой пол» (S20, 40). Другим полом всегда является ЖЕНЩИНА – как для мужчины, так и для женщины: «Мужчина здесь играет роль переключателя, посредством которого женщина становится Другим для самой себя, так же, как она является Другим для него» (Ес, 732).

ДУАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

(фр. *relation duelle*; англ. *dual relation*) Двойственность и дуальные отношения являются существенными характеристиками порядка воображаемого. Фундаментальным дуальным отношением, представленным лакановской концепцией СТАДИИ ЗЕРКАЛА, является отношение между ЭГО и ЗЕРКАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ (a и a'). Дуальные отношения характеризуются иллюзиями подобия, симметрии и взаимности.

Если порядок воображаемого характеризуется двойственностью, то символическому порядку присуща троичность. В нем любые отношения включают в себя не два, а три элемента; третьим элементом является большой Другой, опосредующий любые воображаемые дуальные отношения. Иллюзия взаимности воображаемых дуальных отношений контрастирует с царством «абсолютной не-взаимности» символического (Ес, 774). Эдипов

комплекс представляет собой фундаментальную троичную структуру, поскольку Отец появляется в качестве третьего элемента в дуальных отношениях между матерью и ребенком. Эдипальный переход от дуального отношения к троичной структуре является ничем иным, как переходом от воображаемого к символическому порядку. Действительно, само понятие структуры предполагает как минимум три элемента; «в структуре всегда присутствуют три элемента» (S1, 218).

Отношения между диадами воображаемого и символическими триадами усложняются, когда Лакан вводит понятие «воображаемой триады» (E, 197; S4, 29). Это понятие представляет собой попытку осмысления ДОЭДИПАЛЬНОЙ ФАЗЫ вне дуальных отношений. Лакан утверждает, что в этой фазе между матерью и ребенком уже циркулирует третий элемент (воображаемый фаллос). Вмешательство отца в Эдиповом комплексе может рассматриваться как внедрение третьего (между матерью и ребенком), или четвертого (между матерью, ребенком и фаллосом) элемента. Поэтому Лакан пишет, что в Эдиповом комплексе «речь идет не о триаде отец-мать-ребенок, а о триаде (отец)-фаллос-мать-ребенок» (S3, 319).

Чаще всего Лакан критикует современную ему психоаналитическую теорию за пренебрежение символическим и сведение психоаналитического лечения к воображаемым дуальным отношениям между аналитиком и анализандом. Лакан утверждает, что следствием такого пренебрежения является серия теоретических недоразумений (см. E, 246), в частности – сведение аналитического лечения к отношению между двумя эго. Последнее, из-за агрессивности, внутренне присущей любым воображаемым дуальным отношениям, часто вырождается в «борьбу ни на жизнь, а на смерть» между аналитиком и анализандом, в борьбу за власть «с шашками наголо» [англ. *at daggers drawn*] (см. ГОСПОДИН).

Выступая против подобных недоразумений, Лакан настаивает на значимости для аналитического процесса символического порядка, вводящего в аналитические отношения Другого в качестве третьего элемента. «Мы должны формулировать аналитический опыт посредством именно трех-, а не двух-частных отношений» (S1, 11). Таким образом, лечение не рассматривается как борьба за власть, в которой аналитик должен преодолеть сопротивление пациента, подобно тому, как это происходит в случае суггестии; аналитик должен понимать, что и он сам, и пациент, в равной степени подчинены власти третьего элемента: самого языка.

Отрицание Лаканом дуальности можно рассматривать также в контексте его предпочтения триад любым дуалистическим схемам; «любые двухсторонние отношения всегда отмечены присутствием воображаемого» (Lacan, 1956b:274). Например, вместо традиционной бинарной оппозиции реального и воображаемого, Лакан предлагает троичную модель реального, воображаемого и символического. Другими триадическими схемами являются клинические структуры невроза, психоза и перверсии; три образования эго (эго-идеал, идеальное эго и супер-эго); триада «природа-культура-общество»; и т.д. Впрочем, Лакан подчеркивает также важность схем, включающих в себя четыре элемента (см. ЧЕТВЕРИЧНОСТЬ).

Ж

желание

(фр. *désir*; англ. *desire*) Термин «*désir*» используется Лаканом для перевода на французский язык фрейдовского термина «*Wunsch*». В «*Полном собрании сочинений*» Стрэйчи переводит этот термин как «хотение» [англ. *wish*]. Следствием такого перевода стало столкновение английских переводчиков с дилеммой: переводить ли «*désir*» как «хотение», более близкое по смыслу к фрейдовскому «*Wunsch*», или как «желание» [англ. *desire*], близкое к французскому термину, но в меньшей степени отсылающее к Фрейдю? Все английские переводчики Лакана склоняются к последнему варианту, поскольку как в английском, так во французском языках, слово «желание» обозначает непрерывную силу, и выражает, таким образом, существенный смысловой аспект лакановского понятия. Также, синонимичность обоих слов с гегелевским «*Begierde*» позволяет сохранить философские нюансы, столь существенные для лакановского понятия «*désir*», которое приобретает статус «категории более общей и содержательной, чем любая из когда-либо использовавшихся Фрейдом» (Масеу, 1995:80).

Если есть хоть одно понятие, занимающее центральное место в лакановской мысли, то это понятие желания. Вслед за Спинозой, Лакан утверждает, что «желание является сущностью человека» (S11, 275; см. Spinoza, 1677:128); желание одновременно и суть человеческой жизни и центральная проблема психоанализа. Однако говоря о желании, Лакан каждый раз подразумевает не какое-то определенное желание, но бессознательное желание. Так происходит не потому, что Лакан считает сознательное желание несущественным, но потому, что именно бессознательное желание является главной проблемой психоанализа. Бессознательное желание является исключительно сексуальным; «мотивы бессознательного ограничиваются... сексуальным желанием... Другое великое, родовое желание, связанное с голодом, в нем не представлено» (E, 142).

Цель психоаналитического лечения заключается в приведении пациента к осознанию собственного желания. Однако достичь такого осознания возможно только посредством словесной артикуляции желания: «Только будучи сформулированным, названным в присутствии другого, желание, каким бы оно ни было, становится осознанным в полном смысле этого слова» (S1, 183).

Следовательно, для психоанализа «важно научить субъекта называть, артикулировать, производить на свет свое желание» (S2, 228). Однако дело заключается не в поиске новых

способов выражения уже существующего желания, как это подразумевается экспрессионистской теорией языка. Напротив, говоря о своем желании, пациент впервые производит его на свет:

Субъект должен осознать свое желание и дать ему имя; таково производительное действие анализа. Вопрос, впрочем, заключается не в осознании чего-то уже существующего... Именуя желание, субъект создает, производит на свет новое присутствие.

(S2, 228–9)

Впрочем, из-за фундаментальной «несовместимости желания с речью» (E, 275), словесная артикуляция желания никогда не бывает полной; эта несовместимость связана с нередуцируемостью бессознательного (поэтому бессознательное является не тем, что *неизвестно*, но тем, что *невозможно познать*). Хотя любая речь предполагает ту или иную степень содержания истины о желании, она все же не может артикулировать *всю* истину о желании; при любой попытке словесной артикуляции желания неизбежно производится остаток, излишек, выходящий за ее пределы.

Одно из важнейших заблуждений современных Лакану психоаналитических теорий заключалось, по его мнению, в смешении понятия желания с родственными ему понятиями ТРЕБОВАНИЯ и ПОТРЕБНОСТИ. Выступая против подобной тенденции, Лакан настаивал на необходимости различия этих трех понятий. Первую попытку провести подобное различие он осуществляет в работе 1957 г. (см. S4, 100–1, 125), но окончательной его концептуализации достигает лишь в 1958 г. (Lacan, 1958c).

Потребность является чисто биологическим ИНСТИНКТОМ, голодом, возникающим в согласии с требованиями организма и полностью затихающим (хоть и временно) после его удовлетворения. Рождаясь беспомощным, человеческий субъект не может удовлетворять собственные потребности, и поэтому зависит от Другого, способного ему в этом помочь. Чтобы получить помощь от Другого, младенец должен выразить свою потребность голосом; потребность должна быть артикулирована в требовании. Элементарные требования могут быть невнятными криками, но они служат в качестве знаков, привлекающих Другого и заставляющих его удовлетворить потребности младенца. Однако вскоре присутствие Другого приобретает самостоятельное значение, выходящее за пределы удовлетворения потребностей, поскольку начинает символизировать его любовь. Поэтому со временем требование начинает выполнять двойную функцию, выступая одновременно и в качестве артикуляции потребности, и в качестве требования любви. Впрочем, имея возможность предоставить объекты, удовлетворяющие потребности субъекта, Другой не может предоставить безусловную любовь, которой так жаждет субъект. Поэтому даже в случае удовлетворения всех потребностей, артикулируемых требованием, выражаемая им жажда любви остается неудовлетворенной. Этот остаток и является желанием. «Желание – это не жажда удовлетворения и не требование любви, а то различие, которое получается в результате вычитания первого из второго» (E, 287).

Желание, таким образом, является прибавочностью, производимой в результате артикуляции потребности требованием: «Желание начинает формироваться в зазоре, отделяющем требование от потребности» (E, 31). Потребность может быть удовлетворена; удовлетворение одной потребности приведет к исчезновению мотивации действий субъекта

до появления новой. Желание, напротив, никогда не может быть удовлетворено; оно вечно и постоянно в своем напряжении. Реализация желания состоит не в «исполнении», но в воспроизведении желания как такового.

Лакановское различие между потребностью и желанием, возвышающее понятие желания над царством биологии, очень напоминает различие, проводимое Кожевым между животным и человеческим желанием; желание является специфически человеческим в том случае, если оно направлено на другое желание, или на объект «совершенно бесполезный с биологической точки зрения» (Kojève, 1947:6).

Важно также отличать желание от влечений. Хотя оба они находятся в поле Другого (в отличие от любви), желание едино, а влечения множественны. Иными словами, влечения являются особыми (частичными) проявлениями единой силы, называемой желанием (хотя возможно также желание, не проявляющееся во влечениях: см. *Sl*, 243). Есть только один объект желания, *OBJET PETIT A*, представленный многообразием объектов различных частичных влечений. *Objet petit a* является не объектом, на который направлено желание, а причиной желания. Желание представляет собой не отношение к объекту, но отношение к НЕХВАТКЕ.

Один из наиболее часто употребляемых Лаканом афоризмов, «желание является желанием Другого» (*Sl*, 235), может быть рассмотрен с различных взаимодополняющих перспектив. Наиболее важными из них являются нижеперечисленные:

1. Желание всегда является «желанием желания Другого», то есть как желанием быть объектом желания другого, так и желанием признания со стороны другого [англ. *another*]. Лакан заимствует эту идею у Гегеля через Кожева, утверждавшего:

Желание является человеческим только в том случае, если человек желает не тело, но Желание другого... то есть, если он хочет чтобы его человеческая ценность была «желанна», «любима», или, скорее, «признана» другим... Иными словами, любое человеческое, антропогенное Желание... является, в конечном счете, функцией желания «признания».

(Kojève, 1947:6)

Далее Кожев утверждает (вслед за Гегелем), что для достижения желаемого признания субъект должен рискнуть собственной жизнью в борьбе за чистый престиж (см. ГОСПОДИН). Желание, являющееся, по сути, желанием быть объектом желания другого, ясно иллюстрируется на примере первого «периода» Эдипова комплекса, когда субъект желает быть фаллосом для матери.

2. Субъект желает только *посредством* Другого (E, 312), то есть, желает с точки зрения другого. Следовательно, «объектом желания человека... является, по сути, объект, желаемый кем-то другим» (Lacan, 1951b: 12). Желанным объект делает не какое-то внутренне присущее ему качество, но сам факт того, что его желает другой. Таким образом, желание Другого делает объекты эквивалентными и взаимозаменяемыми; оно «стремится уничтожить особую значимость того или иного конкретного объекта, но в тоже время вводит в поле зрения бесконечное количество объектов» (Lacan, 1951b:12).

Эта идея также позаимствована Лаканом из кожевской интерпретации Гегеля; Кожев утверждает, что «желание, направленное на естественный объект, является человеческим постольку, поскольку оно «опосредуется» желанием другого, направленным на тот же объект: только человек может желать то, чего желают другие, только потому, что они этого желают» (Kojève, 1947:6). Причину этого можно понять исходя из предыдущего пункта, касающегося человеческого желания быть признанным: «Желая то, чего желает другой, я могу заставить его признать мое право на обладание этим объектом, и, таким образом, заставить другого признать мое превосходство над ним» (Kojève, 1947:40).

Эта универсальная особенность желания наиболее ярко проявляется в случае истерии; истерик поддерживает желание другого человека, превращая его в свое собственное (например, Дора желает г-жу К., потому, что она идентифицируется с г-ном К. и присваивает, тем самым, его желание; S4, 138; см. Freud, 1905e). Поэтому при анализе истерика важно не столько найти объект его желания, сколько обнаружить то место, из которого он желает (субъекта, с которым он идентифицируется).

3. Желание – это желание за Другого (играя на двусмысленности французского предлога *de*). Фундаментальным желанием является инцестуальное желание матери, изначального Другого (S7, 67).

4. Желание всегда является «желанием чего-то другого» (E, 167), поскольку невозможно желать то, чем ты уже обладаешь. Достижение объекта желания постоянно откладывается, именно поэтому оно представляет собой МЕТОНИМИЮ (E, 175).

5. Желание первоначально возникает в поле Другого, то есть, в бессознательном.

Важнейший вывод из этого афоризма Лакана заключается в том, что желание является социальным продуктом. Желание не является, как это может показаться, личным делом, оно всегда конституируется в диалектическом отношении с воспринимаемыми желаниями [англ. *the perceived desires*] других субъектов.

Мать является первым человеком, занимающим место Другого, и поначалу ребенок находится в полном распоряжении ее желания. Только когда Отец, кастрируя мать, соединяет желание с законом, субъект освобождается от подчинения прихотям ее желания (см. КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ).

желание аналитика

(фр. *désir de l'analyste*; англ. *desire of the analyst*) Термин «желание аналитика» в творчестве Лакана колеблется между двумя значениями:

- **Желание, приписываемое аналитику** Анализанд приписывает аналитику не только знание, но и желание. Следовательно, аналитик – это не только СУБЪЕКТ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЗНАЮЩИЙ, но и «субъект, предположительно желающий». Таким образом, термин «желание аналитика» отсылает не к действительному желанию в психике аналитика, но к тому желанию, которое приписывает ему анализанд.

Задача аналитика – в процессе лечения разуверить анализанда в том, что он знает, чего тот от него хочет; аналитик должен сделать так, чтобы его желание «оставалось *x*» для анализанда (SII, 274). Таким образом, предполагаемое желание аналитика становится движущей силой аналитического процесса, поскольку заставляет анализанда работать, пытаясь понять, чего же от него на самом деле хочет аналитик; «в конечном счете, тем, что работает в психоанализе, является желание аналитика» (Ec, 854). Загадывая анализанду загадку собственного желания, аналитик помещает себя на место Другого, к которому субъект адресует вопрос «*Che vuoi?*» («Чего ты хочешь [от меня]?»). Результатом является проявление в переносе фундаментального фантазма данного субъекта.

- **Желание, надлежащее аналитику** Другой смысл термина «желание аналитика» предполагает желание, которое должно одухотворять аналитика на пути осуществления лечения. Его легче определить через отрицание, чем через утверждение. Очевидно, что это не желание невозможного (S7, 300). Это также не желание «сделать добро» или «вылечить»; напротив – это «нежелание вылечить» (S7, 218). Это не то желание, которое идентифицирует в аналитике анализанд; «желание аналитика... осуществляется в направлении, противоположном идентификации» (SII, 274). Аналитик желает, чтобы в ходе лечения возникла собственная, уникальная истина анализанда, истина, абсолютно отличная от истины аналитика; таким образом, желание аналитика – это «желание достичь абсолютного различия» (SII, 276). Подразумевая именно «желание, надлежащее аналитику», Лакан стремится сделать вопрос о желании аналитика центральным для психоаналитической этики.

Каким образом аналитик может обрести соответствующее своей функции желание? Согласно Лакану, это может произойти только посредством обучающего анализа. Основным требованием, непременным условием становления аналитиком является прохождение собственного аналитического лечения. В ходе этого лечения в экономии желания будущего аналитика произойдет изменение; его желание будет преобразовано, перестроено (S8, 221–2). Только если это случится, он сможет надлежащим образом выполнять свою функцию аналитика.

ЖЕНЩИНА

(фр. *femme*; англ. *woman*) Фрейдовский анализ ПОЛОВОГО РАЗЛИЧИЯ основывается на представлении о том, что одни психические характеристики могут быть названы «мужскими» [англ. *masculine*], а другие – «женскими» [англ. *feminine*], и что эти характеристики существенно отличаются друг от друга. Однако Фрейд никак не определяет понятия «мужское» и «женское». Он аргументирует это тем, что они являются базовыми понятиями, которые могут использоваться в рамках психоаналитической теории, но не могут быть ею прояснены (Freud, 1920a: SE XVIII, 171).

Одна из особенностей оппозиции «мужское-женское» заключается в том, что она не симметрична. Фрейд принимает мужественность в качестве универсального принципа; он предполагает, что существует только одно, мужское, либидо, и что психическое развитие девочки, поначалу идентичное развитию мальчика, начинает отклоняться от него лишь на более поздних этапах. Женственность [англ. *femininity* также можно перевести как

«женскость», причем такой вариант будет подчеркивать несимволизируемость, невписываемость, «непроглатываемость» женщины символическим порядком – прим. пер.] представляет собой нечто, отличающееся от мужественности; Фрейд видит в ней загадку, неизведанную территорию, «темный континент» (Freud, 1926e: SE XX, 212). «Загадка природы женственности» (Freud, 1933a: SE XXII, 113) становится одной из ключевых проблем в поздних трудах Фрейда; именно тогда он задает свой знаменитый вопрос – «Чего хочет женщина?» (см. Jones, 1953–7: vol. 2, 468). Если мужественность представляет собой самоочевидную данность, то женственность остается зоной тайны:

Психоанализ не старается объяснить, что такое женщина – справится с этой задачей ему вряд ли под силу – но пытается ответить на вопрос о том, как она возникла, как женщина развилась из ребенка с бисексуальной предрасположенностью.

(Freud, 1933a: SE XXII, 116).

В своих довоенных произведениях Лакан не касается вопроса о женственности кроме нескольких ремарок о функции МАТЕРИ в семейных комплексах (Lacan, 1938). Редкие замечания об этом предмете, появляющиеся в начале 1950-х гг., формулируются в терминах, позаимствованных у Леви-Строса: женщины рассматриваются как объекты обмена, циркулирующие в качестве знаков между родственными группами (см. Lévi-Strauss, 1949b). «В реальном порядке женщина служит... в качестве обмениваемого объекта, необходимого для поддержания элементарных структур родства» (E, 207). Лакан утверждает, что именно этот факт определяет сложность женской позиции:

В занятии ею позиции объекта в символическом порядке, которому, впрочем, она подчинена в той же степени, что и мужчина, для нее есть нечто непреодолимое, неприемлемое.

(S₂, 262)

Лакановский анализ случая Доры в целом подтверждает эту мысль: неприемлемым для Доры является ее положение объекта обмена между ее отцом и г-ном К. (см. Lacan, 1951a). Существование в качестве объекта обмена означает, что женщина «имеет второстепенное отношение к символическому порядку» (S₂, 262; см. S₄, 95–6).

В 1956 г. Лакан берет на вооружение традиционное представление о связи ИСТЕРИИ с женственностью и утверждает, что в действительности истерия является ничем иным, как вопросом о женственности как таковой, вопросом, который может быть сформулирован как «Что такое женщина?». Такая формулировка справедлива для истериков обоих полов (S₃, 178). Слово «женщина» здесь обозначает не определенную биологическую сущность, но положение в символическом порядке; оно синонимично «женской позиции». Лакан утверждает также, что «не существует символизации женского пола как такового», поскольку не существует женского эквивалента такому «общепринятому символу» как фаллос (S₃, 176). Эта символическая асимметрия заставляет женщину проходить через Эдипов комплекс тем же путем, что и мужчину, то есть через идентификацию с отцом. Однако для женщины эта задача усложняется тем, что ей необходимо принять за основу своей идентификации образ противоположного пола (S₃, 176).

Лакан возвращается к вопросу о женственности в 1958 г. в статье «Руководящие заметки для конгресса по женской сексуальности» (Lacan, 1958d). В этой статье он анализирует тупики, возникающие на пути психоаналитической мысли о женской сексуальности, и утверждает, что женщина является Другим как для мужчины, так и для женщины; «Мужчина здесь играет роль переключателя, посредством которого женщина становится Другим для самой себя, также как она является Другим для него» (Ес, 732).

Наиболее существенный вклад в развитие мысли о женственности Лакан, как и Фрейд, вносит на позднем этапе своего творчества. В семинаре 1972-1973 гг. Лакан развивает понятие специфически женского *JOUISSANCE*, находящегося «по ту сторону фаллоса» (S20, 69); женский *jouissance* принадлежит, подобно мистическому экстазу, «порядку беспредельного» (S20, 44). Женщина может пережить этот *jouissance*, но ничего о нем не знает (S20, 71). Также в этом году вместо спорной фразы «женщины не существует» (*la femme n'existe pas* – Lacan, 1973a:60), впервые предложенной в семинаре 1970-1971 гг., Лакан использует афоризм «женщины как таковой не существует» (*il n'y a pas La femme* – S20, 68). Французский вариант написания ясно дает понять, что Лакан подвергает сомнению не само существительное «женщина», но предшествующий ему определенный артикль. Во французском языке определенный артикль обозначает всеобщность, то есть именно ту характеристику, которой не хватает женщине; женщины «не поддаются обобщению, даже фаллоцентрическому обобщению» (Lacan, 1975b). Поэтому Лакан зачеркивает определенный артикль, предшествующий слову *femme*, так же, как зачеркивает символ А, производя символ зачеркнутого Другого, поскольку женщины, как и Другого, не существует (см. ЧЕРТА). Продолжая свою мысль, Лакан говорит, что женщина «не-вся» (фр. *pas-toute*, англ. *not-all*; S20, 13); в отличие от мужчины, являющегося универсальной функцией, основанной на фаллическом исключении (кастрации), женщина является не-универсальностью, не допускающей исключения. Женщина сравнима с истиной, поскольку обоим присуща логика не-всего (не существует женщины как таковой, невозможно высказать «всю истину») (Lacan, 1973a:64).

В 1975 г. Лакан приходит к утверждению, что «женщина является симптомом» (Lacan, 1974–5: лекция 21 января 1975 г.). Точнее, женщина является симптомом *мужчины*, в том смысле, что она может войти в психическую экономию мужчины только как объект фантазма (*a*), как причина его желания.

Замечания Лакана о женщине и женской сексуальности стали предметом споров и дискуссий в феминистской теории. Феминисты разделились на тех, кто видит в Лакане союзника дела феминизма, и тех, кто видит в нем его врага. Некоторые рассматривают его теорию в качестве язвительного описания патриархата и видят в ней вызов фиксированным понятиям гендерной идентичности (например, Mitchell и Rose, 1982). Другие утверждают, что его понятие символического порядка восстанавливает патриархат в качестве внеисторической данности, а привилегированное положение фаллоса просто воспроизводит женоненавистническую позицию самого Фрейда (например, Gallop, 1982; Grosz, 1990). Для показательных примеров споров, см. Adams и Cowie (1990), а также Brennan (1989). Для лакановского понимания женской сексуальности, см. Leader (1996).

jouissance

Французское слово «*jouissance*» можно перевести как «наслаждение» [англ. *enjoyment*], однако при этом утратится сексуальный подтекст, характерный для слова «*jouissance*» (т.е. «оргазм») и отсутствующий в английском слове «*enjoyment*» [как и в русском слове «наслаждение» – прим. пер.]. Поэтому в большинстве англоязычных изданий Лакана данный термин остается непереуведенным (впрочем, как показали последующие исследования, слово «*jouissance*» все-таки фигурирует в «Кратком Оксфордском Словаре Английского Языка»; cf. Macey, 1988:288, p. 129). Джейн Гэллоп отмечает, что хотя слово оргазм является исчисляемым существительным, Лакан всегда использует термин «*jouissance*» в единственном числе с определенным артиклем (Gallop, 1982:30).

Впервые употребив этот термин в 1953 г., Лакан мало проясняет его значение (E, 42, 87). В семинаре 1953-1954 гг. и 1954-1955 гг. Лакан несколько раз употребляет его в основном в контексте гегелевской диалектики раба и ГОСПОДИНА: раб вынужден трудиться для того, чтобы предоставлять господину объекты наслаждения (*jouissance*) (S1, 223; S2, 269). Далее, вплоть до 1957 г. данный термин означает не более чем приятное ощущение, сопровождающее удовлетворение биологической потребности, например, голода (S4, 125). Вскоре после этого на передний план выходят сексуальные коннотации *jouissance*. В 1957 г. Лакан использует *jouissance* для обозначения наслаждения сексуальным объектом (Ec, 453) и удовольствия от мастурбации (S4, 241), а в 1958 г. ясно указывает на то, что под *jouissance* можно понимать оргазм (Ec, 727) (для более полного описания развития этого термина в лакановской теории, см. Macey, 1988:200–5).

Только в 1960 г. Лакан развивает ставшую впоследствии классической оппозицию *jouissance* и удовольствия. Эта оппозиция отсылает к гегелевскому/кожевскому различию между *Genuß* (наслаждением; англ. *enjoyment*) и *Lust* (удовольствием; англ. *pleasure*) (cf. Kojève, 1947:46). Принцип удовольствия функционирует в качестве ограничителя наслаждения; он представляет собой закон, предписывающий субъекту «наслаждаться как можно меньше». В то же время, субъект постоянно стремится преодолеть ограничения, налагаемые на его наслаждение, и окажется «по ту сторону принципа удовольствия». Однако результатом преодоления принципа удовольствия является не увеличение удовольствия, но боль, поскольку субъект может вынести только определенное, ограниченное количество удовольствия. По ту сторону этих ограничений удовольствие становится болью. Такое «болезненное удовольствие» и является тем, что Лакан называет *jouissance*; «*jouissance* – это страдание» (S7, 184). Таким образом, термин «*jouissance*» означает то парадоксальное удовлетворение, которое субъекту приносит его собственный симптом, или, другими словами, то страдание, которое он получает от своего удовлетворения (фрейдовскую «основную выгоду от болезни» [англ. *primary gain from illness*]).

Запрет *jouissance* (принцип удовольствия) внутренне присущ символической структуре языка. Именно поэтому «тому, кто говорит, запрещен *jouissance*» (E, 319). Вхождение субъекта в символический порядок становится возможным благодаря первоначальному отказу от *jouissance* в комплексе кастрации, когда субъект оставляет попытки стать для матери воображаемым фаллосом; «Кастрация предполагает отказ от *jouissance*, необходимый для того, чтобы получить возможность приблизиться к нему с обратной стороны (фр. *l'échelle renversée*; англ. *inverted ladder*) Закона желания» (E, 324). Таким образом, символический

запрет *jouissance* в Эдиповом комплексе (табу на инцест) является, парадоксальным образом, запретом того, что уже невозможно; его функция заключается в поддержании невротической иллюзии того, что *jouissance* был бы достижим, если бы не запрет. Поскольку сам запрет производит желание преодолеть его, *jouissance* является фундаментально трансгрессивной силой (см. S7, гл. 15).

ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ представляет собой постоянно присутствующее в субъекте желание прорваться сквозь принцип удовольствия к ВЕЩИ и завладеть определенным излишком *jouissance*; таким образом, *jouissance* – это «путь к смерти» (S17, 17). Поскольку любое влечение представляет собой попытку преодоления принципа удовольствия в поисках *jouissance*, любое влечение является также влечением к смерти.

Описание *jouissance* как «телесной субстанции» (S20, 26) позволяет утверждать о существовании определенного сходства между лакановским понятием *jouissance* и фрейдовским понятием ЛИБИДО. Придерживаясь положения Фрейда о том, что существует только мужское либидо, Лакан утверждает, что *jouissance* сущностно фалличен: «*Jouissance*, вследствие своей сексуальной природы, фалличен, а значит отношение к Другому отсутствует в нем как таковое» (S20, 14). Однако в 1973 г. Лакан признает существование специфически женского *jouissance*, «добавочного [англ. *supplementary*] *jouissance*» (S20, 58), находящегося «по ту сторону фаллоса» (S20, 69), *jouissance* Другого. Женский *jouissance* невозможно выразить, поэтому женщины переживают его, ничего о нем не зная (S20, 71). Чтобы отличать две формы *jouissance*, Лакан присваивает каждой из них особый алгебраический символ: JФ обозначает фаллический *jouissance*, а JA – *jouissance* Другого.

З

ЗАКОН

(фр. *loi*; англ. *law*) Анализируя понятие «Закона» (которое он часто записывает с большой буквы), Лакан во многом опирается на творчество Леви-Стросса (см. особенно Lévi-Strauss, 1951). Как и Леви-Стросс, Лакан понимает под Законом не отдельный элемент законодательства, но совокупность основных принципов, определяющих собой все общественные отношения. Закон представляет собой структуру, управляющую всеми формами общественного обмена, будь то обмен дарами, отношения родства или заключение соглашений. Поскольку основной формой обмена является сама коммуникация, закон является, по сути, языковым феноменом – это закон означающего:

этот закон, очевидно, тождественен порядку языка, поскольку без наименования отношений родства ни одна власть не способна установить порядок предпочтений и наложить табу, связывающие и соединяющие нить родословной, последовательно проходящей через все поколения.

(E, 66)

Эта лингвистически-правовая структура является, в действительности, не более и не менее чем самым символическим порядком.

Вслед за Леви-Строссом, Лакан утверждает, что закон является сущностно человеческим феноменом. Именно закон выделяет человека из животного царства, поскольку он осуществляет управление отношениями между полами, которые у животных не подлежат регуляции. Человеческий закон – это «первичный Закон... управляющий связями брака и устанавливающий царство культуры над природой, в которой господствует закон спаривания. Запрет на инцест является лишь его субъективным стержнем» (E, 66).

В ЭДИПОВОМ КОМПЛЕКСЕ именно ОТЕЦ устанавливает для субъекта закон; отцовский фактор (или отцовская функция) является не более чем именем этой запрещающей и законодательной роли. На втором этапе Эдипова комплекса отец возникает в качестве всемогущего «отца первобытной орды» из «Тотема и табу» (Freud, 1912–13); этот законодатель, исключенный из области закона, поскольку он сам и является Законом, запрещает другим мужчинам доступ к женщинам орды, сам при этом сохраняя за собой право

полного доступа к ним. На третьем этапе Эдипова комплекса отец подчиняется собственному закону, который устанавливается в форме соглашения, а не императива. Эдипов комплекс представляет собой механизм регуляции желания посредством закона. Это закон ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ, повелевающий субъекту «наслаждаться как можно меньше», и, таким образом, сохраняющий его на безопасном расстоянии от Вещи.

Впрочем, отношение между законом и желанием является диалектическим; «желание – это обратная сторона закона» (Ес, 787). Если верно, что закон ограничивает желание, то также верно и то, что закон создает желание самим ограничением. Желание – это, прежде всего, желание преодолеть запрет; а для того, чтобы можно было преодолеть запрет, необходимо чтобы он существовал изначально (S7, 83–4). Таким образом, не существует некоторого первичного желания, регулируемого законом; желание возникает как результат самого процесса регуляции: «Мы можем увидеть здесь тесную связь между желанием и Законом» (S7, 177).

Закон тесно связан с отцом не только потому, что отец устанавливает закон, но еще и потому, что он возникает именно вследствие убийства отца. Это наглядно иллюстрируется мифом об отце первобытной орды, изложенном в «Тотеме и табу» Фрейда. В этом мифе убийство отца не только не освобождает сыновей от закона запрета на инцест, но, напротив, увеличивает его силу.

защита

(фр. *défense*; англ. *defence*) Уже в своих ранних работах Фрейд уделял много внимания понятию защиты, отводя ему центральное место в своей теории неврозов. Защитой называется реакция эго на определенные внутренние стимулы, воспринимаемые им как опасные. Хотя позднее Фрейд утверждал, что кроме ВЫТЕСНЕНИЯ существуют и другие «защитные механизмы» (см. Freud, 1926d), все же вытеснение играет, по его мнению, исключительную роль, поскольку является конститутивным механизмом бессознательного. Анна Фрейд попыталась классифицировать различные защитные механизмы в своей книге «Эго и защитные механизмы» (1936 г.).

Лакан резко критически относится к интерпретации понятия защиты, предлагаемой Анной Фрейд и эго-психологией. По его мнению, они путают понятие защиты с понятием СОПРОТИВЛЕНИЯ (Ес, 335). Лакан предостерегает от подобной путаницы и предпочитает не помещать понятие защиты в центр своей теории психоаналитического лечения. Анализируя защиту, он противопоставляет ее сопротивлению; если сопротивление является переходной реакцией воображаемого на вмешательство символического и занимает сторону объекта, то защита является более постоянной символической структурой субъективности (обычно называемой ФАНТАЗМОМ, а не защитой). Другие школы психоанализа, в отличие от Лакана, если и различают защиту и сопротивление, то рассматривают первую в качестве переходного феномена, а последнюю – в качестве более стабильной структуры.

Различие между желанием и защитой, согласно Лакану, является диалектическим. В 1960 г. он утверждает, что перверт, как и невротик, «защищает себя в своем желании», поскольку «желание является защитой (фр. *défense*; англ. *defence*), запретом (фр. *défense*; англ. *prohibition*)

на выход за определенные ограничения *jouissance*» (Е, 322). В 1964 г. он утверждает, что «желание включает в себя фазу защиты - фазу, в силу которой желать и не хотеть желать становится тем же самым» (SII, 235).

зеркальный образ

(фр. *image spéculaire*; англ. *specular image*) Под зеркальным образом Лакан подразумевает отражение человеческого тела в зеркале, образ меня, являющийся одновременно и мной, и ДРУГИМ («маленьким другим»). Именно идентификация человеческого младенца с зеркальным образом на СТАДИИ ЗЕРКАЛА запускает процесс конструирования им собственного ЭГО. Даже при отсутствии реального зеркала, ребенок видит отражение своего поведения в подражающих жестах взрослого или других детей; эти жесты позволяют другому человеку выполнять функцию зеркального образа. Человек всецело очарован зеркальным образом: в этом заключается основная причина власти воображаемого над субъектом, а также причина проецирования человеком образа своего тела на все остальные объекты окружающего мира (см. Lacan, 1975b; см. CAPTATION).

Некоторые объекты не имеют зеркального образа, то есть не «отражаются» [англ. *specularisable*]. Такими объектами являются фаллос, эрогенные зоны и *objet petit a*.

знак

(фр. *signe*; англ. *sign*) Лакан определяет знак как нечто, «представляющее что-то для кого-то», в отличие от ОЗНАЧАЮЩЕГО, «представляющего субъекта другому означающему» (SII, 207). Использование понятия знака роднит творчество Лакана с семиотикой, получившей бурное развитие в XX-м веке. Можно выделить две основные линии ее развития: Европейскую, связанную с творчеством Фердинанда де Соссюра (окрестившего свою науку «семиологией») и Североамериканскую, возглавляемую Чарльзом Пирсом.

1. Согласно Соссюру, знак является основным элементом ЯЗЫКА (*langue*). Он состоит из двух элементов: концептуального (*означаемого*) и фонологического (*означающего*). Два элемента связаны произвольной, но нерушимой связью. Соссюр представляет знак посредством диаграммы (Рисунок 7; см. Saussure, 1916:114).

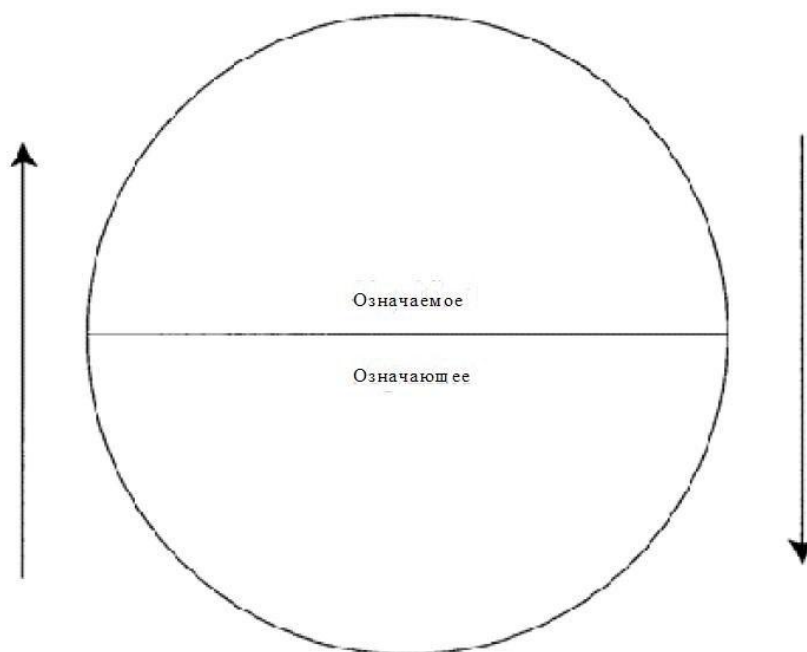

Рисунок 7 Соссюровский знак

Источник: Ferdinand de Saussure. *Cours de linguistique générale*, 1916.

Стрелки в этой диаграмме иллюстрируют взаимообусловленность, характерную для процесса означивания. Линия, проходящая между означаемым и означающим, символизирует их союз.

В 1950-х гг. Лакан совершает «лингвистический поворот» в психоанализе, заимствуя соссюровское понятие знака и внедряя его, с некоторыми изменениями, в свою теорию. Во-первых, если Соссюр полагает, что связь между означаемым и означающим является взаимообуславливающей (они взаимосвязаны как две стороны листа бумаги), то Лакан утверждает, что эта связь является крайне неустойчивой (см. СКОЛЬЖЕНИЕ). Во-вторых, Лакан предполагает существование порядка «чистых означающих», в котором означающие существуют до означаемых; этим порядком чисто логической структуры является бессознательное. Иными словами, Лакан утверждает, что язык состоит не из знаков, а из означающих.

Для иллюстрации отличий своего понимания знака от соссюровского, Лакан заменяет диаграмму Соссюра алгоритмом (Рисунок 8), который ему же и приписывает (иногда называя его «Соссюровским алгоритмом» – см. Е, 149).

$$\frac{S}{s}$$

Рисунок 8 Соссюровский алгоритм

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

Символ S обозначает означающее, а s – означаемое; инвертированное положение означаемого и означающего демонстрирует первичность означающего (которая подчеркивается также тем, что последнее представлено прописной буквой, а первое – строчной и курсивом). Отсутствие стрелок и круга означает отсутствие устойчивого или фиксированного отношения между означающим и означаемым. ЧЕРТА между означающим и означаемым представляет собой не союз, но сопротивление, присущее процессу означивания. Этот алгоритм Лакан использует для определения «топографии бессознательного» (E, 163).

2. Согласно Пирсу, знак является чем-то, что представляет объект некоторому интерпретанту (в качестве «объекта» может выступать, по мысли Пирса, как физическая вещь, так и событие, идея или другой знак). Используя в качестве критерия способ отношения к объекту, Пирс разделяет знаки на три класса: «символы» [англ. *symbols*], «признаки» [англ. *indices*] и «знаковые образы» [англ. *icons*]. Символ не имеет «естественного» или необходимого отношения к обозначаемому объекту, и связан с ним чисто конвенциональным правилом. ИНДЕКС имеет «экзистенциальное отношение» [англ. *existential relationship*] к представляемому объекту (то есть, признак всегда пространственно и темпорально соприкасается с объектом). Знаковый образ репрезентирует объект через подобие, представляя его форму. Эти три определения Пирса являются аналитическими и не предполагают взаимного исключения. Следовательно, знак всегда функционирует в различных формах; личные местоимения, например, являются знаками, функционирующими как в качестве символов, так и в качестве признаков (см. Peirce, 1932:156–73; Burks, 1949).

Лакан обращается к пирсовскому понятию признака для проведения различия между психоаналитическим и медицинским симптомами, а также между кодами (животных) и языками (людей). Также для того, чтобы различать субъекта утверждения и субъекта проговаривания, Лакан разрабатывает понятие признака в связи с яacobсоновским понятием ШИФТЕРА.

ЗНАНИЕ

(фр. *connaissance/savoir*; англ. *knowledge*) Лакан различает два типа знания: воображаемое знание (*connaissance*), являющееся знанием эго, и символическое знание (*savoir*), являющееся знанием субъекта. Поскольку оба французских термина переводятся на английский [впрочем, как и на русский – прим. пер.] язык одним словом «знание» [англ. *knowledge*], при чтении Лакана в переводе важно обращать внимание на то, какое из французских слов Лакан использует в оригинале.

1. *Savoir* является тем типом знания, на получение которого направлено психоаналитическое лечение. Это и знание субъекта об отношении к символическому порядку, и само это отношение. Оно является артикуляцией означающих в символическом мире субъекта, цепи означающих (S_2). Другое название этого символического знания – бессознательное, поскольку оно представляет собой «незнаемое знание», знание, о котором субъект еще не знает, что он его знает. Психоаналитическое лечение направлено на постепенное открытие этого знания субъекту. В его основе лежит предположение о том, что доступ к этому знанию возможен только через определенную форму речи, называемую

свободными ассоциациями. Однако психоаналитическое лечение не направлено на достижение гегелевского «абсолютного знания», поскольку бессознательное нередуцируемо; между субъектом и знанием существует непреодолимый разрыв. Символическое знание – это знание истины о собственном бессознательном желании. Знание в этом смысле является формой *jouissance*: «Знание – это *jouissance* Другого» (S17, 13). Символическое знание не находится ни в каком-либо определенном субъекте, ни в Другом (который является не субъектом, но локусом), а является интересубъективным. Однако этот факт не спасает человека от предположения о существовании некоторого субъекта, который якобы обладает этим символическим знанием (см. СУБЪЕКТ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЗНАЮЩИЙ).

2. *Connaissance* (и его необходимый спутник, *méconnaissance*) является знанием о себе, принадлежащим порядку воображаемого. Субъект обретает воображаемое знание о себе (*me-connaissance*), являющееся конститутивным для эго, именно вследствие недопонимания и заблуждения (*méconnaissance*) (E, 306). Таким образом, эго представляет собой вид иллюзорного самопознания, основанного на фантазии самообладания и единства. Существует также со-рождение (*co-naissance*) эго и другого (отсылка к афоризму Поля Клоделя, «*Toute naissance est une co-naissance*»). Лакан называет воображаемое знание «параноидальным» (E, 2) потому, что оно имеет схожую с паранойей структуру (оба характеризуются бредом об абсолютном знании и господстве), а также потому, что одной из предпосылок любого знания является «параноидальное отчуждение эго» (Lacan, 1951b:12). Воображаемое знание является преградой, затрудняющей субъекту доступ к символическому знанию. Поэтому психоаналитическое лечение должно постоянно подрывать воображаемое самопознание субъекта для того, чтобы открывать блокируемое им символическое самопознание.

И

Ид

(фр. *ça*; англ. *id*) Фрейд заимствует термин «*das Es*» (в «*Полном собрании сочинений*» переводится как «*the Id*») у Георга Гроддека, одного из первых немецких психиатров, поддержавших психоанализ. Впрочем, сам Гроддек, как отмечает Фрейд, судя по всему, позаимствовал этот термин у Ницше (Freud, 1923b: SE XIX, 23, № 3; см. Nietzsche, 1886:47). Гроддек утверждал, что «то, что мы называем эго, ведет себя в основном пассивно... мы «живем», управляемые неизвестными и неподвластными нам силами» (Freud, 1923b: SE XIX, 23). Для обозначения этих сил он использовал термин «*das Es*». В работах Фрейда этот термин появляется в контексте второй модели психики в начале 1920-х гг.; в этой модели, психика разделяется на три структуры: Ид, ЭГО и СУПЕР-ЭГО. Ид соответствует бессознательному из первой модели психики; однако между этими двумя понятиями существуют некоторые существенные отличия (см. Laplanche и Pontalis, 1967:197–9).

Главный вклад Лакана в теорию Ид заключается в переосмыслении «неизвестных и неуправляемых сил», примитивных биологических потребностей или диких инстинктивных сил природы, с точки зрения лингвистики:

Es, которого касается анализ, состоит из означающего, этого непостижимого означающего, который уже присутствует в реальном. Оно всегда уже здесь, но состоит из означающего, а не из какой-то примитивной субстанции, относящейся к некоторому виду предустановленной гармонии...

(S4, 49)

Лакан рассматривает Ид в качестве бессознательного источника речи, символического «оно» [англ. *it*] по ту сторону воображаемого эго (французский термин «*ça*» более близок фрейдовскому «*Es*», оба употребляются в повседневной речи, в отличие от латинского «*id*» в «*Полном собрании сочинений*»). Таким образом, если Гроддек утверждает, что «положение «Я живу» является только условно правильным, поскольку выражает лишь малую часть фундаментального принципа – «Оно живет человеком» [англ. *Man is lived by the It*] (Groddeck, 1923:5), то позицию Лакана можно выразить в тех же терминах, заменив при этом глагол «жить» глаголом «говорить»; положение «Я говорю» является лишь частью фундаментального принципа – «Оно говорит человеком»; «Оно говорит» (*le ça parle*)

(например, S7, 206). Символическая природа Ид, выходящего за пределы воображаемого ощущения себя, конституируемого посредством эго, дает Лакану основание приравнивать его к термину «субъект». Это приравнивание иллюстрируется гомофонией немецкого термина «Es» и буквы S, обозначающей субъекта у Лакана (E, 129; см. СХЕМА L).

Одно из самых знаменитых высказываний Фрейда касается Ид и его отношения к психоаналитическому лечению; *Wo Es war, soll Ich werden* (в «*Полном собрании сочинений*» переводится как «Где было Ид, там должно возникнуть эго» [англ. «*Where id was, there ego shall be*»] Freud, 1933a: SE XXII, 80). Одно из стандартных прочтений этого таинственного высказывания заключается в том, что задачей психоаналитического лечения является увеличение поля сознания; именно такое прочтение предполагается оригинальным французским переводом этого высказывания – *le moi doit deloger le ça* (эго должно вытеснить Ид). Лакан совершенно не соглашается с таким прочтением (S1, 195) и утверждает, что слово *soll* должно быть понято как этическое предписание [англ. *ethical injunction*], предполагающее, что целью анализа является подчинение эго автономии символического порядка. Лакан предпочитает переводить высказывание Фрейда следующим образом: «Там, где было Ид, или где был кто-то... я обязуюсь появиться на свет [*Là où c'était, peut-on dire, là où s'était... c'est mon devoir que je vienne à être*]» (E, 129, перевод изменен; Es, 417–18; см. также E, 299–300; S1, 44). Конец анализа, согласно такому переводу, является «экзистенциальным признанием» символических детерминант собственного бытия, признанием того факта, что «ты являешься этим» (ты эта символическая цепь, и больше ничего) (S1, 3).

идентификация

(фр. *identification*; англ. *identification*) В работах Фрейда термином «идентификация» обозначается процесс перенятия одним субъектом у другого одного или нескольких атрибутов. В поздних работах Фрейда, написанных после развития идеи о том, что эго и супер-эго производятся в результате серии идентификаций, само понятие идентификации стало обозначать «операцию, конституирующую человеческого субъекта» (Laplanche и Pontalis, 1967:206). Именно поэтому данное понятие имеет чрезвычайное значение для психоаналитической теории. Однако оно также задает ряд важных теоретических проблем, одну из которых (связанную с установлением четкого отношения между идентификацией и выбором объекта любви) пытался разрешить Фрейд.

Понятие идентификации также важно и для теории Лакана. Он особо подчеркивает роль образа, определяя идентификацию как «трансформацию, происходящую с субъектом после принятия им образа» (E, 2). «Принять» образ – значит узнать себя в образе и распознать образ в качестве себя.

Уже на ранних этапах своего творчества, Лакан различает воображаемую и символическую идентификации.

1. Воображаемая идентификация представляет собой механизм производства эго на СТАДИИ ЗЕРКАЛА; она принадлежит только порядку воображаемого. Когда человеческий младенец видит свое отражение в зеркале, он идентифицируется с ним. Конституирование эго посредством идентификации с чем-то внешним (и даже противостоящим) субъекту

«структурирует субъекта как врага самому себе» (Е, 22), а значит, влечет за собой агрессивность и отчуждение. На стадии зеркала возникает «первичная идентификация» и производится на свет идеальное ЭГО.

2. Символическая идентификация происходит на последнем этапе ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА и является идентификацией с отцом, определяющей формирование ЭГО-ИДЕАЛА. Именно посредством этой вторичной идентификации субъект преодолевает агрессивность, присущую первичной идентификации (Е, 23). Таким образом, можно сказать, что вторичная идентификация выполняет функцию своего рода «либидинальной нормализации» (Е, 2). Хотя эта идентификация и называется «символической», она, как и любая идентификация, происходит в воображаемом и остается «вторичной» (Е, 22), то есть скроенной по лекалам первичной идентификации. Она называется «символической» потому, что знаменует собой завершение перехода субъекта в символический порядок.

Идеи Лакана о природе символической идентификации претерпевали сложные трансформации на протяжении всего его творчества. В 1948 г. он понимает под ней «интроекцию *имаго* родителя того же пола» (Е, 22), а в 1958 г. – рассматривает в качестве идентификации с реальным отцом в третьем периоде Эдипова комплекса.

В 1961 г. Лакан описывает символическую идентификацию как идентификацию с означаемым. При этом он опирается на три типа идентификации, представленные Фрейдом в седьмой главе «*Психологии масс и анализа человеческого «Я»*» (Freud, 1921c). В первых двух типах идентификации (с объектом любви или соперником) субъект чаще всего просто развивает такой же симптом, как и у того человека, с которым он идентифицируется. В таких случаях «идентификация имеет частичный и чрезвычайно ограниченный характер, поскольку заимствует только одну характерную черту [*nur einen einzigen Zug*] человека, являющегося ее объектом» (Freud, 1921c: SE XVIII, 107). Лакан использует эту «одну характерную черту» [англ. *single trait*] (фр. *trait unaire* переводится англоязычными переводчиками Лакана по-разному: «непрерывная линия» [англ. *unbroken line*], «единый штрих» [англ. *single-stroke*], или «унарная черта» [англ. *unitary trait* (унитарная черта) является не совсем точным переводом французского слова *unaire* (унарный, т.е. единосвязный, устроенный по типу монады) – прим. пер.]) для обозначения первоначального символического элемента, интроекция которого производит эго-идеал. Хотя изначально эта черта может быть знаком, включение в систему означаемых превращает ее в означаемое (S8, 413–14). В 1964 г. Лакан ассоциирует «одну характерную черту» с первым означаемым (S₁) и сравнивает ее с нанесением первобытным человеком метки на палку для обозначения убийства животного (S₁₁, 141, 256).

Лакан резко критиковал теоретиков (например, Балинта), утверждавших, что идентификация с аналитиком является КОНЦОМ АНАЛИЗА; напротив, он настаивал не только на том, что «пересечение плана идентификации возможно» (S₁₁, 273), но также на том, что такое пересечение является необходимым условием настоящего психоанализа. Таким образом, окончанием анализа, по мнению Лакана, является уничтожение субъекта, момент, когда его идентификации ставятся под вопрос таким образом, что их дальнейшее поддержание привычным способом становится невозможным. Хотя целью анализа ни в коей мере не является идентификация с аналитиком, Лакан все же утверждает, что об идентификации в конце анализа можно говорить, только понимая под ней идентификацию с симптомом (см. *SINTHOME*).

ИМАГО

(фр., англ. *imago*) На момент обучения Лакана психоанализу в 1930-х гг. латинский термин «*imago*», впервые введенный в психоаналитическую теорию Юнгом в 1911 г., уже стал частью стандартного терминологического аппарата психоанализа. «*Imago*» очевидно отсылает к слову «образ» [англ. *image*], при этом, однако, подчеркивая его субъективную определенность; иными словами, помимо визуальной репрезентации образа, он обозначает также связанные с ним чувства. Образами являются, в первую очередь, образы других людей (Юнг упоминает отцовские, материнские и братские имаго); впрочем, они являются не продуктами личного опыта, но универсальными прототипами, которые могут быть актуализированы в психике любого человека. Имаго действуют как стереотипы или линзы, определяющие способ восприятия субъектом других людей и его отношения к ним.

Термин «имаго» занимает центральное место в произведениях Лакана до 1950-х гг., где рассматривается в тесной связи с понятием КОМПЛЕКСА. В 1938 г. Лакан ассоциирует каждый из трех семейных комплексов с соответствующим ему имаго: комплекс отнятия от груди связан с имаго материнской груди, комплекс вторжения – с имаго двойника, а Эдипов комплекс – с имаго отца (Lacan, 1938). В 1946 г. Лакан утверждает, что, сформулировав понятие имаго, психоанализ предоставил ПСИХОЛОГИИ собственный предмет изучения и, таким образом, поместил ее на подлинно научную почву: «Представляется возможным... утверждать, что понятие имаго формирует самостоятельный предмет психологии, в той же степени, в которой понятие инертной материальной точки Галилея формирует основание физики» (Ес, 188).

Если в теориях Юнга и Кляйн имаго имеют как положительные, так и отрицательные стороны, то Лакан рассматривает их преимущественно как негативные, обманчивые и разрушительные элементы. В первую очередь он подразумевает имаго ФРАГМЕНТИРОВАННОГО ТЕЛА. Но даже целостные имаго, такие, например, как визуальный образ, являются лишь иллюзиями целостности, в основе которых лежит агрессивность. «Первым следствием возникновения в человеке имаго является *отчуждение субъекта*» (Ес, 181, курсив в оригинале – прим. Дилана Эванса).

После 1950 г. термин «имаго» практически полностью исчезает из теоретического словаря Лакана. Впрочем, основные идеи, развитые в связи с этим термином до 1950-х гг., продолжают играть важную роль в работах Лакана, находя выражение в других терминах, особенно в термине «образ».

Имя-Отца

(фр. *Nom-du-Père*; англ. *Name-of-the-Father*) Выражение «имя отца» впервые возникает в работах Лакана начала 1950-х гг. Там оно использовалось без заглавных букв и имело значение запрещающей роли ОТЦА, накладывающего табу на инцест в Эдиповом комплексе (т.е. символического отца): «Нужно признать, что *имя отца* поддерживает ту символическую функцию, благодаря которой отец с незапамятных времен идентифицируется с фигурой закона» (Е, 67).

Уже на ранних этапах Лакан играет на гомофонии фраз *le nom du père* (имя отца) и *le 'non' du père* («нет» отца), подчеркивая тем самым законодательную и запретительную функции символического отца.

Несколькими годами позже, в семинаре о психозе (Lacan, 1955–6), это выражение начинает записываться заглавными буквами через дефис и предполагать уже более определенное значение; под Именем-Отца понимается фундаментальное означающее, обуславливающее нормальное функционирование означивания. Это фундаментальное означающее дарует субъекту идентичность (оно именуется его, помещает его в символический порядок) и предполагает эдипальный запрет, «нет» инцестуального табу. Следствием форклюдии этого означающего (не включения его в символический порядок) является ПСИХОЗ.

В другом произведении о психозе (Lacan, 1957–8b) Лакан представляет Эдипов комплекс в качестве метафоры (ОТЦОВСКОЙ МЕТАФОРЫ), в которой одно означающее (Имя-Отца) замещает другое (желание матери).

инверсия

(фр., англ. *inversion*) Фрейд использует термин «инверсия» для обозначения гомосексуальности, в том смысле, что гомосексуальность является инверсией гетеросексуальности. В своих ранних работах Лакан использует этот термин в том же значении (Lacan, 1938:109).

Однако в послевоенных произведениях он начинает использоваться в другом смысле. Под инверсией в этот период обычно подразумевается характеристика ЗЕРКАЛЬНОГО ОБРАЗА: одна сторона реального тела становится противоположной стороной отраженного в зеркале тела (см. Lacan, 1951b:15). В более широком смысле инверсия становится свойством всех феноменов воображаемого, таких, например, как ТРАНЗИТИВИЗМ. Таким образом, в схеме L воображаемое функционирует в качестве барьера, блокирующего дискурс Другого. Вследствие существования этого барьера, дискурс Другого достигает субъекта в *инвертированной форме*. Следовательно, в процессе аналитической коммуникации, согласно Лакану, отправитель получает собственное сообщение в инвертированной форме.

В 1957 г., анализируя творчество Леонардо да Винчи, Лакан объединяет оба значения термина. Развивая предположение Фрейда о гомосексуальности Леонардо (Freud, 1910c), Лакан утверждает, что уникальность его зеркальной идентификации заключалась в том, что она привела к инверсии позиций эго и маленького другого (в схеме L) (S4, 433–4).

индекс

(фр. *indice*; англ. *index*) В типологии знаков, разработанной американским семиотиком Чарльзом Пирсом, индексом называется знак, имеющий «экзистенциальное отношение» [англ. *existential relationship*] к репрезентируемому им объекту (т.е. индекс всегда пространственно или темпорально связан с объектом). Например, дым указывает на

существование огня, т.е. является его индексом, а красные пятна являются индексами разнообразных болезней, таких как корь [англ. *index* переводится также как «указатель», однако в русскоязычной семиотической традиции принято употреблять слово «индекс» – прим. пер.]. Пирс противопоставляет признаку *символ*. Последний, как и знак у Соссюра, характеризуется отсутствием каких-либо необходимых связей между репрезентантом и его объектом.

В лакановском дискурсе термин «индекс» функционирует в качестве противоположности «ОЗНАЧАЮЩЕМУ» (а не «символу», как в семиологии Пирса). Лакан называет индексом «естественный знак», предполагающий фиксированное, взаимно однозначное соответствие между знаком и объектом (в то время как у означающего нет фиксированной связи с означаемым). Оппозиция индекса и означающего служит основанием для следующих различий в творчестве Лакана:

- **Психоаналитическое и медицинское понятие СИМПТОМА** Если в медицине симптом является индексом болезни, то в психоанализе он является не индексом, а означающим (Е, 129). Поэтому в психоанализе не существует однозначной связи между патологическими явлениями и фундаментальной структурой.

- **(Животные) КОДЫ и (человеческий) язык** Коды состоят из индексов, а язык – из означающих. Именно поэтому кодам лишены наиболее существенной особенности языка: потенциальной двусмысленности и неопределенности.

Противоположность между означающим и индексом не столь очевидна из-за существования определенных означающих, функционирующих как индексы; такие означающие называются ШИФТЕРАМИ.

ИНСТИНКТ

(фр., англ. *instinct*) Лакан, как и Фрейд, различает инстинкты и ВЛЕЧЕНИЯ, подвергая критике тех, кто, подобно Стрэйчи, скрывает это различие, используя одно английское слово («*instinct*») для перевода обоих фрейдовских терминов (*Instinkt* и *Trieb*) (Е, 301).

«Инстинкт» является чисто биологическим понятием (см. БИОЛОГИЯ), используемым при изучении этологии животных. Если животные подчиняются относительно стабильным и постоянным инстинктам, предполагающим непосредственное отношение к объекту, то человеческая сексуальность имеет дело с крайне переменчивыми влечениями, никогда не достигающими своего объекта. Лакан часто использует понятие «инстинкт» в своих ранних работах, но начиная с 1950-х гг. предпочитает заменять его понятием «ПОТРЕБНОСТИ».

Уже на первых этапах своего творчества Лакан критикует попытки понять человеческое поведение исключительно с точки зрения инстинктов. Он утверждает, что такой подход предполагает гармоничное отношение между человеком и миром, не существующее в действительности (Ес, 88). Понятие инстинкта предполагает определенный вид непосредственного, врожденного знания об объекте, имеющего почти нравственный характер (Ес, 85). Критикуя подобные идеи, Лакан настаивает на том, что человеческой биологии

характерна некоторая недостаточность, «существенная недоразвитость» (фр. *insuffisance vitale*; англ. *vital insufficiency*) (Ес, 90) и «врожденная недостаточность» [англ. *congenital insufficiency*]. Эта недоразвитость, проявляющаяся в беспомощности человеческого младенца, компенсируется благодаря КОМПЛЕКСАМ. Поскольку психологией человека управляют не инстинкты, а комплексы (обусловленные исключительно культурными и социальными факторами), любое объяснение человеческого поведения, не принимающее во внимание его социальной детерминации, не имеет никакого смысла.

интерсубъективность

(фр. *intersubjectivité*; англ. *intersubjectivity*) Впервые приступая к детальному анализу функции РЕЧИ в психоанализе (1953 г.), Лакан подчеркивает, что она представляет собой сущностно интерсубъективный процесс: «Обращение субъекта предполагает адресат обращения», следовательно, «собеседник конституируется в нем интерсубъективно» (Е, 49). Таким образом, на данном этапе творчества Лакана термин «интерсубъективность» имеет положительное значение, поскольку подчеркивает значение языка для психоанализа и «трансиндивидуальность» бессознательного. Следовательно, психоанализ следует рассматривать как интерсубъективную, а не интрасубъективную, практику.

Впрочем, к 1960-м гг. этот термин приобретает негативные коннотации. Теперь он ассоциируется не с речью как таковой, а с понятиями взаимности и симметрии, характерными для ДУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (S8, 11), то есть, для воображаемого, а не символического порядка. Поэтому психоанализ больше не может рассматриваться в качестве интерсубъективной практики (S8, 20). По сути, представление об интерсубъективности подрывает именно опыт переноса (см. Lacan, 1967).

интроекция

(фр., англ. *introjection*) Термин «интроекция» был введен Сандором Ференци в 1909 г. для обозначения противоположности проекции (Ferenczi, 1909). Переняв впоследствии этот термин, Фрейд утверждал, что «очищенное эго-удовольствие» [англ. *purified pleasure-ego*] производится благодаря интроекции всего, что является источником удовольствия (Freud, 1915c). Мелани Кляйн часто использует этот термин, однако ограничивает его значение интроекцией объектов.

Лакан критикует психоаналитиков, разделяющих «магический» взгляд на интроекцию, за то, что они путают ее с инкорпорацией, смешивая, таким образом, порядки фантазма и структуры (S1, 169). Он отвергает кляйнианское представление об интроектах как внутренних объектах, попадающих в аналитика посредством какого-то фантастического включения. Лакан утверждает, что интроецируется только означающее; «интроекция – это всегда интроекция речи другого» (S1, 83). Таким образом, интроекция представляет собой процесс символической идентификации в Эдиповом комплексе, завершением которого является конституирование ЭГО-ИДЕАЛА (см. Е, 22).

Лакан не соглашается с тем, что интроекция является противоположностью ПРОЕКЦИИ. Если согласно Кляйн объект может быть интроецирован и затем ре-проецирован *ad infinitum*, то Лакан утверждает, что эти два процесса принадлежат абсолютно разным регистрам и поэтому не могут рассматриваться в качестве элементов единого целого. Он утверждает также, что проекция является феноменом воображаемого, имеющим отношение к образам, а интроекция – символическим процессом, связанным с означающим (Ес, 655).

ИСКУССТВО

(**фр.**, **англ.** *art*) Фрейд считал искусство одним из величайших культурных достояний человечества и посвятил множество статей анализу как процесса художественного творчества, так и отдельных произведений искусства. Он объяснял художественное творчество через понятие СУБЛИМАЦИИ, то есть механизма перенаправления сексуального либидо на несексуальные объекты. Фрейд также посвятил несколько работ анализу отдельных произведений искусства, особенно литературных произведений, полагая, что такой анализ может быть полезен для психоанализа по двум причинам. Во-первых, в этих произведениях в поэтической форме часто выражаются интуитивно понятые художниками психологические истины, на открытие которых психоанализ может потратить много времени и усилий. Во-вторых, пристальное психоаналитическое прочтение литературных произведений может, по мнению Фрейда, раскрыть некоторые черты психики автора. Посвятив большинство своих аналитических статей об искусстве анализу литературных произведений, Фрейд, однако, не пренебрегал и другими формами искусства; например, он посвящает одну из своих статей анализу скульптуры Моисея работы Микеланджело (Freud, 1914b).

Работы Лакана также изобилуют рассуждениями о произведениях искусства. Лакан, как и Фрейд, уделяет основное внимание произведениям литературы различных жанров: прозе (например, анализ «Украденного письма» Эдгара Алана По в S2, гл. 16, и Lacan, 1955a), драме (анализ «Гамлета» Вильяма Шекспира в Lacan, 1958–9, и «Антигоны» Софокла в S7, главы 19–21) и поэзии (например, «Спящий Вооз» Виктора Гюго в S3, 218–25; S4, 377–8; E, 156–8; S8, 158–9). Однако Лакан также обращается к изобразительным искусствам и посвящает несколько лекций семинара 1964 г. анализу живописи, в частности анаморфических изображений (S11, главы 7–9, где он анализирует картину «Послы» Ганса Гольбейна Младшего; см. также S7, 139–42).

Тем не менее, между лакановским и фрейдовским подходами к искусству существует ряд различий. Хотя Лакан и говорит о сублимации, в отличие от Фрейда он не верит в то, что для психоаналитиков возможно или даже желательно делать какие-либо предположения о психологии художника на основании анализа его творений (см. его критические замечания по поводу «психобиографии» [англ. *psychobiography*]; Ес, 740–1). Лакан утверждает, что заимствование названия фундаментального для психоаналитической теории комплекса (Эдипова) из произведения Софокла (Lacan, 1971:3) еще не дает психоанализу права делать какие-либо выводы о личности самого Софокла.

Исключение личности художника из рассмотрения произведения искусства означает, что целью лакановского анализа искусства не является раскрытие его изначальных намерений.

Лакан занимает подобную позицию не столько из-за симпатии к структурализму (в конце концов, представители «Новой критики» стали выносить авторскую интенцию «за скобки» еще задолго до того, как на свет появился структурализм), сколько для того, чтобы проиллюстрировать способ перехода аналитика от слушания к толкованию дискурса анализанда. Иными словами, аналитик должен рассматривать дискурс анализанда как текст:

Вы должны начать с текста, относиться к нему, как это делал и всегда советовал делать Фрейд, как к Священному Писанию. Автор, переписчик – это всего лишь книжный червь, не представляющий первостепенной важности... Когда речь идет о наших пациентах, старайтесь уделять больше внимания тексту, а не психологии автора – основной посыл моего учения заключается именно в этом.

(S₂, 153)

Лакановский анализ литературных текстов является, таким образом, не упражнением в литературной критике ради нее самой, но наглядной демонстрацией того, как необходимо читать бессознательное пациентов. Этот метод чтения похож на методы, используемые формализмом и структурализмом; означаемое отвергается в пользу означающего, содержание выносится за скобки ради формальной структуры (хотя Жак Деррида утверждает, что Лакан не следовал собственному методу; см. Derrida, 1975).

Кроме того, целью лакановского анализа литературных текстов является также извлечение из них определенных элементов, которые используются в качестве метафор наиболее важных его идей. Например, анализируя рассказ По «Украденное письмо», Лакан указывает на циркуляцию БУКВЫ/письма [англ. *letter*] как на метафору определяющей силы означающего.

Представители новой школы т.н. «психоаналитической литературной критики» заявляют, что их движение было вдохновлено лакановским подходом к литературным текстам (например, Muller и Richardson, 1988, и Wright, 1984; другие работы, также относящиеся к Лакану и культурной теории – Davis, 1983; Felman, 1987; MacCannell, 1986). Хотя проекты этого направления представляют определенный самостоятельный интерес, их подход к литературе отличается от лакановского. Если целью психоаналитической литературной критики является производство нового знания о самих исследуемых текстах, то оба лакановских подхода (иллюстрация способа аналитической интерпретации и иллюстрация психоаналитических понятий) нацелены не на сами тексты, но на использование их в качестве иллюстраций определенных аспектов психоанализа. В этом, вероятно, заключается наиболее существенное различие между лакановским и фрейдовским подходами к анализу произведений искусства. Если в некоторых произведениях Фрейда психоанализ рассматривается в качестве метадискурса, господствующего нарратива, призванного предоставить общее герменевтическое разрешение всех до сих пор неразрешенных загадок литературных произведений, то Лакан подобной мысли не придерживается. Согласно Лакану, психоанализ может научиться чему-либо у литературы, или использовать литературные произведения для иллюстрации некоторых своих методов и понятий, но литературная критика вряд ли может чему-либо научиться у психоанализа. Следовательно, Лакан не соглашается с приравниванием литературной критики, использующей психоаналитические понятия, к «прикладному психоанализу», поскольку «[п]сихоанализ может применяться, в строгом смысле этого слова, только в качестве лечения, то есть по отношению к субъекту, который говорит и слушает» (Ес, 747).

истерия

(фр. *hystérie*; англ. *hysteria*) Нозографическая категория истерии впервые появляется в древнегреческой медицине, где обозначает женскую болезнь, причиной которой является блуждающая матка (др. греч. *hysteron* означает «матка»). Данный термин занял важное место в психиатрии XIX-го века, особенно в работах Жана-Мартена Шарко, под руководством которого в 1885-1886 гг. проходил обучение Фрейд. Именно работая над излечением пациентов-истериков в 1890-х гг., Фрейд разработал собственный психоаналитический метод лечения (свободные ассоциации и пр.) и приступил к формированию основных понятий психоаналитической теории. Первый психоаналитический случай Фрейда касался лечения истерической женщины, известной как «Дора» (Freud, 1905e).

Классическая симптоматика истерии включает в себя такие физиологические симптомы, как локальный паралич, боли и потеря чувствительности. У этих симптомов нет органических причин, их появление вызывают нарушения «воображаемой анатомии», не имеющей никакого отношения к действительной структуре нервной системы (см. Lacan, 1951b:13). Однако несмотря на то, что Лакан изучает симптоматику истерии и ассоциирует ее с имаго ФРАГМЕНТИРОВАННОГО ТЕЛА (E, 5), он все же приходит к заключению, что истерия представляет собой СТРУКТУРУ, а не совокупность симптомов. Это значит, что даже при отсутствии у субъекта типических телесных симптомов истерии, лакановский аналитик может диагностировать его как истерика.

Вслед за Фрейдом, Лакан рассматривает истерию в качестве одной из двух главных форм НЕВРОЗА (второй является НАВЯЗЧИВЫЙ НЕВРОЗ). В семинаре 1955-1956 гг. Лакан разрабатывает идею о том, что структура невроза может быть представлена в виде вопроса, и что именно отличие в сущности вопроса определяет различие между истерией и навязчивым неврозом. Если вопрос навязчивого невротика касается существования субъекта, то вопрос истерика касается половой позиции, занимаемой субъектом. Этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: «Являюсь ли я мужчиной или женщиной?» или, точнее, «Что такое женщина?» (S3, 170-5). Этот вариант вопроса актуален как для мужской, так и для женской истерии (S3, 178). Таким образом, Лакан реактуализирует представления древних о связи между истерией и женственностью. Действительно, большинство истериков являются женщинами, а большинство навязчивых невротиков – мужчинами.

Структура желания как желания Другого наиболее отчетливо проявляется именно в истерии: идентифицируясь с Другим, истерик присваивает его желание. Так, например, идентифицируясь с г-ном К., Дора принимает в качестве своего то желание, которое она приписывает ему в отношении г-жи К. (S4, 138). Однако как показывает тот же случай Доры, истерик может выдерживать желание Другого только тогда, когда он сам не является объектом его желания (Eс, 222); существование в качестве объекта желания является для него невыносимым, поскольку вновь открывает перед ним рану лишения (S17, 84). Такое привилегированное отношение между структурой желания и структурой истерии объясняет, почему Лакан уделяет так много внимания этой клинической структуре, разрабатывая в 1970-х гг. идею о необходимости «истеризации» анализанда в процессе психоаналитического лечения. Истерию как клиническую структуру не следует путать с ДИСКУРСОМ истерика, представляющим собой особую форму социальных отношений.

ИСТИНА

(фр. *vérité*; англ. *truth*) Истина является одной из центральных и наиболее сложных проблем всего лакановского дискурса. Понятию истины всегда сопутствует несколько основных идей: истина всегда является истиной о желании, а цель психоаналитического лечения заключается в приведении анализанда к артикуляции этой истины. Истина не ожидает, в некоторой застывшей, предзаданной форме, того момента, когда аналитик откроет ее анализанду; напротив, она постоянно создается в диалектическом движении самого лечения (Ес, 144). В противовес традициям классической философии Лакан утверждает, что истина не прекрасна (S7, 217), а ее познание не всегда является благом (S17, 122). Хотя Лакан и употребляет термин «истина» в единственном числе, единой, всеобщей истины, по его мнению, не существует; есть лишь абсолютно специфическая, уникальная для каждого субъекта истина (см. S7, 24). Однако, помимо этих нескольких простых замечаний сказать что-либо о понятии истины у Лакана весьма сложно, поскольку оно, в отличие от большинства других его понятий, функционирует одновременно во множестве различных контекстов. Таким образом, ниже будет сделана попытка общего описания некоторых из этих контекстов:

- **Истина против точности [англ. *exactitude*]** Вопрос точности является вопросом «введения в реальное системы мер» (Е, 74) и представляет интерес для точных наук. Истина же касается желания, являющегося предметом не точных наук, но наук о субъективности. Следовательно, понятие истины имеет смысл только в контексте языка: «Измерение истины возникает только с появлением языка» (Е, 172). Фундаментальной предпосылкой психоаналитического лечения является утверждение, что речь представляет собой единственное средство открытия истины о желании. «Истина прокладывает путь к реальному через речь. До речи не существует ни истины, ни лжи» (S1, 228).

- **Истина и НАУКА** Уже в самых ранних произведениях Лакана термин «истина» обретает метафизические и даже мистические коннотации, проблематизирующие любые попытки установить связь между истиной и наукой. Лакан не отвергает положение о том, что целью науки является достижение истины, но замечает, что наука не может монополизировать истину как свою исключительную собственность (Ес, 79). Позднее Лакан утверждает, что, по сути, наука основывается на форклюзии понятия истины как собственной причины (Ес, 874). Понятие истины принципиально для понимания безумия, современная же наука, игнорируя понятие истины, рассматривает безумие в качестве бессмыслицы (Ес, 153–4).

- **Истина, ложь и обман** Истина внутренне связана с обманом, поскольку часто истину о желании более полно раскрывает именно обман, а не честные утверждения. Обман и ложь не противостоят истине, напротив, они вписаны в нее. Цель аналитика заключается в раскрытии истины, вписанной в обман речи анализанда. Хотя в ходе лечения анализанд может прямо сказать аналитику: «Я обманываю Вас», аналитик может ответить на это: «Говоря «Я обманываю Вас», Вы возвращаете мне то сообщение, которое я адресую вам; делая это, вы говорите правду» (S11, 139–40; см. S4, 107–8).

- **Истина против обманчивой видимости** Обманчивые видимости, которую анализанд создает перед аналитиком, являются более чем простыми препятствиями на пути достижения истины; аналитик должен принимать их во внимание, а не просто выявлять и отбрасывать (см. ВИДИМОСТЬ).

- **Истина, ошибка и обознание** Психоанализ продемонстрировал, что истина о желании часто раскрывается в заблуждениях [англ. *mistakes*] (ошибочных действиях; см. ПОСТУПОК). Лакан описывает сложные отношения между истиной, заблуждением, ошибкой [англ. *error*] и обманом очередной «темной» фразой, говоря, что «структура речи в поисках истины» напоминает «ошибку, ускользающую в обман и настигаемую обознанием» (S1, 273).
- **Истина и фикция [англ. *fiction*]** Под «фикцией» Лакан подразумевает не «неправду» [англ. *falsehood*], но научное построение (эту мысль он заимствует у Бентама – см. S7, 12). Таким образом, лакановская «фикция» соответствует фрейдовской *Konvention*, конвенции [англ. *convention*] (см. S11, 163), и имеет больше общего с истиной, чем с неправдой. Действительно, Лакан утверждает, что истина структурирована как фикция (E, 306; Ec, 808).
- **Истина и РЕАЛЬНОЕ** Лакан впервые проводит различие между истиной и реальным еще в довоенных произведениях (например, Ec, 75) и возвращается к нему на различных этапах своего творчества: «Реальное кажется нам привычным, истину же мы вытесняем» (E, 169). Впрочем, Лакан утверждает также, что истина подобна реальному: невозможно высказать всю истину и «[именно из-за этой невозможности] истина стремится к реальному» (Lacan, 1973a:83).

К

captation

(фр., англ. *captation*) Французское существительное «*captation*» является неологизмом, созданным французскими психоаналитиками Эдуардом Пишоном и Одиль Кодэ на основе глагола «*apter*» (который Форрестер переводит как «поглощать» [англ. *to captate*], восстанавливая устаревший английский глагол, имеющий квази-технический смысл – см. S1, 146 и примечание). В 1948 г. Лакан описывает с помощью этого термина воображаемые воздействия ЗЕРКАЛЬНОГО ОБРАЗА (см. E, 18). В своих последующих работах он использует его именно в таком контексте. Двузначность французского термина хорошо передает двойственную природу власти зеркального образа. С одной стороны, «*captation*» ассоциируется с «очарованием» [англ. *captivation*], тем самым выражая способность образа восхищать и соблазнять. С другой стороны, «*captation*» вызывает ассоциации с «захватом» [англ. *capture*] и намекает на ужасающую силу образа парализовать и фиксировать субъекта.

картель

(фр., англ. *cartel*) Картелем называется базовая рабочая группа, послужившая основой для создания Лаканом своей ШКОЛЫ психоанализа, *École Freudienne de Psychanalyse* (EFP). На сегодняшний день картели продолжают оставаться основной формой организации большинства лакановских школ.

Картель представляет собой исследовательскую группу, состоящую из 3-5 человек (Лакан считал оптимальным количеством четырех) и руководителя (называемого «плюс-один»; фр. *plus-un*; англ. *plus-one*), управляющего работой группы. Когда несколько человек решают вместе заниматься разработкой определенного аспекта психоаналитической теории, они создают свой картель, который затем регистрируют в списке картелей школы. Хотя участие в картелях играет важную роль в обучении (*formation*) лакановских аналитиков, членство в картелях могут получить не только члены школы. Лакан приветствовал обмен идеями между аналитиками и представителями других дисциплин, и рассматривал картель в качестве структуры, способствующей поощрению подобного обмена.

Организовывая исследовательскую работу в малых группах, Лакан надеялся избежать последствий омассовления, являющегося, по его мнению, одной из причин стерильности Международной Психоаналитической Ассоциации (МПА).

КЛЯЙНИАНСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Кляйнианским психоанализом называется школа психоаналитической теории, образовавшаяся вокруг новаторского учения австрийского психоаналитика Мелани Кляйн (1882–1960 гг.). Родившись в Вене, Кляйн переехала в Англию в 1926 г. и оставалась там до конца своей жизни. Кляйнианский психоанализ начинает формироваться как обособленная школа психоаналитической теории в 1940-х гг. Он противопоставляет себя группе под руководством Анны Фрейд, сформировавшейся после того, как та переехала в Лондон. Впрочем, аналитики, развивавшие учение Кляйн, стали называть себя «кляйнианцами» только после войны. Среди них были Анна Сигал, Герберт Розенфельд, Уилфред Бион и (позднее) Дональд Мельтцер.

Наряду с двумя другими не-лаканианскими школами психоаналитической теории (ЭГО-ПСИХОЛОГИЕЙ и ТЕОРИЕЙ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ), кляйнианский психоанализ представляет собой важный отправной пункт, критика которого позволяет Лакану сформулировать собственное прочтение Фрейда. Критика идей Кляйн, таким образом, важна для понимания оригинальности позиции Лакана. Обозначим здесь лишь наиболее важные ее пункты:

1. Лакан критикует Кляйн за то, что она уделяет слишком много внимания матери, пренебрегая ролью отца (например, Ес, 728–9).
2. Лакан подвергает критике помещение ФАНТАЗМА исключительно в порядок воображаемого. Такой подход, согласно Лакану, является ложным, поскольку в нем игнорируется символическая структура, подчиняющая себе все образования воображаемого.
3. Лакан не соглашается с представлением Кляйн о раннем развитии Эдипова комплекса. Он считает тщетными любые споры о точной датировке Эдипова комплекса, поскольку последний является не стадией развития, но постоянной структурой субъективности (если бы Эдипов комплекс все же можно было локализовать во времени, Лакан поместил бы его не в столь раннем возрасте, как это делает Кляйн. Таким образом, Кляйн практически отрицает существование доэдипальной фазы, а Лакан утверждает, что она все же существует).
4. Одной из отличительных черт лакановского учения от учения Мелани Кляйн является отношение к «довербальным сферам бессознательного» (Lacan, 1951:11). Согласно Лакану довербальных сфер бессознательного не существует, поскольку последнее является языковой структурой.
5. Лакан критикует стиль толкования Кляйн за его грубость. Ссылаясь на случай молодого пациента («Дика»), анализируемый Кляйн в статье об образовании символа (Klein, 1930), Лакан отмечает, что «она совершенно беспощадно обрушивает на него свой символизм» (S1, 68).

Впрочем, было бы упрощением рассматривать отношение Лакана к Кляйн как сугубо критическое. Несмотря на то, что разногласия Лакана с кляйнианским психоанализом были ничуть не меньшими, чем его разногласия с эго-психологией и теорией объектных отношений, все же критические замечания в сторону Кляйн не характеризовались той остротой и пренебрежительностью, которой они были наполнены по отношению к двум другим школам. Лакан полагал, что кляйнианский психоанализ находится на голову выше эго-психологии, и поэтому с радостью принял новость о том, что Эрнест Джонс занял сторону Мелани Кляйн, а не Анны Фрейд (Ес, 721–2). Он также отмечал, что в отношении к теории переноса Мелани Кляйн остается более верной учению Фрейда, чем Анна Фрейд (S8, 369).

Произведения Лакана до 1950-х гг. содержат много аллюзий на работы Кляйн об отношении матери и ребенка, а также различных имаго, действующих в фантазме. После 1950 г. Лакан хвалит Кляйн за то, что она подчеркивает важность для психоаналитической теории понятия влечения к смерти (хотя его собственный подход к этому понятию существенно отличается от подхода Кляйн), а также за то, что она развивает понятие ЧАСТИЧНОГО ОБЪЕКТА (впрочем, Лакан формулирует это понятие весьма отличным от Кляйн образом).

cogito

Работы Лакана изобилуют отсылками к знаменитому картезианскому утверждению – *cogito ergo sum* («Я мыслю, следовательно, существую» – см. Descartes, 1637:54). В этом афоризме (который Лакан часто называет просто «*cogito*») суммируется, по мысли Лакана, вся суть философии Декарта. Отношение Лакана к картезианству очень сложно и неоднозначно, поэтому оно будет просуммировано здесь в двух основных пунктах:

1. С одной стороны, поскольку концепция *cogito* основана на предположении о самодостаточности и прозрачности СОЗНАНИЯ и автономии эго, она представляет собой версию современного западного понятия ЭГО (см. Е, 6). Хотя Лакан не утверждает, что это понятие было изобретено Декартом или каким-либо другим мыслителем, он указывает на то, что оно возникает в современную Декарту эпоху (середина XVI – начало XVII вв.) и находит в его учении наиболее ясное и последовательное выражение (см. S2, 6–7). Хотя современному западному человеку понятие эго кажется естественным и вечным, на самом деле оно является относительно недавним культурным изобретением; видимость вечности-естественности является иллюзией, произведенной ретроактивно (S2, 4–5).

Лакан утверждает, что опыт психоаналитического лечения «ставит нас в оппозицию к любой философии, основывающейся на *Cogito*» (Е, 1; см. S2, 4). Открытие Фрейдом бессознательного подрывает картезианское представление о субъективности, поскольку проблематизирует уравнение субъект=эго=сознание. Один из важнейших пунктов лакановской критики эго-психологии и теории объектных отношений заключается в том, что эти школы предали открытие Фрейда, возвратившись к дофрейдовскому понятию субъекта как автономного эго (S2, 11).

2. С другой стороны, поскольку *cogito* включает в себя также понятие СУБЪЕКТА, которое Лакан желает сохранить, его воззрения можно рассматривать не только как подрыв *cogito*, но и как расширение его содержания. Таким образом, поскольку эго подрывается выдвиганием

на передний план субъективности, сама концепция *cogito* содержит в себе предпосылки для собственного уничтожения. Результатом последнего является открытие того, что Лакан называет «субъектом науки»: этот субъект отвергает любой интуитивный способ познания и следует разуму как единственному пути обретения знания (Ес, 831; см. Ес, 858).

Противопоставляя субъект и эго, Лакан делает вывод, что субъект картезианского *cogito* тождествен субъекту бессознательного. Следовательно, психоанализ может использовать картезианский метод и двигаться от сомнения к уверенности, с тем лишь отличием, что началом пути для него будет не утверждение «Я мыслю», а признание того, что «оно мыслит» (*ça pense*) (S11, 35–6). Различным образом трансформируя афоризм Декарта, Лакан получает несколько вариантов его прочтения, например: «Я мыслю там, где меня нет, следовательно, я там, где я не мыслю» (Е, 166). Также с помощью *cogito* Лакан проводит различие между субъектом утверждения и субъектом ПРОГОВАРИВАНИЯ (см. S11, 138–42; см. S17, 180–4).

КОД

(**фр., англ. code**) Лакан заимствует понятие «код» из теории коммуникации Романа Якобсона. Якобсон разрабатывает оппозицию «код-сообщение» как эквивалент оппозиции Соссюра «*langue-parole*». Однако Лакан проводит существенное различие между ЯЗЫКОМ и кодом (см. Е, 84). Коды участвуют в коммуникации животных, а не субъектов. Если элементами языка являются ОЗНАЧАЮЩИЕ, то элементами кода являются индексы (см. ИНДЕКС). Основное отличие индекса от означающего заключается в том, что между индексом и его референтом существует взаимно однозначная [англ. *bi-univocal*], фиксированная (один-к-одному) связь, а между означающим и референтом или означающим и означаемым такая связь отсутствует. Из-за взаимно однозначной связи кодам недостает того, что Лакан считает основной характеристикой человеческого языка, а именно, способности порождать двусмысленности и уловки (см. Lacan, 1973b).

Лакан не всегда последовательно проводит различие между кодом и языком. Так, представляя элементарную клетку графа желания в семинаре 1958–1959 гг., он обозначает в качестве кода пункт, обозначающий также место Другого и совокупность означающих. Очевидно, что в данном случае термин «код» обозначает то же, что и «язык», то есть совокупность доступных для субъекта означающих.

КОММУНИКАЦИЯ

(**фр., англ. communication**) Большинству современных теорий коммуникации присущи две ключевые характеристики: во-первых, обычно они формируются вокруг категории интенциональности, близкой по смыслу категории сознания (например, Blakemore, 1992:33); во-вторых, они понимают под коммуникацией процесс передачи сообщения от одного человека (адресанта) к другому (адресату) (например, Jakobson, 1960:21).

Однако особый опыт коммуникации в психоаналитическом лечении проблематизирует оба этих положения. Во-первых, оказывается, что РЕЧЬ обладает интенциональностью, выходящей за пределы сознательного целеполагания. Во-вторых, адресант посылает свое сообщение не только другому, но и себе: «В человеческой речи отправитель является всегда уже и получателем» (S3, 24). Соединив эти два пункта вместе, можно сказать, что частью сообщения говорящего, адресуемого к самому себе, является стоящая за этим сообщением бессознательная интенция. Обращаясь к аналитику, анализанд обращается также, хотя и неосознанно, к самому себе. Задача аналитика – позволить анализанду услышать то сообщение, которое он бессознательно адресует самому себе; толкуя слова анализанда, аналитик возвращает ему подлинный, бессознательный смысл его собственного сообщения. Поэтому Лакан определяет аналитическую коммуникацию как акт, в котором «отправитель получает от получателя собственное сообщение в инвертированной форме» (Ес, 41).

КОМПЛЕКС

(фр. *complexe*; англ. *complex*) До начала 1950-х гг. термин «комплекс», тесно связанный с понятием ИМАГО, занимает важное место в творчестве Лакана. Если имаго является воображаемым стереотипом того или иного человека, то комплекс – это целая группа взаимодействующих стереотипов; он представляет собой интериоризацию ранних социальных структур субъекта (т.е. отношений между различными актерами его семейного окружения). Комплекс предполагает множество идентификаций со всеми взаимодействующими образами, и предоставляет сценарий, по которому субъект «разыгрывает, как актер, драму конфликтов» между членами его семьи (Ес, 90).

Именно потому, что в основе человеческой психики лежат комплексы, являющиеся, в отличие от природных ИНСТИНКТОВ, продуктами культуры, поведение человека не может быть объяснено отсылкой к биологическим данностям. Противопоставляя комплексы инстинктам, Лакан, тем не менее, допускает возможность их сравнения: так, комплексы формируют инстинктивную недостаточность (фр. *insuffisance vitale*; англ. *instinctual inadequacy*) человеческого младенца, а также опираются на такие биологические функции, как отнятие ребенка от груди (Lacan, 1938:32–3).

В 1938 г. Лакан выделяет три «семейных комплекса», каждый из которых является следом определенного «психического кризиса», сопровождающегося «жизненным кризисом». Первым является комплекс отнятия от груди (фр. *complexe du sevrage*; англ. *weaning complex*). Принимая за основу идею «травмы отнятия от груди», впервые предложенную Рене Лафоргом в 1920-х гг., Лакан утверждает, что независимо от того, насколько поздно происходит отнятие от груди, младенец всегда воспринимает его как преждевременное.

Вне зависимости от того, было ли оно травматическим или нет, отнятие от груди сохраняет в человеческой психике неизгладимый отпечаток прерванного биологического отношения. Этот жизненный кризис сопровождается, без сомнения, первым психическим кризисом, разрешение которого имеет диалектическую структуру.

(Lacan, 1938:27)

Вслед за комплексом отнятия от груди возникает комплекс вторжения (фр. *complexe de l'intrusion*; англ. *intrusion complex*). На этом этапе ребенок вынужден осознать, что у него есть родные братья и сестры и смириться с тем фактом, что он не является исключительным объектом внимания его родителей. Третьим и заключительным семейным комплексом является ЭДИПОВ КОМПЛЕКС.

После появления в статье 1938 г., упоминания о первых двух комплексах практически полностью исчезают из творчества Лакана (кроме короткого упоминания в 1950 г.; Ес, 141). Однако Эдипов комплекс продолжает сохранять к себе интерес, который дополняется, начиная с 1956 г., интересом к КОМПЛЕКСУ КАСТРАЦИИ.

КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ

(фр. *complexe de castration*; англ. *castration complex*) Впервые комплекс кастрации Фрейд описывает в 1908 г. Он утверждает, что ребенок, узнав об анатомическом различии между полами (присутствии или отсутствии пениса), делает предположение, что это различие существует потому, что женский пенис был отрезан (Freud, 1908c). Комплекс кастрации, таким образом, является тем моментом, когда одна инфантильная теория (у каждого человека есть пенис) заменяется другой (женщины были кастрированы). Последствия возникновения этой новой инфантильной теории различны для мальчика и для девочки. Мальчик боится, что его пенис будет отрезан отцом (страх кастрации), а девочка видит себя уже кастрированной (матерью) и пытается отрицать кастрацию или компенсировать ее с помощью ребенка как заменителя пениса (зависть к пенису).

Комплекс кастрации оказывает влияние на оба пола, поскольку его появление тесно связано с фаллической фазой, моментом психосексуального развития, когда ребенок, независимо от пола, знает только об одном генитальном органе – мужском. Эта фаза также известна как фаза инфантильной генитальной организации, поскольку в ней частичные влечения впервые объединяются под приматом генитальных органов. Таким образом, она предвосхищает фазу собственно генитальной организации, прохождение которой совпадает с периодом подросткового созревания. На этом этапе субъект уже знает как о мужских, так и о женских половых органах (см. Freud, 1923e).

Фрейд утверждает, что комплекс кастрации тесно связан с ЭДИПОВЫМ КОМПЛЕКСОМ, но функционирует в нем различным для мальчика и для девочки образом. В случае мальчика, комплекс кастрации является точкой выхода из Эдипова комплекса, его последним кризисом: страх кастрации (часто возникающий из-за угроз) вынуждает мальчика отказаться от своего желания к матери. Благодаря этому отказу он входит в период латентности. В случае девочки, комплекс кастрации является точкой входа в Эдипов комплекс: обвиняя мать в том, что она лишила ее пениса, девочка перенаправляет свое либидинальное желание на отца. Поэтому для девочки Эдипов комплекс не находит своего разрешения в окончательном кризисе, сходном с тем, через который проходит мальчик (Freud, 1924d).

Фрейд рассматривал комплекс кастрации в качестве универсального явления, обусловленного первоначальным «непринятием женственности» (нем. *Ablehnung der Weiblichkeit*; англ. *rejection of femininity*). Это неприятие характерно для любого субъекта и

представляет собой конечный предел, выйти за который психоаналитическое лечение не может (Freud, 1937c).

В своих ранних работах Лакан уделяет мало внимания понятию комплекса кастрации, предпочитая говорить просто о «кастрации». Посвящая описанию этого комплекса несколько параграфов в статье о семье, он, вслед за Фрейдом, утверждает, что кастрация является, прежде всего, фантазией о деформации пениса. Лакан ставит эту фантазию в один ряд с серией других фантазий о расчленении тела, возникающих из образа фрагментированного тела, появление которого совпадает с прохождением стадии зеркала (от 6 до 18 месяцев). Лишь намного позднее фантазии о расчленении тела объединятся вокруг специфической фантазии о кастрации (Lacan, 1938:44).

Комплекс кастрации начинает играть значимую роль в учении Лакана только с середины 1950-х гг. В семинаре 1956-1957 гг. Лакан рассматривает кастрацию, наряду с фрустрацией и лишением, в качестве одной из трех форм «нехватки объекта» (см. НЕХВАТКА). В отличие от фрустрации (воображаемой нехватки реального объекта) и лишения (реальной нехватки символического объекта), кастрация представляет собой символическую нехватку воображаемого объекта; она имеет отношение не к пенису как реальному органу, а к воображаемому ФАЛЛОСУ (S₄, 219). Таким образом, лакановская концепция комплекса кастрации выходит за пределы простой биологии и анатомии и «не может быть сведена к биологическим данностям» (E, 282).

Вслед за Фрейдом, Лакан утверждает, что комплекс кастрации является поворотным пунктом всего Эдипова комплекса (S₄, 216). Однако если согласно Фрейду эти два комплекса по-разному функционируют для девочек и для мальчиков, Лакан утверждает, что комплекс кастрации является окончательным моментом Эдипова комплекса для обоих полов. Лакан разделяет Эдипов комплекс на три «периода» (Lacan, 1957-8: лекция 22 января 1958 г.). В первом периоде ребенок чувствует, что мать желает нечто, находящееся за пределами его самого – а именно, воображаемый фаллос – и пытается быть фаллосом для матери (см. ДОЭДИПАЛЬНАЯ ФАЗА). Во втором периоде в эту ситуацию вмешивается воображаемый отец, накладывающий табу на инцест и лишаящий, тем самым, мать ее объекта; это еще не кастрация в собственном смысле слова, а лишение. Кастрация происходит только в третьем, и последнем, периоде, представляющем собой «распад» Эдипова комплекса. Именно на этом этапе реальный отец принуждает ребенка отказаться от попыток быть фаллосом, показывая, что в действительности им обладает только он (S₄, 208-9, 227).

Таким образом, становится ясно, что Лакан использует данный термин для описания двух различных операций:

- **Кастрация матери** В первом периоде Эдипова комплекса «оба пола рассматривают мать как обладающую фаллосом, как фаллическую мать» (E, 282). Накладывая табу на инцест во втором периоде, воображаемый отец лишает ее этого фаллоса. Лакан утверждает, что, строго говоря, это не кастрация, а лишение. Однако сам он часто использует эти термины попеременно, говоря как о лишении, так и о кастрации матери.

- **Кастрация субъекта** Это кастрация в собственном смысле слова, то есть символический акт, имеющий отношение к воображаемому объекту. Если кастрация/лишение матери, происходящая во втором периоде Эдипова комплекса, отрицает глагол «обладать» [англ. *to*

have] (мать не *обладает* фаллосом), то кастрация субъекта в третьем периоде Эдипова комплекса отрицает глагол «быть» [англ. *to be*] (субъект должен отказаться от попыток *быть* фаллосом матери). Отказываясь от попыток быть объектом желания матери, субъект лишается определенного *jouissance*, который ему уже никогда не удастся вернуть; «Кастрация предполагает отказ от *jouissance*, необходимый для того, чтобы получить возможность приблизится к нему с обратной стороны (фр. *l'échelle renversée*; англ. *inverted ladder*) Закона желания» (E, 324). Данная схема приложима как к мальчикам, так и к девочкам: «Отношение к фаллосу... устанавливается безотносительно к анатомическому различию полов» (E, 282).

На более фундаментальном уровне понятие кастрации также может обозначать не саму «операцию» (вмешательство воображаемого или реального отца), но то состояние нехватки, в котором мать находится еще до рождения субъекта. Эта нехватка проявляется в ее собственном желании, которое субъект воспринимает как желание иметь воображаемый фаллос. То есть, уже на первом этапе своего развития субъект понимает, что мать сама по себе не цела и не самодостаточна, не полностью удовлетворена своим ребенком (самим субъектом) и желает чего-то большего. Так субъект впервые осознает, что Другой не целостен и испытывает нехватку.

Обе формы кастрации (матери и субъекта) ставят субъекта перед выбором: принимать кастрацию или отрицать ее. Лакан утверждает, что достичь психической нормальности субъект может только благодаря принятию (или «предположению» [англ. *assuming*]) кастрации. Иными словами, принятие кастрации оказывает «нормализующее воздействие». Это воздействие следует понимать как с точки зрения психопатологии (клинических структур и симптомов), так и с точки зрения половой идентичности.

• **Кастрация и клинические структуры** Причиной образования всех психопатологических структур является именно непринятие кастрации. Однако поскольку полностью принять кастрацию невозможно, абсолютно «нормальная» позиция остается недостижимой. Ближе всего к ней находится невротическая структура, но даже в ней субъект защищает себя от нехватки в Другом вытесняя осознание кастрации. Это мешает невротик полностью принять собственное желание, поскольку «нехватку, из-за которой возникает желание, создает именно признание кастрации» (Eс, 852). Более радикальной защитой от кастрации является отказ, лежащий в основе структуры перверсии. Психотик прибегает к еще более радикальному средству: он полностью отторгает кастрацию, так, как будто ее никогда и не было (S1, 53). Результатом такого отторжения является возвращение кастрации в реальном, проявляющееся в таких формах, как галлюцинации о расчленении (как в случае Человека-волка; см. S1, 58–9) или даже реальное членовредительство гениталий.

• **Кастрация и половая идентичность** Субъект может занять половую позицию мужчины или женщины только приняв кастрацию (в обоих смыслах) (см. ПОЛОВОЕ РАЗЛИЧИЕ). Различные формы отказа от кастрации находят выражение в различных формах перверсии.

КОНЕЦ АНАЛИЗА

(фр. *fin d'analyse*; англ. *end of analysis*) В статье «Анализ конечный и бесконечный» Фрейд задается вопросом: можно ли завершить анализ, или же любой анализ с необходимостью является незавершенным? (Freud, 1937c). Лакан отвечает на вопрос Фрейда положительно, считая возможным говорить о конце анализа. Аналитическое лечение представляет собой логический процесс, имеющий завершение, которое Лакан называет «концом анализа». Впрочем, не всякий анализ может достичь своего завершения.

Принимая во внимание тот факт, что многие анализы обрываются, так и не дойдя до логического завершения, возникает вопрос о том, можно ли считать их успешными. Для ответа на этот вопрос необходимо провести различие между концом анализа и целью психоаналитического лечения. Целью психоаналитического лечения является приведение анализанда к артикуляции истины своего желания. Любой анализ, вне зависимости от того, завершен он или нет, может считаться успешным, если он достиг этой цели. Таким образом, вопрос об окончании анализа заключается не в том, достигло ли лечение своей цели или нет, но в том, достиг ли аналитический процесс точки своего логического завершения.

Лакан по-разному понимает эту конечную точку:

1. В начале 1950-х гг. он описывает конец анализа как «открытие подлинной речи и осознание субъектом своей истории» (E, 88) (см. РЕЧЬ). «Субъект... начинает анализ с того, что говорит о себе, не обращаясь к вам, или обращается к вам, не говоря при этом о себе. Анализ будет завершен тогда, когда субъект сможет говорить вам о себе» (Eс, 373, п. 1). Конец анализа также описывается как осознание собственной смертности (E, 104–5).

2. В 1960 г. Лакан описывает конец анализа как состояние тревоги и заброшенности, сравнивая его с состоянием БЕСПОМОЩНОСТИ человеческого младенца.

3. В 1964 г. он называет концом анализа точку перехода анализанда «за/через фундаментальный фантазм» (S11, 273) (см. ФАНТАЗМ).

4. В последнее десятилетие своего творчества Лакан описывает конец анализа как «идентификацию с *sinthome*» и как «знание того, что нужно делать с *sinthome*» (см. SINTHOME).

Общей для всех этих формулировок является идея о том, что конец анализа предполагает изменение субъективного положения анализанда («субъективную опустошенность» [англ. *subjective destitution*] анализанда) и соответствующее ему изменение положения аналитика (потеря бытия [фр. *désêtre*; англ. *loss of being*] аналитика, как потеря возможности быть субъектом, предположительно знающим). В конце анализа последний сводится к простому избытку, чистому *objet petit a*, причине желания первого.

Поскольку Лакан утверждает, что все психоаналитики должны пройти процесс аналитического лечения от начала до конца, конец анализа предполагает также превращение анализанда в аналитика. «Подлинное завершение анализа» является, таким образом, ни более, ни менее как «подготовкой к роли аналитика» (S7, 303).

В 1967 г. Лакан предлагает процедуру ПЕРЕХОДА в качестве критерия определения конца анализа. С помощью этой процедуры Лакан надеялся избежать опасностей, связанных с отношением к концу анализа как к квазимистическому, невыразимому опыту. Такой взгляд прямо противоположен психоаналитическому, целью которого является максимально исчерпывающая словесная артикуляция.

Критикуя тех психоаналитиков, которые полагали, что концом анализа является идентификация с аналитиком, Лакан утверждает, что «пересечение уровня идентификации возможно» (S11, 273). Выйти по ту сторону идентификации не только возможно, но и необходимо, поскольку в противном случае психоанализ превратится в собственную противоположность – суггестию; «главной движущей силой аналитического действия является поддержание дистанции между Я, то есть идентификацией, и а» (S11, 273).

Лакан отвергает идею о том, что конец анализа предполагает «ликвидацию» переноса (см. S11, 267). Эта идея основана на неправильном понимании его природы, на утверждении о том, что перенос является иллюзией, которую необходимо преодолеть. Такой взгляд является ошибочным, поскольку он полностью упускает из виду символическую природу переноса, являющегося сущностным элементом структуры речи. Хотя аналитическое лечение предполагает разрешение определенного *отношения переноса* [англ. *transference relationship*], сложившегося между анализандом и аналитиком, сам по себе перенос сохраняется и после окончания анализа.

Лакан критикует представления об окончании анализа как об «усилении эго», «адаптации к реальности» и «достижении счастья». Конец анализа не предполагает исчезновение симптома или излечение от болезни (например, невроза), поскольку анализ является не терапевтическим процессом, но поиском истины, а истина не всегда исцеляет (S17, 122).

контрперенос

(фр. *contre-transfert*; англ. *countertransference*) Фрейд понимает под контрпереносом совокупность «бессознательных чувств» аналитика к пациенту. Хотя сам Фрейд редко использовал это понятие, после его смерти оно приобрело в психоаналитической теории широкое распространение. В частности, разделились взгляды аналитиков на роль контрпереноса в технике психоанализа. С одной стороны, многие аналитики утверждали, что проявления контрпереноса являются следствиями неполного анализа элементов психики аналитика, и должны быть сведены к минимуму благодаря более тщательному обучению анализу. С другой стороны, некоторые аналитики кляйнианской школы, начиная с Паулы Хайманн, утверждали, что в процессе толкования аналитик должен руководствоваться собственным контрпереносом и рассматривать свои чувства как индикатор душевного состояния пациента (Heimann, 1950). Если первая группа рассматривала контрперенос как препятствие, то последняя видела в нем полезный аналитический инструмент.

В 1950-х гг. Лакан рассматривает контрперенос как форму СОПРОТИВЛЕНИЯ, препятствующего движению психоаналитического лечения. Контрперенос, как и все прочие формы сопротивления, является, прежде всего, сопротивлением аналитику. Таким образом, Лакан определяет контрперенос как «совокупность предубеждений, страстей, и других

затруднений, а также следствие недостаточной осведомленности аналитика на определенной стадии диалектического процесса» лечения (Ес, 225).

Чтобы наглядно продемонстрировать свои утверждения, Лакан обращается к двум случаям из практики Фрейда. Рассматривая случай Доры (Freud, 1905e) в 1951 г., он отмечает, что контрперенос Фрейда был обусловлен его верой в то, что гетеросексуальность является естественным, а не нормативным состоянием, а также его идентификацией с г-ном К. Лакан утверждает, что именно эти два фактора стали причиной неудачного лечения и спровоцировали «негативный перенос», результатом которого стал отказ Доры от продолжения лечения (Lacan, 1951a).

В 1957 г. Лакан предлагает сходный анализ фрейдовского случая молодой гомосексуальной женщины (Freud, 1920a). Он утверждает, что толкуя сон женщины как выражение желания его обмануть, Фрейд уделяет внимание воображаемой, а не символической, стороне ее переноса (S4, 135). То есть, Фрейд интерпретирует сон не как нечто, обращенное к Другому, а как нечто, адресованное ему лично. Это происходит потому, утверждает Лакан, что Фрейд находит эту женщину привлекательной, а также потому, что он идентифицируется с ее отцом (S4, 106–9). Как и в случае с Дорой, контрперенос приводит к преждевременному окончанию лечения, хотя на этот раз в качестве инициатора окончания выступает сам Фрейд.

На основании вышеописанных примеров может показаться, что Лакан соглашается с аналитиками, полагающими, что обучение анализу должно научить аналитика подавлять в себе любые аффективные чувства к пациенту. Однако Лакан категорически отвергает подобную точку зрения, полагая ее «стоическим идеалом» (S8, 219). Обучение анализу не возвышает аналитика над миром страстей; верить в это означало бы полагать, что источником любых страстей является бессознательное – идея, которую Лакан отвергает. Более того, чем более полным был анализ самого аналитика, тем выше вероятность того, что он будет испытывать к анализанду искреннюю любовь или отвращение (S8, 220). Причина же, по которой аналитик не действует на основании своих страстей, заключается не в том, что его обучение лишило его способности испытывать какие-либо чувства, но в том, что оно открыло в нем желание, превосходящее по силе любые чувства. Лакан называет это желание ЖЕЛАНИЕМ АНАЛИТИКА (S8, 220–1).

Следовательно, Лакан не отвергает позицию Паулы Хайманн окончательно. Он соглашается с тем, что аналитики испытывают чувства к своим пациентам, и порой могут, основываясь на них, направлять ход лечения. Например, Фрейд мог бы избежать толкования сна молодой гомосексуальной женщины как непосредственно адресованного ему сообщения, если бы глубже осмыслил свои к ней чувства (S4, 108).

Никто никогда не говорил, что аналитик не должен испытывать никаких чувств к пациенту. Но он должен знать не только о том, как не поддаваться им и сдерживать их, но также о том, как найти им наиболее адекватное применение в своей технике.

(S1, 32)

Если же Лакан и осуждает контрперенос, то лишь потому, что определяет его не как совокупность аффектов, переживаемых аналитиком, а как неумение аналитика использовать их надлежащим образом.

В 1960-х гг. Лакан резко усугубляет свое критическое отношение к контрпереносу. Он утверждает, что, в отличие от переноса, контрперенос предполагает существование симметрического отношения между аналитиком и анализандом. Применение этого термина по отношению к аналитику бесполезно и вводит в заблуждение; достаточно говорить о различных способах включения аналитика и анализанда в перенос (S8, 233). «Перенос представляет собой явление, в котором субъект и психоаналитик участвуют на равных. Разделение его на перенос и контрперенос... является не более чем способом ухода от сути проблемы» (S11, 231).

Л

лента Мебиуса

(фр. *bande de moebius*; англ. *moebius strip*) Лента Мебиуса является одной из фигур, анализируемых Лаканом в рамках изучения ТОПОЛОГИИ. Она представляет собой трехмерную фигуру, сформировать которую можно соединив концы длинного бумажного прямоугольника, предварительно перевернув один из них (см. Рисунок 9). Эта фигура подрывает нормальный (эвклидовский) способ представления о пространстве: нам кажется, что у нее есть две стороны, в то время как на самом деле она имеет только одну (и только один край). В каждой отдельно взятой точке две стороны остаются явственно различимыми, но при пересечении всей ленты становится очевидно, что они переходят друг в друга. Две стороны разделяет только время, необходимое для пересечения всей ленты.

Эта фигура иллюстрирует способ психоаналитической проблематизации таких бинарных оппозиций, как внутреннее/внешнее, любовь/ненависть, означающее/означаемое, истина/видимость. Хотя обычно термины этих оппозиций радикально противопоставляются друг другу, Лакан предпочитает рассматривать их с точки зрения топологии ленты Мебиуса. Таким образом, противоположные термины рассматриваются не как существующие раздельно, а как переходящие друг в друга. Так, например, дискурс господина переходит в дискурс аналитика.

Также лента Мебиуса помогает понять, как возможен «переход/выход за фантазм» [англ. *traverse the fantasy*] (Сц, 273). Такой переход с внутренней на внешнюю сторону возможен только благодаря тому, что обе стороны непрерывны. Впрочем, проводя пальцем по поверхности ленты Мебиуса, невозможно сказать в какой именно точке он переходит с внутренней на внешнюю сторону (или наоборот).

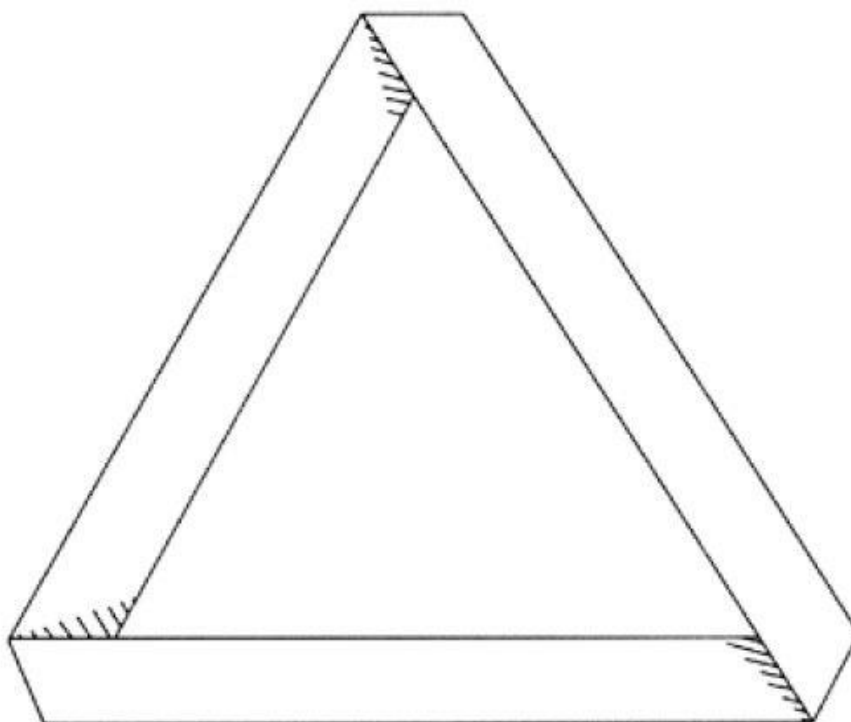

Рисунок 9 Лента Мебиуса

лечение

(фр. *cure*; англ. *treatment*) Термин «лечение» устанавливает различие между практикой и теорией ПСИХОАНАЛИЗА. Хотя он был унаследован от медицины, в рамках психоаналитической теории Лакана он обрел весьма специфическое значение, сильно отличающееся от медицинского. В частности, целью психоаналитического лечения, согласно Лакану, является не «исцеление» [англ. *healing*] или «излечение» [англ. *curing*] людей в смысле производства совершенно здоровой психики. Клинические структуры невроза, психоза и перверсии рассматриваются как сущностно «неизлечимые»; цель аналитического лечения заключается лишь в приведении анализанда к артикуляции собственной истины.

Лакан утверждает, что лечение представляет собой обладающий определенной направленностью процесс, последовательно движущийся от начала через середину к концу (см. КОНЕЦ АНАЛИЗА). Начало, или «пункт вхождения в аналитическую ситуацию», представляет собой договор, или «пакт» между аналитиком и анализандом, предполагающий соблюдение анализандом основного правила. За первоначальной консультацией следует серия подготовительных собеседований с глазу на глаз. Проведение этих собеседований преследует несколько целей. Во-первых, они позволяют установить на основании расплывчатых жалоб пациента подлинно психоаналитический симптом. Во-вторых, они предоставляют время для развития переноса. В-третьих, они позволяют аналитику понять, действительно ли в данном случае необходим психоанализ, а также построить гипотезу о клинической структуре анализанда.

В отличие от подготовительных собеседований, лечение проводится не лицом к лицу; анализанд располагается на кушетке, а аналитик садится позади него, так, чтобы оставаться вне поля его зрения (кушетка не используется при лечении психотических пациентов). В процессе свободных ассоциаций анализанд, ведомый собственной речью, прорабатывает определяющие его историю означающие и приближается тем самым к артикуляции собственного желания. Это динамический процесс, предполагающий конфликт между продвигающей (см. ПЕРЕНОС, ЖЕЛАНИЕ АНАЛИТИКА) и блокирующей лечение силами (см. СОПРОТИВЛЕНИЕ). Задача аналитика заключается в том, чтобы направлять процесс лечения (но не пациента) и заставлять его двигаться дальше, если он остановится.

либидо

(фр., англ. *libido*) Фрейд рассматривает либидо в качестве количественного (или «экономического») понятия: это энергия, которая может увеличиваться, уменьшаться, или перемещаться (см. Freud, 1921c: SE XVIII, 90). Фрейд настаивает на сексуальной природе этой энергии и придерживается, на протяжении всего своего творчества, дуалистической концепции, согласно которой либидо противостоит другая (несексуальная) форма энергии. Юнг выступает против этого дуализма, указывая на существование единой, «нейтральной» по характеру, формы жизненной энергии, которую он предлагает обозначать термином «либидо».

Лакан отвергает юнгианский монизм в пользу фрейдовского дуализма (S1, 19–20). Вслед за Фрейдом, он утверждает, что либидо является исключительно сексуальным, а также исключительно мужским (E, 291). В 1950-х гг. Лакан помещает либидо в порядок воображаемого: «Либидо и эго находятся по одну сторону. Нарциссизм либидинален» (S2, 326). Однако с 1964 г. он начинает смещать либидо в сторону реального (см. Eс, 848–9). Как бы там ни было, Лакан не использует термин «либидо» так же часто, как Фрейд, предпочитая рассматривать сексуальную энергию с точки зрения *JOUISSANCE*.

ЛИНГВИСТИКА

(фр. *linguistique*; англ. *linguistics*) Интерес Лакана к изучению ЯЗЫКА возник еще в 1930-х гг., когда он изучал тексты психотической женщины для своей докторской диссертации (Lacan, 1932). Однако только в 1950-х гг. он начинает артикулировать свое понимание языка исходя из специфической лингвистической теории. И только с 1957 г. приступает к детальному изучению лингвистики.

«Лингвистический поворот» Лакана был вдохновлен трудами по антропологии Леви-Стросса, который в 1940-х гг. начал применять методы структурной лингвистики для анализа нелингвистических культурных феноменов (таких как миф, отношения родства и пр.), заложив тем самым основы «структурной антропологии». Леви-Стросс предложил амбициозную программу, согласно которой лингвистика должна была стать парадигмой научности для всех социальных НАУК; «Структурная лингвистика, безусловно, сыграла такую

же решающую роль в обновлении социальных наук, какую ядерная физика, к примеру, сыграла в науках естественных» (Lévi-Strauss, 1945:33).

Вслед за Леви-Строссом, Лакан обращается к лингвистике для того, чтобы обеспечить психоаналитическую теорию той понятийной строгостью, которой ей до сих пор не хватало. Лакан утверждает, что причина существовавшего до этого отсутствия понятийной строгости заключается в том, что структурная лингвистика появилась слишком поздно, и Фрейд не успел ею воспользоваться; ««Женева 1910» и «Петроград 1920» достаточно для объяснения того, почему Фрейд не воспользовался этим инструментом» (E, 298). Впрочем, Лакан утверждает также, что прочтение Фрейда в свете лингвистической теории позволяет проявиться не замеченной до этого логике; по сути, в некотором смысле Фрейда можно даже рассматривать как провозвестника некоторых элементов современной лингвистической теории (E, 162).

Вышеуказанные ссылки («Женева 1910» и «Петроград 1920») свидетельствуют о том, что интерес Лакана к лингвистике ограничен почти исключительно трудами Фердинанда де Соссюра (1857-1913 гг.) и Романа Jakobson (1896-1982 гг.). Лакан практически не упоминает работы таких выдающихся лингвистов, как Ноам Хомски, Леонард Блумфильд и Эдвард Сепир. Поэтому в его работах систематическое внимание уделяется знаку, риторическим тропам и фонемному анализу, но практически ничего не говорится о других сферах лингвистики, таких, например, как синтаксис, семантика, прагматика, социолингвистика и языковое обучение (хотя см. РАЗВИТИЕ) (см. Masey, 1988:121-2).

Соссюр является основоположником «структурной лингвистики». Анализ языка в XIX-м веке носил исключительно *диахронический* характер (то есть в нем внимание уделялось особенностям изменения языка во времени); Соссюр же утверждает, что лингвистика должна изучать также *синхронический* аспект языка (то есть состояние языка в данный момент времени). Следствием такого подхода стало проведение знаменитого различия между *langue* и *parole*, а также создание концепции ЗНАКА, состоящего из означающего и означаемого. Все эти идеи были развиты Соссюром в наиболее известной его работе «Курс общей лингвистики», которая была составлена студентами из конспектов его лекций в Женевском университете и опубликована через три года после его смерти (Saussure, 1916). Развивая идеи Соссюра, Jakobson разрабатывает фонологию, а также делает существенный вклад в грамматическую семантику, прагматику и поэтику (см. Caton, 1987).

Лакан заимствует у Соссюра понятие языка как СТРУКТУРЫ, правда рассматривает его при этом не в качестве системы знаков, а в качестве системы означающих. У Jakobson Лакан заимствует понятия МЕТАФОРЫ и МЕТОНИМИИ как двух осей (синхронической и диахронической), вокруг которых вращаются все лингвистические феномены, и применяет эти понятия для объяснения фрейдовских терминов сгущения и смещения. Также Лакан заимствует из лингвистики понятие ШИФТЕРА и представление о различии между утверждением и ПРОГОВАРИВАНИЕМ.

Лакана часто обвиняли в сильном искажении смысла позаимствованных им лингвистических понятий. В ответ на эту критику Лакан говорил, что он занимается не лингвистикой, но психоанализом, который требует определенной модификации понятий, позаимствованных из лингвистики. В конце концов, лингвистическая теория интересует Лакана не сама по себе, но только как средство для развития психоаналитической теории

(см. Lacan, 1970–1; лекция 27 января 1971 г.). Для обозначения особого психоаналитического способа использования лингвистических понятий, Лакан изобретает неологизм *linguist rie* [«лингвистерия» – прим. пер.] (составленный из слов *linguistique* и *hyst rie*) (S20, 20).

ЛИШЕНИЕ

(фр., англ. *privation*) В семинаре в 1956–1957 гг. Лакан выделяет три типа «нехватки объекта»: лишение, фрустрацию и кастрацию (см. НЕХВАТКА). Каждый из этих типов нехватки расположен в различных порядках, вызывается к жизни различными агентами, и предполагает различные объекты. Лишение определяется как реальная нехватка символического объекта (символического фаллоса). Агентом, вызывающим эту нехватку, является воображаемый отец.

С помощью понятия лишения Лакан пытается дать более строгое теоретическое объяснение фрейдовским понятиям кастрации и зависти к пенису. Согласно Фрейду, осознание ребенком того факта, что у некоторых людей (женщин) нет пениса, вызывает травматическое переживание, приводящее к последствиям, различным для мальчика и для девочки (см. КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ). Если мальчик начинает бояться, что его пенис отрежут, то девочка начинает завидовать мальчику и рассматривать пенис в качестве крайне желаемого органа. Обвиняя мать в том, что та лишила ее пениса, девочка перенаправляет свои чувства в сторону отца, надеясь, что тот обеспечит ее ребенком как символическим заместителем недостающего ей пениса (Freud, 1924d).

Лишение, таким образом, относится к женской нехватке пениса, которая является, очевидно, нехваткой реальной. Однако реальное, по определению, «полно», т.е. само по себе никогда не испытывает нехватки. Следовательно, «понятие лишения... предполагает символизацию реального объекта» (S4, 218). Иными словами, ребенок понимает что пенис (реальный орган) *отсутствует* только потому, что уже обладает представлением о том, что пенис все-таки должен быть. Такое понимание и предполагает введение символического в реальное. Поскольку, с точки зрения биологии, вагина не является незавершенной, объектом нехватки является не реальный орган, а символический объект, символический фаллос. Свидетельством в пользу его символической природы является тот факт, что в бессознательном девочки он может быть заменен ребенком. Как отмечает Фрейд, девочка, пытаясь преодолеть зависть к пенису желанием завести ребенка, «соскальзывает от пениса к ребенку, если так можно выразиться, по линии символического равенства» (Freud, 1924d: SE XIX, 178–9).

Фрейд утверждает, что маленькая девочка обвиняет свою мать в том, что она лишила ее пениса. Лакан, напротив, утверждает, что агентом лишения является воображаемый отец. Впрочем, два этих подхода не являются взаимоисключающими. Несмотря на то, что поначалу девочка обижается на мать и обращается к отцу в надежде, что тот предоставит ей символический заменитель пениса, позднее она обижается и на отца за то, что тот оказывается не в состоянии обеспечить ее желаемым ребенком.

Фрейд также утверждает, что зависть к пенису сохраняется и по достижении взросления, проявляя себя в желании получить удовольствие от пениса в половом акте и в желании

завести ребенка (женщина обращается к другому мужчине, поскольку отец не предоставил ей ребенка). Лакан утверждает, что даже появление ребенка не избавляет женщину от ощущения лишения. Вне зависимости от того, сколько детей у нее есть, ее желание фаллоса остается неудовлетворенным. Ребенок ощущает основную неудовлетворенность матери (S4, 194) уже на самых ранних этапах своего развития; он осознает, что мать желает нечто, находящееся за пределами его самого – воображаемый фаллос. Стремясь удовлетворить ее желание, ребенок идентифицируется с воображаемым фаллосом. Таким образом, диалектика желания впервые вводится в жизнь ребенка именно благодаря лишению матери.

ЛЮБОВЬ

(фр. *amour*; англ. *love*) Лакан утверждает, что о любви невозможно сказать ничего осмысленного или разумного (S8, 57). Пытаясь говорить о любви, человек сразу же становится слабоумным (S20, 17). Удивительно, что при таких взглядах Лакан все же уделяет большую часть своего семинара именно анализу феномена любви. Впрочем, поступая подобным образом, Лакан всего лишь наглядно показывает, чем анализанд занимается в процессе психоаналитического лечения, поскольку «разговоры о любви являются тем единственным, чем мы занимаемся в аналитическом дискурсе» (S20, 77).

Любовь возникает в ходе аналитического лечения как следствие ПЕРЕНОСА. На протяжении всего своего творчества Лакан не переставал интересоваться проблемой производства этого феномена в искусственно созданной ситуации. Лакан утверждает, что связь любви и переноса является свидетельством того, что в любви ключевую роль играет искусственность [англ. *artifice*]. Он подчеркивает также тесную связь любви и АГРЕССИВНОСТИ: присутствие первой по необходимости предполагает присутствие второй. Лакан рассматривает этот феномен, названный Фрейдом «амбивалентностью», как одно из величайших открытий психоанализа.

Лакан рассматривает любовь исключительно в качестве воображаемого феномена, оказывающего, впрочем, определенные воздействия на символический порядок (одним из них является производство «подлинного сдвига [англ. *subduction*] символического» – S1, 142). Любовь аутоэротична и имеет фундаментально нарциссическую структуру (S11, 186), поскольку «любят в любви только собственное эго, обретшее действительность на уровне воображаемого» (S1, 142; см. НАРЦИССИЗМ). Из-за воображаемой природы любви Лакан критикует тех психоаналитиков (таких как Балинт), которые рассматривают любовь в качестве идеала психоаналитического лечения (S7, 8; см. ГЕНИТАЛЬНОЕ).

Любовь предполагает воображаемую взаимность, поскольку «любить, по сути, значит желать быть любимым» (S11, 253). Именно то, что между любящими конституируется иллюзия взаимности, отличает любовь от влечения, в котором нет взаимности, а есть только чистая активность (S11, 200).

Поскольку любовь является фантазией о слиянии с любимым, в ней отсутствуют какие бы то ни было ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ (S20, 44); характерным примером такого отсутствия является асексуальная куртуазная любовь (S20, 65).

Любовь обманчива; «Будучи зеркальным образом, любовь, по сути, является обманом» (S11, 268). Она обманчива потому, что любящий пытается дать то, чего у него нет (т.е. фаллос); любить значит «давать то, чего не имеешь» (S8, 147). Любовь направлена не на то, чем обладает объект любви, но на то, чего у него нет, на находящееся за ним ничто. Объект является любимым постольку, поскольку занимает место этой нехватки (см. схему вуали [англ. *veil*] в S4, 156).

Отношения любви и ЖЕЛАНИЯ являются одной из самых сложных тем в творчестве Лакана. С одной стороны, эти два понятия диаметрально противоположны друг другу. С другой стороны, эта противоположность не так однозначна, поскольку между ними существуют также некоторые сходства:

1. Как воображаемый феномен, принадлежащий эго, любовь противоположна желанию, вписанному в порядок символического, в поле Другого (S11, 189–91). Любовь является метафорой (S8, 53), а желание – метонимией. Можно даже сказать, что любовь убивает желание, поскольку лежащая в ее основе фантазия о единстве с любимым (S20, 46) уничтожает различие, являющееся условием возникновения желания.

2. С другой стороны, в творчестве Лакана есть моменты, проблематизирующие четкую противоположность любви и желания. Во-первых, ни любовь, ни желание не могут быть удовлетворены. Во-вторых, структура любви как «желания быть любимым» тождественна структуре желания, поскольку субъект желает стать объектом желания Другого (в кожевской интерпретации Гегеля, на которой основано подобное представление, между понятиями «любовь» и «желание» существует определенная степень семантической двусмысленности; см. Kojève, 1947:6). В-третьих, в диалектике потребности/требования/желания последнее возникает из неудовлетворенного остатка ТРЕБОВАНИЯ, являющегося требованием любви. Таким образом, то взаимозамещение понятий «желания» и «любви», которое Лакан обнаруживает в тексте платоновского «*Пира*», усложняет и его собственные рассуждения о любви (S8, 141).

М

матема

(фр. *mathème*; англ. *matheme*) Термин «*mathème*» является неологизмом, произведенным Лаканом из слова «математика», вероятно по аналогии с термином «*mytheme*» (использовавшимся Леви-Строссом для обозначения основных составляющих мифологических систем; см. Lévi-Strauss, 1955). Матемы являются частью лакановской АЛГЕБРЫ. Хотя сам термин матема появляется не раньше 1970-х гг., две формулы, чаще всего рассматриваемые в качестве матем, были созданы еще в 1957 г. Эти формулы были созданы для ГРАФА ЖЕЛАНИЯ; одна из них является матемой влечения ($\mathcal{S}\diamond D$), а другая – матемой фантазма ($\mathcal{S}\diamond a$). Структурная параллель между двумя математиками очевидна: обе они составлены из двух заключенных в скобки алгебраических символов, соединенных ромбоидом (символом \diamond , который Лакан называет *poinçon*). Ромбоид символизирует такое отношение между двумя символами, которое предполагает «обволакивание – развитие – конъюнкцию – дизъюнкцию» [англ. envelopment-development-conjunction-disjunction] (E, 280, n. 26).

Лакан утверждает, что матемы «являются не трансцендентными означающими, а индексами абсолютного означивания» (E, 314). Они «созданы для того, чтобы обеспечивать множество прочтений, приемлемое до тех пор, пока проговариваемое остается в сетях их алгебры» (E, 313). Они созданы таким образом, что не допускают попыток сведения их к недвусмысленному [англ. *univocal*] означиванию и препятствуют интуитивному или воображаемому пониманию психоаналитических понятий; иными словами, матемы созданы не для понимания, а для использования. Они составляют цельное и транслируемое формальное ядро психоаналитической теории; «никто не знает наверняка, что они значат, но их можно передать» (S20, 100).

математика

(фр. *mathématiques*; англ. *mathematics*) Лакан применяет два основных подхода к осмыслению категории СИМВОЛИЧЕСКОГО. Первый подход заключается в описании символического с точки зрения ЛИНГВИСТИКИ, с использованием сосюрровской модели языка как системы означающих. Второй подход заключается в описании символического в

математических терминах. Оба этих подхода дополняют друг друга, поскольку оба являются попытками описания формальных систем с четкими правилами, и оба демонстрируют силу означающего. Хотя переход от лингвистического (1950 гг.) к математическому подходу происходит в начале 1970 гг., следы последнего можно заметить уже в 1940 гг. (см. анализ логических загадок в Lacan, 1945 и утверждение 1956 г. о том, что «законы интерсубъективности имеют математическую природу» в Es, 472). В основном Лакан пользуется такими разделами математики, как АЛГЕБРА и ТОПОЛОГИЯ, иногда, впрочем, обращаясь к теории множеств и теории чисел (например, E, 316–18).

Использование Лаканом математики представляет собой подход к формализации психоанализа, согласующийся с его представлением о том, что психоаналитическая теория должна стремиться достичь уровня научной формализации; «математическая формализация является нашей целью, нашим идеалом» (S20, 108). Лакан рассматривает математику в качестве парадигмы современного научного дискурса, «возникшего из маленьких букв математики» (S7, 236).

Однако в таком обращении к математике не следует видеть попытку разработать МЕТАЯЗЫК, поскольку «ни один метаязык не может быть выражен словами» (E, 31). «Причиной затруднения является то, что вы можете вводить символы, математические или другие, только используя повседневный язык, поскольку, в конце концов, вы должны объяснить, что именно вы хотите с ними делать» (S1, 2). Таким образом, используя математику, Лакан не пытается избежать двусмысленности языка. Напротив, он стремится изобрести способ формализации психоанализа, позволяющий создавать множественные смыслы без редукции их к недвусмысленному [англ. *univocal*] означиванию. Также обращаясь к математике, Лакан пытается не допустить воображаемого, интуитивного понимания психоанализа.

материализм

(фр. *matérialisme*; англ. *materialism*) Исследуя вопросы психогенеза, проблему соотношения разума/тела и пр., психоанализ по необходимости затрагивает онтологическую проблематику. Трудно определить, являются ли материалистическими взгляды самого Фрейда. С одной стороны, соглашаясь с материалистическими аксиомами наиболее уважаемых им в годы обучения исследователей (особенно Германа Гельмгольца и Эрнста Брюкке), он настаивал на существовании физического субстрата всех психических явлений. С другой стороны, он противостоял попыткам Шарко объяснить все симптомы истерии как следствия поражения мозга, отличал психическую реальность от материальной, а в этиологии нервных заболеваний постоянно делал акцент на роли опыта, а не наследственности. Две эти тенденции иногда соединялись в неустойчивый союз, как в следующем отрывке: «Не желая отнимать у разума и духа их еще не распознанных особенностей, аналитики, тем не менее, являются неисправимыми механистами и материалистами» (Freud, 1941d [1921]: SE XVIII, 179).

Лакан тоже называет себя материалистом; в 1936 г. он подвергает критике ассоцианистскую психологию за то, что в действительности она не соответствует своей самопровозглашенной

материалистической установке, а в 1964 г. утверждает, что психоанализ противоположен любой форме философского идеализма (Sp, 221).

Впрочем, как и в случае с Фрейдом, заявления Лакана о собственном материализме достаточно проблематичны. Даже судя по наиболее ранним из его утверждений, становится ясно, что он понимает материализм особым образом. Например, в 1936 г. он утверждает, что материализм не предполагает отказа от категорий интенциональности и значения (Ec, 76–8), а также отрицает упрощенную идею «материи», называя ее «наивной формой, оставшейся позади подлинного материализма» (Ec, 90). В 1946 г. он настойчиво критикует грубую форму материализма, рассматривающего мысль лишь в качестве «второстепенного явления» (Ec, 159). А в 1956 г. он различает «натуралистический материализм» и «фрейдовский материализм» (Ec, 465–6). Таким образом, очевидно, что Лакан не является сторонником той формы материализма, в которой любая причинность сводится к грубому экономическому детерминизму, а все культурные феномены (в том числе и ЯЗЫК) рассматриваются в качестве простой надстройки, обусловленной экономической инфраструктурой. Выступая против подобных взглядов, Лакан цитирует известное высказывание Иосифа Сталина о том, что «язык не является надстройкой» (E, 125), и утверждает, что язык «это нечто материальное» (S2, 82). Основываясь на таком понимании, Лакан утверждает, что значение, приписываемое им языку, полностью согласуется с историческим материализмом (Ec, 875–6).

Таким образом, лакановский материализм представляет собой материализм ОЗНАЧАЮЩЕГО: «Точка зрения, которую я хочу вам представить, предполагает материализацию рассматриваемых нами элементов, в том смысле, что означающие в полном смысле этого слова воплощаются, материализуются» (S3, 289). Впрочем, материальность означающего предполагает не осязаемую форму его написания, но его неделимость; «Но если мы настаиваем на материальности означающего, то эта материальность сингулярна по многим причинам, главная из которых заключается в том, что означающее не терпит разделения» (Ec, 24). БУКВА является реальной стороной означающего, означающим в его материальном измерении. Именно лакановский «материализм означающего» приводит его к формулированию «материалистического определения феномена сознания» (S2, 40–52).

Деррида критикует утверждения Лакана о том, что его теория означающего является материалистической, утверждая, что лакановское понятие буквы несет в себе скрытый идеализм (Derrida, 1975).

МАТЬ

(фр. *mère*; англ. *mother*) Согласно фрейдовской теории ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА, мать является первым объектом любви ребенка; только угрожающее кастрацией вторжение ОТЦА принуждает ребенка отказаться от желания матери. Мелани Кляйн смещает акцент с роли отца на догенитальные отношения матери и ребенка, которые она описывает как садистические: ребенок совершает (в фантазии) злобные нападки на материнское тело, а затем боится возмездия с ее стороны.

В довоенных произведениях Лакан несколько раз обращается к работам Мелани Кляйн, описывая каннибалистические фантазии ребенка о поглощении матерью. Он утверждает, что

первым из семейных комплексов является комплекс отнятия от груди. Этот комплекс предполагает прерывание симбиотических отношений с матерью, оставляющее глубокий след в психике ребенка. Лакан описывает влечение к смерти как ностальгическое стремление вернуться к этому слиянию с материнской грудью (Lacan, 1938:35).

Представление о матери как о силе, угрожающей поглотить ребенка, становится в последствии одной из главных тем лакановского творчества (см. S4, 195; S17, 118). Лакан утверждает, что для того, чтобы войти в социальный мир, ребенок должен исключить себя из воображаемого отношения с матерью; неспособность это сделать ведет к различным последствиям, от фобии до перверсии. В качестве причины этих последствий может рассматриваться сбой отцовской функции, поскольку агентом, помогающим ребенку преодолеть первичную связь с матерью, является отец. Поэтому одной из основных целей лакановского учения является смещение внимания аналитической теории с отношений мать-ребенок (доэдипальная фаза, прообраз воображаемого) обратно на роль отца (Эдипов комплекс, прообраз символического).

- **Желание матери** Согласно Фрейд, желание женщины иметь ребенка основано на ее зависти к мужскому пенису. Впервые осознав, что у нее нет пениса, девочка начинает чувствовать себя лишенной чего-то важного, и хочет компенсировать это лишение рождением ребенка как символического субститута пениса (Freud, 1924d). Соглашаясь с Фрейдом, Лакан утверждает, что мать всегда рассматривает ребенка в качестве субститута символического фаллоса, нехватку которого она испытывает (см. ЛИШЕНИЕ). Однако Лакан подчеркивает, что этот субститут никогда полностью не удовлетворяет мать; она продолжает желать фаллос даже после того, как у нее родился ребенок. Ребенок вскоре осознает, что он не полностью удовлетворяет желание матери, поскольку оно нацелено на нечто, находящееся за пределами его самого, и пытается расшифровать это загадочное желание; он должен выработать ответ на вопрос *Che vuoi?* («Чего ты хочешь от меня?»). Ответ, к которому приходит ребенок, заключается в том, что мать желает воображаемый фаллос. Поэтому для того, чтобы удовлетворить желание матери, ребенок идентифицируется с воображаемым фаллосом (или с фаллической матерью, по-видимому, обладающей фаллосом). В игре «быть или не быть фаллосом», ребенок беспомощен перед лицом всемогущества матери и находится в полном распоряжении ее капризного желания (S4, 69, 187). Однако это чувство бессилия может не сразу привести к появлению тревоги; поначалу ребенок удовлетворяется попытками быть фаллосом и рассматривает их как игру в обольщение. Всемогущество матери начинает провоцировать в ребенке большую тревогу только после пробуждения его собственных сексуальных влечений (например, инфантильной мастурбации), вводящих элемент реального в эту воображаемую игру. Эта тревога проявляется в образах поедания матерью и разрешается только с вмешательством реального отца, кастрирующего ребенка в третьем периоде Эдипова комплекса.

- **Мать: реальная, символическая и воображаемая** Лакан настаивает на необходимости проведения различия между реальной матерью, символической матерью и воображаемой матерью. Реальная мать функционирует в качестве первичного опекуна младенца. Последний не способен самостоятельно удовлетворять свои потребности и поэтому полностью зависит от заботы со стороны Другого (см. БЕСПОМОЩНОСТЬ). Мать, прежде всего, принадлежит символическому; она становится реальной лишь фрустрируя требование субъекта (см. ФРУСТРАЦИЯ).

Мать заботится о ребенке, принося ему объекты, удовлетворяющие его потребности. Вскоре эти объекты приобретают символическое значение, полностью затмевающее их реальную функцию; они начинают рассматриваться как дары, символические знаки материнской любви. Наконец, вне зависимости от того, сопровождается ли оно принесением какого-либо объекта, само присутствие матери будет свидетельствовать о ее любви. Соответственно, отсутствие матери будет переживаться как травматический отказ, потеря ее любви. Фрейд показал, что ребенок пытается преодолеть эту утрату, символизируя присутствие и отсутствие матери посредством игр и языка (Freud, 1920g). Лакан рассматривает эту первичную символизацию как начало вхождения ребенка в символический порядок (S4, 67–8). Таким образом, первоочередный интерес для психоаналитической теории представляет именно символическая мать, мать в ее роли первоначального Другого. Именно она, интерпретируя крики ребенка и тем самым ретроактивно определяя их значения, вводит его в сферу языка (см. ПУНКТУАЦИЯ).

В порядке воображаемого мать проявляется в нескольких образах. Один из них уже был описан выше: это поглощающая мать, являющаяся источником тревоги. Другим важным материнским образом является фаллическая мать, по-видимому обладающая воображаемым фаллосом.

Международная психоаналитическая ассоциация

(англ. *International Psycho-Analytical Association, IPA*) Международная психоаналитическая ассоциация была основана Фрейдом в 1910 г. в качестве группы, объединяющей различные психоаналитические общества, возникавшие в то время по всему миру. Первая штаб-квартира Ассоциации располагалась в Цюрихе, затем переехала в Лондон. Начиная с 1930-х гг., после эмиграции большинства венских аналитиков в США, в Ассоциации начинают преобладать американские члены.

После ухода из филиала МПА *Societe Psychanalytique de Paris (SPP)* в 1953 г., и присоединения к новой организации *Societe Francaise de Psychanalyse (SFP)*, Лакан получил письмо о том, что он больше не является членом МПА. С этого момента и до самой его смерти, отношения Лакана с МПА оставались напряженными. Когда SFP пыталась заполучить членство в МПА (начинание, которое Лакан, по всей видимости, поддерживал), Лакан рассматривался в качестве главного препятствия в переговорах. Камнем преткновения было использование им сеансов с переменной длительностью, которые он продолжал практиковать, несмотря на предупреждения МПА. В 1963 г. МПА согласилось дать членство SFP на том условии, что Лакан будет лишен статуса обучающего аналитика. Большинство ведущих аналитиков в SFP согласилось с таким условием, но для многих других (в том числе и для Лакана) оно было неприемлемым. Лакан ушел из SFP в сопровождении других аналитиков и стажеров и в 1964 г. основал собственную ШКОЛУ. Начиная с этого года, Лакан стал более решительно критиковать МПА, обвиняя ее в том, что она уподобилась церкви, и сравнивая собственную судьбу с «отлучением» Спинозы от синагоги (S11, 3–4).

Лакан критиковал как институциональную структуру, так и господствующие теоретические тенденции МПА. В первом случае он осуждал ее бюрократические процедуры в неспособности

производить что-либо кроме посредственностей, и высмеивал ее консервативную иерархию (Ес, 474–86). По мысли Лакана, Фрейд организовал МПА для того, чтобы сохранить свою теорию, не понятую ее первыми последователями, нетронутой для тех, кто затем эксгумирует и реанимирует ее (к числу последних Лакан причислял себя). Иными словами, МПА представлялась им в качестве подобия склепа, предназначенного для сохранения фрейдовской доктрины, несмотря на невежество членов ассоциации; после того, как Лакан вдохнул в доктрину Фрейда новую жизнь, существование МПА перестало иметь смысл (см. Lacan, 1956a). Более существенный аспект критики МПА касался ее обучающей программы (см. ОБУЧЕНИЕ), которую Лакан обвинял в забвении того значения, которое Фрейд приписывал обучению литературе и культуре (Ес, 473), а также сведению обучения анализу к простому ритуалу. Специфические организационные структуры (такие как картель и проход), заложенные Лаканом в основание собственной школы, были нацелены на недопущение повторения ошибок МПА.

На теоретическом уровне Лакан подверг критике все основные направления в МПА, включая кляйнианский психоанализ и теорию объектных отношений. Наиболее острой и обширной критике Лакан подверг взгляды ЭГО-ПСИХОЛОГИИ, начавшей к 1950-х гг. занимать господствующее положение в МПА. Он обвинял МПА в предательстве наиболее основополагающих открытий Фрейда, объясняя это предательство преобладанием в МПА американского влияния (см. ФАКТОР К), и называл ее SAMCDA (*société d'assistance mutuelle centre le discours analytique*, или общество взаимопомощи против аналитического дискурса [англ. society for mutual assistance against analytic discourse] – Lacan, 1973a:27). Лакан видел в собственном учении возвращение к тем открытиям, которые МПА предало забвению (см. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ФРЕЙДУ).

méconnaissance

Французское слово «*méconnaissance*» соответствует двум английским словам «*misunderstanding*» [непонимание, незнание] и «*misrecognition*» [неузнавание, непризнание]. Однако в английских изданиях Лакана его оставляют непереводаемым для того, чтобы сохранить смысловую связь с термином «*connaissance*» (ЗНАНИЕ). В порядке воображаемого, само(по)знание [англ. *self-knowledge*] (*me-connaissance*) синонимично непониманию (*méconnaissance*), поскольку процесс формирования ЭГО на стадии зеркала является, в то же время, процессом отчуждения от символической определенности бытия.

Будучи структурой обычного само(по)знания невротика, *méconnaissance* представляет собой также структуру параноидальных ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ, описываемых Лаканом как *méconnaissance systématique de la réalité* [систематическое незнание реальности – прим. пер.] (Lacan, 1951b:12). Структурная гомология между обычной конституцией эго и параноидальными галлюцинациями подводит Лакана к утверждению о том, что любое знание (*connaissance*), как невротика, так и психотика, является «параноидальным знанием».

Méconnaissance следует отличать от невежества, являющегося одной из трех страстей (см. АФФЕКТ). Если невежество представляет собой страсть к отсутствию знания, то

méconnaissance является воображаемым непризнанием символического знания (*savoir*), на определенном уровне, все же, принадлежащего субъекту.

Непризнание – это не невежество. Непризнание представляет собой определенный способ организации утверждений и отрицаний, за которые держится субъект. Поэтому непризнание невозможно понять без соответствующего ему знания... За его непризнанием обязательно должно быть что-то вроде знания о том, что же им не признается.

(S1, 167)

Данная мысль, опять-таки, относится как к обычной конструкции эго, так и к параною. В первом случае, эго представляет собой, по сути, непризнание символических факторов субъективности (дискурс Другого, бессознательное). Во втором случае, параноидальный бред всегда подразумевает неявное проявление истины; «Непонимание [*méconnaître*] предполагает признание [*reconnaissance*]. Это становится совершенно очевидно в случае систематического непонимания [*méconnaissance systématique*], когда вместе с отрицанием происходит, в некотором роде, признание [*reconnu*] того, что отрицается» (Ес, 165).

метафора

(*фр. métaphore; англ. metaphor*) Метафора обычно определяется как троп, в котором описание одного предмета осуществляется посредством сравнения его с другим, но без непосредственного указания на сравнение. Классическим примером метафоры является фраза «Джюльетта – это солнце», в которой Шекспир сравнивает ее сияющую красоту с солнцем, при этом, однако, не указывая на сравнение использованием слова «подобна».

Лакановское использование данного термина мало что заимствует из приведенного выше определения, и в основном опирается на идеи Романа Jakobson, предложившего в статье 1956 г. оппозицию метафоры и МЕТОНИМИИ. Основываясь на различии между двумя типами афазии, Jakobson выделяет две фундаментально противоположных языковых оси: ось метафоры, которая отвечает за отбор лингвистических элементов и их замещение, и ось метонимии, которая отвечает за комбинацию лингвистических элементов (как последовательную, так и одновременную). Таким образом, метафора соответствует сосюровскому парадигматическому отношению (удерживаемому *in absentia*) а метонимия – синтагматическому (удерживаемому *in praesentia*) (Jakobson, 1956).

Лакан, как и многие другие французские интеллектуалы того времени (такие как Леви-Стросс и Ролан Барт), быстро перенял яacobсоновскую реинтерпретацию метафоры и метонимии. В год публикации основополагающей статьи Jakobson Лакан уже ссылается на нее в своем семинаре и начинает инкорпорировать оппозицию метафоры-метонимии в собственное лингвистическое перепрочтение Фрейда (см. S3, 218–20, 222–30). Годом позже он посвящает более детальному анализу этой оппозиции отдельную статью (Lacan, 1957b).

Вслед за яacobсоновским определением метафоры как замещающей оси языка, Лакан рассматривает ее в качестве замещения одного означающего другим (Е, 164), и предлагает первую формулу метафоры (Е, 164; Рисунок 10).

$$f \left(\frac{S'}{S} \right) S \equiv S (+) s$$

Рисунок 10 Первая формула метафоры

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

Эту формулу необходимо читать следующим образом. В левой стороне уравнения, за скобками, Лакан помещает fS , функцию означающего, иначе говоря, эффект ОЗНАЧИВАНИЯ. В скобках он размещает S'/S , представляющее «замещение одного означающего другим». В правой стороне уравнения находятся означающее S и означаемое s . Между этими двумя символами находится третий символ (+), означающий пересечение ЧЕРТЫ (-) соссюрковского алгоритма и «возникновение означивания». Знак \equiv следует читать как «конгруэнтно с». Вся формула в целом читается следующим образом: означающая функция замещения одного означающего другим конгруэнтна пересечению черты.

Эта достаточно неясная формулировка выражает идею о том, что языку внутренне присуще сопротивление означиванию (сопротивление, символизируемое чертой в соссюрковском алгоритме). Значение не возникает спонтанно, но является продуктом специфической операции, заключающейся в пересечении черты. Формула должна иллюстрировать лакановский тезис о том, что операция по производству значения, которую Лакан называет «означиванием», становится возможной только благодаря метафоре. Таким образом, метафора является переходом означающего в означаемое, созданием нового означаемого.

В статье, написанной несколькими месяцами спустя, Лакан предлагает другую формулу метафоры (E, 200; Рисунок 11).

$$\frac{S}{S'} \cdot \frac{S'}{x} \rightarrow S \left(\frac{1}{s} \right)$$

Рисунок 11 Вторая формула метафоры

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

Лакан объясняет эту формулу следующим образом:

заглавные буквы Ss являются означающими, x – неизвестным означиванием, а s – означаемым, вызванным метафорой, состоящей в замещении в цепи означающих S на S' . Элизия [отпадение звука в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего – прим. пер.] S' , представленная здесь пересекающей его чертой, является условием успешности метафоры.

(E, 200)

Лакан использует свой концепт метафоры в различных контекстах.

- **Эдипов комплекс** Лакан анализирует Эдипов комплекс с точки зрения метафоры, поскольку он предполагает важное понятие замещения; в данном случае – это замещение желания матери Именем-Отца. **ОТЦОВСКАЯ МЕТАФОРА** определяется Лаканом как фундаментальная метафора, создающая возможность для всех других метафор.

- **ВЫТЕСНЕНИЕ и невротические симптомы** Лакан утверждает что вытеснение (вторичное вытеснение) имеет структуру метафоры. «Метонимический объект» (опущенное означающее, S' в предыдущей формуле) вытесняется, но возвращается в виде прибавочного значения (+), производимого в метафоре. Возвращение вытесненного (симптом), таким образом, тоже имеет структуру метафоры; действительно, Лакан утверждает что «симптом является метафорой» (E, 175, курсив в оригинале).

- **Сгущение** Вслед за Якобсоном, Лакан ассоциирует оппозицию метафоры-метонимии с основным механизмом работы сна, описанным Фрейдом. Однако он отходит от Якобсона в определении точной природы этой связи. В то время как для Якобсона метонимия связана и со смещением, и со сгущением, а метафора – с идентификацией и символизмом, Лакан ассоциирует метафору со сгущением, а метонимию со смещением (см. Jakobson, 1956:258). Кроме того, он утверждает, что так же, как смещение логически предшествует сгущению, метонимия логически предшествует метафоре.

- **Анальное влечение** В статье «О трансформациях инстинкта на примере анального эротизма», Фрейд демонстрирует тесную связь анального эротизма с возможностью замещения – например, замещения фекалий деньгами (Freud, 1917c). Отталкиваясь от этой мысли, Лакан ассоциирует анальный эротизм с метафорой; «Анальный уровень является местоположением метафоры – один объект вместо другого, например, фекалии вместо фаллоса» (S11, 104).

- **ИДЕНТИФИКАЦИЯ** Идентификация тоже имеет структуру метафоры, поскольку подразумевает замену себя другим (см. S3, 218).

- **ЛЮБОВЬ** Любовь структурирована как метафора, поскольку предполагает операцию замещения. «Означивание любви может быть произведено только благодаря тому, что функция *éras-tès*, любящего, являющегося субъектом нехватки, занимает место, заменяется функцией *érôménos*, любимого объекта» (S8, 53).

МЕТАЯЗЫК

(фр. *métalangage*; англ. *metalanguage*) Метаязык – это технический термин лингвистики, который обозначает любую форму языка, описывающего свойства самого языка. Составляя список функций языка, Роман Якобсон включает в него также метаязык (Jakobson, 1960:25).

Лакан впервые обращается к этому термину в 1956 г., утверждая, вслед за Якобсоном, о метаязыковой функции любого языка: «Любой язык предполагает существование метаязыка, он уже является метаязыком собственного регистра» (S3, 226).

Позднее, в 1960 г. он высказывает прямо противоположную мысль: «Ни один метаязык не может быть выражен словами» (Е, 31). По всей видимости, этим замечанием Лакан пытается подчеркнуть что, поскольку любая попытка зафиксировать значение языка происходит в языке, выйти за его пределы невозможно, не существует ничего «снаружи» языка. Это утверждение напоминает мысль Хайдеггера о невозможности выхода из «дома языка». Оно также сходно со структуралистским *il n'y a rien hors du texte* («вне текста ничего не существует»), однако в то же время и отлично от него. Лакан не отрицает существования чего-то, находящегося вне языка (этим «вне» является реальное), однако утверждает, что само по себе это «вне» не обладает никаким конечным значением. Иными словами, трансцендентального означаемого не существует; язык не может высказать «истину об истине» (Ес, 867–8). Та же идея выражена в афоризме «Другого Другого не существует» (Е, 31); если Другой является гарантом целостности дискурса субъекта, то ложность этого гаранта обусловлена тем, что самому гаранту не хватает гаранта. В клиническом контексте это означает, что не существует метаязыка переноса, то есть такой внешней по отношению к переносу точки, с которой его можно было бы проинтерпретировать и «устранить».

МЕТОНИМИЯ

(фр. *métonymie*; англ. *metonymy*) Под метонимией обычно подразумевают троп, в котором для называния объекта используется слово, напрямую к этому объекту не отсылающее, но близко с ним связанное. Эта связь может иметь характер физической смежности (например, когда фраза «тридцать парусов» подразумевает «тридцать лодок»), но не всегда (например, когда фраза «я не читал Шекспира» подразумевает «я не читал ничего из написанного Шекспиром»).

Однако лакановское использование этого термина мало что (кроме понятия смежности) заимствует из данного определения, и в основном опирается на идеи Романа Якобсона, установившего оппозицию метонимии и МЕТАФОРЫ (Jakobson, 1956). Вслед за Якобсоном, Лакан ассоциирует метонимию с комбинаторной осью языка, противоположной оси замещения. Например, в предложении «я являюсь счастливым», отношения между словами «я» и «являюсь» носят метонимический характер, в то время как возможность замещения «грустного» «счастливым» зависит от метафорического отношения между этими двумя словами.

В наиболее подробно освещающей эту тему работе (Lacan, 1957b), Лакан определяет метонимию как диахроническое отношение между двумя означающими в ЦЕПИ ОЗНАЧАЮЩИХ. Метонимия представляет собой способ комбинирования/связывания означающих в единую цепь («горизонтальные» отношения), а метафора – замещения означающего в одной цепи означающим из другой («вертикальные» отношения). Вместе метафора и метонимия организуют способ производства означивания.

Лакан предлагает следующую формулу метонимии (Е, 164; Рисунок 12).

$$f (S \dots S') S \cong S (-) s$$

Рисунок 12 Формула метонимии

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

Эту формулу необходимо читать следующим образом. В левой стороне уравнения, за скобками, Лакан размещает f , означающую функцию, то есть эффект означивания. Внутри скобок он помещает $S\dots S'$, связь одного означающего с другим в цепи означающих. В правой стороне уравнения находится означающее S , означаемое s и $(-)$, ЧЕРТА из соссоровского алгоритма. Знак \cong следует читать как «конгруэнтно с». Вся формула читается следующим образом: означающая функция связи одного означающего с другим конгруэнтна поддержке черты. Формула призвана проиллюстрировать тезис Лакана о том, что в метонимии сохраняется сопротивление означиванию, черта не пересекается, новое означаемое не производится.

Лакан применяет понятие метонимии в различных контекстах:

- **ЖЕЛАНИЕ** Лакан представляет метонимию в качестве диахронического движения от одного означающего к другому по цепи означающих, поскольку одно означающее постоянно отсылает к другому в бесконечной отсрочке значения. Желание характеризуется точно таким же бесконечным непрерывным процессом отсрочки; как только объект желания достигается, он перестает быть желанным, и желание субъекта выбирает себе другой объект. Желание всегда является «желанием чего-то другого» (E, 167). Поэтому Лакан пишет что «желание является метонимией» (E, 175, курсив в оригинале).

- **Смещение** Вслед за Якобсоном, Лакан ассоциирует различие метафоры-метонимии с основным механизмом работы сна, описанным Фрейдом. Однако он отходит от Якобсона в определении точной природы этой связи (см. МЕТАФОРА). Так же, как смещение логически предшествует сгущению, метонимия логически предшествует метафоре, поскольку «для того, чтобы перенос означаемого мог осуществиться, необходимо чтобы до этого существовала координация означающих» (S3, 229).

Н

навязчивый невроз

(фр. *névrose obsessionnelle*; англ. *obsessional neurosis*) В качестве отдельной диагностической категории навязчивый невроз был впервые выделен Фрейдом в 1894 г. С помощью этого понятия Фрейд указал на общую причину группы симптомов, которые были описаны задолго до него, но ассоциировались с различными диагностическими категориями (Laplanche и Pontalis, 1967:281–2). Эти симптомы включают в себя навязчивые состояния (повторяющиеся идеи), позывы к осуществлению не имеющих смысла и/или противных субъекту действий, и «ритуалы» (навязчиво повторяемые действия, например, проверка чего-либо или мытье). Соглашаясь с тем, что эти симптомы являются типическими для навязчивого невроза, Лакан утверждал при этом, что навязчивый невроз обозначает не совокупность симптомов, а стоящую за ними СТРУКТУРУ, которая может проявляться или не проявляться в типичных для нее симптомах. Таким образом, лакановский аналитик может диагностировать своего пациента как навязчивого невротика даже если у того отсутствуют типические симптомы навязчивости.

Вслед за Фрейдом, Лакан классифицировал навязчивый невроз как одну из главных форм НЕВРОЗА. В 1956 г. он развивает идею о том, что, как и ИСТЕРИЯ (о которой Фрейд говорил как о «диалекте»), навязчивый невроз представляет собой, по сути, вопрос, поставленный бытию субъекта (S₃, 174). Вопрос, конституирующий навязчивого невротика, может быть сформулирован как «Быть или не быть?», «Жив я или мертв?» или «В чем смысл жизни?»; этот вопрос касается хрупкости собственного существования и проблемы СМЕРТИ (S₃, 179–80). Ответом навязчивого невротика является лихорадочная деятельность (свидетельствующая также о его обостренном чувстве вины), которой он пытается оправдать свое существование; навязчивый невротик осуществляет некий компульсивный ритуал, полагая, что с его помощью он сможет избежать нехватки в Другом, кастрации Другого, часто воображаемой им в качестве фантазма о некоей ужасной катастрофе. Например, один из пациентов Фрейда, навязчивый невротик прозванный «Человеком-крысой», разработал сложные ритуалы, с помощью которых отгонял от себя страх ужасного наказания, обрушивающегося на его отца или возлюбленную (Freud, 1909d). Форма и содержание этих ритуалов натолкнули Фрейда на мысль о сходстве между структурой навязчивого невроза и религией. На существование этого сходства также обращал внимание Лакан.

Если вопрос истерика касается его половой принадлежности («Мужчина я или женщина?»), то навязчивый невротик отвергает этот вопрос, и, отрицая оба пола, не называет себя ни мужчиной, ни женщиной: «Навязчивый невротик не является, по сути, ни тем, ни другим [полом] – или же он является обоими сразу» (S3, 249).

Лакан обращает внимание на то, каким образом вопросы о жизни и смерти определяют особое отношение навязчивого невротика ко времени. Это отношение может выражаться как в постоянной нерешительности и прокрастинации [в психологии откладывание дел на потом, которое приводит к каким-то болезненным психологическим эффектам – прим. пер.] в ожидании смерти (E, 99), так и в ощущении собственного бессмертия связанного с фантазмом о том, что смерть уже наступила (S3, 180).

Другими особенностями навязчивого невроза являются, по мысли Лакана, чувство вины и близкая связь с анальным эротизмом. В отношении последней Лакан отмечает, что навязчивый невротик не только превращает свое дерьмо [англ. *shit*] в подарки, а подарки в дерьмо, но и самого себя превращает в дерьмо (S8, 243).

НАРЦИССИЗМ

(фр. *narcissisme*; англ. *narcissism*) Термин «нарциссизм» впервые появляется в работе Фрейда 1910 г., однако начинает занимать центральное место в психоаналитической теории только с его работы «О нарциссизме: введение» (Freud, 1914c). В ней Фрейд определяет нарциссизм как направление либидо на ЭГО и противопоставляет его объектной любви [англ. *object-love*], в которой либидо направляется на объект. Лакан уделяет большое внимание этой формулировке Фрейда, поскольку в ней эго со всей очевидностью определяется в качестве объекта либидинальной экономики, а его появление связывается с нарциссической стадией развития. Нарциссизм отличается от предшествующей ему стадии аутоэротизма (на которой эго еще не существует в качестве единства) и возникает только тогда, когда в результате «нового психического действия» рождается эго.

Лакан развивает этот термин Фрейда, связывая его непосредственно с мифом о Нарциссе. Таким образом, он определяет нарциссизм как эротическое влечение к ЗЕРКАЛЬНОМУ ОБРАЗУ; это эротическое отношение лежит в основе первичной идентификации, благодаря которой на стадии зеркала формируется эго. Нарциссизм имеет как агрессивный, так и эротический характер (см. АГРЕССИВНОСТЬ). Он эротичен, поскольку субъект испытывает сильную привязанность к гештальту собственного образа (как это видно на примере мифа о Нарциссе). Он агрессивен, поскольку целостность зеркального образа, контрастирующая с несогласованной разобщенностью реального тела, создает, как может показаться, угрозу разрушения субъекта. В «Заметках о психической причинности» (Lacan, 1946) Лакан предлагает термин «нарциссическая суицидальная агрессия» (фр. *agression suicidaire narcissique*; англ. *narcissistic suicidal aggression*). Этим термином он обозначает эротически-агрессивный характер нарциссической увлеченности зеркальным образом, который может привести субъекта к саморазрушению (что также очевидно на примере мифа о Нарциссе) (Eс, 187; Eс, 174). Нарциссическое отношение составляет воображаемое измерение человеческих отношений (S3, 92).

Наука

(фр., англ. *science*) И Фрейд, и Лакан употребляют слово «наука» в единственном числе, предполагая существование особого, гомогенного дискурса, который может быть назван «научным». Согласно Лакану, начало этого дискурса было положено возникновением современной физики (Ес, 855) в семнадцатом столетии (Ес, 857).

Фрейд рассматривал науку (нем. *Wissenschaft* – термин, обладающий большим количеством коннотаций) в качестве одного из величайших достижений человечества и противопоставлял ее реакционным силам РЕЛИГИИ. Отношение Лакана к науке не так однозначно. С одной стороны, он критикует современную науку за то, что та игнорирует символическое измерение человеческого существования, приводя современного человека к «забвению своей субъективности» (Е, 70). Он также сравнивает современную науку с «финальной стадией паранойи» в том смысле, что ее всеохватывающие конструкции напоминают структуру бреда (Ес, 874).

С другой стороны, эта критика направлена не на науку *per se*, а на позитивистскую модель науки. Лакан полагает, что позитивизм представляет собой отклонение от «подлинной науки». Лакановская модель науки ближе к рационализму Койре, Башляра и Конгилама, чем к эмпиризму. Иными словами, главной чертой научного дискурса, по Лакану, является высокая степень математической формализации. Этим объясняются попытки Лакана формализовать психоаналитическую теорию с помощью различных математических формул (см. МАТЕМАТИКА, АЛГЕБРА). Применение формул является также выражением другой характерной черты научного дискурса (возможно, наиболее важной с точки зрения Лакана) – его транслируемости (Лакан, 1973а:60).

Лакан утверждает, что наука характеризуется особым отношением к ИСТИНЕ. С одной стороны, она пытается (неправоммерно, по мысли Лакана) монополизировать истину в качестве своей исключительной собственности (Ес, 79); с другой стороны (как позже заметит Лакан), она основана на форклюзии понятия истины как собственной причины (Ес, 874).

Также наука особенным образом относится к ЗНАНИЮ (*savoir*). Она исключает любую возможность интуитивного доступа к знанию и вынуждает руководствоваться в его поисках исключительно разумом (Ес, 831). Современный субъект является «субъектом науки» в том смысле, что исключительно рациональный путь обретения знания является сегодня всеобщей предпосылкой. Утверждая, что психоанализ работает исключительно с субъектом науки (Ес, 858), Лакан хочет сказать, что психоанализ опирается не на некоторый безошибочный опыт или интуитивные озарения, но на процесс аргументированного диалога, продолжающегося даже когда разум имеет дело с безумием как собственным пределом.

Хотя к концу девятнадцатого столетия различие между гуманитарными и естественными науками было уже достаточно четко установлено (благодаря трудам Дильтея), в работах Фрейда оно не играет существенной роли. Лакан, напротив, уделяет этому различию большое внимание. Однако терминам «гуманитарные науки» (этот термин Лакану особенно не нравился – см. Ес, 859) и «естественные науки», Лакан предпочитает термины «предположительные науки» [англ. *conjectural sciences*] (или науки о субъективности) и «точные науки». Если точные науки касаются поля явлений, в которых нет никого, кто мог бы использовать означающие (S3, 186), то предположительные науки касаются существ,

населяющих символический порядок. Впрочем, в 1965 г. Лакан проблематизирует это различие:

Начиная с того момента, когда предположение поддается точному расчету (вероятность), а точность основывается на формализме, выделяющем для групп символов особые аксиомы и законы, противоположность между точными и предположительными науками перестает иметь смысл.

(Ес, 863)

В конце XIX-го века эталоном достоверности точных наук являлась физика. Предположительные науки, не обладавшие подобным эталоном, казались слишком безосновательными и непоследовательными. Появление структурной лингвистики устранило этот дисбаланс, предоставив предположительным наукам точно такой же эталон. Фрейд заимствует термины из естественных наук (главным образом из БИОЛОГИИ, медицины и термодинамики) в первую очередь потому, что они были единственными в его время науками, предоставлявшими модель достаточно строгого исследования и анализа. В отличие от Фрейда, Лакан перенимает понятия из «наук о субъективности» (преимущественно из ЛИНГВИСТИКИ) и сближает психоаналитическую теорию именно с ними, а не с естественными науками. Лакан утверждает, что подобная смена парадигмы уже неявно присутствует в переосмыслении Фрейдом тех понятий, которые он позаимствовал из естественных наук. Иными словами, Фрейд настолько радикально изменил значение позаимствованных им из биологии понятий, что создал абсолютно новую научную парадигму, совершенно чуждую собственным биологическим основаниям. Таким образом, согласно Лакану, Фрейд предвосхитил открытия современных структурных лингвистов, таких как Соссюр, и его творчество может быть лучше понято в свете разработанных ими лингвистических понятий.

Является ли психоанализ наукой? Фрейд достаточно открыто утверждал о научном статусе психоанализа: «Первоначально представляя собой лишь терапевтический метод», – писал он в 1924 г. – «сегодня психоанализ приобрел статус науки – науки о бессознательных психических процессах» (Freud, 1925a: SE XX, 70). Впрочем, он также настаивал на том, что психоанализ обладает уникальными особенностями, отличающими его от других наук; «Каждая наука опирается на наблюдения и опыт, получаемые с помощью психического аппарата. Однако поскольку объектом нашей науки является сам психический аппарат, на этом их сходство заканчивается» (Freud, 1940a: SE XXIII, 159). Лакан тоже уделяет много внимания вопросу о статусе психоанализа и его отношении к другим дисциплинам. В своих довоенных произведениях он рассматривает психоанализ исключительно как науку (например, Lacan, 1936). Однако после 1950 г. отношение Лакана к вопросу о статусе психоанализа усложняется.

В 1953 г. он утверждает, что в оппозиции науки и ИСКУССТВА психоанализ может быть помещен на сторону искусства, если «искусство» будет пониматься в том смысле, который оно имело в средние века (в те времена «свободные искусства» включали арифметику, геометрию, музыку и грамматику) (Lacan: 1953b:224). Однако в оппозиции науки и религии, Лакан, вслед за Фрейдом, безоговорочно помещает психоанализ на сторону научного дискурса: «Психоанализ – это не религия. Он имеет тот же статус, что и Наука как таковая» (SII, 265).

Если, как считает Лакан, наука конституируется как таковая только благодаря выделению и определению своего особого предмета исследования (см. Lacan, 1946, где он утверждает, что психоанализ создал научную основу психологии, представив ей подходящий предмет исследования – имаго – Ес, 188), то, выделяя в 1965 г. *objet petit a* в качестве предмета психоанализа, он, по сути, заявляет о его научном статусе (Ес, 863).

Впрочем, с этого момента Лакан начинает все настойчивее высказывать свои сомнения о научном статусе психоанализа. В том же году он утверждает, что психоанализ является не наукой, но «практикой» (*pratique*) с «научным призванием» [англ. *scientific vocation*] (Ес, 863); Впрочем, в то же время он говорит о «психоаналитической науке» (Ес, 876). К 1977 г. он становится более категоричным:

Психоанализ не является наукой. Он не имеет научного статуса, но только ожидает его и надеется на его получение. Психоанализ – это бред, который, предположительно, должен произвести науку... Это научный бред, но из этого еще не следует, что аналитическая практика когда-либо произведет науку.

(Lacan, 1976–7; лекция 11 января 1977 г.; «*Ornicar?*», 14:4)

Однако даже делая подобные утверждения, Лакан никогда не отказывается от проекта формализации психоаналитической теории в лингвистических и математических терминах. Действительно, одной из самых любопытных особенностей позднего творчества Лакана является напряжение между научным формализмом МАТЕМЫ и семантическим избытком *lalangue*.

невроз

(фр. *névrose*; англ. *neurosis*) В XIX-м веке «невроз» являлся психиатрическим термином, который обозначал целый ряд нервных расстройств, определяемых широким разнообразием симптомов. Фрейд использует этот термин различными способами: иногда для обозначения всех психических расстройств (преимущественно в ранних работах), а иногда для обозначения особого класса психических расстройств (т.е. как противоположность ПСИХОЗА).

В работах Лакана невроз всегда противопоставляется психозу и ПЕРВЕРСИИ, и обозначает не совокупность симптомов, но специфическую клиническую СТРУКТУРУ. Использование этого термина для обозначения структуры проблематизирует фрейдовское различие между неврозом и нормальностью. Поскольку Фрейд основывает его только на количественных факторах («как показало психоаналитическое исследование, различия между нормальной и невротической жизнью имеют исключительно количественный характер» Freud 1900a: SE V, 373), это различие нельзя считать структурным. Таким образом, с точки зрения структуры, различия между нормальным субъектом и невротиком не существует. Таким образом, лакановская нозология выделяет три клинических структуры: невроз, психоз и перверсия. Ни одна из этих структур не предполагает «психически здоровой» позиции, которую можно было бы назвать нормальной (S8, 374–5; однако см. E, 163). Нормальной структурой, в смысле ее наблюдения у статистического большинства населения, является

невроз, а «психическое здоровье» представляет собой иллюзорный идеал целостности, недостижимый ввиду того, что субъект сущностно разделен. Таким образом, если Фрейд рассматривает невроз как излечимую болезнь, то Лакан видит в нем не поддающуюся изменению структуру. Поэтому цель психоаналитического лечения заключается не в избавлении субъекта от невроза, но в изменении его положения *vis-à-vis* невроза (см. КОНЕЦ АНАЛИЗА).

Согласно Лакану, «структурой невроза является вопрос» (S3, 174). Невроз – это «вопрос, поставленный субъекту» (E, 168). Содержание этого вопроса определяет ту или иную форму невроза (ИСТЕРИЯ и НАВЯЗЧИВЫЙ НЕВРОЗ). Вопрос истерика («Мужчина я или женщина?») касается его половой принадлежности, а вопрос навязчивого невротика («Быть или не быть?») касается хрупкости его существования. Эти вопросы (истерический – о половой идентичности, и навязчивого невротика – о жизни/смерти) «являются именно теми двумя главными вопросами, которые не имеют разрешения в означающем. Именно это сообщает невротикам их экзистенциальное значение» (S3, 190).

В некоторых из классификаций неврозов Лакан ставит ФОБИЮ в один ряд с истерией и навязчивым неврозом, затрагивая тем самым вопрос о существовании не двух, а трех форм невроза (например, E, 168).

нехватка

(фр. *manque*; англ. *lack*) В лакановском учении термин «нехватка» всегда связан с ЖЕЛАНИЕМ. Именно нехватка вызывает желание (см. S8, 139). Однако в работах Лакана варьируются представления о точной природе объекта нехватки.

Когда этот термин был впервые употреблен Лаканом в 1955 г., он обозначал в первую очередь нехватку БЫТИЯ (здесь очевидна параллель с Жаном-Полем Сартром; см. Sartre, 1943). Объектом желания является бытие само по себе. «Желание – это отношение бытия к нехватке. Точнее, нехватка есть нехватка бытия. Это не нехватка того или сего, но нехватка самого бытия, посредством которого оно бытийствует» (S2, 223). Возвращаясь к этой теме в 1958 г., Лакан утверждает, что желание представляет собой метонимию нехватки бытия (*manque à être*; переведенное Шериданом как «хотение-быть» [англ. *want-to-be*], а Шнейдерманом как «жажда бытия» [англ. *want of being*]; см. E, 259). Нехватка бытия субъекта является «центром аналитического опыта» и «тем полем, на котором разворачивается страсть невротика» (E, 251). Нехватке бытия, относящейся к желанию, Лакан противопоставляет нехватку обладания (фр. *manque à avoir*; англ. *lack of having*), относящуюся к требованию (Eс, 730).

АГЕНТ	НЕХВАТКА	ОБЪЕКТ
Реальный отец	Символическая кастрация	Воображаемый фаллос
Символическая мать	Воображаемая фрустрация	Реальная грудь
Воображаемый отец	Реальное лишение	Символический фаллос

Рисунок 13 Таблица трех типов нехватки объекта

Источник: Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre IV. La relation d'objet*, ред. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1994.

В 1956 г. нехватка начинает обозначать нехватку объекта. В зависимости от природы этого объекта, Лакан различает три вида нехватки (см. Рисунок 13, взятый из S4, 269).

С точки зрения аналитического опыта, кастрация является наиболее важной из этих трех форм нехватки, поэтому термин «нехватка» начинает рассматриваться в качестве синонима кастрации (см. КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ).

В 1957 г., после того, как Лакан вводит алгебраический символ для обозначения зачеркнутого Другого (\bar{A}), нехватка начинает обозначать нехватку означающего в Другом. Для обозначения «означающего нехватки в Другом», Лакан использует символ $S(\bar{A})$. Вне зависимости от того, сколько означающих будет добавлено в цепь означающих, она все равно будет оставаться незавершенной; она всегда будет испытывать нехватку в означающем, которое могло бы ее завершить. Это «недостающее означающее» (записывается как -1 в лакановской алгебре) является конститутивным для субъекта.

О

objet (petit) a

Иногда этот термин переводят на английский как «*object (little) a*» [объект (маленькое) *a*], однако Лакан настаивал на том, чтобы его оставляли непереводаемым, «присваивая ему, тем самым, статус алгебраического знака» (Sheridan, 1977:xi; см. АЛГЕБРА).

Символ *a* (первая буква слова «*autre*», или «другой») является одним из первых алгебраических знаков, использованных Лаканом. Впервые он был введен в 1955 г. в связи со СХЕМОЙ L. Малая строчная буква и курсив, которым всегда записывается этот знак, обозначают маленького другого, в отличие от большой прописной A, обозначающей большого Другого. В отличие от большого Другого, представляющего радикальную и нередуцируемую инаковость, маленький другой представляет «другого, связанного с эго отношениями рефлексивности и взаимозаменяемости, и совершенно не являющегося, поэтому, другим» (S2, 321). Следовательно, в схеме L символы *a* и *a'*, обозначающие ЭГО и ДВОЙНИКА/ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ, принадлежат порядку воображаемого.

В 1957 г., после введения Лаканом матемы фантазма ($\$ \diamond a$), *a* начинает рассматриваться в качестве объекта желания. Это воображаемый ЧАСТИЧНЫЙ ОБЪЕКТ, элемент, мыслящийся отделенным от остального тела. Лакан начинает различать объект желания, обозначаемый знаком *a*, и зеркальный образ, обозначаемый знаком *i(a)*.

В семинаре 1960-1961 гг. Лакан проводит параллель между *objet petit a* с древнегреческим термином «*agalma*» (слава, украшение, дар богам, или маленькая статуя бога), который он извлекает из диалога «Пир» Платона. Так же как *agalma* представляет собой драгоценный объект, скрытый внутри ничем не примечательной коробки, *objet petit a* представляет собой объект желания, который мы ищем в другом (S8, 177).

С 1963 г. *a* начинает стремительно обрастать коннотациями реального, никогда, впрочем, полностью не утрачивая своего воображаемого статуса; в 1973 г. Лакан все относит его к воображаемому (S20, 77). Начиная с этого момента, *a* обозначает недостижимый объект, являющийся, по сути, ПРИЧИНОЙ желания, а не тем, на что оно направлено; именно поэтому Лакан называет его «объектом-причиной» желания. *Objet petit a* может стать любой объект, приводящий желание в движение. Чаще всего ими становятся частичные объекты, определяющие влечения. Влечения стремятся не достигать *objet petit a*, но скорее

циркулировать вокруг него (SII, 179). *Objet petit a* является и объектом тревоги, и конечным, нередуцируемым резервом либидо (Lacan, 1962–3: лекция 16 января 1963 г.). Лакан настаивает на том, что этот объект имеет принципиальное значение для психоаналитического лечения, поскольку аналитик должен помещать себя в позицию *objet petit a*, причины желания анализанда.

В семинаре 1962–1964 гг. *objet petit a* рассматривается в качестве остатка, напоминания (фр. *reste*; англ. *remainder*), сохраняющегося после введения символического в реальное. Этот подход получает дальнейшее развитие в семинаре 1969–1970 гг., когда Лакан разрабатывает формулы четырех ДИСКУРСОВ. В дискурсе господина одно означающее стремится представить субъекта для всех остальных означающих, однако при этом всегда производится прибавочность; эта прибавочность и есть *objet petit a*, прибавочное значение и прибавочное наслаждение (фр. *plus-de-jouir*; англ. *surplus enjoyment*). Это понятие было вдохновлено марксовым понятием прибавочной стоимости; *a* является излишком *jouissance*, не имеющим «потребительной стоимости», но сохраняемым только ради наслаждения.

В 1973 г. Лакан ассоциирует *objet petit a* с понятием ПОДОБИЯ, утверждая, что *a* является «подобием бытия» (S20:87). В 1974 г. он помещает *a* в центр борромеева узла, в место пересечения трех порядков (реального, символического и воображаемого).

образование

(фр., англ. *formation*) «Образованиями бессознательного» называются те явления, в которых наиболее четко проявляются законы бессознательного; это шутки, сновидения, СИМПТОМЫ и оговорки (парапраксисы). Основными механизмами образований бессознательного, которые Фрейд называет «законами бессознательного», являются сгущение и смещение; Лакан называет их метафорой и метонимией.

«Образование аналитиков» (*formation des analystes*) означает ОБУЧЕНИЕ психоаналитиков (см. E, 144–5).

«Образования эго» представляют собой три элемента, имеющих отношение к эго: супер-эго, идеальное эго, эго-идеал.

обучение

(фр. *formation, didactique*; англ. *training*) Английским словом «*training*» переводятся два французских лакановских термина: «*analyse didactique*» («обучающий анализ» [англ. *training analysis*]) и «*formation*» («образование» [англ. *professional training*]).

- «Обучающий анализ» (фр. *analyse didactique*) В 1930-х гг., когда Лакан начал обучение анализу, общепринятой практикой Международной Психоаналитической Ассоциации (МПА) уже стало различие «терапевтического анализа» и «обучающего анализа» (это различие до сих пор существует в МПА). В контексте этого различия термин «терапевтический анализ»

отсылает к курсу аналитического лечения, предпринимаемого с целью излечения анализанда от определенных симптомов, а термин «обучающий анализ» относится к такому курсу аналитического лечения, в ходе которого анализанд обучается быть аналитиком. Согласно правилам, обязательным для всех обществ, связанных с МПА, для того, чтобы член организации мог получить разрешение на ведение собственной аналитической практики, он должен сначала пройти обучение анализу. При этом анализ признается обучающим только в том случае, если его проводит один из старших аналитиков, имеющих звание «обучающего аналитика», и если субъект проходит этот анализ только с целью обучения.

Институционально установленное различие между обучающим и терапевтическим анализом стало одним из главных объектов критики со стороны Лакана. Хотя он и соглашался с положением МПА о том, что будущему аналитику абсолютно необходимо самому пройти курс психоаналитического лечения, он при этом возражал против искусственного разделения терапевтического и обучающего анализов. Согласно Лакану, существует только одна форма аналитического лечения, не зависящая от причин, по которым в него включается анализанд, и кульминацией процесса лечения является не устранение симптома, а превращение анализанда в аналитика (см. КОНЕЦ АНАЛИЗА).

Следовательно, любой анализ способен произвести аналитика, а заявления любых организаций о том, какой анализ можно считать обучающим, а какой нет, фиктивны, поскольку «авторизация аналитика может исходить только от него самого» (Lacan, 1967:14). Таким образом, Лакан снимает различие между терапевтическим и обучающим анализом; любой анализ является обучающим, или, по крайней мере, потенциально может являться таковым. «Существует только один вид психоанализа – обучающий анализ» (Sl, 274). Сегодня большинство лаканианских аналитиков не пользуются этими терминами, предпочитая любой курс аналитического лечения называть персональным анализом (Лакан несколько раз употреблял этот термин; см. S8, 222).

- **«Образование аналитика»** (фр. *formation des analystes*) В данном случае имеется в виду процесс, в ходе которого человек обучается вести психоаналитическое лечение, то есть, обучается быть аналитиком. Для Лакана это не просто процесс, через который аналитик проходит в начале своего профессионального пути, но постоянное движение. Существуют два основных источника образования аналитика: собственный опыт лечения (сначала в качестве пациента, а затем в качестве аналитика), и опыт других, передающийся посредством психоаналитической теории. Лакан настаивает на том, что наиболее важным источником образования аналитика является его собственный опыт лечения в качестве пациента. Однако это не значит, что аналитик должен сторониться других источников образования; лакановская программа аналитического образования очень обширна, и включает в себя литературу, лингвистику, математику и историю (E, 144–5). Аналитик должен стремиться стать тем, кем был Фрейд, то есть «энциклопедией искусств и наук» (E, 169). Примером такой всесторонности является публичный семинар Лакана, не обходившийся без экскурсов в философию, топологию, логику, литературу и лингвистику – областей знания, которые Лакан полагал необходимыми для успешного аналитического образования.

Следует отметить, что английский термин «*training*» имеет нюансы значений, отличные от французского «*formation*». Если первый несет коннотации формальной программы или бюрократической структуры, то второй (особенно в творчестве Лакана) означает процесс, изменяющий субъекта в самом существе его бытия, и поэтому его направление невозможно

определить ритуальными процедурами, а успешность – гарантировать бумажным удостоверением.

означаемое

(фр. *signifié*; англ. *signified*) Согласно Соссюру, означаемое является концептуальным элементом ЗНАКА. Это не реальный объект, обозначаемый знаком (референт), но психологическая сущность, соответствующая этому объекту (Saussure, 1916:66–7).

Для Соссюра означаемое имеет такой же статус, что и ОЗНАЧАЮЩЕЕ; они оба формируют равноценные стороны знака. В отличие от Соссюра, Лакан предполагает превосходство означающего и утверждает, что означаемое является всего лишь следствием игры означающих, эффектом процесса означивания, произведенным метафорой. Иными словами, означаемое не дано, но произведено.

Таким образом, идеи Лакана противостоят экспрессионистскому представлению о языке, согласно которому, до того как найти свое материальное выражение в языке, понятия существуют в некотором дословесном состоянии. Выступая против подобной концепции, Лакан утверждает приоритет (логический, а не хронологический) материального элемента языка.

означающее

(фр. *signifiant*; англ. *signifier*) Лакан заимствует термин «означающее» из работы швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. Этот термин не употреблялся Фрейдом, который не был знаком с трудами Соссюра. Согласно Соссюру, означающее представляет собой фонологический элемент ЗНАКА: не звук сам по себе, но психический образ этого звука. С точки зрения Соссюра, означающее является «акустическим образом», означивающим ОЗНАЧАЕМОЕ (Saussure, 1916:66–7).

Если Соссюр утверждает, что означающее и означаемое взаимозависимы, то Лакан заявляет, что означающее первично и производит означаемое. Означающее представляет собой, прежде всего, не имеющий значения материальный элемент закрытой дифференциальной системы; Лакан называет это «означающее без означаемого» «чистым означающим», подразумевая, впрочем, его логический, а не хронологический приоритет. «Само по себе каждое означающее ничего не означает. Чем оно бессмысленней, тем меньше оно поддается разрушению» (S3, 185). Именно такие бессмысленные, неразрушимые означающие определяют собой субъекта; воздействия означающего на субъект конституируют поле бессознательного, а, следовательно – и все поле психоанализа.

Таким образом, согласно Лакану язык представляет собой не систему знаков (как у Соссюра), но систему означающих. Являясь основными элементами языка, означающие должны «подчиняться двум условиям: быть редуцируемыми до конечных дифференциальных элементов и сочетаться в согласии с законами закрытой последовательности» (E, 152).

Утверждая, что означающие должны «быть редуцируемы до конечных дифференциальных элементов», Лакан следует за Соссюром, предполагая фундаментально дифференциальный характер означающего. Соссюр утверждает, что в языке нет положительных элементов, а есть только различия (Saussure, 1916:120).

Под «сочетанием в согласии с законами закрытой последовательности» Лакан подразумевает, что означающие составляют цепь означающих согласно законам метонимии.

Означающее является конститутивным элементом символического порядка, поскольку оно неразрывно связано с понятием СТРУКТУРЫ; «понятия структуры и означающего неразделимы» (S₃, 184). Поле означающего является полем Другого, которое Лакан называет «батареей означающих» [англ. *battery of signifiers*].

Лакан определяет означающее как нечто, «представляющее субъекта другому означающему», в отличие от знака, «представляющего что-то кому-то» (S₁₁, 207). Точнее, одно означающее (называемое господским означающим, S₁) представляет субъекта *всем другим означающим* (S₂). Однако ни одно означающее не может *означить* [англ. *signify*] субъекта.

Хотя в работах Фрейда термин «означающее» отсутствует, Лакан использует его, обращая внимание на то, что фрейдовские примеры психоаналитических толкований постоянно фокусируются на чисто формальных лингвистических особенностях. Например, анализируя собственную неспособность запомнить имя «Синьорелли», он разделяет слово на формальные сегменты и следует за ассоциативными связями каждого сегмента (Freud, 1901: гл. 1). Таким образом, настойчиво утверждая, что аналитик должен обращать внимание на означающие в речи анализанда, Лакан вовсе не пытается внедрить инновационную технику, но лишь более отчетливо концептуализировать фрейдовский метод.

Хотя, говоря об означающих, Лакан часто отсылает к тому, что другие могут назвать просто «словами», эти два термина не равнозначны. Означающие могут быть как меньше слов (морфемы и фонемы), так и больше (фразы и предложения); более того, в качестве означающих могут выступать и такие не лингвистические данности, как объекты, отношения и симптоматические действия (S₄, 288). Чтобы нечто могло рассматриваться в качестве означающего, необходимо, согласно Лакану, чтобы оно было включено в такую систему, в которой его значение определялось бы лишь через отличия от других ее элементов. Именно такая дифференциальная природа означающего определяет невозможность обретения им однозначного и фиксированного значения (S₄, 289); напротив, его значение варьируется в зависимости от положения, занимаемого им в структуре.

ОЗНАЧИВАНИЕ

(фр., англ. *signification*) До 1950-х гг. термин «означивание» использовался Лаканом в широком смысле слова, как для обозначения присутствия значения [англ. *meaningfulness*], так и для обозначения значимости [англ. *importance*] (например, Ес, 81). Так, в 1946 г. Лакан подвергает критике органицистскую психиатрию за то, что в ней игнорируются «означивания безумия» (Ес, 167; см. Ес, 153–4). В период 1953–1957 гг. термин сохраняет расплывчатые связи с

пространством значения и языка, и, таким образом, помещается в символический порядок (S₄, 121).

Только в 1967 г. Лакан начинает ассоциировать этот термин с понятием Соссюра, перемещая его из символического порядка в воображаемый. Соссюр использует термин «означивание» для обозначения отношения между ОЗНАЧАЮЩИМ и ОЗНАЧАЕМЫМ; любой звуковой образ «означает» понятие (Saussure, 1916:114–17). Означивание, по Соссюру, представляет собой нерушимую связь: означающее и означаемое так же неразрывны, как две стороны листа бумаги.

Лакан утверждает, что отношения между означающим и означаемым куда более шатки: он рассматривает разделяющую их в соссюровском алгоритме ЧЕРТУ (см. Рисунок 8, стр. 81) не в качестве связи, но в качестве разрыва, «сопротивления» означиванию (E, 164). Во-первых, означающее логически предшествует означаемому, являющемуся всего лишь следствием игры означающих. Во-вторых, даже когда означаемые произведены, они постоянно СКОЛЬЗЯТ, проскальзывают под означающим; единственным, что может временно остановить это движение, прикрепив означающее к означаемому и создав иллюзию стабильного значения, являются *POINTS DE CAPTION*. Означивание, по Лакану, представляет собой не стабильную связь между означающим и означаемым, а процесс, в котором игра означающих производит иллюзию означаемого посредством двух тропов – метонимии и метафоры.

Означивание метонимично, поскольку оно «всегда отсылает к другому означиванию» (S₃, 33). Другими словами, значение нестабильно, поскольку находится не в каком-то одном означающем, но в игре между означающими в цепи означающих; «значение утверждает себя именно в цепи означающих, но ни один из ее элементов не является частью того означивания, которое он делает возможным» (E, 153).

Означивание метафорично, поскольку оно предполагает пересечение черты, «переход означающего в означаемое» (E, 164). Фундаментальной метафорой, на которой держится все означивание, является отцовская метафора, а любое означивание, таким образом, является фаллическим.

В лакановской алгебре означивание обозначается символом s (как в условном знаке $s(A)$, являющимся одной из главных точек в графе желания). Тот факт, что означаемое тоже обозначается символом s , наталкивает на мысль, что для Лакана термины «означивание» (процесс производства значения) и «означаемое» (результат самого значения), как правило, совпадают.

В конце 1950-х гг. Лакан проводит различие между означиванием и значением (фр. *sens*; англ. *meaning*). Многообразие вариантов перевода этого слова на английский язык представляет трудность для англоязычного читателя Лакана. Данный словарь следует традиции перевода французского слова «*signification*» английским «*signification*» [означивание] и использует английское слово «*meaning*» [значение] для перевода французского слова *sens*.

Означивание является воображаемым и принадлежит пустой РЕЧИ; значение является символическим и принадлежит полной речи (позднее, в 1970-х гг., Лакан помещает значение не в символический порядок, но в место пересечения воображаемого и символического; см. Рисунок 1, стр. 37). Психоаналитические толкования противостоят означиванию и имеют

отношение к значению и его корреляту – нон-сенсу (фр. *non-sens*; англ. *non-meaning*). Хотя означивание и значение противоположны, они оба имеют отношение к производству *jouissance*. Лакан подчеркивает это созданием двух неологизмов: «*signifiance*» (от слов «*signification*» и «*jouissance*» – см. E, 259; S20, 23) и «*jouis-sens*» (от «*jouissance*» и «*sens*»).

ОПТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

(фр. *modèle optique*; англ. *optical model*) В «Толковании сновидений» Фрейд сравнивает психику с оптическим аппаратом, наподобие микроскопа или камеры (Freud, 1900a: SE V, 536). На разных этапах своего творчества Лакан тоже использует метафору оптического аппарата, например, камеры, для того, чтобы предложить свое «материалистическое определение феномена сознания» (S2, гл. 4).

Лакан утверждает, что, поскольку образы играют важную роль в структуре психики, оптика является полезным инструментом для ее объяснения (S1, 76). Впрочем, Лакан, как и Фрейд, предупреждает, что такой подход является не более чем грубой аналогией, поскольку оптические образы не подобны тем образам, которые являются объектом психоаналитического исследования. Поэтому вскоре Лакан заменяет оптические образы топологическими фигурами, которые, по его мысли, должны противостоять воображаемому постижению (см. ТОПОЛОГИЯ). Тем не менее, как говорил Фрейд о собственных оптических моделях, «мы нуждаемся в поддержке предварительных идей». (Freud, 1900:536)

Впервые оптическая модель появляется в 1954 г. (воспроизведена на Рисунке 14, взятом из S1, 124), а затем вновь используется в «Заметке об отчете Даниэля Лагаша» (1958b), в семинаре о переносе (1960–1961 гг.) и в других местах. В целом она представляет собой оптический эксперимент с использованием плоского и вогнутого зеркал. Вогнутое зеркало производит действительный образ инвертированной цветочной вазы, скрытой за ящиком, который затем отражается в плоском зеркале, создающем виртуальный образ. Этот виртуальный образ видим только субъекту, помещенному в определенную точку обзора.

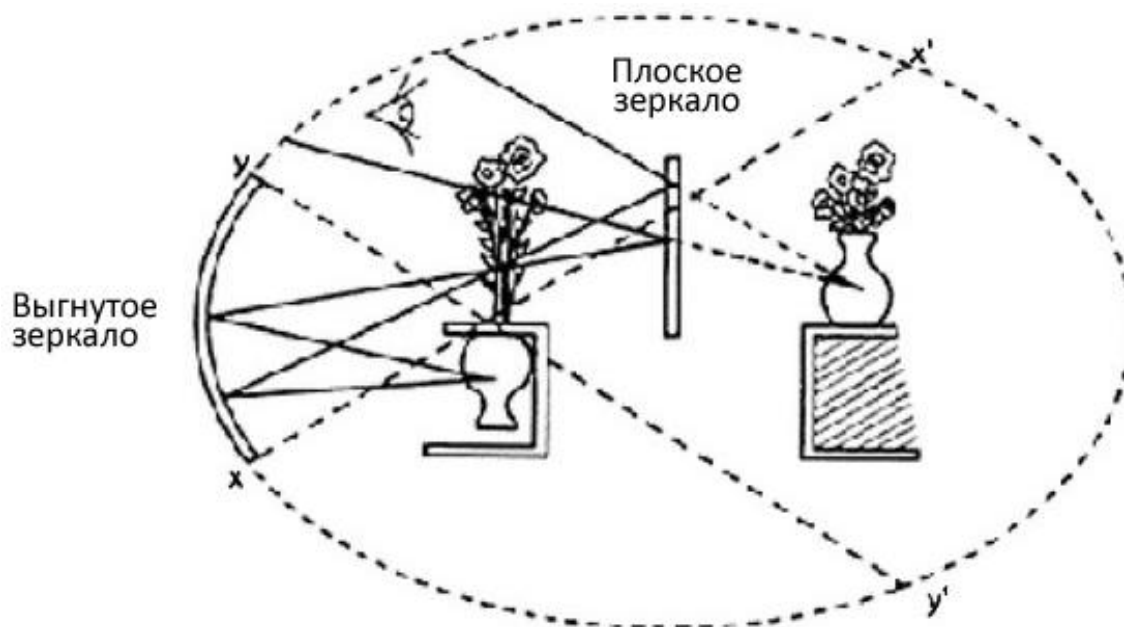

Рисунок 24 Оптическая модель

Источник: Jacques Lacan, *The Seminar. Book I. Freud's Papers on Technique*, перевод с примечаниями John Forrester, New York: Norton; Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Лакан использует эту модель для иллюстрации нескольких положений. Два наиболее важных из них касаются структурирующей роли символического порядка и функции ЭГО-ИДЕАЛА.

1. Оптическая модель иллюстрирует то, каким образом расположение субъекта в символическом порядке (представленном ракурсом плоского зеркала) определяет способ артикуляции воображаемого вместе с реальным. «Положение в воображаемом... распознается только тогда, когда существует проводник за пределами воображаемого, на символическом уровне» (S1, 141). Таким образом, оптическая модель иллюстрирует первостепенную важность символического порядка в структурировании воображаемого. Психоаналитическое лечение можно сравнить с поворачиванием плоского зеркала, изменяющим положение субъекта в символическом.

2. Оптическая модель демонстрирует также функцию идеального эго, представленного на схеме в виде действительного образа; идеальное эго противоположно эго-идеалу, который является символическим проводником, управляющим углом зеркала, а значит, и положением субъекта (S1, 141).

основоначальная речь

(фр. *parole fondante*; англ. *founding speech*) Термин «основоначальная речь» (иногда переводимый как «основополагающая речь» [англ. *foundational speech*]) возникает в период возросшего в начале 1950-х гг. интереса Лакана к изучению ЯЗЫКА (см. Lacan, 1953a). Лакан использует этот термин для того, чтобы подчеркнуть, что в акте высказывания РЕЧЬ может

радикально изменить как говорящего, так и адресата. Двумя любимыми лакановскими примерами такой речи являются следующие высказывания: «Ты мой господин/учитель [*maître*]» и «Ты моя жена», которые служат для определения говорящего как «ученика» и «мужа», соответственно. Иными словами, существенным аспектом основоначальной речи является то, что она преобразует не только другого, но и субъекта (см. Е, 85). «Основоначальная речь, охватывающая субъекта, является всем, что конституирует его, его родителей, его соседей, всю структуру его сообщества; она конституирует его не просто в качестве символа, но и в самом его бытии» (S2, 20). Лакан отсылает к той же функции речи, когда говорит об «избирательной речи» [англ. *elective speech*] в семинаре 1955-1956 гг., а также о «клятвенной речи» [англ. *votive speech*] в семинаре 1956-1957 гг.

Играя с гомофонией словосочетаний *tu es ma mère* («ты моя мать») и *tuer ma mère* («убить мою мать»), Лакан иллюстрирует то, каким образом основоначальная речь, адресованная другому, может раскрыть подавленное желание убийства (Е, 269).

отец

(фр. *père*; англ. *father*) Уже на ранних этапах своего творчества Лакан уделяет большое внимание роли отца в структуре психики. В статье о семье 1938 г. он объясняет важность ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА тем фактом, что благодаря нему в фигуре отца соединяются две конфликтующие функции: защиты и запрета. Он также указывает на упадок отцовского имаго в современном обществе (проявляющийся в образах безотцовщины и униженных отцов) как на причину современных психопатологических проблем (Lacan, 1938:73). В дальнейшем творчестве Лакана понятие отца является одной из главных тем.

Смещение Лаканом внимания на важность отца можно рассматривать в качестве реакции на тенденцию кляйнианского психоанализа и теории объектных отношений помещать в центр психоаналитической теории отношения мать-ребенок. Критикуя такой подход, Лакан систематически подчеркивает роль отца как третьего элемента, который, опосредуя воображаемые ДУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ между МАТЕРЬЮ и ребенком, спасает ребенка от психоза и делает возможным его вхождение в социальное существование. Таким образом, отец представляет собой не просто соперника, с которым субъект борется за материнскую любовь; он является представителем социального порядка как такового; субъект может получить доступ к этому порядку только посредством идентификации с отцом в Эдиповом комплексе. Отсутствие отца, таким образом, является важным фактором в этиологии всех психопатологических структур.

Однако отец представляет достаточно сложное понятие, требующее особого пояснения. Лакан утверждает, что вопрос «Что такое отец?» является центральным для всего фрейдовского учения (S4, 204–5). Именно для того, чтобы ответить на этот вопрос, Лакан, начиная с 1953 г., подчеркивает важность проведения строгого различия между символическим, воображаемым и реальным отцом.

- **Символический отец** представляет собой не действительное лицо, но позицию, функцию; следовательно, это понятие синонимично термину «отцовская функция». Эта функция заключается в утверждении ЗАКОНА и регуляции желания в Эдиповом комплексе, а

также во вмешательстве в воображаемое дуальное отношение между матерью и ребенком для введения между ними необходимой «символической дистанции» (S₄, 161). «Подлинная функция Отца... заключается в объединении (а не в противопоставлении) желания и Закона» (E, 321). Хотя символический отец является не действительным субъектом, но позицией в символическом порядке, субъект все же может занять эту позицию, взяв на себя выполнение отцовской функции. Никто никогда не сможет занять эту позицию полностью (S₄, 205, 210, 219). Однако символический отец не часто вмешивается посредством воплощающего его функцию субъекта, и в основном присутствует в замаскированном виде, например, будучи опосредованным дискурсом матери (см. S₄, 276).

Символический отец является фундаментальным элементом структуры символического порядка; тем, что отличает символический порядок культуры от воображаемого порядка природы, является передача имени по отцовской линии. Структурируя серию поколений вокруг единого родового начала, патрилинейность [англ. *patrilineality*, наследование по мужской линии – прим. пер.] вводит порядок, «структура которого отлична от естественного порядка» (S₃, 320). Символический отец это еще и мертвый отец, отец первобытной стаи, убитый собственными сыновьями (см. Freud, 1912–13). Символический отец называется также ИМЕНЕМ-ОТЦА (S₁, 259).

Присутствие воображаемого фаллоса как третьего элемента в воображаемой доэдипальной триаде свидетельствует о том, что символический отец функционирует уже в доэдипальной фазе; за символической матерью всегда стоит символический отец. Психотик, однако, не достигает и этой фазы; именно отсутствие символического отца характеризует сущность психотической структуры (см. ФОРКЛЮЗИЯ).

- **Воображаемый отец** представляет собой имаго, то есть совокупность всех воображаемых конструкторов, которые субъект строит вокруг фигуры отца. Это воображаемая конструкция часто имеет мало общего с настоящим отцом (S₄, 220). Воображаемый отец может представляться в качестве идеального отца (S₁, 156; E, 321), или, напротив, в качестве «отца, который испоганил ребенка» [англ. *the father who has fucked the kid up*] (S₇, 308). В первом обличье воображаемый отец является всемогущим защитником, прототипом фигуры Бога в религии. Во втором обличье он является чудовищным отцом первобытной орды, накладывающим табу на инцест для своих сыновей (см. Freud, 1912–13); он также выступает в качестве агента ЛИШЕНИЯ, которого дочь обвиняет в том, что он лишил ее символического фаллоса, или его эквивалента, ребенка (S₄, 98; см. Рисунок 13 стр. 132 и S₇, 307). Однако в обоих обликах воображаемый отец представляется всемогущим (S₄, 275–6). Психоз и перверсия, каждый по-своему, предполагают редукцию символического отца к воображаемому.

- **Реальный отец** Давая четкие определения символическому и воображаемому отцу, Лакан, однако, оставляет понятие реального отца достаточно непроясненным (см., к примеру, S₄, 220). Согласно одной из немногих недвусмысленных формулировок, предлагаемых Лаканом, реальный отец является агентом кастрации, то есть тем, кто осуществляет операцию символической кастрации (S₁₇, 149; см. Рисунок 13 стр. 132 и S₇, 307). Лакан дает несколько намеков, проясняющих смысл такой формулировки. В 1960 г. он описывает реального отца как того, кто «дейтельно захватывает» мать, как «Великого Трахальщика» [англ. *Great Fucker*] (S₇, 307), а в 1970 г. доходит даже до того, что называет реального отца сперматозоидом, впрочем, сразу же поправляется, замечая, что никто ведь не называет себя сыном сперматозоида (S₁₇, 148). На основе этих комментариев можно утверждать, что реальным отцом является

биологический отец субъекта. Однако поскольку в вопросе о том, кто же является биологическим отцом, всегда присутствует неопределенность («*pater semper incertus est*» [с отцом всегда неясно], в то время как мать «*certissima*» [известна]; Freud, 1909c: SE IX, 239), точнее будет сказать, что реальным отцом является тот, о ком говорят, что он биологический отец. Реальный отец, таким образом, является результатом воздействия языка, следовательно, под реальным в данном случае следует понимать реальное языка, а не реальное биологии (S17, 147–8).

Реальный отец играет ключевую роль в Эдиповом комплексе; именно он вмешивается в третьем «периоде» Эдипова комплекса как тот, кто кастрирует ребенка (см. КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ). Это вмешательство спасает ребенка от тревоги; без него ребенок нуждается в объекте фобии как символическом заместителе отсутствующего реального отца. Вмешательство реального отца как агента кастрации не равносильно его физическому присутствию в семье. Как показывает случай с маленьким Гансом (Freud, 1909b), реальный отец может физически присутствовать, однако быть не в состоянии произвести вмешательство в качестве агента кастрации (S4, 212, 221). И наоборот, вмешательство реального отца ребенок может ощутить и без физического присутствия последнего.

ОТКАЗ

(фр. *déni*; англ. *disavowal*) Фрейд использовал термин «*Verleugnung*» для обозначения «специфического способа защиты, заключающегося в отказе субъекта признать реальность травматического переживания» (Laplanche и Pontalis, 1967:118). Он ввел этот термин в 1923 г. в связи с комплексом кастрации – травматическим переживанием, вызываемым видом женских гениталий. Впервые обнаружив у девочки отсутствие пениса, ребенок «отказывается признать этот факт и верит в то, что он все равно видит пенис» (Freud, 1923e: SE XIX, 143–4). Фрейд продолжал использовать это понятие на протяжении всего своего творчества, особенно в связи с психозом и ФЕТИШИЗМОМ. В случае последних, отказ всегда сопровождается противоположным отношением (принятием реальности), поскольку «эго очень редко, возможно даже никогда, не уходит от реальности полностью» (Freud, 1940a:SE XXIII, 201). Сосуществование в эго двух противоположных отношений к реальности приводит к тому, что Фрейд называет «расщеплением эго» (см. РАСЩЕПЛЕНИЕ).

Хотя Фрейд использовал этот термин вполне определенным образом, он никогда не проводил четких различий между отказом и другими связанными с ним операциями. Лакан, напротив, внедряет этот термин в строгую теорию, в рамках которой соотносит и противопоставляет его операциям ВЫТЕСНЕНИЯ и ФОРКЛЮЗИИ. Если Фрейд ассоциирует отказ с психозом и одной из форм ПЕРВЕРСИИ, то Лакан полагает эту операцию характерной исключительно для структур перверсии, а также фундаментальной для всех ее форм. Отказ является основной операцией перверсии, так же, как вытеснение и фортлюзия являются основными операциями невроза и психоза соответственно. Таким образом, отказ, согласно Лакану, представляет собой один из вариантов ответа на кастрацию Другого. В то время как невротик вытесняет осознание кастрации, перверт отказывается ее признать.

Лакан утверждает, вслед за Фрейдом, что отказу всегда сопутствует признание того, от чего отказываются. Следовательно, перверт не просто не знает о существовании кастрации; он одновременно и знает о ней, и отказывается ее признать. В то время как в работах Фрейда отказ предполагает только одну сторону операции (собственно, отказ), Лакан обозначает этим термином двухсторонний процесс, предполагающий одновременно и отказ признавать кастрацию, и ее признание.

Если для Фрейда понятие отказа прежде всего связано с переживанием отсутствия пениса у женщины, то Лакан ассоциирует его с осознанием отсутствия ФАЛЛОСА у Другого. Травматическое переживание заключается, с точки зрения Лакана, в осознании того, что причиной желания всегда является нехватка. Это осознание и является тем, что отказывается признать субъект; отказ – это неспособность принять нехватку как причину желания и вера в то, что причиной желания является присутствие (например, фетиш).

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

(фр. *rapport sexuel*; англ. *sexual relationship*) Лакан впервые произносит свой знаменитый афоризм «*il n'y a pas de rapport sexuel*» в 1970 г. (см. Lacan 1969–70:134), а затем снова берет его на вооружение в семинаре 1972–1973 гг. (S20, 17). Этот афоризм обычно переводится на английский язык следующим образом: «*There is no such thing as a sexual relationship*» [рус. «сексуальных отношений не существует»]; такой перевод не является правильным, поскольку очевидно, что Лакан не отрицал, что люди занимаются сексом. Более правильным переводом будет следующий: «Не существует отношений между полами». Такой перевод подчеркивает интерес Лакана к отношениям между мужской и женской половыми позициями, но не к самому акту соития. Данный афоризм в сжатом виде содержит принципы подхода Лакана к вопросу о ПОЛОВОМ РАЗЛИЧИИ:

1. Непосредственных отношений между мужской и женской половыми позициями не существует, поскольку в качестве третьего элемента между ними всегда находится Другой языка (S20, 64). «Между мужчиной и женщиной не существует инстинктивных отношений», поскольку любая сексуальность отмечена означающим (Lacan, 1975b). Важное следствие этого положения заключается в том, что невозможно определить перверсию через предполагаемую естественную форму сексуальных отношений (как это делал Фрейд). Гетеросексуальность, таким образом, является не естественной, а нормативной (Ec, 223).

2. Не существует взаимности или симметрии между мужской и женской позициями, поскольку символический порядок фундаментально асимметричен: не существует такого означающего, которое могло бы означить женский пол так же, как мужской. Есть только одно означающее, управляющее отношениями между полами, и это означающее – ФАЛЛОС (E, 289). Таким образом, не существует символа для обозначения симметрического отношения между полами: «Отношения между полами не могут быть записаны» (S20, 35).

3. Отношения между мужчиной и женщиной никогда не будут гармоничными; «Наиболее неприкрытая вражда между мужчиной и женщиной неизбежна» (S2, 263). Любовь – это не более чем иллюзия, призванная скрыть отсутствие гармоничных отношений между полами

(представленная либо через миф, как в «*Пире*» Платона, либо в психоаналитических терминах, таких, например, как ГЕНИТАЛЬНАЯ любовь Балинта).

4. Сексуальные влечения направлены не на «личность в целом», но на ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ. Поэтому не существует сексуальных отношений между субъектами – только между субъектом и (частичным) объектом. Для мужчины *object a* занимает место отсутствующего партнера и производит матему фантазма ($\$ \diamond a$); другими словами, женщина существует для мужчины не как действительный субъект, но только как фантазматический объект, причина его желания (S20, 58).

5. В отношениях между полами женщина функционирует не как женщина, а как мать; «Женщина начинает функционировать в отношениях между полами только как мать» (S20, 36).

6. Поскольку пол [англ. *sex*] укоренен в реальном, он противоположен значению; также «пол, в своей противоположности смыслу, по определению противоположен отношению, коммуникации» (Соржес, 1994:21).

отрицание

(фр. *dénégation*; англ. *negation*) Фрейд подразумевал под отрицанием (*Verneinung*) как логическую операцию, так и отказ [англ. *denial*] (см. Freud, 1925h). Лакан заимствует и развивает этот термин в семинаре 1953-1954 гг. (см. также Lacan, 1954a и 1954b) и 1955-1956 гг. Он утверждает, что отрицание представляет собой невротический процесс, возникновение которого становится возможным только после осуществления фундаментального акта утверждения, называемого *BEJAHUNG*. Отрицание следует отличать от форклюзии, которая является его примитивной формой, осуществляющейся до любого *Verneinung* (S3, 46), то есть формой отрицания самого *Bejahung*.

отсутствие

(фр., англ. *absence*) Символический порядок характеризуется фундаментальной бинарной оппозицией отсутствия и присутствия (S4, 67–8).

В символическом порядке «что-либо может существовать только на основании предполагаемого отсутствия» (Ес, 392). В этом состоит основное отличие символического от реального: «В реальном нет отсутствия. Отсутствие существует только тогда, когда присутствие предполагается там, где его нет» (S2, 313) (см. ЛИШЕНИЕ).

Как показал в своем анализе фонем Роман Якобсон, все лингвистические феномены могут быть исчерпывающе описаны с точки зрения присутствия или отсутствия определенных «отличительных особенностей». Лакан рассматривает игру *fort//da!* [возгласы ребенка, связанные с исчезновением и появлением предмета – прим. пер.], описываемую Фрейдом в произведении «По ту сторону принципа удовольствия», в качестве примитивной

фонематической оппозиции, представляющей введение ребенка в символический порядок. Звуки О/А, производимые ребенком, являются «парой звуков, модулируемых вокруг присутствия и отсутствия» (Е, 65), они связаны «с присутствием и отсутствием людей и вещей» (Е, 109, п. 46).

Лакан замечает, что слово является «присутствием, произведенным из отсутствия» (Е, 65), поскольку 1) в отсутствии объекта используется его символ и 2) означающие существуют только в противопоставлении с другими означающими.

Из-за того, что отсутствие и присутствие взаимно предполагают друг друга, первое имеет такое же положительное существование в символическом, как и последнее. Это позволяет Лакану говорить, что «ничто» (*le rien*) само по себе является (частичным) объектом (S₄, 184–5).

Половое различие символически распознается ребенком именно на основании присутствия и отсутствия ФАЛЛОСА.

отцовская метафора

(фр. *métaphore paternelle*; англ. *paternal metaphor*) Когда в 1956 г. Лакан впервые начинает подробно анализировать тропы МЕТАФОРЫ и метонимии, в качестве примера для иллюстрации структуры метафоры он использует строку из поэмы Виктора Гюго «Спящий Вооз». Эта поэма воспроизводит библейскую историю о Руфи и Воозе: пока Руфь спит у ног Вооза, тот видит сон о растущем из его живота дереве – откровение о том, что ему суждено стать родоначальником народа. Лакан цитирует следующее место: «Его сноп не был ни скуп, ни злобен» (фр. *Sa gerbe n'était point avare ni haineuse*; англ. *His sheaf was neither miserly nor spiteful*) [в русском переводе Н. Рыковой метафора утрачивается: «Серебряным ручьем струилась борода / У старца щедрого»]. Замена имени «Вооз» словом «сноп» производит поэтический эффект ОЗНАЧИВАНИЯ (S₃, 218–25; see S₄, 377–8; Е, 156–8; S₈, 158–9). Отцовство, таким образом, является и темой поэмы (ее содержанием), и внутренней структурой метафоры как таковой. Любое отцовство предполагает метафорическую замену, и наоборот.

Словосочетание «отцовская метафора» было введено Лаканом в 1957 г. (S₄, 379). В 1958 г. он разрабатывает структуру этой метафоры; она предполагает замещение одним означающим (Имя-Отца) другого (желание матери) (см. Рисунок 15; Е, 200).

Таким образом, отцовская метафора обозначает метафорический (т.е. замещающий) характер самого ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА. Это фундаментальная метафора, от которой зависит любое означивание: следовательно, любое означивание фаллично. Если Имя-Отца подверглось фортлюзии (как это происходит в психозе), то отцовская метафора не может осуществиться, а значит, не может осуществиться и фаллическое означивание.

$$\frac{\text{Имя-Отца}}{\text{Желание Матери}} \cdot \frac{\text{Желание Матери}}{\text{Означающее субъекту}} \longrightarrow \text{Имя-Отца} \left(\frac{A}{\text{Фаллос}} \right)$$

Рисунок 35 Отцовская метафора

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

отчуждение

(фр. *aliénation*; англ. *alienation*) Данный термин не является частью теоретического словаря Фрейда. В творчестве Лакана он имеет как психиатрическое, так и философское значения:

- **Психиатрия** Представители французской психиатрии XIX-го века (например, Пинель) понимали психическое заболевание как «*aliénation mentale*», а в качестве общего французского термина для обозначения «сумасшедшего» выступало слово «*aliene*» (также используемое Лаканом; Ес, 154).

- **Философия** Немецкий термин «*Entfremdung*», играющий определенную роль в теориях Гегеля и Маркса, обычно переводится как «отчуждение». Впрочем, лакановское понятие отчуждения существенно отличается от гегелевской и марксистской традиции (на это обращает внимание Жак-Аллен Миллер; Си, 215). Для Лакана отчуждение является не продуктом истории, который может быть преодолен субъектом, но конститутивной характеристикой самого субъекта. Субъект сущностно РАСЩЕПЛЕН, отчужден от самого себя и не обладает возможностью преодолеть это разделение, обрести «цельность» или синтез.

Отчуждение является неизбежным следствием процесса конституирования эго посредством идентификации со своим двойником: «Первичный синтез эго, по сути, отчужден, он – это альтер-эго» (S3, 39). Как говорил Артюр Рембо, «Я – это другой» (Е, 23). Таким образом, отчуждение принадлежит порядку воображаемого: «Отчуждение конституирует собой порядок воображаемого. Отчуждение, как таковое, и есть воображаемое» (S3, 146). Хотя отчуждение является сущностной характеристикой любой субъективности, психоз представляет собой его крайнюю форму.

Лакан предлагает термин «ЭКСТИМНОСТЬ» для обозначения природы этого отчуждения, в котором друговость занимает центральное место в субъекте. Он посвящает всю 16-ую главу 11-ой книги семинара «*Четыре основные понятия психоанализа*» (1964а) анализу отчуждения и связанного с ним понятия отделения.

П

ПАМЯТЬ

(фр. *mémoire*; англ. *memory*) В творчестве Лакана термин «память» употребляется в двух различных значениях:

1. В 1950-х гг. память понимается как феномен символического порядка, связанный с ЦЕПЬЮ ОЗНАЧАЮЩИХ. Она отсылает к понятиям запоминания и ВОСПОМИНАНИЯ, и противопоставляется воображаемому реминисценциям (англ. *reminiscence*).

Лакан ясно дает понять, что его понятие памяти не является биологическим или психологическим: «Память, интересующая психоанализ, отличается от памяти, интересующей психологов, функционирование механизмов которой в живом существе они демонстрируют своими экспериментами» (S3, 152). Для психоанализа память является символической историей субъекта, цепью связанных вместе означающих, «артикуляцией означающего» (англ. *signifying articulation*) (S7, 223). Нечто помнится и запоминается только тогда, когда «включается в цепь означающих» (S7, 212). В этом смысле бессознательное представляет собой вид памяти (S3, 155), поскольку «тем, что мы учим субъекта распознавать в качестве собственного бессознательного, является его историей» (E, 52).

Наиболее интересны для аналитика те феномены памяти, которые связаны с провалами, когда субъект не может вспомнить часть своей истории. Именно способность анализируемого субъекта забывать, пропускать одно из означающих в цепи означивания, является тем, что определяет его уникальность (S7, 224).

2. В 1960-х гг. Лакан оставляет термин «память» биологии и физиологии, считая ее органическим свойством (Eс, 42). Таким образом, она больше не рассматривается в качестве символической истории субъекта, столь важно для психоанализа, но понимается как нечто, расположенное за его пределами.

паранойя

(**фр. *paranoïa*; англ. *paranoia***) Паранойя является формой ПСИХОЗА, для которой в первую очередь характерен БРЕД. Фрейдовский опыт лечения параноиков ограничен. Наиболее известный случай его работы с паранойей представляет собой не запись курса лечения, а анализ мемуаров страдающего паранойей мужчины (судьи Даниэля Пауля Шребера) (Freud, 1911c). Именно в этом анализе Фрейд предлагает теорию, в рамках которой паранойя объясняется как защита от гомосексуальности, утверждая, что различные формы параноидального бреда основываются на разнообразных формах отрицания фразы «Я (мужчина) люблю его».

Интерес Лакана к паранойе предшествует его интересу к психоанализу; паранойя является предметом его первой важной работы, докторской диссертации (Lacan, 1932). В этом произведении Лакан анализирует психотическую женщину, которую он называет «Эме» (*фр. Aimée*). Диагнозом Эме является «паранойя самонаказания» (*фр. paranoia d'autopunition; англ. self-punishment paranoia*) – новая клиническая категория, предложенная самим Лаканом. Он возвращается к паранойе в семинаре 1955-1956 гг., предлагая объемный комментарий к случаю Шребера. Лакан находит несостоятельной фрейдовскую теорию о гомосексуальных корнях паранойи и предлагает вместо нее свою теорию ФОРКЛЮЗИИ как особого механизма психоза.

Как и другие клинические структуры, паранойя особенно ярко раскрывает некоторые основные характеристики психики. Эго обладает параноидальной структурой (E, 20), поскольку конституируется посредством параноидального отчуждения (E, 5). Знание (*фр. connaissance; англ. knowledge*) тоже параноидально (E, 2, 3, 17). Процесс психоаналитического лечения вызывает у субъекта управляемую паранойю (E, 15).

перверсия

(**фр., англ. *perversion***) Фрейд определяет перверсию как любую форму сексуального поведения, отклоняющегося от нормы, то есть от гетеросексуальных генитальных сношений (Freud, 1905d). Однако такое определение проблематизируется самим Фрейдом, который указывает на полиморфную перверсивность любой человеческой сексуальности, характеризующейся отсутствием какого бы то ни было естественного порядка.

Лакан преодолевает тупик фрейдовской теории, определяя перверсию не как форму поведения, но как клиническую СТРУКТУРУ:

Что такое перверсия? Это не просто отклонение от социальной нормы, безнравственная аномалия (хотя такой подтекст всегда присутствует). Это также не нечто противоестественное, то есть буквально то, что в большей или меньшей степени препятствует осуществлению репродуктивной функции полового соития. Есть нечто иное в самой структуре перверсии.

Различие между перверсивными действиями и перверсивной структурой предполагает, что, хотя и существуют определенные сексуальные действия, ассоциирующиеся с перверсивными структурами, такие действия могут совершаться и не перверсивными субъектами, а также что перверсивный субъект может никогда не совершать подобных действий. Такое различие предполагает также занятие универалистской позиции: хотя общественное неодобрение и нарушение «нравственности» могут выступать в качестве критериев, определяющих степень перверсивности того или иного действия, тем не менее сущность перверсивной структуры определяется не через них. Последняя остается перверсивной даже тогда, когда ассоциирующиеся с ней действия получают общественное одобрение. Поэтому Лакан рассматривает гомосексуализм в качестве перверсии даже там, где он повсеместно допускался, например, в Древней Греции (S8, 43). Так происходит не потому, что гомосексуальность или какая-либо иная форма сексуальности перверсивны по своей природе; напротив, перверсивная природа гомосексуальности является результатом посягательства на нормативные требования Эдипова комплекса (S4, 201). Таким образом, Лакан критикует Фрейда за то, что тот иногда забывает, что значение гетеросексуальности в мифе об Эдипе является вопросом нормы, а не природы (Ес, 223). Нейтральность аналитика запрещает ему занимать ту или иную позицию по отношению к этим нормам. Не защищая, но и не нападая на них, он лишь пытается определить место и степень их влияния в истории субъекта.

Существуют два способа, с помощью которых Лакан описывает перверсивную структуру:

- **ФАЛЛОС и ОТКАЗ** Перверсия отличается от других клинических структур операцией отказа. Перверт отказывается признать кастрацию; он воспринимает нехватку фаллоса у матери, но при этом отказывается принимать реальность этого травматического переживания. Более всего это очевидно в случае ФЕТИШИЗМА («перверсии перверсий»; S4, 194), когда фетиш служит символической заменой отсутствующего у матери фаллоса. Однако такое проблематичное отношение к фаллосу характерно не только для фетишизма и распространяется на все формы перверсии (S4, 192–3). «Вся проблема перверсий состоит в том, что ребенок, в своем отношении к матери... идентифицирует себя с воображаемым объектом [ее] желания [т.е. с фаллосом]» (Е, 197–8). Именно поэтому столь важную роль в структуре перверсии играет доэдипальная воображаемая триада. В перверсиях фаллос функционирует только в скрытом, завуалированном виде (см. лакановское рассуждение о роли вуали в фетишизме, трансвестизме, гомосексуальности и эксгибиционизме; S4, 159–63).

- **ВЛЕЧЕНИЕ** Перверсией называется также особый способ расположения субъекта по отношению к влечению. В ней субъект рассматривает себя в качестве объекта влечения, средства достижения *jouissance* другого (S11, 185). Перверсия представляет собой инвертированную структуру фантазма, поэтому в первой схеме статьи «Кант и Сад» (Ес, 774) ее формула записывается как « $a \diamond S$ », то есть как инвертированная версия математики фантазма. Перверт принимает позицию объекта-инструмента «воли-к-наслаждению» (фр. *volonte-de-jouissance*; англ. *will-to-enjoy*), являющейся не его волей, но волей большого Другого. Перверт осуществляет свою деятельность не для собственного удовольствия, но ради наслаждения большого Другого. Он находит наслаждение именно в этом акте инструментализации, действии ради наслаждения Другого; «субъект создает из себя инструмент для *jouissance* Другого» (Е, 320). Таким образом, в скоптофилии (также пишется как *скоптофилия* [англ. *scoptophilia*]), включающей в себя эксгибиционизм и вуйаеризм, перверт становится

объектом скопического влечения. В САДИЗМЕ/МАЗОХИЗМЕ субъект становится объектом призывающего влечения (S₁₁, 182–5). Структура влечения наиболее отчетливо проявляется именно в перверте, поскольку он стремится оказаться по ту сторону принципа удовольствия, «следуя по пути *jouissance* настолько далеко, насколько возможно» (E, 323).

Формулировка Фрейда «невроты представляют собой обратную сторону перверсий» иногда интерпретируется как признание того, что перверсии являются просто прямым выражением естественного инстинкта, вытесненного в НЕВРОЗЕ (Freud, 1905d: SE VII, 165). Однако Лакан полностью отвергает такую интерпретацию (S₄, 113, 250). Во-первых, влечение не стоит путать с естественным инстинктом: в то время как последний может быть удовлетворен непосредственным образом, влечение имеет нулевую степень удовлетворимости. Во-вторых, что очевидно из предыдущих замечаний, отношение перверта к влечению является настолько же сложным и развитым, как и у невротика. С точки зрения генетического развития, перверсия находится на том же уровне, что и невроз: обе структуры достигают третьего «периода» Эдипова комплекса (S₄, 251). Перверсия «представляет такое же богатство, [что и невроз], такое же излишество, такие же ритмы, такие же уровни» (S₄, 113). Поэтому необходимо понимать заметку Фрейда следующим образом: перверсия структурирована обратным по отношению к неврозу образом, но структурированы они подобно (S₄, 251).

Если невроз характеризуется вопросом, то перверсия – его отсутствием. Перверт не сомневается в том, что его действия служат достижению *jouissance* Другого. Поэтому перверт крайне редко испытывает потребность в психоанализе, и даже когда это происходит, он не ищет возможности изменения своего способа *jouissance*. Вероятно, именно это обстоятельство побудило многих психоаналитиков утверждать, что психоаналитическое лечение не подходит для перверсивных субъектов (даже некоторые из последователей Лакана высказывали подобные мысли), сравнивая уверенность перверта с уверенностью психотика и отмечая, что перверт не может принять позицию «не знающего» перед «субъектом, предположительно знающим» (Clavreul, 1967). Однако большинство лаканианских аналитиков не соглашались с подобными утверждениями, поскольку они идут вразрез с позицией Лакана. Так, например, в семинаре 1956–1957 гг. Лакан ссылается на сон молодой гомосексуальной женщины, проходившей лечение у Фрейда, как на четкое проявление переноса у перверсивного субъекта (S₄, 106–7; см. Freud, 1920a). Также, в семинаре 1960–1961 гг. в качестве основного примера переноса Лакан использует Алкивиада, которого считает первертом (см. E, 323: «Ясно, что Алкивиад не невротик»). Таким образом, Лакан полагал, что перверсивные субъекты, как и невротики, могут проходить аналитическое лечение, хотя, конечно, по ходу этого лечения могут возникнуть специфические проблемы. Важным следствием из этого положения является то, что целью психоаналитического лечения перверсивного субъекта не является устранение перверсивного поведения.

перенос

(фр. *transfert*; англ. *transference*) Термин «перенос» изначально использовался для обозначения перемещения аффекта от одной идеи к другой (см. Freud, 1900a: SE V, 562). Позднее, однако, он стал обозначать отношение пациента к аналитику, развивающееся в

процессе лечения. Вскоре это значение термина стало общепринятым. Именно в этом смысле он используется в современной психоаналитической теории.

Использование специального термина для обозначения отношения пациента к аналитику оправдано особенным характером этого отношения. Фрейд впервые столкнулся с силой аффективных реакций пациента в лечении доктором Брейером Анны О. в 1882 г. Тогда Фрейд утверждал, что пациент осуществляет перенос своих бессознательных идей на доктора (Freud, 1895d). По мере развития психоаналитической теории представления Фрейда о переносе изменялись. Изначально он рассматривал его исключительно в качестве формы СОПРОТИВЛЕНИЯ, препятствия лечению, которое мешает пациенту вспомнить вытесненные воспоминания и, вследствие этого, должно быть «уничтожено» (Freud, 1905: SE VII, 116). Впрочем, постепенно он изменил свое отношение к переносу и начал видеть в нем положительный фактор, способствующий лечению. Положительное значение переноса заключается в том, что он помогает анализанду столкнуться с собственной историей в непосредственном настоящем, в отношении с аналитиком; в отношении к аналитику анализанд неизбежно воспроизводит ранние отношения с другими фигурами (особенно с родителями). Возможно, именно такая парадоксальная природа переноса и как препятствия, и как катализатора лечения объясняет существование в современной психоаналитической теории различных и часто противоположных друг другу взглядов на него.

Развитие мысли Лакана о переносе можно разделить на несколько этапов. Его первая работа касающаяся переноса, называлась «Вмешательство в переносе» (Lacan, 1951). В ней Лакан описывает перенос в диалектических терминах, заимствованных у Гегеля. Он критикует эго-психологию за определение переноса с точки зрения АФФЕКТОВ: «Перенос не отсылает к некоей таинственной сущности аффекта, и даже проявляя себя под видом эмоций, обретает значение только благодаря тому диалектическому моменту, в котором производится» (Ес, 225).

Другими словами, Лакан утверждает, что хотя перенос часто проявляется в таких сильных аффектах, как любовь и ненависть, они все же не являются его сущностью, которая заключается в структуре интерсубъективных отношений. Это структурное определение переноса остается постоянной темой на протяжении всего дальнейшего творчества Лакана; он постоянно напоминает, что сущность переноса заключается в символическом, а не воображаемом, хотя его последствия для воображаемого весьма ощутимы. Позднее, Лакан отметит, что если перенос и проявляется под видом любви, это, прежде всего, любовь к знанию (*savoir*).

Лакан возвращается к рассмотрению переноса в семинаре 1953-1954 гг. На этот раз он интерпретирует перенос не с точки зрения гегелевской диалектики, а с точки зрения антропологии обмена (Марсель Мосс, Леви-Стросс). Перенос внутренне присущ речевому акту, предполагающему обмен знаками, трансформирующими и говорящего, и слушающего:

По сути, эффективный перенос, который мы здесь рассматриваем, является речевым актом. Каждый раз, когда один человек говорит нечто искреннее и значимое другому человеку, мы имеем дело с переносом в собственном смысле слова, то есть с символическим переносом – чем-то, благодаря осуществлению чего изменяется природа обоих участников разговора.

(S1, 109)

В следующем году семинара Лакан продолжает разрабатывать концепцию символической природы переноса, который он отождествляет с принуждением к повторению, с настойчивостью символических детерминант субъекта (S2, 210–11). Символическую сторону переноса необходимо отличать от воображаемой, то есть, от аффективных отношений любви и агрессии. Различие между символической и воображаемой сторонами переноса представляет собой очень практичный способ понимания парадоксальной функции переноса в психоаналитическом лечении: символический аспект (ПОВТОРЕНИЕ) переноса помогает лечению продвигаться по пути раскрытия означающих в истории субъекта, в то время как воображаемый аспект (любовь и ненависть) действует в качестве сопротивления (см. S4, 135; S8, 204).

Иной подход к проблеме переноса был разработан Лаканом на восьмом году семинара (1960–1961 гг.), названном просто «Перенос». Здесь он использует диалог Платона «Пир» для иллюстрации отношений между анализандом и аналитиком. Алкивиад сравнивает Сократа с коробком, скрывающим некий прелестный объект (др.-греч. *agalma*); так же, как Алкивиад приписывает скрытое богатство Сократу, так и анализанд видит в аналитике объект своего желания (см. *OBJET PETIT A*).

В 1964 г. Лакан ассоциирует понятие переноса с понятием СУБЪЕКТА, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЗНАЮЩЕГО, которое с тех пор становится центральным для лакановского понимания переноса; действительно, именно такой взгляд на перенос стал рассматриваться в качестве наиболее завершенной попытки Лакана концептуализировать этот феномен. Согласно этому взгляду, перенос заключается в приписывании знания Другому, в предположении о том, что Другой – это субъект, который знает: «Как только допускается существование субъекта, предположительно знающего... тогда же и происходит перенос» (S11, 232).

Осуществление переноса является необходимым, но не достаточным условием психоаналитического лечения; необходимо чтобы аналитик также особым образом работал с переносом. Хотя и психоанализ, и СУГГЕСТИЯ предполагают осуществление переноса, первый отличается от последней тем, что аналитик отказывается использовать полученную им благодаря переносу власть (см. E, 236).

Сравнительно рано в истории психоанализа стало общим местом различать «адаптированные к реальности» и не «адаптированные» аспекты отношения пациента к аналитику. В последнюю категорию попадают все реакции пациента, вызванные «искаженным восприятием аналитика». Некоторые аналитики использовали перенос для обозначения всех аспектов отношения анализанда к аналитику, среди которых они отличали искаженный «невротический перенос» или «перенос невроза» от «приемлемой части переноса» [англ. *unobjectionable part of the transference*] или «терапевтического союза»

[англ. *therapeutic alliance*] (Эдвард Бибринг, Элизабет Цецель). Другие аналитики утверждали, что понятие переноса должно быть ограничено «нереалистическими» или «иррациональными» реакциями анализанда (Уильям Сильверберг, Франц Александр). Впрочем, общей предпосылкой, лежащей в основе обеих позиций, было положение о том, что аналитик может различить, когда пациент реагирует на него не на основании того, кем он является в действительности, а когда – на основании прежних отношений с другими людьми. Такая способность доверялась аналитику из-за предполагаемой у него большей, чем у пациента, «приспособленности к реальности». Благодаря собственному правильному восприятию реальности, аналитик может обеспечить «толкование переноса»; то есть, он может указать на разрыв между реальной ситуацией и иррациональным способом реакции на нее пациента. Считается, что толкование переноса помогает анализанду «проникнуть» в собственный невротический перенос, а значит, разрешить или «ликвидировать» его.

Лакан особенно остро критикует такое понимание психоаналитического лечения. Его замечания основаны на следующих аргументах:

1. Идея адаптации к реальности основана на наивной эмпирической эпистемологии, предполагающей обращение к непроблематизируемому понятию «реальности» как объективной и самоочевидной данности. Такое определение пренебрегает открытием психоанализа, заключающимся в том, что реальность конструируется эго, которое, в свою очередь, основывается на собственном *meconnaissance*. Поэтому, когда аналитик предполагает, что он лучше, чем пациент, адаптирован к реальности, он «отступает к сфере собственного эго», поскольку это именно та «часть реальности, которую он знает» (E, 231). Здоровая часть эго пациента, таким образом, определяется как та, «которая думает так же, как и мы» (E, 232). Это сводит психоаналитическое лечение к форме суггестии, в которой аналитик просто «накладывает собственную идею реальности» на анализанда (E, 232). Таким образом, «неспособность [аналитика] сохранить практику в ее подлинной форме приводит, как это обычно случается с человечеством, к отправлению власти» (E, 226).

2. Идея о том, что «искаженное восприятие аналитика» анализандом может быть ликвидировано посредством толкования является логически ошибочной, поскольку «перенос толкуется на основе, и посредством, самого переноса» (S8, 206). Другими словами, не существует метаязыка переноса, нет точки зрения вне переноса, из которой аналитик может выдать свое толкование, поскольку любое из предлагаемых им толкований «будет воспринято в качестве исходящего от человека, существование которого и вызывается к жизни переносом» (E, 231). Утверждение о том, что перенос можно уничтожить средствами толкования является противоречивым, поскольку именно перенос является условием принятия анализандом этого толкования: «Таким образом, возникновение субъекта из переноса откладывается *ad infinitum*» (E, 231).

Значит ли это, что лакановские аналитики никогда не подвергают перенос толкованию? Очевидно, что нет; Лакан указывает на то, что «подвергать перенос толкованию естественно» (E, 271), но в тоже время он не питает иллюзий о возможности посредством подобных толкований уничтожить перенос. Как и в случае с любым другим толкованием, аналитик должен мобилизовать все свои умения для того, чтобы решить – подвергать ли перенос толкованию или нет; и более всего он должен избегать ограничения собственных толкований исключительно полем толкований переноса. Аналитик должен иметь четкое представление о том, чего он хочет достичь подобным толкованием; не настраивать отношение пациента к

реальности, но поддерживать аналитический диалог: «Что это значит – подвергать толкованию перенос? Это значит заполнять пустоту тупика соблазном. И хотя он может быть обманчивым, этот соблазн служит целям перезапуска всего процесса» (Ес, 225).

Описывая перенос как «положительный» или «негативный», Лакан использует два различных подхода. Вслед за Фрейдом, он иногда употребляет эти прилагательные для обозначения природы аффектов: «положительный перенос» отсылает к аффектам любви, а «негативный перенос» к агрессивным аффектам (Ес, 222). Иногда, впрочем, Лакан использует термины «положительный» и «негативный» для описания предпочтительных или неpreferируемых последствий переноса в лечении (см. Е, 271, где Лакан утверждает, что когда сопротивление анализанда противится внушению, это сопротивление должно быть «помещено в категорию положительного переноса» на том основании, что оно помогает продвижению анализа).

Хотя Лакан иногда и упоминает о КОНТРПЕРЕНОСЕ, обычно он предпочитает не использовать этот термин.

переход

(фр. *passé*; англ. *pass*) В 1967 г., спустя три года после основания своей ШКОЛЫ психоанализа (*École Freudienne de Paris*, или ЕФР), Лакан учредил для нее новый вид процедуры (Lacan, 1967). Она была названа «переходом» и рассматривалась в качестве институциональной структуры, позволяющей анализанду свидетельствовать о конце его анализа. Главная идея этой процедуры заключается в том, что КОНЕЦ АНАЛИЗА, по мысли Лакана, должен быть (исходя из его основного принципа) артикулирован в языке.

Процедура осуществляется следующим образом: человек, желающий осуществить переход (*le passant*), говорит двум свидетелям (*les passeurs*), также проходящим в это время анализ, о собственном анализе и его заключении, а эти два свидетеля затем передают (отдельно друг от друга) полученные сведения коллегии из семи человек (некоторые из которых уже успешно осуществили переход). На основании этих двух сообщений коллегия решает, осуществил ли данный кандидат переход или нет. Не существует предустановленного критерия, определяющего решение коллегии, поскольку переход основывается на принципе уникальности анализа каждого человека. Если кандидат получает положительный ответ, ему присваивается звание А.Е. (*Analyste de L'Ecole*). В противном случае, за кандидатом остается право осуществить переход в будущем, если он этого пожелает.

Переход был создан как механизм получения признания со стороны Школы факта завершения индивидуального анализа. Он не являлся обязательным процессом; аналитик сам решал, проходить его или нет. Также он не являлся квалификацией, необходимой для осуществления аналитической практики, поскольку «только сам аналитик может уполномочить себя быть аналитиком» (Lacan, 1967:14) (см. ОБУЧЕНИЕ). Переход не означал признания члена Школы в качестве аналитика; это признание осуществлялось другим, совершенно независимым органом лакановской Школы, и отмечалось соответствующим званием А.М.Е. (*Analyste Membre de L'Ecole*). Переход являлся признанием того, что анализ человека пришел к своему логическому завершению, и что человек может извлечь из его опыта некоторое знание (*savoir*). Таким образом, переход обозначал не клиническую

функцию, но этап обучения; он подтверждал способность *passant* осмыслять собственный опыт психоанализа, а значит – и преумножать психоаналитическое знание.

Жак-Ален Миллер отмечает, что необходимо различать 1) переход как институциональную процедуру (описанную выше) и 2) переход как личное переживание в конце собственного анализа, переход от бытия анализандом к становлению в качестве аналитика. Последний следует называть «переходом» в исходном смысле этого слова (Miller, 1977).

В 1970-х гг. возникновение перехода стало предметом интенсивных споров внутри EFP. Некоторые поддерживали идею Лакана о переходе как важном вкладе в понимание конца анализа, другие критиковали эту процедуру за ее противоречивость и несостоятельность. В последние годы EFP, перед тем как Лакан распустил свою Школу в 1980 г., эти споры стали еще горячее (см. Roudinesco, 1986). Некоторые из существующих сегодня лакановских организаций не придерживаются этой процедуры, но многие другие сохраняют ее в качестве центральной части своей структуры.

переход к поступку

(фр. *passage à l'acte*; англ. *passage to the act*) Понятие «перехода к поступку» происходит из французской клинической психиатрии, где оно обозначало определенные импульсивные действия, насильственного или противозаконного характера, которые иногда служили началом острого психотического эпизода. Как понятно из самого словосочетания, эти действия отмечают точку перехода субъекта от идеи или намерения причинить насилие к соответствующему действию (см. Laplanche and Pontalis, 1967:5). Поскольку такие действия относили к проявлениям психоза, французское право освобождало совершавшего их злоумышленника от гражданской ответственности за совершаемые действия (Chemama, 1993:4).

По мере распространения психоаналитической теории во Франции в первой половине XX-го века, французские аналитики стали использовать этот термин для перевода фрейдовского термина «*Agieren*», то есть, как синоним «РАЗЫГРЫВАНИЯ». Однако в семинаре 1962-1963 гг. Лакан проводит различие между этими двумя терминами. Хотя оба этих действия выступают в качестве последней защиты от тревоги, субъект, разыгрывающий нечто, все-таки остается на СЦЕНЕ, в то время как переход к поступку предполагает выход за ее пределы. Разыгрывание – это символическое сообщение, адресуемое большому Другому, а переход к поступку – это отказ от Другого и движение к измерению реального. Переход к поступку, поэтому, является выходом из символического порядка, разрушением социальных связей. Хотя переход к поступку не обязательно предполагает, согласно Лакану, существование у субъекта психоза, он, тем не менее, ведет к разрушению субъекта; на определенное время, субъект становится чистым объектом.

Чтобы проиллюстрировать данное положение, Лакан прибегает к анализу случая молодой гомосексуальной девушки, проходившей лечение у Фрейда (Freud, 1920a). Последний описывает, как эта девушка прогуливалась по улице со своей возлюбленной, когда ее отец заметил их и бросил в ее сторону разгневанный взгляд. Сразу после этого девушка вдруг побежала и, перепрыгнув через ограждение, оказалась прямо на железнодорожных путях.

Лакан утверждает, что эта попытка суицида представляет собой переход к поступку; это не было сообщение, обращенное к кому-либо, поскольку для девушки символизация стала недоступной. Столкнувшись с желанием ее отца, она была поглощена неконтролируемой тревогой и действовала импульсивно, идентифицируясь с объектом. Таким образом, она упала (нем. *niederkommt* [разродиться, рожать, нисходить, спускаться, разрешиться (от бремени); англ. *fell down*]) словно *objet petit a*, остаток означивания (Лакан, 1962–3: лекция 16 января 1963 г.).

повторение

(фр. *répétition*; англ. *repetition*) В произведении «По ту сторону принципа удовольствия» (1920г), Фрейд проводит наиболее важный анализ понятия принуждения к повторению (*Wiederholungszwang*), сближая его с понятием ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ. Фрейд предполагает существование базового принуждения к повторению для того, чтобы объяснить определенный клинический материал, а именно тенденцию субъекта к постоянному повторению неприятных для него ситуаций. Базовым положением психоанализа является утверждение о том, что человек обрекает себя на повторение чего-либо только в том случае, если он забыл причину изначального принуждения. Помогая пациенту вспомнить, психоаналитическое лечение может разорвать порочный круг повторения (см. РАЗЫГРЫВАНИЕ).

В работах 1950-х гг. Лакан ассоциирует понятие повторения с КОМПЛЕКСОМ – интериоризированной общественной структурой, повторно и принудительно воспроизводимой субъектом. В этот же период Лакан часто переводит фрейдовское «*Wiederholungszwang*» термином «*automatisme de répétition*», заимствованным им из французской психиатрии (Пьер Жане, Гаэтан Гасьян де Клерамбо).

Хотя обычно Лакан использует термин «*automatisme de répétition*», в 1950-х гг. для обозначения принуждения к повторению он часто обращается к термину «настойчивость» (фр. *instance*; англ. *insistence*). Таким образом, повторение определяется им как настойчивость означающего, настойчивость цепи означающих, или настойчивость буквы (фр. *l'instance de la lettre*; англ. *insistence of the letter*): «Повторение является настойчивостью речи» (S3, 242). Определенные означающие настойчиво возвращаются в жизнь субъекта, несмотря на сопротивление, пытающееся их блокировать. В СХЕМЕ L повторение/настойчивость представлены осью A-S, а противоположное повторению сопротивление (или «инерция») – осью a-a'.

В 1960-х гг. повторение переосмысливается как возвращение *jouissance*, как избыток наслаждения, возвращающийся снова и снова для преодоления ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ и поиска смерти.

В аналитическом лечении принуждение к повторению проявляется в форме ПЕРЕНОСА, когда в отношении анализанда к аналитику повторяются определенные установки, характерные для ранних отношений анализанда к родителям и пр. Лакан уделяет большое внимание символическому аспекту переноса, отличая его от воображаемого (аффектов любви и ненависти) (S8, 204). Впрочем, Лакан отмечает, что хотя принуждение к повторению и

проявляется наиболее ясно в переносе, им одним оно не ограничивается; «понятие повторения не имеет ничего общего с переносом» (S11, 33). Повторение является общей характеристикой цепи означающих, проявлением бессознательного в каждом субъекте, в то время как перенос представляет собой лишь его очень специальную форму (повторение в рамках психоаналитического лечения), которую нельзя приравнять к самому принуждению к повторению (S8, 208).

point de capiton

Французский термин «*point de capiton*» переводится в некоторых англоязычных изданиях работ Лакана как «точка стежка» [англ. *quilting point*] или «якорная точка» [англ. *anchoring point*]. Во избежание путаницы с переводом, в данном словаре это словосочетание будет оставлено непереуведенным. Буквально оно обозначает пуговицу для обивки. Так же, как пуговицы для обивки «используются производителем матрацев для предотвращения свободного движения бесформенной массы набивки» (Bowie, 1991:74), *point de capiton* выполняют функцию точек, в которых «означаемое и означающее связываются вместе» (S3, 268). В семинаре «О психозах» 1955-1956 гг. Лакан использует этот термин для объяснения того факта, что несмотря на постоянное скольжение означаемого под означающим (см. СКОЛЬЖЕНИЕ), в нормальном (невротическом) субъекте все же образуются определенные фундаментальные «точки крепления» [англ. *attachment points*] означаемого к означающему, в которых скольжение временно останавливается. Определенный минимум этих точек «необходим для того, чтобы человека можно было называть нормальным»; результатом «их недостаточной установленности или потери» является ПСИХОЗ (S3, 268-9). Этим объясняется то, почему в опыте психоза «означающее и означаемое представлены совершенно раздельно» (S3, 268).

Таким образом, *point de capiton* представляет собой точку в цепи означающих, в которой «означающее прекращает бесконечное движение означивания» (E, 303) и производит необходимую иллюзию фиксированного значения. Как и цепь означающих, *point de capiton* обладает диахроническим и синхроническим измерениями:

1. Диахроническое измерение *point de capiton* заключается в том факте, что коммуникация всегда является ретроактивным следствием ПУНКТУАЦИИ. Смысл слов устанавливается ретроактивно только после окончания предложения. Это иллюстрируется простейшей ячейкой ГРАФА ЖЕЛАНИЯ, в котором *point de capiton* занимает крайнюю левую точку пересечения векторов S-S' и Δ-S.

2. Синхронический аспект *point de capiton* заключается в МЕТАФОРЕ, в которой означающее пересекает черту в означаемом. «Синхроническая структура [*point de capiton*] менее заметна, но именно благодаря этой структуре мы можем выйти к его истокам. Это метафора» (E, 303)».

половое различие

(англ. *sexual difference*) Словосочетание «половое различие», ставшее знаменитым камнем преткновения в споре между психоанализом и феминизмом, не является частью теоретического словаря Фрейда или Лакана. Фрейд говорит только об *анатомическом отличии* [англ. *distinction*] между полами и его психических последствиях (Freud, 1925d). Лакан говорит о половой *позиции* и об *отношениях полов*, а также иногда о *различении* [англ. *differentiation*] полов (S4, 153). Впрочем, оба мыслителя затрагивают вопрос о половом различии. Присутствие этого термина в данном словаре оправдано еще и потому, что он собирает воедино целый комплекс важных для творчества Лакана взаимосвязанных тем, а также задает фокус феминистских подходов к его творчеству (см. Brennan, 1989; Gallop, 1982; Grosz, 1990; Mitchell и Rose, 1982).

Одной из основных предпосылок учения Фрейда является положение о том, что существование определенных физических отличий между мужчиной и женщиной приводит к появлению отличий психических. Иначе говоря, одни психические характеристики могут быть названы «мужскими», а другие – «женскими». Не пытаясь дать формальное определение этим терминам (согласно Фрейду, это сделать невозможно – Freud, 1920a: SE XVIII, 171), он ограничивается описанием того, каким образом человек приобретает те или иные психические характеристики. Этот процесс не является инстинктивным или естественным, но включает в себя взаимодействие анатомических отличий с социальными и психическими факторами. Он обращается вокруг КОМПЛЕКСА КАСТРАЦИИ, в котором мальчик боится лишиться своего пениса, а у девочки, которая предполагает, что уже была его лишена, развивается зависть к пенису.

Вслед за Фрейдом, Лакан анализирует проблему становления младенца субъектом пола. Мужественность и женственность являются для Лакана не биологическими данностями, но символическими позициями, занятие одной из которых является основополагающим для формирования субъективности; субъект – это всегда субъект пола. «Мужчина» и «женщина» являются означающими, которые представляют эти две субъективные позиции (S20, 34).

Согласно Фрейду и Лакану, в начале своего развития ребенок ничего не знает о половом различии и поэтому не может занять половую позицию. Сделать это он может только благодаря открытию полового различия в комплексе кастрации. Оба мыслителя тесно связывают процесс занятия половой позиции с ЭДИПОВЫМ КОМПЛЕКСОМ, но расходятся в понимании природы этой связи. Фрейд считает, что половая позиция субъекта определяется полом родителя, с которым субъект идентифицируется на стадии Эдипова комплекса (если субъект идентифицируется с отцом, он принимает мужскую позицию; если с матерью – женскую позицию). Согласно Лакану, Эдипов комплекс всегда предполагает символическую идентификацию с Отцом, а значит, эдипальная идентификация не может определять половую позицию. Таким образом, половую позицию определяет не идентификация, а отношение субъекта к ФАЛЛОСУ.

Это отношение может быть определено через противоположность («имеет» или «не имеет»); мужчина имеет символический фаллос, а женщина – нет (или, если точнее, мужчина «не без того, чтобы его иметь» [фр. *ils ne sont pas sans l'avoir*; англ. *not without having it*]). Занятие половой позиции является символическим актом, а различие между полами можно понять только на символическом уровне (S4, 153):

Нормальная, завершенная половая позиция может быть реализована потому, что функции мужчины и женщины символизированы, буквально вырваны из сферы воображаемого и помещены в сферу символического.

(S3, 177)

Впрочем, не существует означающего полового различия как такового, позволяющего субъекту полностью символизировать функции мужчины и женщины. Следовательно, невозможно полностью достичь «нормальной, завершенной половой позиции». Половая идентичность субъекта является достаточно проблематичным пунктом, причиной постоянного самовопрошания. Вопрос о собственной половой принадлежности («Мужчина я или женщина?») является определяющим в случае ИСТЕРИИ. Женщина является таинственным «другим полом» как для мужчины, так и для женщины, а значит вопрос истерика («Что такое женщина?») характерен как для мужской, так и для женской истерии (S3, 178).

Хотя анатомия/БИОЛОГИЯ субъекта играет определенную роль в решении вопроса о занятии им той или иной половой позиции, основополагающей аксиомой психоаналитической теории является положение о том, что анатомия не определяет половую позицию. Существует разрыв между биологическим измерением полового различия (например, на уровне хромосом), связанным с репродуктивной функцией сексуальности, и бессознательным, в котором эта репродуктивная функция не представлена. Из-за отсутствия представленности репродуктивной функции сексуальности в бессознательном «в психике нет ничего, что позволило бы субъекту поместить себя на место мужского или женского пола» (S11, 204). В символическом порядке не существует означающего для полового различия. Единственным означающим пола является фаллос, у которого нет «женского эквивалента»: «Строго говоря, не существует символизации женского пола как такового... фаллос является символом, которому нет соответствия, нет эквивалента. Это вопрос асимметрии означающего» (S3, 176). Фаллос – это «точка, завершающая, посредством комплекса кастрации, вопрошание *обоих полов* об их половой принадлежности» (E, 198).

Фундаментальная асимметрия в означающем приводит к асимметрии протекания Эдипова комплекса у мужчины и у женщины. Если мужской субъект желает родителя противоположного пола и идентифицируется с родителем своего пола, то женский субъект желает родителя своего пола и «нуждается в принятии образа противоположного пола в качестве базиса собственной идентификации» (S3, 176). «В отношении Эдипова комплекса женская реализация половой принадлежности не симметрична мужской: она разворачивается не посредством идентификации с матерью, но, напротив, посредством идентификации с отцовским объектом, принуждающим ее следовать окольным путем» (S3, 172). «Асимметрия означающего определяет пути, по которым пройдет Эдипов комплекс. Два пути проходят по одной и той же тропе – тропе кастрации» (S3, 176).

Если не существует символа для обозначения оппозиции мужественности-женственности как таковой, то единственным путем к пониманию полового различия является обращение к оппозиции активности-пассивности (S11, 192). Поскольку биологическая функция сексуальности (воспроизводство) никак не представлена в психике, постольку противоположность полов может быть представлена в ней только таким способом (S11, 204). Поэтому вопрос о том, что нужно делать, чтобы быть мужчиной или женщиной, является

драмой, разворачивающейся в поле Другого (S_{II}, 204). Иными словами, субъект может осознать свою половую принадлежность только на символическом уровне (S₃, 170).

В семинаре 1970-1971 гг. Лакан предпринимает попытку формализации своей теории полового различия средствами символической логики. Он возобновляет эти попытки в 1972-1973 гг. и представляет диаграмму полового различия (Рисунок 16, взятый из S₂₀, 73). Эта диаграмма разделена на две части: слева находится мужская, справа – женская. Формула сексуации дана вверху диаграммы. Таким образом, формулой мужской стороны являются $\exists x \quad \overline{\Phi x}$ (существует по крайней мере один x, не подчиняющийся фаллической функции) и $\forall x \quad \Phi x$ (фаллическая функция действует для всех x). Формулами женской стороны являются $\overline{\exists x} \quad \overline{\Phi x}$ (существует не только один x, не подчиняющийся фаллической функции) и $\overline{\forall x} \quad \Phi x$ (фаллическая функция действует не для всех x). Последняя функция иллюстрирует отношение ЖЕНЩИНЫ к логике не-всего [англ. *not-all*]. Удивительно то, что формулы на каждой стороне диаграммы, по-видимому, противоречат друг другу: «Каждая сторона определена утверждением и отрицанием фаллической функции, включением и исключением абсолютного (не фаллического) *jouissance*» (Corjес, 1994:27). Впрочем, между двумя сторонами не существует симметрии (то есть отношений между полами не существует); обе представляют собой различные пути, на которых ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ могут потерпеть неудачу (S₂₀, 53-4).

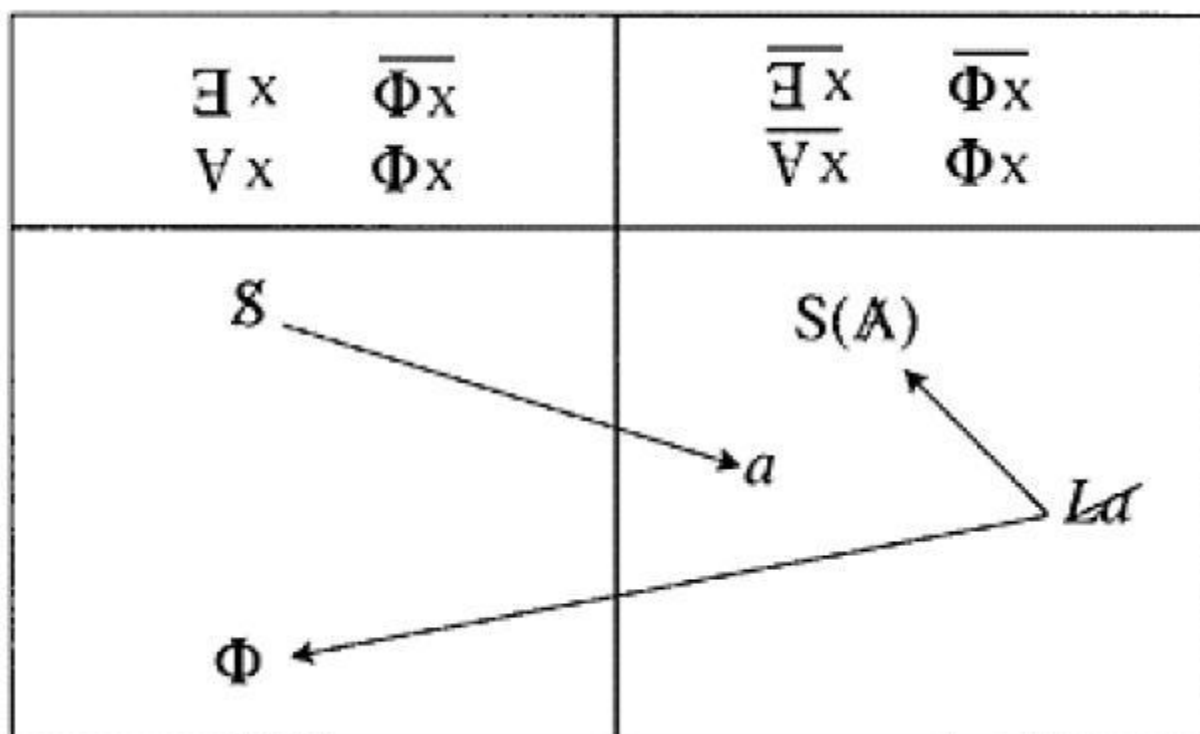

Рисунок 46 Диаграмма полового различия

Источник: Jacques Lacan, *Le Séminaire. Livre XX. Encore*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975.

порядок

(*фр. ordre; англ. order*) Лакан использует термины «реальное», «символическое» и «воображаемое» уже в своих ранних произведениях, но говорить о них как о трех «порядках» или трех «регистрах» он начинает с 1953 г. С этого года они становятся основной системой классификации, вокруг которой обращается вся его мысль.

ВООБРАЖАЕМОЕ, СИМВОЛИЧЕСКОЕ и РЕАЛЬНОЕ составляют основную систему классификации, позволяющую провести существенные различия между понятиями психоаналитической теории, которые, по мысли Лакана, до этого были смешаны. Так, например, Лакан утверждает, что многие психоаналитические ошибки стали результатом неразличения воображаемого, символического и реального отца. Лакан полагает, что его троичная система классификации пролила свет на творчество Фрейда: «Без этих трех систем, направляющих наше движение, понять что-либо в технике и опыте Фрейда невозможно» (S1, 73).

Воображаемое, символическое и реальное являются сущностно гетерогенными порядками; каждый из них касается особенного аспекта психоаналитического опыта. Хотя трудно обнаружить между ними что-либо общее, сам факт того, что Лакан называет их «порядками», подразумевает наличие некоей общей для них характеристики. Лакан исследует вопрос сходства трех порядков в семинаре 1974-1975 гг., используя топологию БОРРОМЕЕВОГО УЗЛА. Порядки не являются психическими силами, наподобие трех агентов фрейдовской структурной модели. Впрочем, они непосредственно касаются функционирования психики, и вместе составляют все поле психоанализа.

Хотя три порядка гетерогенны, каждый из них может быть определен посредством обращения к двум другим. Структурная взаимозависимость трех порядков иллюстрируется борромеевым узлом, в котором извлечение одного из трех колец влечет за собой разъединение двух других.

поступок

(*фр. acte; англ. act*) Лакан проводит различие между «поведением», присущим всем животным, и «поступком», совершаемым человеческим субъектом и имеющим символическую природу (S1, 50). Главной характеристикой поступка является ответственность за него его актора; понятие поступка, таким образом, является этическим концептом (см. ЭТИКА).

Однако психоаналитическое определение ответственности отличается от правового. Это объясняется тем, что понятие ответственности связано с общей проблемой интенциональности, усложненной в психоанализе тем, что наряду с сознательными планами существуют также бессознательные намерения. Кто-то может совершить ненамеренный, по его убеждению, поступок, однако посредством анализа может выясниться, что этот поступок является выражением бессознательного желания. Фрейд называл такие поступки «парапраксистами» [*англ. parapraxes*, ошибочными действиями – прим. пер.], или

«неуклюжими поступками» (фр. *acte manqué*; англ. *bungled actions*); однако они являются «неуклюжими» только с точки зрения сознательного намерения, поскольку с их помощью успешно выражает себя бессознательное желание (см. Freud, 1901b). Если правовой субъект не может быть обвинен в убийстве до тех пор, пока не будет доказано, что его действие было намеренным, то субъект психоаналитического лечения подлежит этическому долгу нести ответственность даже за выражаемые в его действиях бессознательные желания (см. ПРЕКРАСНАЯ ДУША). Субъект должен осознать, что даже его случайные, по-видимому, действия являются подлинными поступками, выражающими бессознательное намерение, и принять это намерение как свое собственное. Ни РАЗЫГРЫВАНИЕ, ни ПЕРЕХОД К ПОСТУПКУ не являются подлинными поступками, поскольку в них субъект не берет на себя ответственность за свое желание.

Также этика психоанализа предписывает *аналитику* взять на себя ответственность за свои поступки, то есть за вмешательство в лечение. Вмешательства аналитика направляются соответствующим желанием, которое Лакан называет желанием аналитика. Вмешательство может считаться подлинным психоаналитическим поступком только тогда, когда оно выражает желание аналитика – то есть способствует продвижению анализанда к концу анализа. Лакан посвящает целый год семинара анализу природы психоаналитического поступка (Lacan, 1967–8).

Неудачное действие, как уже было отмечено, является успешным с точки зрения бессознательного. Тем не менее, его успех является частичным, поскольку бессознательное желание выражается в нем в искаженной форме. Отсюда следует, что «единственным полностью успешным поступком является суицид», если последний вполне и осознанно продуман (Lacan, 1973a:66–7). Поскольку суицид полностью выражает намерение, которое является и сознательным, и бессознательным, то есть сознательным принятием бессознательного влечения к смерти (напротив, неожиданная и импульсивная попытка суицида является не подлинным поступком, но скорее переходом к поступку). Таким образом, влечение к смерти тесно связано с этическим измерением лакановской мысли (ср. пример Эмпедокла, E, 104, а также анализ «Антигоны» в S7, гл. 21).

потребность

(фр. *besoin*; англ. *need*) К 1958 г. Лакан разработал важное различие между тремя терминами: потребность, ТРЕБОВАНИЕ и ЖЕЛАНИЕ. В контексте этого различия слово «потребность» близко по смыслу фрейдовскому определению ИНСТИНКТА (*Instinkt*); это чисто биологическое понятие, противоположное по смыслу влечению (*Trieb*).

Лакан проводит различие между этими тремя терминами исходя из положения о том, что для удовлетворения своей потребности младенец должен артикулировать ее в языке; иными словами, он должен артикулировать ее в «требовании». Однако между потребностью и требованием возникает что-то еще, любое требование является не только артикуляцией потребности, но и (безусловным) требованием любви. Другой, к которому обращено требование (в первую очередь, мать), может обеспечить младенца предметом, удовлетворяющим его потребность, но никогда не может полностью удовлетворить его

требование безусловной любви, поскольку сам не является цельным. Следствием расщепления между потребностью и требованием является возникновение неустранимого остатка, которым и является желание. Таким образом, потребность представляет собой скачкообразное напряжение, возникающее по чисто органическим причинам и разряжающееся специфическим действием, соответствующим данной потребности. Напротив, желание – это постоянная сила, которую невозможно остановить, постоянный «натиск», лежащий в основе влечений.

Такой подход позволяет рассмотреть структуру с точки зрения хронологии. В действительности, неважно – существовал ли прежде субъект чистой потребности, который пытался артикулировать ее в языке. Различие между чистой потребностью и ее артикуляцией в требовании возникает только в момент самой артикуляции, когда уже невозможно определить, имела ли вообще место чистая потребность. Существование доязыковой потребности является только гипотезой, а субъект этой чистой потребности – мифическим субъектом; даже основополагающая потребность в еде никогда не существует как простая биологическая данность, но всегда отмечена структурой желания. Однако эта гипотеза очень важна для утверждения Лакана о радикальном различии между человеческим желанием и любыми естественными или биологическими категориями (см. ПРИРОДА).

прекрасная душа

(фр. *belle âme*; англ. *beautiful soul*) Прекрасная душа (нем. *schöne Seele*) – это стадия диалектики самосознания, описанная Гегелем в «Феноменологии духа» (Hegel, 1807). Прекрасная душа проецирует на мир свое собственное безумие и пытается вылечить его, устанавливая для окружающих «закон сердца». Лакан рассматривает прекрасную душу как идеальную метафору эго: «Эго современного человека... приобретает форму в диалектическом тупике *belle âme*, которая не видит своего собственного *raison d'être* в том безумии, которое она осуждает в мире». В более радикальном смысле метафора прекрасной души используется также для иллюстрации структуры параноидального недоразумения (см. *MÉCONNAISSANCE*) (Ес, 172–3).

Понятие прекрасной души иллюстрирует способ, которым невротик отрицает свою ответственность за все происходящее с ним (см. ПОСТУПОК). Этика психоанализа предписывает добиться со стороны анализанда осознания того, что он сам принимает участие в собственных страданиях. Открытие Фрейда в случае Доры заключается в том, что он показывает, как ее жалоба на то, что мужчины используют ее в качестве вещи для обмена между собой, свидетельствует о ее собственном соучастии в этом обмене (Ес, 218–19; см. Freud, 1905e).

принцип реальности

(фр. *principe de réalité*; англ. *reality principle*) Согласно Фрейду, изначально психика управляется исключительно ПРИНЦИПОМ УДОВОЛЬСТВИЯ, который ищет удовлетворения

в галлюцинаторном катексисе воспоминания о прежнем удовлетворении. Однако вскоре субъект понимает, что галлюцинация не может ослабить его потребностей, и сталкивается с необходимостью «формирования представления о действительных условиях внешнего мира» (Freud, 191b: SE XII, 219). Возникает новый «принцип функционирования психики» («принцип реальности»), который модифицирует принцип удовольствия, заставляя субъекта избирать окольные пути к удовлетворению. Однако поскольку главной целью принципа реальности остается удовлетворение влечений, можно говорить, что «замена принципа удовольствия принципом реальности предполагает не смещение первого, но его защиту» (Freud, 191b: SE XII, 223).

С самого начала своего творчества Лакан выступает против того, что он называет «наивным пониманием принципа реальности» (1951b:11). Он отвергает любое понимание человеческого развития, основанное на принятии «реальности» как объективной и самоочевидной данности. Лакан утверждает, что по Фрейдю принцип реальности находится на службе у принципа удовольствия: «Принцип реальности – это отложенное действие принципа удовольствия» (S2, 60). Таким образом, Лакан проблематизирует идею о том, что субъект имеет в своем распоряжении средства безошибочного отличия реальности от ФАНТАЗМА. «Реальность не существует просто как данность для того, чтобы мы могли свернуть с тех ложных путей, по которым нас уводит принцип удовольствия. В действительности, мы создаем реальность из удовольствия (S7, 225).

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ

(фр. *principe de plaisir*; англ. *pleasure principle*) Даже когда Лакан употребляет слово «удовольствие» само по себе, он подразумевает принцип удовольствия, а не само приятное ощущение.

Принцип удовольствия является одним из «двух принципов функционирования психики», предложенных Фрейдом в его метапсихологических произведениях (другим принципом является принцип реальности). Принцип удовольствия заключается исключительно в стремлении к получению удовольствия и в избегании неудовольствия.

Впервые Лакан уделяет внимание принципу удовольствия в семинаре 1954-1955 гг. Здесь он сравнивает его с гомеостатическим устройством, предназначенным для сдерживания возбуждения на самом низком функциональном уровне (S2, 79–80). Такое понимание соответствует фрейдовскому тезису о том, что неудовольствие связано с увеличением степени возбуждения, а удовольствие – с ее уменьшением. Лакан противопоставляет принцип удовольствия, которому он приписывает «восстановительную тенденцию», влечению к смерти («тенденции к повторению»), в соответствии с мыслью Фрейда о том, что влечение к смерти располагается «по ту сторону принципа удовольствия» (S2, 79–80).

В 1960 г. Лакан разрабатывает понятие, которое в дальнейшем станет играть важную роль в его творчестве; идею противоположности между удовольствием и *JOUISSANCE*. *Jouissance* определяется как чрезмерное количество возбуждения, пресечь которое стремится принцип удовольствия. Принцип удовольствия рассматривается в качестве символического закона, в качестве заповеди, которую можно выразить следующим образом: «Наслаждайся как можно

меньше» (поэтому Фрейд изначально называет его принципом *неудовольствия* [англ. *unpleasure*]; см. Freud, 1900a: SE V, 574). Удовольствие гарантирует состояние гомеостаза и постоянства, нарушить которое постоянно угрожает *jouissance*:

Функция принципа удовольствия заключается в том, чтобы вести субъекта от означающего к означаемому, создавая столько означающих, сколько необходимо для того, чтобы сохранить напряжение, управляющее функционированием всего психического аппарата, на как можно более низком уровне.

(S7, 119)

Иными словами, принцип удовольствия является запретом инцеста, то есть, «тем, что устанавливает дистанцию между субъектом и *das Ding*» (S7, 69; см. ВЕЩЬ). Нарушая этот запрет и приближаясь к Вещи, субъект испытывает страдание. Поскольку влечения позволяют субъекту преодолевать принцип удовольствия, постольку любое влечение является ВЛЕЧЕНИЕМ К СМЕРТИ.

Поскольку принцип удовольствия связан с запретом, законом и регулированием, он находится на стороне символического, в то время как *jouissance* находится на стороне реального. Таким образом, принцип удовольствия является «ничем иным, как господством означающего» (S7, 134). Это приводит Лакана к парадоксу, поскольку символическое является царством принуждения к ПОВТОРЕНИЮ, которое, по мысли Фрейда, как раз и является тем, что находится *по ту сторону* принципа удовольствия. Действительно, иногда описание Лаканом принципа удовольствия звучит почти тождественно принуждению к повторению: «Функция принципа удовольствия заключается в том, чтобы заставлять человека вновь и вновь пускаться на поиски того, чего он никогда не сможет достичь» (S7, 68).

природа

(фр., англ. *nature*) Проведение различия между людьми и другими животными, или, по его словам, между «человеческим обществом» и «животным обществом», является постоянной темой творчества Лакана (S1, 223). Основой для этого различия является существование ЯЗЫКА; у людей есть язык, у животных – только коды (однако см. интересное возражение в S1, 240). Следствием такого фундаментального различия является то, что психология животного полностью подчинена воображаемому, а человеческая психология дополнительно усложнена измерением символического.

В контексте бинарной оппозиции «человек – животное», Лакан употребляет термин «природа» в двойном смысле. С одной стороны, он использует его для обозначения одного из терминов оппозиции, то есть мира животных. В этом смысле, Лакан принимает традиционную антропологическую оппозицию между природой и культурой (являющейся, по Лакану, порядком символического). Как Леви-Стросс и другие антропологи, Лакан рассматривает запрет инцеста в качестве краеугольного камня правовой структуры, отличающей культуру от природы; таким образом, «первобытный Закон, управляющий

браками, ограничивает природу, подчиняющуюся закону спаривания, царством культуры» (Е, 66) (см. ЗАКОН).

Регуляция отношений родства посредством табу на инцест указывает на то, что отцовская функция занимает центральное место в противоположности между людьми и животными. Устанавливая линию наследования от мужчине к мужчине и организовывая тем самым порядок следования поколений, Отец проводит различие между символическим и воображаемым. Иными словами, людей от животных отличает не отсутствие воображаемого, но искаженность порядка воображаемого добавлением символического измерения. Воображаемое является тем общим, что объединяет людей и животных, однако человеческое воображаемое не является естественным. Поэтому Лакан отвергает «учение о разрыве между психологией животных и человеческой психологией» (Ес, 484).

С другой стороны, Лакан употребляет термин «природа» для обозначения идеи о «естественном порядке» человеческого существования, идеи, которую Лакан называет «величайшим фантазмом о *natura mater*, о самой идее природы» (S1, 149). Эта идея является постоянной темой романтизма (например, идея Жан-Жака Руссо о благородном дикаре) и лежит в основе современной психологии, которая пытается объяснить человеческое поведение посредством обращения к таким категориям этологии, как инстинкт и приспособление.

Лакан критически относится к попыткам объяснить феномены человеческого поведения с точки зрения природы. Он утверждает, что такие попытки основаны на непризнании важности символического порядка, который радикально отчуждает человека от его естественной данности. В человеческом мире даже «те означивания, которые находятся ближе всего к потребностям, означивания, связанные с наиболее чистыми биологическими потребностями в пище и крове, эти первобытные означивания, подчиняются, в своей последовательности и в самом своем основании, законам означающего» (S3, 198).

Таким образом, Лакан утверждает, что «открытие Фрейда учит нас тому, что любая естественная гармония в человеке существенно поколеблена» (S3, 83). Не существует даже некоего чистого естественного состояния, в котором субъект существовал бы вне символического порядка: «Закон существует *ab origine*» (S3, 83). Человеческая потребность никогда не артикулируется в доязыковом виде: существование такой «мифической» доязыковой потребности может быть предположено только после того, как она была выражена в требовании.

Наиболее очевидной иллюстрацией отсутствия в человеческом обществе естественного порядка является сексуальность. И Фрейд, и Лакан утверждают, что даже сексуальность, которая, казалось бы, находится ближе всего к природе, полностью захвачена культурой; для людей не существует естественных сексуальных отношений. Это значит, что перверсию нельзя определить посредством обращения к некоей естественной или биологической норме, управляющей сексуальностью. Если животные инстинкты относительно устойчивы, то человеческая сексуальность управляется исключительно изменчивыми влечениями (см. БИОЛОГИЯ).

причина

(фр., англ. *cause*) Понятие причинности проходит красной нитью через все произведения Лакана. Первое упоминание о нем появляется в контексте изучения причин психоза, являвшегося главным предметом докторской диссертации Лакана (Lacan, 1932). Возвращаясь к этой проблеме в 1946 г., Лакан утверждает, что причина безумия лежит в самой сути любой психической причинности. В статье 1946 г. он повторяет свою раннюю мысль о том, что для объяснения психоза необходима особенная психическая причина; впрочем, он также проблематизирует возможность определения «психического» через простое противопоставление «материальному», что, в свою очередь, приводит его в 1955 г. к отказу от упрощенного понимания «психогенеза» (S3, 7).

В 1950-х гг. Лакан начинает обращаться к понятию причинности как таковому и утверждает, что последнее должно быть помещено на границе между символическим и реальным, поскольку оно подразумевает «опосредование между цепью символов и реальным» (S2, 192). Он утверждает, что понятие причинности, занимающее центральное место в любой науке, не является собственно научным понятием: «Само понятие причины... основывается на первоначальной условленности» (S2, 192).

В семинаре 1962-1963 гг. Лакан утверждает, что подлинное значение причинности следует искать в явлении тревоги, поскольку тревога является причиной сомнения. Далее, он ассоциирует причинность с понятием *OBJET PETIT A*, рассматривая последний в качестве *причины* желания, а не того, на что оно направлено.

В 1964 г. Лакан использует типологию причин Аристотеля для иллюстрации различия между символическим и реальным (см. СЛУЧАЙНОСТЬ).

Возвращаясь к проблеме причинности в семинаре 1965-1966 гг., Лакан проводит различие между магией, религией, наукой и психоанализом на основании их отношения к истине как причине (см. Lacan, 1965a).

Он также играет на двусмысленности термина «причина», подразумевающего и то, что «причиняет какое-то следствие», и то, «во имя чего человек борется, что он защищает» [англ. *cause* можно также перевести как дело, мотив – прим. пер.]. Очевидно, что Лакан рассматривал себя в качестве борца за «дело Фрейда» [англ. *the Freudian cause*] (это имя он дал основанной им в 1980 г. школе), хотя борьба может привести к победе, только если борец осознает, что дело [англ. *cause*] бессознательного – это всегда «проигранное дело» [англ. *a lost cause*] (S11, 128).

проговаривание

(фр. *énonciation*; англ. *enunciation*) В европейской лингвистической теории существует важное различие между проговариванием и утверждением (фр. *énoncé*). Оно затрагивает два способа рассмотрения лингвистического производства [англ. *linguistic production*]. Когда последнее анализируется с точки зрения абстрактных грамматических элементов (таких как предложения), независимых от специфических обстоятельств их возникновения, тогда речь

идет об утверждении. С другой стороны, когда лингвистическое производство анализируется как индивидуальный акт, осуществляемый конкретным говорящим, в конкретном пространстве/времени и в конкретной ситуации, тогда оно обозначается как проговаривание (Ducrot и Todorov, 1972:405-10).

Задолго до того, как Лакан начал употреблять эти термины, данное различие уже имплицитно содержалось в его работах. Например, в 1936 г. он обращает внимание на то, что акт говорения содержит значение в самом себе, даже если слова «не имеют смысла» (Ес, 83). Вне зависимости от того, какую функцию может выполнять «передача сообщения», речь всегда обращена к другому. Этот акцент на речь саму по себе, независимо от ее содержания, предвосхитил позднейшее обращение Лакана к измерению проговаривания.

Когда Лакан обращается к этому термину в 1946 г., он в первую очередь описывает с его помощью странные свойства психотического языка, для которого характерна «двойственность проговаривания» (Ес, 167). Позднее, в 1950-х гг., этот термин использовался для обнаружения субъекта бессознательного. В графе желания нижняя цепочка является утверждением, то есть речью в ее сознательном измерении, а верхняя – «бессознательным проговариванием» (Е, 316). Утверждая, что проговаривание является бессознательным, Лакан указывает на то, что источником речи является не эго или сознание, но бессознательное; язык происходит из Другого, и представление о том, что «Я» являюсь господином собственного дискурса, иллюзорно. Само слово «Я» (*Je*) двусмысленно: как ШИФТЕР, оно является и означающим субъекта утверждения, и индексом, указывающим на субъекта проговаривания, но не означающим его (Е, 298). Таким образом, субъект разделен между этими двумя уровнями в самом акте артикуляции «Я», представляющего собой иллюзию целостности (см. S11, 139).

прогресс

(фр. *progrès*; англ. *progress*) Лакан утверждает, что идея прогресса, как и другие гуманистические идеи, чужда его учению: «Во всем, что я когда-либо говорил, нет ни малейшего намека на идею прогресса, в том смысле этого слова, который подразумевает счастливый конец» (S17, 122). В этом отношении Лакан является пессимистическим мыслителем, и находит поддержку своему пессимизму в наиболее мрачных работах Фрейда, например, «Недовольстве культурой» (Freud, 1930a). Именно это произведение позволяет Лакану утверждать, что «Фрейд ни в коей мере не являлся сторонником идеи прогресса» (S7, 183).

Лакан отвергает идею прогресса постольку, поскольку она основывается на понимании ВРЕМЕНИ как линейного и однонаправленного процесса, а также подразумевает возможность синтеза (см. ДИАЛЕКТИКА). Вместе с идеей прогресса Лакан отвергает и другие связанные с ней понятия, например, нелинейную последовательность фаз психосексуального РАЗВИТИЯ.

Впрочем, в одном смысле Лакан все-таки говорит о прогрессе, когда идет речь о прогрессе психоаналитического ЛЕЧЕНИЯ. Поскольку лечение является процессом, имеющим начало и конец, оно движется, а не «стоит на месте», а значит, о нем можно говорить с точки зрения прогресса. Лечение прогрессирует тогда, когда возникает новый материал.

Психоаналитическое лечение может быть описано как «прогресс по направлению к истине» (Е, 253).

проекция

(фр., англ. *projection*) Проекцией называется защитный механизм, предполагающий смещение, переход вовне, трансляцию внутреннего желания/мысли/чувства одного субъекта на другого. Например, человек, изменяющий (или думающий, что изменяет) своему партнеру, может попытаться защитить себя от чувства вины, сделав виновным своего партнера.

Если Фрейд и многие другие психоаналитики используют этот термин для описания механизма, характерного (в различной степени) как для невроза, так и для психоза, то Лакан понимает «проекцию» как исключительно невротический механизм и четко отделяет ее от внешне похожего явления, характерного для психоза (для обозначения последнего Лакан использует термин «ФОРКЛЮЗИЯ»). В то время как проекция возникает из воображаемого дуального отношения между эго и его двойником (S₃, 145), форклюдия выходит за пределы воображаемого и предполагает наличие означающего, не инкорпорированного в символическое.

Лакан отвергает воззрение, согласно которому ИНТРОЕКЦИЯ является инверсией проекции, и утверждает, что эти два процесса проходят на совершенно разных уровнях. Если проекция является механизмом воображаемого, то интроекция представляет собой символический процесс (Ес, 655).

психоанализ

(фр. *psychanalyse*; англ. *psychoanalysis*) Психоанализом называются теория и практика, начало которым было положено открытием бессознательного Фрейдом (1856–1939 гг.). Фрейд проводит различие между психоанализом как 1) методом исследования бессознательных психических процессов, 2) методом лечения невротических заболеваний, и 3) совокупностью теорий о психических процессах, раскрытых психоаналитическим методом исследования и лечения (Freud, 1923a: SE XVIII, 235). Слово «психоанализ», таким образом, само по себе двусмысленно, поскольку отсылает либо к психоанализу как практике, либо к психоанализу как теории, либо к обоим. Во избежание двусмысленности, в данном словаре термин «психоаналитическое лечение» [англ. *psychoanalytic treatment*] употребляется при обращении к психоанализу как к практике, а термин «психоаналитическая теория» [англ. *psychoanalytic theory*] – при обращении к психоанализу как к системе мысли.

Первоначально Лакан обучался на психиатра, и лишь затем, в ходе своих психиатрических исследований, обратился к психоанализу. Это привело к тому, что 1930-е гг. Лакан посвящает обучению психоанализу. После этого периода, и до самой своей смерти в 1981 г., он занимается психоаналитической практикой, параллельно развивая собственную психоаналитическую теорию. За этот период он разрабатывает уникальный способ

осмысления психоанализа, во многом повлиявший на формирование особого способа лечения; в этом смысле можно говорить о существовании специфически лакановской формы психоаналитического лечения. Впрочем, Лакан никогда не утверждал, что создает какую-то особую «лакановскую» форму психоанализа. Напротив, описывая свой подход к психоанализу, он говорил только о «психоанализе» как таковом, подразумевая тем самым, что его собственный подход является единственно верной формой психоанализа, соответствующей первоначальному замыслу Фрейда. Три главные не-лакановские школы психоаналитической теории (КЛЯЙНИАНСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ, ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ и ТЕОРИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ) являются, по мысли Лакана, отклонениями от подлинного психоанализа, исправить которые он пытается посредством возвращения к Фрейду (см. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ФРЕЙДУ).

С самого начала своего творчества Лакан утверждает, что психоаналитическая теория является научным, а не религиозным, дискурсом (см. НАУКА), и обладает особым предметом. Попытки использования понятий, разработанных в рамках психоаналитической теории, для объяснения других явлений, не являются «прикладным психоанализом», поскольку последний является не всеобщим дискурсом, но теорией, применимой для особой ситуации (Ес, 747). Психоанализ представляет собой автономную дисциплину, которая может особым образом заимствовать понятия из многих других дисциплин. Психоанализ не является направлением ПСИХОЛОГИИ (S₂₀, 77), медицины, ФИЛОСОФИИ (S₂₀, 42), или ЛИНГВИСТИКИ (S₂₀, 20). Он не является также одной из форм психотерапии (Ес, 324), поскольку его целью является не «излечение», но артикуляция истины.

ПСИХОЗ

(фр. *psychose*; англ. *psychosis*) Этот термин возникает в психиатрии XIX-го века для обозначения душевного заболевания как такового. Во времена Фрейда общепринятым стало различие между психозом и НЕВРОЗОМ: первый представлял собой крайнюю форму душевного заболевания, а последний – менее серьезное расстройство. Фрейд принял и развил это базовое различие между неврозом и психозом в нескольких своих работах (например, Freud, 1924b и 1924e).

Интерес Лакана к психозу предшествовал его интересу к психоанализу. К психоаналитической теории его привела его докторская диссертация, посвященная исследованию случая психотической женщины, которую Лакан назвал «Эме» (см. Lacan, 1932). В литературе уже отмечался тот факт, что Лакан обязан своему пациенту собственным продвижением в психоанализе в той же степени, в какой Фрейд был обязан своим первым невротическим пациентам (которые тоже были женщинами). Иными словами, если Фрейд пришел к изучению бессознательного через изучение неврозов, то Лакана – через изучение психозов. Также стало общим местом сравнивать темный и подчас совершенно непонятный стиль речи и письма Лакана с дискурсом психотических пациентов. Каким бы образом не интерпретировались подобные заявления, очевидно, что исследование психозов является одним из наиболее значимых и оригинальных аспектов творчества Лакана.

Наиболее подробный анализ психозов появляется в семинаре Лакана 1955-1956 гг., названном просто «Психозы». Именно в нем вводятся основные принципы лакановского подхода к БЕЗУМИЮ. Психоз определяется как одна из трех клинических СТРУКТУР, характеризующейся операцией ФОРКЛЮЗИИ. ИМЯ-ОТЦА не интегрируется в символическую вселенную психотика (т.е., подвергается форклюзии), что приводит к появлению дыры в символическом порядке. Но существование этой дыры не значит, что у психотика нет бессознательного: напротив, в психозе «бессознательное представлено, но не функционирует» (S3, 208). Таким образом, образование психотической структуры является результатом специфической дисфункции Эдипова комплекса, которая выражается в нехватке отцовской функции; более конкретно, в психозе отцовская функция сведена к образу отца (символическое сведено к воображаемому).

Для лакановского психоанализа принципиальным является различие между психозом, который является клинической структурой, и психотическими феноменами, такими как БРЕД и ГАЛЛЮЦИНАЦИИ. Для появления психотических феноменов необходимо наличие двух условий: субъект должен обладать психотической структурой, а Имя-Отца должно быть «поставлено в символическую оппозицию субъекту» (E, 217). В отсутствие первого условия конфронтация с отцовским означающим никогда не приведет к появлению психотических феноменов; невротик никогда не «станет психотиком» (см. S3, 15). В отсутствие второго условия психотическая структура будет оставаться скрытой. Поэтому вполне возможно, что у субъекта, обладающего психотической структурой, не будет развиваться бред, и он не будет испытывать галлюцинаций. Однако, когда оба условия выполняются, скрытый психоз запускается и проявляет себя в галлюцинациях и/или бреде.

Лакан основывает свою аргументацию на детальном прочтении случая Шребера (Freud, 1911c). Даниэль Поль Шребер, судья апелляционного суда в Дрездене, оставил описания собственного параноидального бреда, анализ которых составляет наиболее важный вклад Фрейда в исследование психоза. Лакан утверждает, что на провоцирование психоза у Шребера повлияли два фактора: его неспособность зачать ребенка и его избрание на важный пост в суде. Оба этих переживания заставили его столкнуться с вопросом о реальном отцовстве, и тем самым поставили Имя-Отца в символическую оппозицию субъекту.

В 1970-х гг. Лакан переформулирует свой подход к психозу, обращаясь к понятию БОРРОМЕЕВОГО УЗЛА. Три круга в узле представляют три порядка: реальный, символический и воображаемый. Если в неврозе эти три круга связаны друг с другом особым образом, то в психозе они разъединяются. Такая психотическая диссоциация может быть преодолена благодаря симптоматическому образованию, действующему как четвертый круг, удерживающий все три круга вместе (см. *SINTHOME*).

Лакан вслед за Фрейдом отмечает, что хотя психоз представляет огромный интерес для психоаналитической теории, он находится за пределами классического метода психоаналитического лечения, применимого только для невроза: «Использовать технику [Фрейда] за пределами сферы ее применения [т.е. невроза] так же глупо, как работать веслами, когда корабль стоит на мели» (E, 221). Классический метод психоаналитического лечения не только не пригоден, но даже противопоказан в случае психоза. Так, например, Лакан отмечает, что техника психоанализа, включающая в себя использование дивана и метода свободных ассоциаций, может с легкостью запустить латентный психоз (S3, 15). Именно поэтому лакановские аналитики обычно следуют рекомендациям Фрейда и начинают лечение

нового пациента с серии интервью с глазу на глаз (Freud, 1913c: SE XII, 123–4). Только после того, как аналитик удостоверится в том, что пациент не является психотиком, он может предложить ему лечь на диван и приступить к свободным ассоциациям.

Это не означает, однако, что лакановские аналитики не работают с психотическими пациентами. Напротив, в деле лечения психозов ими была проделана большая работа. Однако метод лечения психотиков существенно отличается от метода лечения невротических или перверсивных пациентов. Лакан работал с психотическими пациентами, но оставил очень мало замечаний об использованной им технике; не вдаваясь в подробности описания технической процедуры работы с психозом, он ограничился исследованием вопросов, предваряющих любую подобную работу (Lacan, 1957–8b).

Лакан отрицал подход, в рамках которого анализ психоза сводился к порядку воображаемого: «Изучение психоза на уровне воображаемого ни к чему не приведет, поскольку механизм воображаемого сообщает психотическому отчуждению его форму, но не его динамику» (S3, 146). Только благодаря заострению внимания на символическом порядке, Лакану удается указать на фундаментальный и определяющий элемент психоза, а именно – на дыру в символическом порядке, появление которой было вызвано форкклюзией и последующим «заключением» психотического субъекта в воображаемом. Также именно это обращение к символическому порядку обусловило наделение Лаканом лингвистических феноменов психоза особой ценностью: «Значимость, которой наделяются в психозе лингвистические феномены, преподает нам наиболее ценный урок» (S3, 144).

Наиболее заметными языковыми явлениями, характерными для психоза, являются *расстройства* языка, по поводу которых Лакан отмечает, что их присутствие является необходимым условием диагностирования психоза (S3, 92). Среди психотических расстройств языка Лакан особо выделяет голофразы [англ. *holophrases*, однословные предложения – прим. пер.] и обильное использование неологизмов (которые могут быть как совершенно новыми словами, выдуманными психотиком, так и уже существующими словами с измененным значением) (Eс, 167). В 1956 г. Лакан определил причину этих расстройств в недостатке у психотика *POINTS DE CAPITON*. Недостаток *points de capiton* означает, что психотический опыт характеризуется постоянным скольжением означаемого под означающим, катастрофическим для означивания; происходит непрекращающийся «каскад изменений означаемого, следствием которого является катастрофа воображаемого, постоянно нарастающая до тех пор, пока означающее и означаемое не будут стабилизированы в бредовой метафоре» (E, 217). По-другому описать психотический опыт можно как «отношение между субъектом и означающим в его наиболее формальном измерении, в его измерении как чистого означаемого» (S3, 250). Такое отношение субъекта к означаемому в его чисто формальном аспекте составляет «ядро психоза» (S3, 250). «Если невротик обживает язык, то психотик обживаем, одержим языком» (S3, 250).

Из всех форм психоза Лакана наибольшее внимание уделял ПАРАНОИЕ, а шизофрению и маниакально-депрессивный психоз подвергал анализу редко (см. S3, 3–4). Лакан следует за Фрейдом в утверждении структурного различия между паранойей и шизофренией.

ПСИХОЛОГИЯ

(фр. *psychologie*; англ. *psychology*) В произведениях, написанных до 1950-х гг., Лакан рассматривает психоанализ и психологию в качестве параллельных дисциплин, способных приносить друг другу взаимную пользу. Подвергая критике неадекватность понятий ассоцианистской психологии, он, тем не менее, утверждает, что психоанализ может создать «подлинную психологию», свободную от ошибок, снабдив ее аппарат такими подлинно научными понятиями, как ИМАГО и КОМПЛЕКС (Lacan, 1936).

Начиная с 1950 г. в творчестве Лакана намечается постепенная, но уверенная тенденция к размежеванию психоанализа и психологии. Лакан утверждает, что психология ограничена животной психологией (этологией): «Психологическое, если мы попытаемся ухватить его суть как можно более четко, является этологическим, то есть суть психологии заключается в том, чтобы изучать биологическое поведение индивида в отношении с его естественной средой» (S3, 7). Поскольку люди сродни животным, такое утверждение не означает, что психология ничего не может сказать о человеке. Однако она не способна указать на то, что в человеке является специфически человеческим (в одном месте, впрочем, Лакан утверждает, что теория эго и нарциссизма «расширяет» современный этологический подход; Ec, 472). Психология сводится к общим законам поведения, которые могут применяться ко всем животным, включая людей; Лакан отрицает «учение о разрыве между психологией животных и человеческой психологией» (Ec, 484). Однако он также решительно отвергает бихевиористскую теорию, согласно которой обладание знаниями общих законов поведения является достаточным для объяснения всех психических явлений человека. Только психоанализ, раскрывающий лингвистическую основу человеческой субъективности, является адекватным способом объяснения специфически человеческих психических явлений.

В 1960-х гг. Лакан еще решительнее размежевывает психоанализ и психологию, утверждая, что психология является средством «технократической эксплуатации» (Ec, 851; см. Ec, 832), и что в ней господствуют иллюзии о целостности и синтезе, ПРИРОДЕ и инстинкте, автономии и самосознании (Ec, 832). Психоанализ подрывает эти иллюзии, например, наиболее распространенную иллюзию психологии о «единстве субъекта» (E, 294), демонстрируя его неизбывную разделенность или «зачеркнутость». В этом смысле «идеи, провозглашенные Фрейдом, не имеют ничего общего с психологией» (S17, 144).

пунктуация

(фр. *ponctuation*; англ. *punctuation*) Прерывание ЦЕПИ ОЗНАЧАЮЩИХ приводит к производству значения. До пунктуации существует только цепь дискурса; именно слушатель/реципиент прерывает [англ. *punctuates*] этот дискурс и ретроактивно сообщает высказыванию одно определенное значение. Пунктуация цепи означающих создает иллюзию фиксированного значения: «Введение пунктуации фиксирует значение» (E, 99; см. *POINT DE CAPITON*). Существенная структура КОММУНИКАЦИИ заключается в том, что «отправитель получает от получателя свое собственное сообщение». Именно эта ситуация иллюстрируется в «простейшей клеточке» графа желания.

Операцию пунктуации можно проиллюстрировать с помощью двух отношений, имеющих фундаментальное значение для психоанализа: отношения между матерью и ребенком, и отношения между анализандом и аналитиком. В первом виде отношений ребенок, не умеющий еще разговаривать, может артикулировать свои потребности с помощью примитивного ТРЕБОВАНИЯ, то есть крика. Никогда нельзя с абсолютной точностью сказать, что значит крик: голод, боль, усталость, или что-то другое, – до того момента, пока мать не проинтерпретирует его определенным образом, то есть ретроактивно определит его значение.

Пунктуация является одной из форм вмешательства аналитика в аналитический процесс. Неожиданное прерывание дискурса анализанда позволяет аналитику ретроактивно изменить подразумеваемое значение его речи: «Изменение пунктуации преобразует или нарушает» то фиксированное значение, которое анализанд приписал собственной речи (E, 99). С помощью такой пунктуации «можно показать, что субъект говорит больше, чем думает» (S1, 54). Аналитик может прерывать дискурс анализанда просто повторяя за ним отрывок его речи (возможно с другой интонацией или в другом контексте). Например, если анализанд говорит *tu es ma mère* («ты – моя мать»), аналитик может повторить это словосочетание таким образом, чтобы показать гомофонию данной фразы с *tuer ma mère* («убить мою мать») (E, 269). Аналитик также может осуществлять пунктуацию речи анализанда вмешательством, молчанием, или преждевременным окончанием сеанса (см. E, 44).

Последняя форма пунктуации была причиной споров на протяжении всей истории лакановского психоанализа, поскольку противоречила традиционной практике сеансов с фиксированной длительностью Международной Психоаналитической Ассоциации. Лакановская практика сеансов с переменной длительностью (фр. *séances scandées* – ошибочно переведимое критиками как «короткие сеансы») стала одной из основных причин исключения Лакана из Французского Психоаналитического Общества после его официального признания МПА в начале 1960-х гг. Техника пунктуации, особенно ярко проявляющая себя в практике сеансов с переменной длительностью, и сегодня продолжает быть отличительной чертой лакановского психоанализа.

Р

развитие

(фр. *développement*; англ. *development*) ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ рассматривает психоанализ в качестве формы психологии развития, акцентирующей внимание на темпоральном развитии детской сексуальности. Согласно этой интерпретации, Фрейд описывает процесс прохождения ребенка через различные догенитальные стадии (оральную и анальную) к взрослению в ГЕНИТАЛЬНОЙ стадии.

По всей видимости, в своих ранних трудах Лакан принимает такую эволюционистскую интерпретацию Фрейда (которую он называет «генетицизм» [англ. *geneticism*]), по крайней мере, в отношении порядка происхождения трех «семейных комплексов» (Лакан, 1938) и защитных механизмов эго (Е, 5). До 1950-х гг. Лакан серьезно рассматривает такие генетицистские понятия, как «объектная фиксация» и «стагнация развития» (Ес, 148). Однако в начале 1950-х гг. он приступает к серьезной критике генетицизма исходя из следующих посылок: во-первых, генетицизм предполагает естественный порядок полового созревания и не принимает во внимание символической артикуляции человеческой сексуальности, игнорируя фундаментальные различия между влечениями и инстинктами; во-вторых, он основывается на линейном понимании времени, входящей в противоречие с психоаналитической теорией ВРЕМЕНИ; наконец, он предполагает, что полный синтез сексуальности возможен и нормален, в то время как Лакан утверждает что такого синтеза не существует. Таким образом, эго-психология и ТЕОРИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ предлагают понятие последней стадии психосексуального развития, на которой субъект достигает «взрослого» генитального отношения к объекту. Лакан же совершенно отвергает это понятие, утверждая, что состояние конечной целостности и зрелости недостижимо, поскольку субъект непоправимо разделен, и метонимия желания никогда не может прекратиться. Более того, Лакан отмечает, что «объект, соответствующий развитой стадии инстинктивного взросления, является вновь открытым объектом» (S4, 15); т.н. последняя стадия взросления является не более чем встречей с объектом первичного удовлетворения ребенка.

Споря с генетицистским прочтением Фрейда, Лакан описывает его как «мифологию инстинктивного взросления» (Е, 54). Он утверждает, что разнообразные «стадии», анализируемые Фрейдом (оральная, анальная и генитальная) являются не наблюдаемыми биологическими феноменами, развивающимися естественным образом, как стадии

сенсомоторного развития, но «очевидно более сложными структурами» (E, 242). Догенитальные стадии являются не хронологически упорядоченными этапами развития ребенка, но вневременными структурами, спроецированными на прошлое ретроактивно: «Они упорядочиваются в ретроактивности Эдипова комплекса» (E, 197). Таким образом, Лакан отвергает все попытки обнаружения эмпирических свидетельств последовательности психосексуальных стадий посредством «так называемого непосредственного наблюдения за ребенком» (E, 242), и акцентирует внимание на восстановлении этих стадий в анализе взрослого: «Только в переживании взрослого мы должны столкнуться, ретроспективно, *nachträglich*, с тем, что предположительно является первоначальными переживаниями» (S1, 217). В 1961 г. догенитальные стадии понимаются Лаканом как формы ТРЕБОВАНИЯ.

Сложные отношения между хронологическим возникновением феноменов и логической последовательностью структур иллюстрируются также на примере процесса овладения языком. С одной стороны, психолингвистами был обнаружен естественный порядок овладения младенца языком, включающий в себя последовательное прохождение биологически обусловленных стадий (детский лепет, освоение фонем, освоение отдельных слов и предложений с возрастающей сложностью). Однако Лакана не интересует хронологическая последовательность, поскольку она имеет дело с «возникновением, собственно говоря, феномена» (S1, 179). Его интересует не феномен (внешнее проявление) языка, но тот способ, благодаря которому язык располагает субъекта в символической структуре. В отношении последней Лакан говорит, что «первоначальное понимание символизма языка появляется у ребенка» еще до того, как он научится говорить, «задолго до внешнего выражения языка» (S1, 179; см. S1, 54). Впрочем, вопрос о том, как появляется это «первоначальное понимание» символического невозможно разрешить, поскольку в данном случае речь идет не о постепенном освоении одного означающего за другим, но о «скачкообразном» входе в «мир» означающих. Означающее является означающим только благодаря отношению с другими означающими, а поэтому оно не может быть присвоено отдельно. Таким образом, переход к символическому всегда является результатом творения *ex nihilo*, радикальной прерывности между одним порядком и другим, а не постепенной эволюции. Последний термин крайне не нравится Лакану; он предупреждает своих учеников о необходимости «опасаться образа мышления, известного как эволюционизм» (S7, 213), и предпочитает описывать психических изменения прибегая к метафоре творения *ex nihilo*.

Непринятие Лаканом понятий развития и эволюции не должно пониматься как непризнание понятия психического изменения как такового. Напротив, Лакан настаивал на историчности психики, и видел цель психоаналитического лечения в восстановлении текучести и подвижности психики. Его критика понятия развития отражает его подозрительность по отношению ко всем нормативным моделям психических изменений; субъект вовлечен в постоянный процесс становления, но наложение фиксированной провиденциальной модели генетического развития не способствует, а угрожает этому процессу. Таким образом, Лакан утверждает, что «в психоанализе измерение истории отличается от измерения развития, и попытка свести первое к последнему является заблуждением. История продолжается только за пределами развития» (Eс, 875).

Как же, в таком случае, следует понимать стадию зеркала и Эдипов комплекс, два великих «этапа», занимающих доминирующее положение в лакановском учении? Стадия зеркала, очевидно, связана с событием, имеющим место на определенном этапе жизни ребенка (между шестью и восемнадцатью месяцами), однако это событие интересует Лакана постольку,

поскольку оно иллюстрирует сущностно вневременную структуру дуальных отношений; именно в этой структуре и заключается суть стадии зеркала (интересно отметить, что во французском языке термин «*stade*» может быть понят как в темпоральном, так и в пространственном смыслах, как «этап» [англ. *stage*] и как «стадион» [англ. *stadium*]). Также Эдипов комплекс, для которого Фрейд определили особый возраст (от трех до пяти лет), все же понимается Лаканом как вневременная триадическая структура субъективности. Поэтому остающиеся предметом споров различных школ психоанализа вопросы о том, когда конституируется эго, или когда ребенок проходит Эдипов комплекс, практически не интересуют Лакана. Хотя он признает «конструирование эго в определенный момент истории субъекта» (S1, 115) и существование определенного момента формирования Эдипова комплекса, его не интересует, когда именно это происходит. Вопрос о том, когда ребенок входит в символический порядок не является принципиальным для психоанализа. Принципиальным является то, что перед этим вхождением он не умеет говорить, а значит, остается недостижимым для психоанализа, а после него все происходившее до этого ретроактивно преобразуется символической системой.

разрыв

(фр. *béance*; англ. *gap*) Французское слово «*béance*» является архаизмом, обозначающим «большую дыру или щель». В медицине этот термин употребляется также для обозначения операции по вскрытию гортани.

В своем творчестве Лакан использовал этот термин в различных контекстах. В 1946 г. он говорил о «вопросительном разрыве» [англ. *interrogative gap*], открывающемся в безумии, когда субъект оказывается озадачен собственными переживаниями (галлюцинациями и пр.) (Ес, 165–6).

Вначале 1950-х гг. этот термин используется для обозначения фундаментального разрыва между человеком и ПРИРОДОЙ, возникающего благодаря тому, что «отношение воображаемого у человека отклоняется, и именно в этом отклонении возникает разрыв, в котором столь ощутимым становится присутствие смерти» (S2, 210). Этот разрыв между человеком и природой становится очевиден на стадии зеркала:

Необходимо предположить существование в нем [человеке] определенного биологического разрыва, который я пытаюсь определить говоря о стадии зеркала... У человека складывается особенное отношение с его собственным образом – отношение разрыва, отчужденного напряжения.

(S2, 323)

Функция воображаемого как раз и заключается в заполнении этого разрыва, в сокрытии расщепленности субъекта и предоставлении воображаемого чувства единства и целостности.

В 1957 г. термин используется в контексте отношений между полами: «Разрыв в отношениях между мужчиной и женщиной... всегда остается открытым» (S4, 374; см. S4, 408). Такое

использование предвосхищает более поздние замечания Лакана о не существовании ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОЛАМИ.

В 1964 г. Лакан утверждает, что «отношение субъекта к Другому возникает только в процессе разрыва» (Su, 206), и что субъект конституируется посредством разрыва, поскольку он сущностно разделен (см. РАСЩЕПЛЕНИЕ). Он утверждает также, что понятие причинности проблематично, поскольку между причиной и следствием всегда существует некий таинственный, необъяснимый разрыв (Su, 21–2).

Также термин «дегисценция» [зияние, англ. *dehiscence*] становится, в контексте лакановского дискурса, практически синонимом термина «разрыв». Дегисценция является термином ботаники, обозначающим раскрытие зрелых стручков с семенами; Лакан использует его для прояснения расщепления, являющегося конститутивным для субъекта; существует «жизненно необходимая дегисценция, конститутивная для человека» (E, 21). Поскольку это расщепление является также разделением между культурой и природой, отношение человека к последней «модифицировано определенной дегисценцией в самой сущности организма, первичным Разладом» (E, 4).

разыгрывание

(англ. *acting out*) В «*Полном собрании сочинений*» Фрейда термин «разыгрывание» употребляется для перевода немецкого термина «*Agieren*». Лакан, следуя психоаналитической литературной традиции, пользуется его английским вариантом.

Одной из наиболее важных тем в творчестве Фрейда является противопоставление повторения и запоминания. Они являются, так сказать, «противоположными путями внедрения прошлого в настоящее» (Laplanche и Pontalis, 1967:4). Если прошлые события вытесняются из памяти, они находят себе выражение поступках; если субъект не помнит прошлого, то он, таким образом, обрекает себя на повторение его в разыгрывании. Помогая пациенту помнить, психоаналитическое лечение приводит к разрыву круга повторений.

Хотя элемент повторения может быть найден практически в любом действии человека, термин «разыгрывание» применяется для обозначения тех действий, которые выражают «импульсивный аспект, входящий в противоречие с обычными мотивационными структурами субъекта» и которые, соответственно, «можно достаточно просто отделить от общей тенденции его деятельности» (Laplanche и Pontalis, 1967:4). Самому субъекту не удается понять мотивов своего действия.

С точки зрения Лакана, это базовое определение разыгрывания является верным, но не исчерпывающим, поскольку в нем игнорируется измерение Другого. Таким образом, хотя Лакан и соглашается с тем, что разыгрывание является следствием неспособности вспомнить прошлое, он подчеркивает интерсубъективное измерение воспоминания. Другими словами, воспоминание предполагает не только осознание некоторого прошлого, но также сообщение этого прошлого Другому посредством речи. Следовательно, разыгрывание происходит тогда, когда воспоминание оказывается невозможным из-за того, что Другой отказывается его выслушать. Когда Другой становится «глухим», субъект теряет возможность донести до него

сообщение в словах, и поэтому оказывается вынужденным повторять его в действиях. Таким образом, разыгрывание представляет собой зашифрованное сообщение, которое субъект адресует Другому, сам при этом не осознавая не только содержание этого сообщения, но даже то, что его действия выражают сообщение. Только Другой может расшифровать это сообщение; однако для него эта задача неосуществима.

Для иллюстрации своих замечаний относительно разыгрывания, Лакан обращается к случаю молодой гомосексуальной девушки, проходившей лечение у Фрейда (Freud, 1920a). Фрейд отмечал, что эта девушка встречалась со своей возлюбленной на самых людных улицах Вены, особенно на тех, которые проходили вблизи от предприятия ее отца. Лакан утверждает, такое поведение было разыгрыванием, поскольку представляло собой сообщение, адресованное девушкой не хотевшему ее слушать отцу (Lacan, 1962–3: лекция 23 января 1963 г.).

В этом примере разыгрывание имело место задолго до начала прохождения психоаналитического лечения. Такое разыгрывание можно рассматривать в качестве «переноса без анализа», или «дикого переноса» (Lacan, 1962–3: лекция 23 января 1963 г.). Однако большинство аналитиков отмечают, что «когда разыгрывание происходит в процессе анализа – во время сеанса или нет – его следует рассматривать в отношении к переносу» (Laplanche и Pontalis, 1967:4). Фрейд утверждал, что основной принцип психоаналитического лечения заключается в «принуждении к более интенсивному проявлению памяти и менее интенсивному проявлению повторения» (Freud, 1920g: SE XVIII, 19). Следовательно, разыгрывание анализандом бессознательного желания [англ. *wish*], возникшего в недавней аналитической сессии, вне комнаты для консультаций, следует рассматривать как сопротивление лечению. Однако поскольку любое сопротивление анализу является сопротивлением аналитику (E, 235), разыгрывание, возникшее в процессе лечения, является результатом ошибки аналитика. Эта ошибка заключается в неправильном толковании, проявившем «глухость» к речи анализанда. В качестве примера такой ошибки Лакан использует случай, описанный эго-психологом Эрнстом Крисом (Kris, 1951). Лакан отмечает, что данная Крисом интерпретация была правильной на одном уровне, но не коснулась сути проблемы, спровоцировав разыгрывание: после сессии анализанд отправился отведать «свежих мозгов» в ближайшем ресторане. Это действие, утверждает Лакан, было зашифрованным сообщением, направленным аналитику. Суть сообщения заключалась в указании на неспособность толкования аналитика коснуться наиболее существенного аспекта симптома пациента (Lacan, 1962–3: лекция 23 января 1963 г.; см. также E, 238–9 и S1, 59–61).

Лакан посвящает несколько занятий семинара 1962–1963 гг. различению разыгрывания и ПЕРЕХОДА К ПОСТУПКУ.

расщепление

(фр. *refente*; англ. *split*) Фрейд понимает под «расщеплением эго» (нем. *Ich-spaltung*, фр. *clivage du moi*, англ. *splitting of the ego*) процесс, наблюдаемый при фетишизме и психозе, при котором в эго совмещаются два таких противоречащих друг другу отношения к реальности, как принятие и ОТКАЗ (см. Freud, 1940b). Лакан расширяет понятие *Spaltung* (которое он предпочитает переводить как *refente*; см. S8, 144), обозначая им не только процесс, присущий

фетишизму и психозу, но и общую характеристику субъекта как такового; СУБЪЕКТ всегда разделен, расщеплен, отчужден от самого себя (см. ОТЧУЖДЕНИЕ). Это расщепление нередуцируемо, его невозможно излечить; синтез невозможен.

Расщепленный или разделенный субъект символизируется знаком S, перечеркнутым ЧЕРТОЙ, то есть знаком зачеркнутого субъекта, S (см. E, 288). Расщепление указывает на невозможность достижения идеала самосознания; субъект никогда не сможет познать себя полностью, он всегда будет отчужден от собственного знания. Такое состояние, являющееся следствием воздействия означающего, говорит о присутствии бессознательного. Субъект представляет собой говорящее бытие (E, 269) и является расщепленным постольку, поскольку в речи он разделяется на субъекта ПРОГОВАРИВАНИЯ и субъекта утверждения. В семинаре 1964-1965 гг. Лакан концептуализирует расщепление субъекта с точки зрения разделения истины и знания (*savoir*) (см. Ec, 856).

реальное

(фр. *réel*; англ. *real*) Уже в своей ранней статье, опубликованной в 1936 г., Лакан употребляет термин «реальное» в качестве существительного. Этот термин пользовался популярностью в работах философов того времени, особенно Эмиля Мейерсона (на которого Лакан ссылается в статье 1936 г.; Ec, 86). Мейерсон определяет реальное как «онтологический абсолют, истинное бытие-в-себе» (Meyerson, 1925:79; цитата по Roustang, 1986:61). Таким образом, говоря о «реальном», Лакан следует общей философской тенденции начала XX-го века. Однако, на протяжении его творчества значение и употребление этого термина претерпевало изменения.

Поначалу реальное просто противопоставляется царству образа, то есть помещается в царство бытия, находящегося по ту сторону явлений (Ec, 85). Хотя тот факт, что уже на ранних этапах Лакан различал «реальное» и «истинное» свидетельствует о том, что термин «реальное» с самого начала обладал некоторой двусмысленностью (Ec, 75).

После появления в 1936 г. термин исчезает из работ Лакан до начала 1950-х гг., когда он обращается к мысли Гегеля о том, что «все действительное разумно (и наоборот)» (Ec, 226). Только в 1953 г. Лакан возвышает реальное до статуса одной из основных категорий психоаналитической теории: реальное становится одним из трех ПОРЯДКОВ, с помощью которых могут быть описаны все психоаналитические феномены. Другими двумя порядками являются символическое и воображаемое. Следовательно, реальное не только противопоставлено воображаемому, но также находится по ту сторону символического. В отличие от символического, которое конституируется посредством оппозиций, таких как присутствие и отсутствие, «в реальном нет отсутствия» (S₂, 313). В то время как символическая оппозиция присутствия и отсутствия предполагает, что в символическом порядке всегда чего-то может не хватать, реальное «всегда на своем месте: оно носит его приклеенным к подошве [англ. *it carries it glued to its heel*], и не догадывается о том, что может изгнать его оттуда» (Ec, 25; см. S₁₁, 49).

В то время как символическое представляет собой множество дифференцированных, дискретных элементов, называемых означающими, реальное недифференцировано: «В реальном совершенно нет трещин» (S₂, 97). Именно символическое производит, в процессе

означивания, «разрез в реальном»: «Это мир слов, который создает мир вещей – вещей, первоначально смешанных в *hic et nunc* процесса становления-всего-в-бытии» (E, 65).

В формулировках периода 1953-1955 гг. реальное понимается как нечто, лежащее по ту сторону языка и неассимилируемое символизацией. Оно представляет собой «то, что полностью сопротивляется символизации» (S₁, 66), «область, существующую вне символизации» (E_c, 388). Эта тема проходит сквозь все дальнейшие работы Лакана и приводит его к концептуализации реального с точки зрения невозможного. Реальное является «невозможным» (S₁₁, 167), поскольку его невозможно вообразить, невозможно интегрировать в порядок символического и невозможно никак достичь. Именно невозможность и сопротивление символизации сообщают реальному его травматическое качество. Так, анализируя случай Маленького Ганса (Freud, 1909b) в семинаре 1956-1957 гг., Лакан различает два реальных элемента, вмешивающихся и разрушающих доэдипальную гармонию детского воображаемого: реальный пенис, который дает о себе знать в инфантильной мастурбации, и новорожденная сестра (S₄, 308-9).

Реальное также имеет коннотации материи, то есть предполагает существование материального субстрата, лежащего в основе воображаемого и символического (см. МАТЕРИАЛИЗМ). Это свойство реального также сближает его с царством БИОЛОГИИ и грубым физиологическим измерением тела (в отличие от функции тела в воображаемом и символическом). Например, реальным отцом является биологический отец, а реальным фаллосом – телесный пенис, функции которого отличны от функций его воображаемого и символического эквивалентов.

На протяжении своего творчества Лакан использовал понятие реального для разъяснения ряда клинических феноменов:

- **ТРЕВОГА и травма** Реальное является объектом тревоги; оно не может быть никак опосредовано и поэтому является «существенным объектом, который уже и не объект вовсе, но нечто, с чем мы сталкиваемся, когда все слова и категории терпят неудачу, объектом тревоги *par excellence*» (S₂, 164). Именно несостоявшаяся встреча с реальным объектом предстает в форме травмы (S₁₁, 55). Это *tyche*, лежащая «по ту сторону [символического] *automaton*» (S₁₁, 53) (см. СЛУЧАЙНОСТЬ).

- **ГАЛЛЮЦИНАЦИИ** Когда что-то не может быть интегрировано в символический порядок, как это происходит в случае психоза, оно может вернуться в качестве реального, в форме галлюцинации (S₃, 321).

Предыдущие замечания описывали основные способы использования Лаканом категории реального, однако, они весьма далеки от объяснения всей ее сложности. Лакан прилагал много усилий, чтобы убедить своих слушателей в том, что реальное является наиболее неуловимым и таинственным из всех трех порядков. Он также говорил о нем меньше, чем о других порядках, тем самым создавая из него место радикальной неопределенности. Поэтому до конца остается неясным, является ли реальное внешним или внутренним, непознаваемым или доступным разуму.

- **Внешнее/внутреннее** С одной стороны, термин «реальное» подразумевает простое понятие объективной, внешней реальности, материального субстрата, существующего в самом себе, независимо от наблюдателя. С другой стороны, такой «наивный» взгляд на реальное

подрывается тем фактом, что оно также включает в себя галлюцинации и травматические сны. Реальное, таким образом, находится и снаружи, и внутри (S7, 118; см. ЭКСТИМНОСТЬ) (*extimité*). Такая двусмысленность отражает двусмысленность использования Фрейдом немецких терминов «*Wirklichkeit*» и «*Realität*» для обозначения *реальности*, а также различия, проводимого им между *материальной* реальностью и *психической* реальностью (Freud, 1900a: SE V, 620).

- **Непознаваемое/познаваемое** С одной стороны, реальное невозможно познать, поскольку оно располагается вне воображаемого и символического; оно, как и кантовская вещь-в-себе, является непознаваемым *x*. С другой стороны, приводя цитату из Гегеля о том, что реальное является разумным, а разумное – реальным, Лакан делает реальное просчитываемым и логически познаваемым.

В произведениях Лакана 1970-х гг. можно проследить попытку разрешения неопределенности, связанной с реальным, посредством проведения различия между реальным и «реальностью» (так, например, Лакан называет реальность «гримасой реального» в Lacan, 1973a:17; см. также S17, 148). В этом противопоставлении реальное находится на стороне непознаваемого и неассимилируемого, а «реальность» обозначает совокупность субъективных представлений, являющихся продуктом символических и воображаемых артикуляций («психическая реальность» Фрейда). Однако после введения данной противоположности Лакан не приводит ее в последовательную или систематическую форму, и то четко противопоставляет реальное и реальность, то пользуется этими терминами как синонимами.

регрессия

(фр. *régression*; англ. *regression*) Фрейд ввел понятие регрессии в «Толковании сновидений» для объяснения визуальной природы снов. Основываясь на топографической модели, в которой психика рассматривается как совокупность отдельных систем, Фрейд утверждал, что поскольку в течение сна прогрессивный доступ к моторной активности заблокирован, мысль вынуждена регрессивно направляться от этих систем к системе восприятия (Freud, 1900a: SE V, 538–55). Позднее он ввел различие между топографической, темпоральной (возвращение субъекта к прежним стадиям развития) и формальной (использование упрощенных способов выражения) регрессиями (Freud, 1900a: SE V, 548 [отрывок добавлен в 1914 г.]).

Лакан утверждал, что понятие регрессии является одним из самых недооцененных в психоаналитической теории. В частности, он подвергает критике «магическое» понимание регрессии, согласно которому регрессия рассматривается как реальный феномен, когда взрослые «действительно регрессируют, возвращаются к состоянию маленьких детей, начиная вопить». В этом смысле, он утверждал, что «регрессии не существует» (S2, 103). Лакан отмечает, что регрессию необходимо понимать, прежде всего, в топографическом, а не в темпоральном смысле, то есть именно так, как ее понимал Фрейд в 1900 г. (см. ВРЕМЯ). Иными словами, «регрессия существует на уровне означивания, а не на уровне реальности» (S2, 103). Таким образом, ее нужно понимать «не в инстинктивном смысле, и не в смысле

возрождения чего-то предшествующего», но в смысле «редукции символического к воображаемому» (S4, 355).

Регрессия все же имеет и темпоральный смысл, подразумевающий, впрочем, не возвращение субъектом «в прошлое», но лишь реартикуляцию им определенных ТРЕБОВАНИЙ: «Регрессия представляет собой не что иное, как возвращение к присутствующим означаящим, которые используются в содержащих предписание требованиях» (E, 255). Регрессию к оральной стадии, например, нужно понимать с точки зрения артикуляции оральных требований (требование кормления, проявляющееся в требовании от аналитика предоставления толкований). Лакан возвращает значимость регрессии для психоаналитического лечения, утверждая, что регрессия, к примеру, к анальной стадии, настолько важна, что без нее никакой анализ нельзя считать завершенным (S8, 242).

религия

(фр., англ. *religion*) Фрейд отвергал еврейскую веру своих родителей (но не свою еврейскую национальность) и считал себя атеистом. Хотя монотеистические формы религии рассматривались им как признак высокого уровня развития цивилизации, он все же утверждал, что они являются препятствиями на пути культурного прогресса и должны быть преодолены НАУКОЙ. Фрейд утверждал, что религии являются попытками защитить человека от страданий с помощью «бредовой трансформации реальности», поэтому следует «классифицировать их как формы массового помешательства» человечества (Freud, 1930a: SE XXI, 81). В идее Бога он видел выражение инфантильного стремления к заботливому отцу (Freud, 1927c: SE XXI, 22–4), а религию описывал как «всеобщий навязчивый невроз» (Freud, 1907b: SE IX, 126–7).

Лакан тоже считал себя атеистом и отвергал католическую веру своих родителей (брат Лакана, однако, всю жизнь был монахом Бенедиктинцем). Как и Фрейд, Лакан противопоставлял религии науку, сближая психоанализ с последней (S11, 265). В качестве критерия различия между религией/магией и наукой/психоанализом для Лакана выступает их различное отношение к истине: в религии происходит отрицание истины как причины субъекта (Eс, 872), а ритуалы и жертвоприношения являются попытками соблазнить Бога, возбудить его желание (S11, 113). В соответствии с замечаниями Фрейда о схожести между религиозными практиками и навязчивым неврозом (S7, 130), Лакан утверждает, что подлинная идея атеизма должна формулироваться не как «Бог мертв», а как «Бог – это бессознательное» (S11, 59).

Помимо этих замечаний о понятии религии, дискурс Лакана изобилует метафорами, позаимствованными из христианской теологии. Наиболее очевидным примером является ИМЯ-ОТЦА, словосочетание, с помощью которого Лакан обозначает фундаментальное означающее, исключение которого ведет к психозу. Впрочем, это далеко не единственный пример. Изменения, причиняемые символическим, описываются с креационистской, а не эволюционистской точки зрения, при этом Лакан парадоксальным образом утверждает, что креационизм является единственной перспективой, «позволяющей помыслить возможность

радикального уничтожения Бога» (S7, 213). В семинаре 1972-1973 гг. он использует слово «Бог» в качестве метафоры большого Другого, сравнивая женский *jouissance* с экстазом, испытываемым христианскими мистиками, например, Святой Терезой Авильской (S20, 70-1).

речь

(фр. *parole*; англ. *speech*) Французский термин «*parole*» представляет определенную трудность для английского переводчика, поскольку в английском языке для него не существует эквивалента. В некоторых случаях он соответствует английскому слову «*speech*» [речь], в других же его лучше переводить как «*word*» [слово].

Начиная с 1950-х гг. термин «*parole*» становится одним из главных терминов в творчестве Лакана. В своей знаменитой «Римской речи» Лакан осудил характерное для современной ему психоаналитической теории пренебрежение той ролью, которую играет в психоанализе речь, и указал на необходимость возобновления внимания к речи и ЯЗЫКУ (Lacan, 1953a). Использование Лаканом термина «*parole*» имеет мало общего с теорией Соссюра (оппозицию *parole* и *langue* в творчестве последнего Лакан заменил оппозицией *parole* и *langage*) и в гораздо большей степени опирается на отсылки к антропологии, теологии и метафизике.

- **Антропология** Понимание Лаканом речи как «символического обмена», «связывающего людей друг с другом» (S1, 142), очевидно испытало на себе влияние работ Мосса и Леви-Стросса, посвященных анализу обмена дарами. Таким образом, фрейдовские психоаналитические толкования описываются как «символические дары речи, содержащие в себе тайное соглашение» (E, 79). Представление о речи как о соглашении, которое задает роли как адресанта, так адресата, формулируется Лаканом в понятии ОСНОВНАЧАЛЬНОЙ РЕЧИ.

- **Теология** В творчестве Лакана понятие речи обростаёт также религиозными и теологическими коннотациями, позаимствованными из восточных религий (E, 106-7), а также иудео-христианской традиции (E, 106). В 1954 г., анализируя понятие речи, Лакан ссылается на произведение Святого Августина «*De locutionis significatione*» [«О значении речи» – прим. пер.] (S1, 247-60). Подобно словам, произнесенным Господом в «Книге Бытия», речь является «символическим призывом», творящим *ex nihilo* «новый порядок бытия в отношениях между людьми» (S1, 239).

- **Метафизика** Лакан опирается на хайдеггеровское различие между *Rede* (дискурс [англ. *discourse*]) и *Gerede* (болтовня [англ. *chatter*]) для разработки собственного различия между «полной речью» (фр. *parole pleine*; англ. *full speech*) и «пустой речью» (фр. *parole vide*; англ. *empty speech*) (см. E, 40ff.). Лакан вводит это различие в 1953 г., и хотя с 1955 г. оно не играло в его творчестве хоть сколько-нибудь важной роли, все же и не исчезало окончательно. Полная речь выражает символическое измерение языка, а пустая речь – воображаемое, она представляет собой речь эго, обращенную к его двойнику. «Полная речь – это речь, полная смысла [фр. *sens*; англ. *meaning*]. Пустая речь имеет дело только с означиванием» (Lacan, 1976-7; «*Ornicar?*», nos 17/18:11).

Полная речь еще называется «истинной речью», поскольку она приближается к энигматической истине желания субъекта: «Полной речью является речь, направленная на

истину и формирующая ее такой, какой она устанавливается в признании одного человека другим. Полная речь является речью, выступающей как акт [фр. *qui fait acte*; англ. *which performs*]» (S1, 107). «Полная речь, по сути, определяется своей тождественностью с тем, о чем она говорит» (Ес, 381).

В пустой речи, напротив, субъект отчужден от собственного желания; в ней он «говорит впустую, как будто бы о ком-то, кто... никогда не сможет принять своего желания» (Е, 45).

Одной из задач аналитика в процессе разговора с анализандом является распознавание моментов проявления полной речи. Полная и пустая речь являются полюсами одного континуума, и «между этими полюсами располагается все многообразие способов говорения» (S1, 50). Целью психоаналитического лечения является артикуляция полной речи. Достижение этой цели является сложным делом, поскольку полную речь бывает очень трудно (*pénible*) артикулировать (Е, 253).

Пустая речь не тождественна лжи; напротив, ложь часто раскрывает ИСТИНУ о желании полнее, чем искренние признания (см. Sp, 139–40). Невозможно словесно артикулировать всю истину желания, поскольку существует фундаментальная «несовместимость между желанием и речью» (Е, 275); «Я всегда высказываю истину; не всю истину, поскольку это не представляется возможным. Высказать ее всю фактически невозможно» (Lacan, 1973a:9). Полная речь, поэтому, не является словесной артикуляцией всей истины желания субъекта, но именно в ней истина артикулируется настолько полно, насколько это возможно в данный момент.

Речь является единственным средством достижения истины о желании; «только речь является ключом к истине» (Е, 172). Более того, психоаналитическая теория утверждает, что только особенный вид речи ведет к истине: речь без сознательного контроля над ней, известная как свободная ассоциация.

С

садизм/мазохизм

(фр. *sadisme/masochisme*; англ. *sadism/masochism*) Термины «садизм» и «мазохизм» были предложены Рихардом фон Краффт-Эбингом в 1893 г. и связаны с творчеством Маркиза де Сада и Барона Захера фон Мазоха. Краффт-Эбинг использовал эти термины в очень специальном смысле, подразумевающим форму сексуальной перверсии, в которой сексуальное удовлетворение зависит от причинения боли другим (садизм) или переживания собственной боли (мазохизм). В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд использует эти термины в том же смысле, что и Краффт-Эбинг (Freud, 1905d). Вслед за ним, Фрейд отмечает внутреннюю связь садизма с мазохизмом и показывает, что они являются активной и пассивной стороной одной и той же перверсии.

Лакан тоже утверждает, что садизм и мазохизм связаны и имеют отношение к призывающему влечению (которое он также называет «садомазохистским влечением»; SI, 183). Оба, и мазохист, и садист помещают себя на место объекта призывающего влечения, голоса. Однако если Фрейд утверждает, что садизм первичен, Лакан отмечает первичность мазохизма, из которого затем возникает садизм: «Садизм является всего лишь отрицанием мазохизма» (SI, 186). Таким образом, если мазохист предпочитает переживать боль в собственном теле, то садист отклоняет эту боль, принуждая Другого переживать ее (Ec, 778).

Мазохизм занимает особое место в ряду перверсий, так же, как призывающее влечение занимает особое место в ряду частичных влечений; он является «опытом предела» [англ. *limit-experience*] в попытке преодоления принципа удовольствия.

семинар

(фр. *séminaire*; англ. *seminar*) В 1951 г. Лакан начал читать частные лекции на квартире у Сильвии Батай на улице Лилль, 3. Материал этих лекций, которые посещала небольшая группа психоаналитиков-стажеров, был основан на чтении некоторых случаев Фрейда (Дора, Человек с крысами и Человек-волк). В 1953 г. место проведения лекций переместилось в Госпиталь Святой Анны, где могло собираться большее количество людей. Хотя иногда Лакан упоминал о частных лекциях 1951-1952 гг. и 1952-1953 гг. как о первых двух годах его

«семинара», обычно этим термином обозначают публичные лекции, начатые им в 1953 г. С этого года и до самой смерти в 1981 г., Лакан каждый академический год посвящал исследованию различных тем и представлял результаты этих исследований в серии лекций. Эти двадцать семь серий лекций обычно называют «семинаром», в единственном числе.

После десяти лет в Госпитале Святой Анны в 1964 г. семинар переезжает в *École Normale Supérieure*, а затем на *Faculté de Droit* в 1973 г. Смена места проведения семинара происходила по разным причинам, не последней из которых была потребность предоставления пространства для постоянно растущей аудитории, поскольку семинар становился центральным местом парижского интеллектуального возрождения в 1950-1960 гг.

Поскольку Лакан настаивал на том, что речь является единственным медиумом подходящим для психоанализа (E, 40), вполне понятно, почему в качестве средства разработки и изложения своего учения он выбрал именно устное слово. Действительно, как замечает один комментатор: «Нужно вспомнить, что практически все «сочинения» (*Écrits*) первоначально представляли собой устные доклады, и что именно неограниченный по времени Семинар [прописная буква в оригинале – прим. пер.] являлся для него предпочитаемым пространством» (Масеу, 1995:77).

По мере того, как семинар Лакана становился все более популярным, росла потребность в его письменной расшифровке. Однако кроме нескольких небольших статей, написанных им на основе собственных лекций и представленных в курсе семинара, Лакан никогда не публиковал материалов самого семинара. В 1956-1959 гг. он поручил Жану-Бернару Понталису опубликовать несколько выводов из секций семинара за истекшие три года, но этого было явно недостаточно для того, чтобы удовлетворить потребность в письменной обработке лакановского учения. Среди его последователей начали тайно циркулировать любительские расшифровки семинара. В 1973 г. Лакан позволил своему зятю, Жаку-Алену Миллеру, опубликовать отредактированную расшифровку лекций, данных в 1964 г., одиннадцатом году семинара. С тех пор Миллер продолжал издавать отредактированные версии семинара других лет, однако число публикаций все еще не превышало половины его общего объема. Роль Миллера в редактировании и публикации семинара вызывала очень напряженные споры, в которых его критики заявляли, что он искажил лакановский оригинал. Впрочем, как отмечал сам Миллер, превращение устной речи в письменный текст, а также необходимая при этом редакция, по необходимости предполагают, что опубликованные версии семинара не могут стать простой расшифровкой лекций Лакана (см. Miller, 1985). До настоящего времени были опубликованы только девять книг семинара, но некоторые авторизованные отрывки из его неопубликованной части появляются в журнале «*Ornicar?*». Любительские расшифровки неопубликованных годов семинара продолжают циркулировать и сегодня, как во Франции, так и за рубежом.

Названия каждого года (или каждой «книги») семинара представлены ниже. Оригинальные французские названия и детали публикаций можно найти в библиографическом указателе в конце словаря.

Книга	Год	Название
I	1953-54	Работы Фрейда по технике психоанализа [*]
II	1954-55	«Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа [*]
III	1955-56	Психозы
IV	1956-57	Объектные отношения
V	1957-58	Образования бессознательного [*]
VI	1958-59	Желание и его толкование
VII	1959-60	Этика психоанализа [*]
VIII	1960-61	Перенос
IX	1961-62	Идентификация
X	1962-63	Тревога [*]
XI	1963-64	Четыре основные понятия психоанализа [*]
XII	1964-65	Главные проблемы психоанализа
XIII	1965-66	Объект психоанализа
XIV	1966-67	Логика фантазма
XV	1967-68	Психоаналитический поступок
XVI	1968-69	От другого к Другому
XVII	1969-70	Изнанка психоанализа [*]
XVIII	1970-71	О дискурсе, который не будет видимостью
XIX	1971-72	... Или хуже
XX	1972-73	<i>Еще</i> [*]
XXI	1973-74	Не заблуждающиеся ошибаются [англ. <i>The non-duped err</i>]/Имена Отца
XXII	1974-75	PCB
XXIII	1975-76	<i>Sinthome</i>
XXIV	1976-77	Он знал, что это был неверный свет луны на крыльях любви
XXV	1977-78	Момент завершения
XXVI	1978-79	Топология и время
XXVII	1980	Роспуск

[Семинары, отмеченные звездочкой [*], на момент 19 августа 2014 г. были переведены на русский язык – прим. пер.]

СИМВОЛИЧЕСКОЕ

(фр. *symbolique*; англ. *symbolic*) Прилагательное «символическое» появляется еще в ранних психоаналитических произведениях Лакана (например, Lacan, 1936), где этим термином обозначается символическая логика и уравнения, используемые в математической физике (Ес, 79). В 1948 г. Лакан пишет, что симптомы имеют «символическое значение» (Е, 10). К 1950 г. термин символическое приобретает для Лакана антропологическое значение, судя по тому, как он восхваляет Марселя Мосса, показавшего, что «структуры общества являются символическими» (Ес, 132).

Все эти разнообразные нюансы значений становятся единой категорией в 1953 г., когда Лакан начинает использовать термин «символическое» как существительное. Символическое становится одним из трех ПОРЯДКОВ, учение о которых является краеугольным камнем всего лакановского творчества. Из всех трех порядков символическое является важнейшим для психоанализа; психоаналитики представляют собой, по существу, «практиков символической функции» (Е, 72). Упомянув «символическую функцию», Лакан поясняет, что его понятие символического порядка во многом опирается на творчество антрополога Леви-Стросса (у которого Лакан заимствует термин «символическая функция»; см. Lévi-Strauss, 1949a:203). В частности, Лакан перенимает идею Леви-Стросса о том, что социальный мир структурирован определенными законами, которые управляют родственными отношениями и обменом дарами (см. также Mauss, 1923). Таким образом, лакановская категория символического фундаментальным образом связана с понятиями дара и цепи обмена (S₄, 153–4, 182).

Символическое является языковым измерением, поскольку наиболее элементарной формой обмена является коммуникация (обмен словами, дар речи; S₄, 189), а понятия ЗАКОНА и СТРУКТУРЫ немислимы без ЯЗЫКА. Поэтому любой аспект психоаналитического опыта, имеющий лингвистическую структуру, принадлежит символическому порядку.

Впрочем, Лакан не отождествляет символический порядок с языком. Напротив, в дополнение к его символическому измерению, язык включает в себя измерения воображаемого и реального. Символическое измерение языка является измерением ОЗНАЧАЮЩЕГО, элементы которого не имеют собственного положительного существования, но конституируются только во взаимных отличиях.

Символическое является царством радикальной инаковости, которую Лакан обозначает термином ДРУГОЙ. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ является дискурсом Другого, и, следовательно, всецело принадлежит символическому порядку. Символическое – это царство закона, управляющего желанием в Эдиповом комплексе. Это царство культуры, противостоящее воображаемому порядку природы. Если воображаемое характеризуется дуальными отношениями, то символическое определяется триадическими структурами. Это происходит потому, что интересубъективные отношения всегда «опосредованы» третьим термином, большим Другим. Символический порядок также является царством СМЕРТИ, ОТСУТСТВИЯ и НЕХВАТКИ. Кроме того, символическое является одновременно и ПРИНЦИПОМ УДОВОЛЬСТВИЯ, устанавливающим дистанцию по отношению к Вещи, и ВЛЕЧЕНИЕМ К СМЕРТИ, выходящим, посредством повторения, «по ту сторону принципа удовольствия» (S₂, 210); по сути, «влечение к смерти является всего лишь маской символического порядка» (S₂, 326).

Символический порядок полностью автономен, это не надстройка, определяемая биологией или генетикой. Он совершенно случаен по отношению к реальному: «Не существует биологического или генетического объяснения экзогамии. В человеческом обществе мы имеем дело с возникновением совершенно новой функции, охватывающей весь порядок существования» (S₂, 29). Таким образом, хотя и может показаться, что символическое «происходит из реального» как из пред-данности, такое представление является иллюзией; «не следует думать, будто бы символы проистекают из реального» (S₂, 238).

Всеобщий характер символического порядка ведет Лакана к утверждению о том, что символическое является вселенной: «В символическом порядке тотальность называется вселенной. С самого начала символический порядок принимает всеобщий характер. Он не составляется посредством сложения одной части с другой. Как только появляется символ, появляется и вселенная символов» (S₂, 29). Поэтому не может быть и речи о постепенном, непрерывном переходе от воображаемого к символическому; две эти сферы являются совершенно разнородными. Появляясь, символический порядок создает прежде не существовавший смысл, поэтому «мы находим совершенно невозможным рассуждать о том, что было до появления символов» (S₂, 5). Строго говоря, невозможно помыслить происхождение языка, а также то, что было до языка; именно поэтому вопросы развития выходят за пределы психоанализа.

Лакан подвергает критике современный ему психоанализ, предающий забвению символический порядок и сводящий все к воображаемому. Такой подход, по мысли Лакана, является предательством главных открытий Фрейда: «Фрейд открывает поле воздействий, свойственных природе человека и произведенных его отношением к символическому порядку. Игнорирование символического порядка предаст это открытие забвению» (E, 64).

Лакан утверждает, что аналитик может произвести изменения в субъективной позиции анализанда только посредством работы в символическом порядке; эти изменения будут иметь последствия также и в воображаемом, так как оно структурировано символическим. Именно символический порядок детерминирует субъективность, а царство воображаемых образов и феноменов является следствием символического. Психоанализ проникает за пределы воображаемого, работая в символическом порядке.

Лакановское символическое диаметрально противоположно фрейдовскому «символизму». Фрейдовское понятие символа как относительно стабильного, взаимно однозначного отношения между значением и формой соответствует лакановскому понятию ИНДЕКСА (см. Freud 1900a: SE V, гл. 6, sect. E, о символике сновидений). Согласно Лакану, символическое характеризуется отсутствием любых фиксированных отношений между означающим и означаемым.

СИМПТОМ

(фр. *symptôme*; англ. *symptom*) В медицине под симптомами понимаются ощутимые проявления болезни. Из такого определения следует, что понятие симптома предполагает различие между поверхностью и глубиной, между явлениями (непосредственно

воспринимаемыми объектами) и скрытыми причинами этих явлений, недоступными для эмпирического наблюдения, но выводимыми логически. Подобное различие присутствует и в работах Лакана, который различает симптомы и лежащие за ними СТРУКТУРЫ. Подлинный интерес для психоанализа представляет клиническая структура пациента (невроз, психоз или перверсия), а не ее симптомы, а значит, и КОНЕЦ АНАЛИЗА заключается не в устранении симптомов, но в символизации структуры.

В работах Лакана термин «симптом» обычно отсылает к невротическим симптомам, то есть только к воспринимаемым проявлениям невроза (однако см. исключение E, 281). Проявления психоза – галлюцинации и бред – обычно определяются в качестве *явлений*, а перверсия манифестирует себя в перверсивных *действиях*. Цель лакановского психоанализа не заключается в устранении невротических симптомов, поскольку даже когда один из невротических симптомов исчезает, на его место приходит другой. В этом заключается принципиальное отличие психоанализа от любой другой формы терапии.

Лакан, вслед за Фрейдом, утверждает, что невротические симптомы являются образованиями бессознательного и всегда определяются компромиссом между двумя конфликтующими желаниями. Новизна мысли Лакана заключается в том, что он анализирует невротические симптомы в лингвистических терминах: «Симптом разрешает себя целиком в анализе языка, потому что сам симптом структурирован как язык» (E, 59).

На протяжении всего своего творчества Лакан отождествляет симптом с различными особенностями языка:

1. В 1953 г. он утверждает, что симптом является ОЗНАЧАЮЩИМ (E, 59). Этим определяется отличие психоаналитического понимания симптома от медицинского, рассматривающего симптом в качестве ИНДЕКСА (E, 129; см. S₂, 320). Важным для психоаналитической теории следствием данного различия является утверждение о том, что невротический симптом не обладает универсальным значением, поскольку любой симптом является продуктом уникальной истории субъекта. Каждый невротический симптом является уникальным, несмотря на кажущееся сходство между ними. Другое следствие заключается в том, что не существует непосредственной связи между невротическими симптомами и невротической структурой: ни один невротический симптом не является сам по себе истерическим или навязчивым. Если врач может поставить диагноз, основываясь на знании симптомов пациента, то лакановский аналитик не может определить, исходя из одного лишь знания симптомов, принадлежит ли невроз пациента к истерии или к навязчивости. Так, например, аналитик не будет диагностировать у пациента навязчивый невроз только лишь на основании того, что последний проявляет типичные для навязчивости симптомы (ритуальные действия, компульсивное поведение и пр.). И, напротив, аналитик может диагностировать структуру навязчивости у пациента, который не проявляет типичных для навязчивого невроза симптомов. Лакановский аналитик может поставить диагноз истерии или навязчивого невроза только после определения основополагающего вопроса, занимающего речь невротика.

2. В 1955 г. Лакан определяет симптом как ОЗНАЧИВАНИЕ: «Сам по себе симптом – это, по сути, означивание, то есть истина, обретающая форму» (S₂, 320).

3. В 1957 г. симптом описывается как МЕТАФОРА, «в которой плоть или функция берутся в качестве означающего элемента» (E, 166). Лакан отмечает, что такое описание должно

пониматься буквально: «Положение о том, что симптом является метафорой, само метафорой не является [англ. *if the symptom is a metaphor, it is not a metaphor to say so*]» (E, 175).

4. В ГРАФЕ ЖЕЛАНИЯ, появившемся в семинаре 1957-1958 гг., симптом описывается в качестве сообщения. В 1961 г. Лакан определяет симптом как энигматическое сообщение, которое кажется субъекту непознаваемым посланием из реального, в то время как в действительности оно является его собственным сообщением (S8, 149).

Начиная с 1962 г. в творчестве Лакана намечается постепенная тенденция отхода от лингвистической концепции симптома к пониманию его как чистого *jouissance*, не поддающегося толкованию. Кульминацией этого отхода является введение Лаканом в 1975 г. термина «*SINTHOMÉ*».

sinthome

Термин *sinthome* является, по утверждению Лакана, архаическим способом написания современного слова *symptôme*. В 1975 году Лакан вводит его в качестве названия семинара, в рамках которого параллельно занимается продолжением начатой до этого разработки топологии БОРРОМЕЕВОГО УЗЛА и анализом произведений Джеймса Джойса. Через такое *coincidentia oppositorum* [единство противоположностей – прим. пер.] – сведение воедино математической теории и замысловатых узоров текста Джойса – Лакан переосмысливает психоаналитический симптом с точки зрения своей окончательной версии топологии субъекта.

1. Некоторые ходы лакановской мысли уже вели к различным модуляциям понятия СИМПТОМ еще до появления *sinthome*. Уже утверждая в 1957 году, что симптом «вписан в процесс письма» (Eс, 445), Лакан отходит от традиционного представления о симптоме как о зашифрованном сообщении. В 1963 году Лакан идет дальше, утверждая что симптом, в отличие от разыгрывания, не нуждается в толковании; по сути, он является не обращением к Другому, но чистым, ни к кому не обращенным *jouissance* (Lacan, 1962–3: семинар 23 января 1963; см. Miller, 1987:11). Эти замечания предвосхищают радикальную трансформацию лакановской мысли, которая проявилась в переходе от лингвистического определения симптома как означающего к утверждению на семинаре 1974-1975 гг. о том, что «симптом можно определить исключительно как способ наслаждения [*jouit*] субъекта бессознательным в той мере, в которой бессознательное определяет его» (Lacan, 1974–5: семинар 18 февраля 1975).

Введение термина *sinthome* становится кульминацией перехода от представления о симптоме как о сообщении, нуждающемся в расшифровке посредством обращения к бессознательному, «структурированному как язык», к рассмотрению его в качестве следа определенной модальности *jouissance* субъекта. *Sinthome* является символической формулировкой, выходящей за пределы анализа, ядром наслаждения, недоступным для символического воздействия. Задача психоанализа больше не сводится к некоторому аналитическому «разрешению» *sinthome*, поскольку последний является тем, «что позволяет субъекту жить», предоставляя уникальную организацию *jouissance*. Теперь задача

психоанализа состоит, согласно одному из последних определений Лакана о конце анализа, в приведении к идентификации с *sinthome*.

2. Теоретический поворот от лингвистики к топологии, произошедший в позднем периоде творчества Лакана, конституирует подлинный статус *sinthome* как чего-то, что не поддается анализу и создает непривычную для плотной лакановской риторики интерпретационную проблему. В семинаре 1975-1976 гг. Лакан расширяет теорию борромеева узла, рассматриваемого им на предыдущем семинаре в качестве сущностной структуры субъекта, добавляя к нему *sinthome* как четвертый круг, дополняющий триаду реального, символического и воображаемого и скрепляющий вместе весь узел, в любой момент угрожающий распасться. Этот узел является не моделью, но четким неметафорическим описанием топологии «перед которой воображение бессильно» (Lacan, 1975-6: семинар 9 декабря 1975). Поскольку смысл (*sens*) располагается внутри узла, на пересечении символического и воображаемого (см. Рисунок 1, стр. 37), функция *sinthome*, связывающего вместе реальное, символическое и воображаемое, неизбежно выходит за пределы значения.

3. Лакан всегда был восторженным почитателем Джойса (см. отсылки к Джойсу в Es, 25 и S20, 37). В семинаре 1975-1976 гг. он интерпретирует сочинения Джойса в качестве расширенной версии *sinthome*, четвертого термина, дополняющего борромеев узел РСВ и позволяющего субъекту собираться воедино. В детстве Джойс испытал радикальную дисфункцию/отсутствие (фр. *carence*; англ. *non-function/absence*) Имени-Отца, и для того, чтобы избежать психоза, использовал свое искусство в качестве *suppléance*, дополнительного шнура в субъективном узле. Лакан рассматривает юношеские «Эпифании» Джойса (переживания почти галлюцинаторной интенсивности, описанные в таинственных, фрагментарных текстах) как примеры «радикальной форкклюзии», в которых «реальное подвергает форкклюзии значение» (семинар 16 марта 1976). Тексты Джойса – от «Эпифаний» до «Поминок по Финнегану» – предполагают существование особого отношения к языку; «разрушительное» превращение языка в *sinthome*, вторжение в символический порядок субъектного частного *jouissance*. Один из лакановских каламбуров, *synth-homme*, содержит намек на подобное «искусственное» само-создание.

Лакан настаивает на том, что анализ произведений Джойса не является формой «прикладного психоанализа». Топологическая теория представляет собой не очередной способ репрезентации, но форму письма, праксис, нацеленный на фигурацию того, что избегает воображаемого. Поэтому вместо того, чтобы рассматриваться как теоретический объект или «случай», Джойс выступает в качестве примера *saint homme* [святой человек – прим. пер.], изобретшего, отказавшись от любого воображаемого решения, новый способ использования языка для организации наслаждения.

(Автор статьи: Luke Thurston)

СКОЛЬЗИТЬ/СКОЛЬЖЕНИЕ

(фр. *glisser* [гл.], *glissement* [сущ.]; англ. *slip*) Лакан использует глагол «скользить» (и соответствующее ему существительное, «скольжение») для описания неустойчивого отношения между означающим и означаемым. Данный термин иллюстрирует различие в

понимании ОЗНАЧИВАНИЯ у Соссюра и у Лакана: первый понимает означивание как устойчивую связь между означающим и означаемым, второй – как неустойчивое и зыбкое отношение. Лакан символизирует невозможность установления постоянной связи между означающими и означаемыми в сосюровском алгоритме с помощью черты (см. Рисунок 8, с. 81). Под этой чертой означаемое скользит и плавает, находясь в непрерывном движении, временно прерываемом благодаря появлению *POINTS DE CAPITON*. Когда *points de capiton* оказывается недостаточно, как это происходит в случае с ПСИХОЗОМ, скользящее движение означивания становится бесконечным, а устойчивые значения рушатся.

случайность

(фр., англ., *chance*) Фрейда часто обвиняли в жестком детерминизме, поскольку, по его мнению, ничто, даже самое несущественное явление, не может быть приписано случайности. Действительно, Фрейд писал: «Я верю во внешнюю (реальную) вероятность, но не во внутреннюю (психическую) случайность» (Freud, 1901:257).

Лакан выражает ту же мысль, но в собственных терминах: случайность, в смысле чистой непредвиденности, существует только в реальном. В символическом порядке такого явления как чистая случайность не существует.

В семинаре 1964 г. Лакан иллюстрирует различие между реальным и символическим, используя аристотелевское различие между двумя видами случайности. Во второй книге «Физики» Аристотель анализирует случайность и удачу в их отношении к причинности (см. ПРИЧИНА). Он выделяет два типа случайности: *automaton*, случайные события в мире; и *tyche*, случайность как нечто, воздействующее на субъектов, способных к нравственному действию.

Лакан переопределяет *automaton* как «сеть означающих», помещая его, таким образом, в символический порядок. Этот термин обозначает те явления, которые кажутся случайными, а на деле являются настойчивым повторением означающего в определении субъекта. *Automaton*, по сути, не случаен: только реальное представляет подлинную случайность, поскольку «находится по ту сторону *automaton*» (SI, 59).

Реальное располагается на стороне *tyche*, которое Лакан понимает как «столкновение с реальным». *Tyche* представляет собой вторжение реального в символический порядок: оно абсолютно случайно и находится по ту сторону определений символического порядка. Это стук в дверь, прерывающий сон, это, на более болезненном уровне, травма. Травматическое событие является столкновением с реальным, недоступным для означивания.

смерть

(фр. *mort*; англ. *death*) Понятие смерти фигурирует в творчестве Лакана в различных контекстах:

1. Смерть конститутивна для символического порядка, поскольку символ, замещая собой объект, эквивалентен его смерти: «Символ – это убийство объекта» (Е, 104). Не случайно «первым символом» в истории человечества является гробница (Е, 104). Только благодаря означаемому человек может осознать и принять собственную смертность: «Именно в означаемом и посредством артикуляции себя в цепи означющих, субъект приходит к осознанию того, что он может исчезнуть из этой цепи» (S7, 295). Означаемое также помещает субъекта за пределы смерти, поскольку оно «уже рассматривает его мертвым, но тем самым, по сути, увековечивает его» (S3, 180). Смерть в символическом порядке связана со смертью Отца (то есть, убийство отца стаи в «*Тотеме и табу*» Фрейда; Freud, 1912–13); символический отец – это всегда мертвый отец.

2. В семинаре «*Этика психоанализа*» 1959–1960 гг., Лакан упоминает о «второй смерти» (это словосочетание он заимствует из романа Маркиза де Сада «*Жюльетта*», в котором один из персонажей говорит о «второй жизни», см. Sade, 1797:772, цитата по S7, 211). Первая смерть представляет собой физическую смерть тела, смерть, которая завершает человеческую жизнь, но не обрывает циклы разложения и восстановления. Вторая смерть предотвращает восстановление мертвого тела, «точку, в которой уничтожаются сами циклы природных трансформаций» (S7, 248). Лакан прибегает к понятию второй смерти, обращаясь к рассмотрению различных проблем: красоты (S7, 260; функцией красоты является раскрытие перед человеком его отношения к собственной смерти – S7, 295); непосредственное отношение к бытию (S7, 285); садистическая фантазия причинения постоянной боли (S7, 295). Словосочетание «зона между-двумя-смертями» (фр. *l'espace de l'entre-deux-morts*; англ. *zone between-two-deaths*), изначально предложенное одним из учеников Лакана (см. S7, 320), используется Лаканом для обозначения «зоны, в которой разыгрывается трагедия» (S8, 120).

3. Понятие смерти играет важную роль в философских системах Гегеля и Хайдеггера, и Лакан, размышляя о роли смерти в психоанализе, многое заимствует у этих мыслителей. У Гегеля (через Кожева) Лакан заимствует идею смерти как того, что конституирует одновременно и свободу человека и «абсолютного Господина» (Kojève, 1947:21). Смерть играет центральную роль в гегелевской диалектике раба и господина, где оказывается тесно связанной с желанием, поскольку господин утверждает свое превосходство над другими посредством желания смерти (Е, 105). У Хайдеггера Лакан заимствует идею о том, что человеческое существование имеет смысл только благодаря конечному пределу, установленному смертью. Поэтому субъект, собственно говоря, является «бытием-к-смерти»; это согласуется с лакановским представлением о том, что посредством прохождения анализа пациент должен прийти к осознанию собственной смертности (Е, 104–5).

4. Сравнивая психоаналитическое лечение с игрой в бридж, Лакан описывает аналитика, играющего роль «болвана» [англ. *dummy*: партнер разыгрывающего игрока в паре, выигравшей раунд торговли. Действиями болвана в игре полностью распоряжается разыгрывающий игрок – прим. пер.] (фр. – *le mort*, буквально – «мертвец»). «Аналитик входит в диалектику анализа, делая вид, что он мертв... и тем самым делая присутствие смерти ощутимым» (Е, 140). Аналитик «превращает себя в труп» (фр. *se corpsifiat*; англ. *cadaverises*).

5. Вопросом, конституирующим структуру навязчивого невроза, является вопрос о смерти; это вопрос «Жив я или мертв?» (S3, 179–80).

СОЗНАНИЕ

(фр. *conscience*; англ. *consciousness*) В так называемой «топографической модели» Фрейда, сознание, наравне с БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ и пред-сознательным, является одной из составных частей психики. Лакан полагал, что замечания Фрейда относительно сознания куда слабее, чем его формулировки бессознательного: «Хотя он [Фрейд] последовательно и обстоятельно объяснил принципы действия большинства элементов психического аппарата, его утверждения, касающиеся сознания, противоречат друг другу» (S2, 117). Согласно Лакану, проблема сознания вновь и вновь возникает в произведениях Фрейда, неотступно преследуя его: «Трудности, вызываемые к жизни данной теорией сознания, проявляются на каждом из уровней фрейдовской мысли» (S2, 117). В частности, Лакан не соглашался с попытками Фрейда связать систему сознание-восприятие с ЭГО. Если такая связь и существует, то ее можно рассматривать только с точки зрения соблазна; иллюзия полностью прозрачного для самого себя сознания подрывается всем психоаналитическим опытом (см. COGITO). «Сознание, по существу, представляет собой крайнее напряжение между эго, отчужденным от субъекта, и восприятием, которое, будучи чистым *percipi*, принципиально его избегает» (S2, 177).

В 1954 г. Лакан дает «материалистическое определение феномена сознания» (S2, 40–52). Однако материю не следует путать с природой; Лакан утверждает, что сознание развивается не из природы; оно радикально прерывно, и его происхождение больше напоминает творение, чем эволюцию (S7, 213–14; 223).

В 1960-х гг. Лакан переосмысляет иллюзию самосознания (*Selbstbewußtsein*), используя свое понятие СУБЪЕКТА, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЗНАЮЩЕГО.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

(фр. *résistance*; англ. *resistance*) Фрейд использовал термин «сопротивление» для обозначения нежелания пациента вспоминать вытесненные события. Поскольку психоаналитическое лечение предполагает именно такое воспоминание, под сопротивлением стали понимать все препятствия, возникающие в ходе лечения и тормозящие его движение: «Все, что мешает движению нашей деятельности, является сопротивлением» (Freud, 1900a: SE V, 517). Сопротивление проявляется тогда, когда субъект нарушает «основное правило» – говорить все, что приходит ему на ум.

Понятие сопротивления присутствовало в творчестве Фрейда изначально, однако начало приобретать большее значение для психоаналитической теории вследствие ухудшения действенности аналитического лечения в 1910–1920 гг. (см. ТОЛКОВАНИЕ). Реакцией на это ухудшение стало сосредоточение внимания эго-психологии на преодолении сопротивления пациентов. Лакан очень критично отнесся к подобному изменению и утверждал, что оно с

легкостью может привести к появлению «инквизиторского» стиля психоаналитического лечения, рассматривающего сопротивление как проявление «фундаментальной враждебности» (S1, 30) пациента. Лакан утверждал, что при подобном подходе упускается из виду структурная природа сопротивления, а психоанализ сводится к воображаемому дуальному отношению (см. E, 78; Ec, 333ff). Лакан признает, что психоаналитическое лечение предполагает «анализ сопротивления», но только при условии, что эта фраза понимается правильно, в смысле «понимания на каком уровне следует искать ответ» (S2, 43). Иными словами, совершенно необходимо чтобы аналитик проводил различие между вмешательством, направленным на воображаемое, и вмешательством, направленным на символическое, а также чтобы он понимал, в какой момент какой тип вмешательства является оправданным.

Согласно Лакану, сопротивление не является следствием враждебности анализанда, но принадлежит самой структуре аналитического процесса. Дело в том, что существует структурная «несовместимость между желанием и речью» (E, 275). Таким образом, существует несводимый уровень сопротивления, «преодолеть» который невозможно: «После редукции сопротивления сохраняется некий остаток, представляющий наиболее существенное значение» (S2, 321). Именно в признании того, что этот несводимый «остаток» сопротивления является «существенным», заключается главное различие между психоанализом и СУГГЕСТИЕЙ. Психоанализ уважает право субъекта на сопротивление внушению и ценит это сопротивление: «В том, что сопротивление субъекта противостоит суггестии, сказывается желание субъекта учредить собственное желание. Как таковое это желание должно рассматриваться в качестве положительного переноса» (E, 271).

Впрочем, согласно Лакану, несмотря на то, что аналитик не может и не должен пытаться преодолеть сопротивление полностью (S2, 228), он может минимизировать его, или хотя бы избежать его усиления. Сделать это он может, осознав, что сам является причиной сопротивления анализанда, поскольку «не существует другого сопротивления анализу, кроме сопротивления самому аналитику» (E, 235). Понимать эту формулировку следует двумя способами:

1. Сопротивление анализанда может препятствовать лечению только в том случае, если оно вызывает или провоцирует сопротивление у аналитика, то есть, если аналитик попадает на приманку сопротивления (как в случае Фрейда, попавшегося на приманку сопротивления Доры). «Сопротивление пациента всегда является вашим личным сопротивлением, и если оно оказывается успешным, то лишь потому, что вы [аналитики] находитесь в нем по самое горло» (S3, 48). Таким образом, аналитик должен следовать правилу нейтральности и не попадаться на приманки, создаваемые пациентом.

2. Аналитик провоцирует сопротивление у анализанда: «У субъекта как такового не существует сопротивления» (S2, 228). «[Сопротивление] является текущим состоянием толкования субъекта. В то же время, с его помощью пациент интерпретирует то положение, которого он достиг... Сопротивление означает что он [пациент] не может двигаться быстрее» (S2, 228). Психоаналитическое лечение осуществляется посредством следующего принципа: сопротивление должно быть сведено к минимуму без принуждения пациента. Таким образом, аналитик должен избегать любых форм суггестии.

Источник сопротивления находится в эго: «В строгом смысле, сопротивление субъекта связано с регистром эго, оно является следствием эго» (S₂, 127). Таким образом, сопротивление принадлежит порядку воображаемого, а не уровню субъекта: «На стороне вытесненного, на стороне бессознательного не существует сопротивления, только тенденция к повторению» (S₂, 321). Данное положение иллюстрируется СХЕМОЙ L; сопротивление представлено осью воображаемого *a-a'*, блокирующей настойчивую речь Другого (которая обозначается осью A-S). Сопротивление эго является приманкой воображаемого, на которую не должен попадаться аналитик (см. E, 168). Таким образом, целью анализа не может являться «усиление эго», как утверждает эго-психология, поскольку такое усиление будет только способствовать увеличению сопротивления.

Лакан критикует эго-психологию за смешение понятий сопротивления и ЗАЩИТЫ. Однако различие, проведенное Лаканом между этими понятиями, отличается от принятого в англо-американском психоанализе. Лакан утверждает, что защита появляется на стороне субъекта, а сопротивление – на стороне объекта. То есть, если защита представляет собой относительно стабильную символическую структуру субъективности, то сопротивление является случайной силой, мешающей объекту быть поглощенным цепью означающих.

стадия зеркала

(фр. *stade du miroir*; англ. *mirror stage*) Концепция стадии зеркала (на английский язык также переводится как «зеркальная фаза» [англ. *the looking-glass phase*]) стала первым официальным вкладом Лакана в психоаналитическую теорию. Это понятие было представлено им в докладе на Четырнадцатом Международном Психоаналитическом Конгрессе в Мариенбаде в 1936 г. (статья 1936 г. так никогда и не была опубликована, но измененная версия появилась в 1949 г.). Начиная с этого момента, стадия зеркала становится одним из ориентиров всего лакановского учения. Хотя и кажущаяся простой на первый взгляд, концепция стадии зеркала постоянно усложняется на протяжении всего творчества Лакана, развиваясь в различных направлениях.

«Зеркальный тест» был впервые описан другом Лакана, французским психологом Анри Валлоном в 1931 г., хотя Лакан приписывал это открытие Джеймсу Марку Болдуину (E, 1). Этот тест представляет собой эксперимент, с помощью которого человеческого младенца можно отличить от его ближайшего животного родственника, шимпанзе. Шестимесячный ребенок удивляется своему отражению в зеркале и радостно принимает его за свой собственный образ, в то время как шимпанзе того же возраста быстро понимает, что образ является иллюзией и теряет к нему всякий интерес.

Лакановское понятие *стадии зеркала* (в отличие от «зеркального теста» Валлона) представляет собой нечто большее, чем эксперимент: она является основополагающим аспектом структуры субъективности. Если в начале периода 1936-1949 гг. Лакан рассматривал стадию зеркала как особый период развития ребенка с шести до восемнадцати месяцев (см. E, 5), то к концу этого периода появляются признаки расширения этого понятия. К началу 1950-х гг. Лакан уже не считает стадию зеркала периодом развития младенца, но видит в ней перманентную структуру субъективности, парадигмальную для порядка **ВООБРАЖАЕМОГО**;

на этой стадии (фр. *stade*; англ. *stadium*) субъект оказывается захваченным и очарованным своим собственным образом:

[стадия зеркала] представляет собой феномен, обладающий двойным значением. Во-первых, он имеет историческую ценность и обозначает поворотный момент психического развития ребенка. Во-вторых, он олицетворяет существенное либидинальное отношение с телом-образом [англ. *body-image*].

(Lacan, 1951b:14)

По мере дальнейшего развития понятия стадии зеркала, Лакан все больше внимания уделяет ее структурной, а не «исторической» значимости. Это приводит к тому, что в 1956 г. Лакан говорит: «Стадия зеркала представляет собой нечто большее, чем феномен, возникающий в процессе развития ребенка. Она иллюстрирует конфликтную природу двойственных отношений» (S4, 17).

Стадия зеркала описывает образование ЭГО в процессе идентификации; эго является результатом идентификации субъекта с собственным ЗЕРКАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ. В качестве главного фактора, вызывающего к жизни данное явление, выступает изначальная недоношенность человеческого новорожденного: в шесть месяцев ребенку все еще не хватает координации. Однако его визуальная система уже относительно развита, а это значит, что еще до того, как он научится полноценно контролировать движения своего тела, он уже способен узнавать себя в зеркале. Ребенок видит свой образ как целое (см. ГЕШТАЛЬТ), и синтез этого образа контрастирует с некоординированностью, ощущаемой им как ФРАГМЕНТИРОВАННОЕ ТЕЛО; поначалу у ребенка появляется чувство соперничества со своим образом, поскольку целостность последнего указывает ему на его фрагментированность. Поэтому стадия зеркала порождает агрессивное напряжение между субъектом и образом (см. АГРЕССИВНОСТЬ). Чтобы разрешить эту агрессивную напряженность, субъект идентифицируется с собственным образом; эта первичная идентификация со своим двойником и формирует эго. Момент идентификации субъекта с собственным образом описывается Лаканом как момент ликования (E, 1), поскольку он ведет к воображаемому ощущению господства: «[Ребенок] радуется своему воображаемому триумфу, который предвосхищает уровень мышечной координации, еще не достигнутый в действительности» (Lacan, 1951b: 15; см. S1, 79). Однако если ребенок сопоставит собственное хрупкое господство с всемогуществом матери, ликование может смениться депрессивной реакцией (Eс, 345; S4, 186). Эта идентификация также вовлекает идеальное эго, которое функционирует как обещание будущей целостности, предвосхищаемой эго.

Концепция стадии зеркала демонстрирует, что эго является продуктом недопонимания (*méconnaissance*) а также пространством отчуждения субъекта от самого себя. Она представляет собой введение субъекта в порядок воображаемого. Однако стадия зеркала имеет также важное символическое значение. Символический порядок представлен в фигуре взрослого, поддерживающего или сопровождающего ребенка. В тот момент, когда субъект с ликованием принимает свой образ за образ себя, он поворачивает свою голову и смотрит на взрослого, представляющего большого Другого, как будто ожидая, что тот одобрит этот образ (Lacan, 1962–3: лекция 28 ноября 1962 г.).

Стадия зеркала также очень тесно связана с нарциссизмом (согласно древнегреческому мифу, Нарцисс любил собственное отражение).

структура

(фр., англ. *structure*) Когда Лакан употребляет термин «структура» в своих ранних произведениях 1930-х гг., он подразумевает «социальные структуры», представляющие собой особую совокупность аффективных отношений между членами семьи. Ребенок переживает эти отношения интенсивней, чем взрослый, интериоризируя их в КОМПЛЕКСЕ (Ес, 89). Термин «структура» используется Лаканом для указания на «межличностную» [англ. *relational*] природу психики, представление о которой он противопоставляет атомистическим теориям современной ему психологии (Lacan, 1936). Начиная с этого момента, термин «структура» в лакановском учении подразумевает нечто, обладающее как интерсубъективными, так и интрасубъективными свойствами, внутреннюю представленность межличностных [англ. *interpersonal*] отношений. Такое понимание структуры остается ключевым пунктом на протяжении всего творчества Лакана – оно служит постоянным напоминанием о том, что определяющей для субъекта является не его внутренняя «сущность», но его положение по отношению к другим субъектам и другим означающим. Уже в 1938 г. Лакан пишет о том, что «наиболее существенным дефектом аналитической доктрины» того времени является «игнорирование структуры и предпочтение ей динамического подхода» (Lacan, 1938:58). Это положение предвосхитило дальнейшую разработку Лаканом понятия символического порядка как царства структуры, которое аналитики игнорируют в пользу воображаемого: «Социальные структуры являются символическими» (Ес, 132).

В середине 1950-х гг., когда Лакан начинает переосмыслять свои идеи в терминах структурной лингвистики Соссюра, термин «структура» начинает ассоциироваться с соссюрской моделью языка. Соссюр понимает язык (*la langue*) как систему, в которой не существует положительных элементов, а есть только различия (Saussure, 1916:120). Именно такое понятие системы, в которой один элемент определяется через отличия от других, формирует главное значение термина «структура» в дальнейшем творчестве Лакана. Язык – это парадигмальная структура. Следовательно, знаменитая лакановская формулировка – «бессознательное структурировано как язык» – является тавтологией, поскольку «быть структурированным» и «быть подобным языку» означает одно и то же.

Соссюровский структурный подход в лингвистике получил дальнейшее развитие в трудах Романа Jakobsona, создавшего теорию фонем; его идеи, в свою очередь, перенял для анализа нелингвистических культурных явлений, таких как родственные отношения и миф, французский антрополог Леви-Стросс. Продемонстрировав применимость соссюрского понятия структуры для анализа не только языка, но и других объектов культуры, Леви-Стросс положил начало движению структурализма. Творчество Лакана испытало на себе влияние идей всех трех этих мыслителей, и поэтому его можно считать структуралистом. Однако Лакан предпочел отмежеваться от этого движения, утверждая, что его подход существенно отличается от структурализма (S20, 93).

Кроме языка Лакан ассоциирует понятие структуры также с МАТЕМАТИКОЙ, особенно с теорией множеств и ТОПОЛОГИЕЙ. Так, например, в 1956 г. он утверждает, что «структура – это, прежде всего, группа элементов, формирующая ковариантное множество» (S3, 183). Два года спустя он снова ассоциирует понятие структуры с математической теорией множеств, добавляя к ней топологию (Ес, 648–9). К 1970-м гг. топология заменяет собой язык, становясь принципиальной парадигмой лакановского понимания структуры. Теперь Лакан указывает на то, что топология является не метафорой структуры, но самой структурой (Lacan, 1973b).

Понятие структуры часто подразумевает противоположность между поверхностью и глубиной, между непосредственно наблюдаемыми явлениями и «глубинными структурами», которые не являются объектами непосредственного наблюдения. На первый взгляд, может показаться, что такая противоположность применяется Лаканом для проведения различия между СИМПТОМАМИ (поверхность) и структурами (глубина). Однако Лакан не соглашался с тем, что такая противоположность имплицитно подразумевается самим понятием структуры (Ес, 649). С одной стороны, он отвергает идею «непосредственно наблюдаемых явлений», утверждая, что наблюдения всегда уже принадлежат теории. С другой стороны, он также отвергает идею существования «глубинных» или недоступных для опыта структур, отмечая, что они присутствуют в самом поле опыта; бессознательное находится на поверхности, поэтому поиск на «глубине» неизбежно ведет к потере его из виду. Как и в случае других бинарных оппозиций, моделью, предлагаемой Лаканом, является лента Мебиуса: точно так же, как две стороны ленты переходят одна в другую, структуры неразрывно связаны с явлениями.

Наиболее важной особенностью структурного анализа, как показал Леви-Стросс в своем анализе мифа, является раскрытие постоянных отношений между *loci* [позициями], которые сами по себе ничего не содержат (Lévi-Strauss, 1955). Другими словами, какие бы элементы не были помещены в те или иные позиции структуры, отношения между самими позициями будут оставаться неизменными. Следовательно, элементы взаимодействуют друг с другом не на основании внутренне присущих им качеств, но на основании позиций, которые они занимают в структуре.

Вслед за другими психоаналитиками, Лакан различает три основные нозографические категории: НЕВРОЗ, ПСИХОЗ и ПЕРВЕРСИЮ. Его оригинальность заключается в том, что он рассматривает эти категории в качестве структур, а не в качестве простых совокупностей симптомов (Лакан предпочитает говорить о «фрейдовских структурах», а не о «клинических структурах», однако именно последний термин является общеупотребительным в современном лакановском психоанализе).

Лакановская нозография представляет собой систему классификации, состоящую из дискретных серий, а не непрерывную пространственную систему. Три главных клинических структуры являются взаимоисключающими: субъект не может быть, к примеру, невротиком и психотиком. Три главных клинические структуры определяют три возможные позиции субъекта по отношению к Другому; каждый субъект, проходящий психоаналитическое лечение, может быть диагностирован как невротик, психотик или перверт. Каждая из структур отличается совершаемой операцией: невроз – операцией вытеснения, перверсия – отказа, а психоз – форклюзии. Лакан, вслед за Фрейдом, утверждает, что классический метод психоаналитического лечения (предполагающий свободные ассоциации и использование кушетки) подходит для невротических и перверсивных субъектов, но не годится для

психотиков. При работе с психотическими пациентами лакановские аналитики используют совершенно другой метод лечения.

Одной из главных аксиом психоанализа является положение о том, что клиническая структура субъекта обусловлена переживаниями первых лет его жизни. В этом смысле психоанализ основан на «гипотезе критического периода»; первые годы жизни являются критическим периодом, в ходе которого определяется структура субъекта. Хотя не совсем ясно как долго длится этот критический период, но после него клиническая структура фиксируется навсегда и уже не меняется. Ни психоаналитическое лечение, ни что-либо иное не может, к примеру, превратить психотика в невротика. Внутри каждой из трех основных клинических структур Лакан выделяет несколько подразделений. Например, внутри клинической структуры невроза он различает два вида – навязчивый невроз и истерию, а внутри клинической структуры психоза – паранойю, шизофрению и маниакально-депрессивный психоз.

сублимация

(фр., англ. *sublimation*) В творчестве Фрейда под сублимацией понимается процесс перенаправления либидо в не-сексуальную сферу, например, в художественный или интеллектуальный труд. Сублимация функционирует в качестве социально приемлемого способа разрядки сексуальной энергии, избыток которой может привести к неприемлемым формам поведения (перверсиям) или невротическим симптомам. Логическим выводом из такого воззрения стало утверждение о том, что полная сублимация будет означать конец всем перверсиям и неврозам. Однако понимание Фрейдом сублимации во многом все еще остается непроясненным.

Лакан обращается к понятию сублимации в семинаре 1959-1960 гг. Вслед за Фрейдом он акцентирует внимание на моменте социального признания, имеющем принципиально значение, поскольку говорить о сублимации влечений можно только в том случае, если они направляются на социально признанные объекты (S7, 107). Именно измерение общих социальных ценностей позволяет Лакану ассоциировать понятие сублимации с этикой (см. S7, 144). Впрочем, лакановское понимание сублимации отличается от фрейдовского:

1. Фрейд предполагает возможность существования перверсивной сексуальности как формы непосредственного удовлетворения влечения, утверждая, что сублимация необходима только постольку, поскольку эта непосредственная форма находится под общественным запретом. Лакан отвергает понятие нулевой степени удовлетворения (см. Žižek, 1991:83-4), полагая, что перверсия является не грубым естественным способом разрядки либидо, но сложно структурированным отношением к влечениям, которые сами являются лингвистическими, а не биологическими силами.

2. Если Фрейд верит в возможность полной сублимации для особо развитых и культурных людей, то Лакан утверждает, что «полная сублимация невозможна» (S7, 91).

3. По мысли Фрейда, сублимация предполагает перенаправление влечения на другой (не-сексуальный) объект. Лакан утверждает, что изменяется не объект, а его положение в

структуре фантазма. Другими словами, сублимация предполагает не перенаправление влечения на другой объект, но изменение природы самого объекта влечения. «Изменение самого объекта» возможно только потому, что влечение «уже, по сути, маркировано артикуляцией означающего» (S7, 293). Возвышение объекта происходит благодаря его расположению в символической структуре фантазма, а не внутренне присущим ему свойствам. Сублимация помещает объект на место ВЕЩИ. Таким образом, лакановское понимание сублимации предполагает «...возвышение объекта... до уровня Вещи» (S7, 112).

4. Лакан не только ассоциирует сублимацию с творчеством и ИСКУССТВОМ, как это делал Фрейд, но также говорит о ее связи с ВЛЕЧЕНИЕМ К СМЕРТИ (S4, 431). Во-первых, понятие влечения к смерти является продуктом собственной сублимации Фрейда (S7, 212). Во-вторых, влечение к смерти является не только «разрушительным влечением», но также «волей к сотворению из ничего» (S7, 212–13). В-третьих, возвышенный объект, наделенный достоинством Вещи, приводит в действие механизм очарования, ведущий, в конечном счете, к смерти и разрушению.

субъект

(**фр. *sujet*; англ. *subject***) Термин «субъект» появляется уже в ранних психоаналитических произведениях Лакана (см. Lacan, 1932), а с 1945 г. занимает центральное место в его творчестве. В этом заключается одна из отличительных особенностей лакановского творчества, поскольку термин «субъект» не играет существенной роли в теории Фрейда, а в большей степени ассоциируется с философским, правовым и лингвистическим дискурсами.

В довоенных статьях термин «субъект» употребляется, по всей видимости, в качестве синонима «человека» (см. Ec, 75), а также используется для обозначения анализанда (Ec, 83).

В 1945 г. Лакан различает три вида субъекта. Во-первых, существует безличный, независимый от других, чисто грамматический субъект [подлежащее – прим. пер.], ноэтический субъект, то есть слово «нечто» в словосочетании «нечто понимается как то-то». Во-вторых, есть анонимный эквивалентный субъект, равный любому другому, замещаемый им и распознающий себя в эквивалентности с ним. В-третьих, есть личный субъект, чья уникальность конституируется актом его самоутверждения (Ec, 207–8). Именно на третьем смысле «субъекта», субъекта в его уникальности, фокусируется главный интерес творчества Лакана.

В 1953 г. Лакан проводит различие между субъектом и ЭГО, ставшее одним из наиболее фундаментальных для всего его дальнейшего творчества. В то время как эго является частью порядка воображаемого, субъект принадлежит порядку символического. Таким образом, субъект эквивалентен не сознанию, которое является простой иллюзией эго, но бессознательному; лакановский «субъект» – это субъект бессознательного. Лакан утверждает, что данное различие уже прослеживается у Фрейда: «[Фрейд] написал «Я и Оно» для того, чтобы провести фундаментальное различие между подлинным субъектом бессознательного и эго, конституированным, в своей основе, посредством серии отчужденных идентификаций» (E, 128). Хотя психоаналитическое лечение оказывает на эго огромное воздействие, его главной точкой приложения является не эго, а субъект.

Лакан играет с разными значениями термина «субъект». В лингвистике и логике субъект суждения [подлежащее] является тем, о чем высказывается определенный предикат [сказуемое] (см. Ласап, 1967:19), а также тем, что противопоставляется «объекту». Лакан играет с философскими нюансами последнего определения для того, чтобы подчеркнуть, что его понятие субъекта касается тех сторон человека, которые не могут быть (или не должны быть) объективированы (овеществлены, сведены к вещи), а также исследованы с «объективной» точки зрения. «Что мы называем субъектом? Это точно то, что в процессе объективации располагается по ту сторону объекта» (S1, 194).

Начиная с середины 1950-х гг. использование понятия субъекта в контексте языка начинает доминировать в лакановском дискурсе. Различая субъекта утверждения и субъекта ПРОГОВАРИВАНИЯ, Лакан демонстрирует, что поскольку субъект является по преимуществу говорящим существом (*parlêtre*), он неизбежно разделен, кастрирован, РАСЩЕПЛЕН. В начале 1960-х гг. Лакан определяет субъекта как то, что представлено одним означающим другому означающему; иными словами, субъект является следствием языка (Ес, 835).

Кроме лингвистики и логики термин «субъект» имеет также философские и правовые коннотации. В философском дискурсе он обозначает индивидуальное самосознание, а в правовом – лицо, подчиненное чьей-то власти (например, лицо, являющееся *подданным* [англ. *subject to*] суверена). Тот факт, что данный термин обладает обоими значениями хорошо иллюстрирует тезис Лакана о детерминированности сознания символическим порядком: «Субъект является субъектом только в силу своей подчиненности полю Другого» (S2, 188, перевод изменен – прим. Дилана Эванса). В правовом дискурсе этот термин также связан с обозначением личной ответственности; субъектом является только тот, кто способен нести ответственность за свои ПОСТУПКИ.

Лакан особенно подчеркивает философские коннотации понятия субъекта, ассоциируя его с картезианской философией *COGITO*:

термином «субъект»... я обозначаю ни живой субстрат, ни какую-либо субстанцию, ни бытие, обладающее знанием в своем пафосе... ни воплощенный логос, но картезианского субъекта, появляющегося в тот момент, когда сомнение распознает себя как уверенность.

(S11, 126)

Тот факт, что символ S, обозначающий субъекта, созвучен фрейдовскому термину *Es* (см. ИД), прекрасно демонстрирует, что для Лакана подлинным субъектом является субъект бессознательного. В 1957 г. Лакан предлагает символ $\$$, «зачеркнутый субъект», для иллюстрации того обстоятельства, что субъект по существу разделен.

субъект, предположительно знающий

(фр. *sujet supposé savoir*; англ. *subject supposed to know*) Термин «*sujet supposé savoir*» (часто сокращается аббревиатурой S.S.) трудно перевести на английский язык [как и на русский – прим. пер.]. Шеридан переводит его как «субъект, предположительно знающий» [англ. *subject supposed to know*], и такой перевод принят на сегодняшний день в большинстве

англоязычных работ о Лакане. Однако Шнайдерман предлагает альтернативный перевод – «предполагаемый субъект знания» [англ. *supposed subject of knowledge*] аргументируя это тем, что в данном словосочетании предполагаемым является именно субъект, а не только знание (Schneiderman, 1980:vii).

Данное словосочетание было предложено Лаканом в 1961 г. для обозначения иллюзии самосознания (нем. *Selbstbewußtsein*), являющегося прозрачным для самого себя в акте познания (см. СОЗНАНИЕ). Эта иллюзия возникает на стадии зеркала и является объектом критики в психоанализе. Психоанализ утверждает, что ЗНАНИЕ (*savoir*) не может принадлежать какому-либо определенному субъекту, поскольку является интерсубъективным (Lacan, 1961–2: лекция 15 ноября 1961 г.).

В 1964 г. Лакан использует это словосочетание для определения ПЕРЕНОСА, в котором знание приписывается субъекту: «Как только предполагается существование предположительно знающего субъекта, происходит перенос» (SII, 232). Это определение акцентирует внимание на том, что аналитический процесс инициирует именно предположение анализанда о существовании знающего субъекта, а не действительное знание аналитика.

Термин «субъект, предположительно знающий» обозначает не самого аналитика, но функцию, которую он берет на себя в процессе лечения. Если анализанд воспринимает аналитика как носителя этой функции, то можно считать перенос осуществленным (SII, 233). Возникает вопрос: каким предполагаемым знанием должен обладать аналитик? «Предполагается, что он знает то, чего никто не может избежать, постольку, поскольку оно им сформулировано, проще говоря, предполагается, что он обладает знанием об означивании» (SII, 253). Иными словами, предполагается, что аналитику известно тайное значение слов анализанда, то есть он может произвести такое означивание речи, которое не подразумевает даже сам говорящий. Уже само это предположение (об аналитике, который знает) является причиной того, что даже незначительные детали (случайные жесты, двусмысленные замечания) приобретают особенные значения для пациента, который это «предполагает».

В некоторых случаях пациент уже на первых этапах лечения, или даже до него, предполагает, что аналитик является субъектом. Зачастую, однако, для того, чтобы перенос мог осуществиться, требуется некоторое время. В последнем случае, «когда субъект входит в анализ, он далек от того, чтобы отдавать аналитику это место [субъекта, предположительно знающего]» (SII, 233); изначально анализанд может рассматривать аналитика в качестве шута или отвергать любую исходящую от него информацию для поддержания собственного невежества (SII, 137). Впрочем, «даже такой аналитик может, со временем, быть наделен определенной долей непогрешимости» (SII, 234); рано или поздно случайный жест аналитика будет воспринят анализандом в качестве знака некоего тайного намерения, некоего скрытого знания. В этой точке аналитик будет воплощать субъекта, предположительно знающего; перенос осуществится.

Конец анализа наступает тогда, когда анализанд перестает предполагать, что аналитик является знающим субъектом, то есть, когда аналитик лишается положения субъекта, предположительно знающего.

Данный термин также акцентирует внимание на том, что уникальное положение аналитика конституируется именно за счет особого отношения к знанию; аналитик знает о той пропасти,

которая разделяет его и приписываемое ему знание. Он должен осознавать, что всего лишь занимает положение предположительно (благодаря анализанду) знающего, и при этом не обманывать себя тем, что он будто бы действительно имеет то знание, которое ему приписывается. Аналитик должен отдавать себе отчет в том, что он не владеет тем знанием, которое приписывается ему анализандом (Lacan, 1967:20). Однако тот факт, что опорой аналитического процесса является предполагаемое, а не действительное знание, не значит, что аналитик должен смириться с собственным незнанием; напротив, Лакан утверждает, что аналитик должен стать, подражая Фрейду, экспертом в вопросах культуры, литературы и лингвистики.

Лакан отмечает также, что для аналитика анализанд является предположительно знающим субъектом. Когда аналитик объясняет основное правило свободных ассоциаций анализанду, он фактически говорит ему следующее: «Давай, говори все, что угодно; все, что ты скажешь, будет изумительно» (S17, 59). Иными словами, аналитик говорит анализанду вести себя так, как если бы тот знал, о чем будет говорить, делая его, таким образом, субъектом, предположительно знающим.

суггестия

(фр., англ. *suggestion*) Во французской психиатрии XIX в. термином «суггестия» обозначалось применение гипноза для излечения невротических симптомов; врач осуществлял «внушение» пациенту, находящемуся в состоянии гипноза для того, чтобы его симптомы исчезли. В 1880-х гг. Фрейд, вслед за Шарко и Бернхеймом, также начал прибегать к суггестии для лечения невротических пациентов. Впрочем, вскоре, найдя метод суггестии крайне неудовлетворительным, он создал психоанализ. Для определения особенностей психоанализа необходимо понимать причины, побудившие Фрейда отказаться от суггестии. Но детальный анализ этих причин не входит в задачи данной статьи. Достаточно сказать, что в своем позднем творчестве Фрейд использует термин «суггестия» для описания всей совокупности противоположных психоанализу идей.

Вслед за Фрейдом, Лакан обозначает термином «суггестия» всю совокупность отклонений от подлинного психоанализа (которые он называет также «психотерапией»), самыми главными из которых являются следующие:

1. Суггестия предполагает направление пациента к некоторому идеалу или нравственной установке (см. ЭТИКА). В противоположность этому, Лакан напоминает аналитикам, что их задача заключается в направлении лечения, а не пациента (E, 227). Он также выступает против любого понимания психоанализа в качестве нормативного процесса социального воздействия.

2. Суггестия также возникает тогда, когда СОПРОТИВЛЕНИЕ со стороны пациента рассматривается аналитиком как препятствие, требующее преодоления. Такое воззрение чуждо психоанализу, утверждает Лакан, поскольку аналитик осознает, что определенный остаток сопротивления всегда остается внутренне присущим самой структуре лечения.

3. В суггестии толкования терапевта направлены на означивание, аналитик же выстраивает свои толкования вокруг смысла (*sens*) и его коррелята, бессмыслицы. Таким образом, если для психотерапии характерны попытки избавиться от двусмысленностей дискурса, то психоанализ именно благодаря таким двусмысленностям преуспевает.

Суггестия тесно связана с ПЕРЕНОСОМ (Е, 270). Если перенос заключается в том, что анализанд приписывает знание аналитику, то суггестия представляет собой особенный способ отношения к этому приписыванию. Лакан утверждает, что аналитик должен осознать занимаемую им позицию предположительно (с точки зрения анализанда) знающего, и не позволять себе быть одураченным верой в действительное обладание приписываемым ему знанием. Если эти условия соблюдены, аналитик сможет трансформировать перенос в «анализ суггестии» (Е, 271). Суггестия, напротив, возникает тогда, когда аналитик принимает позицию того, кто *действительно* знает.

Как и Фрейд, Лакан рассматривает гипноз в качестве модели суггестии. В произведении «*Массовая психология и анализ человеческого «Я»*», Фрейд утверждает, что гипнотизм заставляет объект слиться с эго-идеалом (Freud, 1921). Говоря лакановскими терминами, гипнотизм предполагает слияние объекта *a* с эго. Психоанализ идет в противоположном направлении, поскольку «главной движущей силой аналитического действия является поддержание дистанции между эго, то есть идентификацией, и *a*» (SII, 273).

супер-эго

(фр. *surmoi*; англ. *superego*) Термин «супер-эго» впервые появился в одной из поздних работ Фрейда – «*Я и Оно*» (Freud, 1923b). В этой работе Фрейд создал так называемую «структурную модель», в которой психика разделялась на три структуры: ЭГО, ИД и супер-эго. Впрочем, упоминание о моральной структуре, осуждающей и цензурирующей эго, может быть найдено задолго до формирования Фрейдом понятия супер-эго. Таким упоминание является, например, понятие цензуры.

Первое обращение Лакана к анализу понятия супер-эго можно найти в его статье о семье (Lacan, 1938). В этой работе он проводит различие между супер-эго и ЭГО-ИДЕАЛОМ, терминами, попеременно используемыми Фрейдом в «*Я и Оно*». Лакан утверждает, что первичной функцией супер-эго является вытеснение сексуального желания матери на завершающей стадии Эдипова комплекса. Вслед за Фрейдом он утверждает, что супер-эго формируется в результате эдипальной идентификации с отцом, ссылаясь при этом, однако, и на тезис Мелани Кляйн о материнском происхождении архаической формы супер-эго (Lacan, 1938:59–60).

Обращаясь к понятию супер-эго в семинаре 1953-1954 гг., Лакан помещает его в символический порядок, а эго, напротив – в порядок воображаемого: «Супер-эго принадлежит символическому измерению речи» (S1, 102). Супер-эго тесно связано с Законом, но это отношение имеет парадоксальную природу. С одной стороны, Закон представляет собой символическую структуру, управляющую субъективностью, и, в этом смысле, препятствующую ее распаду. С другой стороны, закон супер-эго имеет «бессмысленный, слепой, чисто императивный и неприкрыто тираничный характер» (S1, 102). Таким образом,

«супер-эго является одновременно и законом, и разрушением закона» (S₁, 102). Супер-эго возникает из-за недопонимания закона, из-за провалов в символической цепи, заполняемых воображаемым заменителем, искажающим закон (см. E, 143; см. также подобные замечания Лакана о цензуре: «Цензура всегда отсылает к чему-то, что связано с законом постольку, поскольку последний остается не понятым» – S₂, 127).

Более точно, с точки зрения лингвистики, «супер-эго является императивом» (S₁, 102). В 1962 г. Лакан утверждает, что этот императив является ничем иным, как кантовским императивом. Особенность императива супер-эго заключается в приказе «Наслаждайся!»; супер-эго является Другим постольку, поскольку Другой приказывает субъекту наслаждаться. Таким образом, супер-эго является выражением воли-к-наслаждению (фр. *volonté de jouissance*; англ. *will-to-enjoy*), которая, в свою очередь, является не волей субъекта, но волей Другого, принимающего форму «Верховного Злого Существа» Сада (Eс, 773). Супер-эго представляет собой «непристойную, жестокую Фигуру» (E, 256), устанавливающую для невротического субъекта «бессмысленные, разрушительные, исключительно подавляющие, почти всегда противозаконные нравственные нормы» (S₁, 102). Супер-эго связано с голосом, а значит и с призывающим влечением и САДИЗМОМ/МАЗОХИЗМОМ.

существование

(фр., англ. *existence*) Термин «существование» употребляется Лаканом в различных контекстах (см. Žižek, 1991:136–7):

• **Существование в символическом** Данное значение существования необходимо понимать в контексте фрейдовского анализа «суждения существования», в котором существование объекта утверждается прежде приписывания ему какого-либо качества (см. Freud, 1925h; см. *BEJAHUNG*). В этом смысле «существует» только то, что полностью включено в символический порядок, поскольку «предискурсивной реальности не существует» (S₂₀, 33). Исходя из этого положения, Лакан утверждает, что «женщины не существует» (Lacan, 1973a:60); женская позиция не может быть символизирована, поскольку символический порядок не содержит в себе означающего женственности.

Важно отметить, что в символическом порядке «что-либо может существовать только на основании предполагаемого отсутствия. Не существует ничего, кроме того, что ничего не существует [англ. *Nothing exists except insofar as it does not exist*]» (Eс, 392). Иными словами, любой элемент, существующий в символическом порядке, существует благодаря различию со всеми остальными элементами. Соссюр был первым мыслителем, указавшим на то, что в языке отсутствуют положительные элементы и существуют только различия (Saussure, 1916).

• **Существование в реальном** В данном значении существует только то, что невозможно символизировать; в самом центре субъекта находится невозможная Вещь. «Существует нечто, совершенно недостижимое для означающего. Это и есть сингулярное существование субъекта» (S₃, 179). Это существование субъекта бессознательного S, которое Лакан описывает как «невыразимое, глупое существование» (E, 194).

Второе значение данного термина полностью исключает первое. Если первое синонимично лакановскому пониманию БЫТИЯ, то второе ему противоположно.

Лакан создает неологизм *ex-sistence* для выражения идеи о том, что центр нашего бытия (*Kern unseres Wesen*) является радикально Другим и представляет собой странную, внешнюю инстанцию (Ес, 11); субъект децентрирован, его центр находится вовне, он экс-центричен. Лакан говорит также об «*ex-sistence (Entstellung)* желания в сновидении» (Е, 264), поскольку в сновидении желание не может предстать в неискаженном виде.

схема L

(фр. *schéma L*; англ. *schema L*) Различные «схемы» появляются в работах Лакана 1950-х гг. и служат формализации посредством диаграмм некоторых аспектов психоаналитической теории. Все схемы состоят из определенного количества точек, соединенных векторами. Каждой точке на схеме соответствует один из символов лакановской АЛГЕБРЫ, а векторы показывают структурные отношения между этими символами. Схемы можно рассматривать в качестве первых попыток вхождения Лакана в поле ТОПОЛОГИИ.

Чаще всего Лакан обращается к первой из предложенных им схем. Она обозначается буквой «L» из-за схожести с прописной греческой буквой лямбда λ (см. Рисунок 17, взятый из Ес, 53). Лакан вводит эту схему в 1955 г. (S2, 243) и впоследствии часто обращается к ней в своем творчестве на протяжении следующих нескольких лет.

Два года спустя, Лакан заменил эту версию схемы новой, «упрощенной формой» (Рисунок 18, взят из Ес, 548; см. Е, 193).

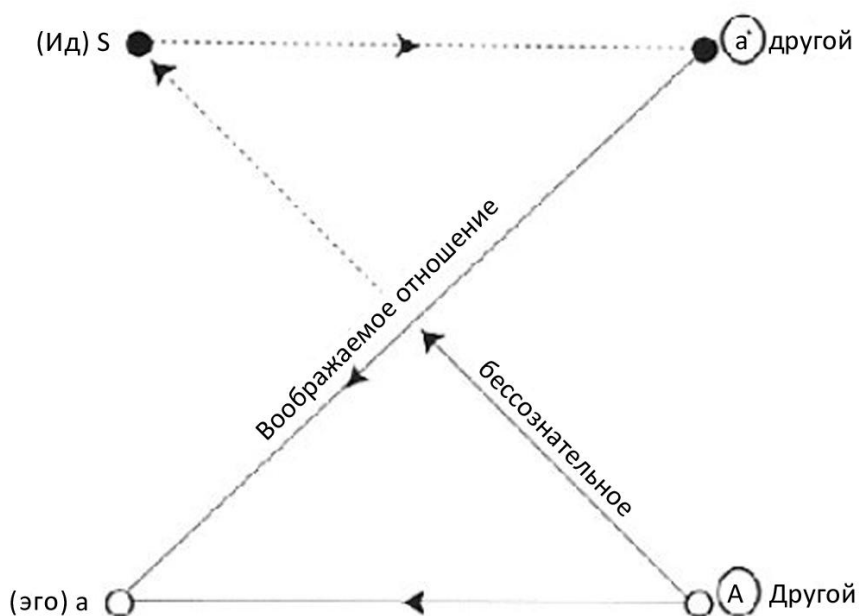

Рисунок 17 Схема L

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

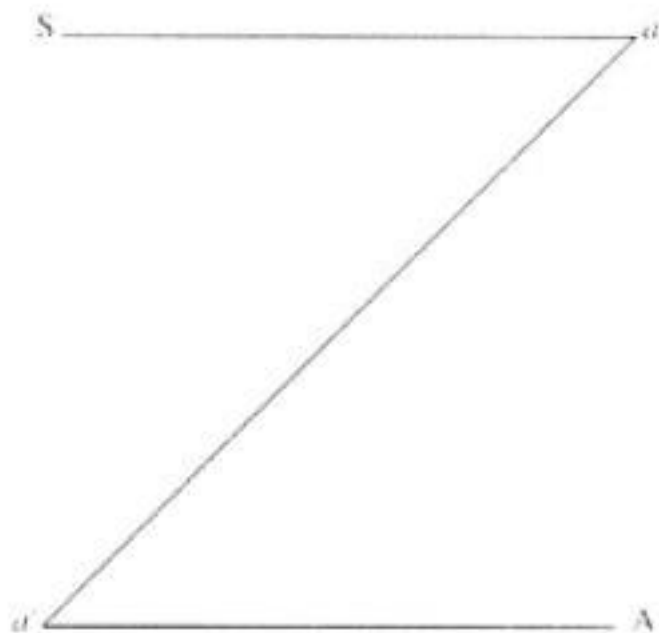

Рисунок 58 Схема L (упрощенная форма)

Источник: Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966.

Хотя схему L можно читать по-разному, ее основная задача заключается в том, чтобы продемонстрировать, что символическое отношение (между Другим и субъектом) всегда до определенной степени блокируется осью воображаемого (между эго и ЗЕРКАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ). Поскольку для того, чтобы достичь субъекта, дискурсу Другого необходимо пройти через воображаемую «стену языка», до субъекта он будет доходить в прерывной и инвертированной форме (см. КОММУНИКАЦИЯ). Таким образом, данная схема иллюстрирует фундаментальную для лакановской концепции психоанализа противоположность между воображаемым и символическим. Эта противоположность имеет практическое значение, поскольку в ходе лечения аналитик должен проникнуть в символический регистр, а не в воображаемое. Поэтому схема также указывает на позицию, занимаемую аналитиком в ходе лечения:

Если попытаться определить место аналитика внутри этой схемы речи субъекта, то он, скорей всего, будет находиться где-то в А. Во всяком случае, ему следует там быть. Если же он объединится с сопротивлением, то есть поступит именно так, как его учили не поступать, то он будет говорить от *a'* и видеть в субъекте самого себя.

(S3, 161–2)

Помещая различные элементы в четырех пустых *loci* схемы, можно использовать схему L для анализа различных отношений, имеющих место в ходе психоаналитического лечения. Так, например, Лакан использует схему для анализа отношений между Дорой и другими людьми в ее истории (S4, 142–3; см. Freud, 1905e), а также отношений между людьми в случае молодой гомосексуальной женщины (S4, 124–33; см. Freud, 1920a).

Помимо карты интерсубъективных отношений, схема L представляет также интрасубъективную структуру (поскольку одно измерение вообще может быть отделимо от другого). Таким образом, схема L иллюстрирует децентрацию субъекта, поскольку он локализован не в одной точке S, но по всей схеме в целом: «Он растянут между четырьмя углами схемы» (E, 194).

Кроме схемы L в произведениях Лакана фигурируют и другие схемы (схема R—см. E, 197; схема I — см. E, 212; две схемы Сада — см. Eс, 774 и Eс, 778). Все они являются видоизменениями основной четверичной схемы L. Однако если на схему L Лакан постоянно ссылается на протяжении 1954-1957 гг., то другие схемы появляются в его произведениях только по одному разу. Последние «схемы Сада» появляются в 1962 г. К этому моменту схемы уже перестали играть важную роль в лакановском дискурсе, хотя можно сказать, что их применение легло в основу более серьезных топологических разработок Лакана в 1970 гг.

сцена

(фр. *scène*; англ. *scene*) Фрейд заимствует выражение «другая сцена» (*eine andere Schauplatz*) у Густава Фехнера и использует его в своем произведении «Толкование сновидений», где утверждает, что «сцена действия снов отличается от сцены бодрствующей осмысленной жизни» (Freud, 1900a: SE V, 535–6). Из этого положения Фрейд выводит идею «психической локальности», несводимой к физической или анатомической локальности. Эти идеи Фрейда в дальнейшем лягут в основу разрабатываемой Лаканом ТОПОЛОГИИ (см. E, 285). В своих произведениях Лакан часто обращается к выражению Фехнера (например, E, 193); «другая сцена», по Лакану, является Другим.

Лакан использует термин «сцена» для обозначения воображаемого и символического театра, в котором субъект разыгрывает свой ФАНТАЗМ, выстраивающийся на основе реального (мира). Сцена фантазма представляет собой виртуальное пространство, ограниченное, так же, как и сцена настоящего театра, аркой просцениума. Мир, как реальное пространство, располагается по ту сторону этой рамки (Lacan, 1962–3: лекция 19 декабря 1962 г.). Понятие сцены используется Лаканом для проведения различия между РАЗЫГРЫВАНИЕМ и ПЕРЕХОДОМ К ПОСТУПКУ. Если разыгрывание, будучи вписанным в символический порядок, остается внутри сцены, то переход к поступку представляет собой выход со сцены, движение от символического в реальное; в нем осуществляется полная идентификация с объектом (*objet petit a*), следствием которой является уничтожение субъекта (Lacan, 1962–3: лекция 16 января 1963 г.). Сцена фантазма является важным аспектом ПЕРВЕРСИИ. Перверт инсценирует свое наслаждение в форме весьма стилизованной сцены и согласно стереотипическому сценарию.

T

теория объектных отношений

(фр. *théorie du relation d'objet*; англ. *object-relations theory*) Согласно определению Фрейда, объект является тем, благодаря чему и посредством чего влечение достигает своей цели. После смерти Фрейда в психоаналитической теории приобрели огромное значение понятия «объект» и «объектные отношения». Вскоре образовалась целая школа, известная как «теория объектных отношений». Главными сторонниками этой школы были Рональд Фэйрберн, Дональд Вудс Винникотт и Майкл Балинт. Все они были членами Средней Группы Британского психоаналитического общества. Эти аналитики имели между собой разногласия, вследствие чего теория объектных отношений охватила широкий круг теоретических точек зрения. Впрочем, несмотря на отсутствие четкого определения теории объектных отношений, от ЭГО-ПСИХОЛОГИИ ее отличает то обстоятельство, что в ней основное внимание уделяется объектам, а не самим влечениям. Подход теории объектных отношений предполагает изучение интерсубъективной конституции психики, в то время как для эго-психологии более характерен атомистический подход. Различие между двумя данными подходами является на сегодняшний день более размытым, в первую очередь благодаря деятельности современных аналитиков, таких как Отто Кернберг, пытающихся интегрировать теорию объектных отношений в структуру эго-психологии.

Несмотря на то, что лакановский психоанализ сравнивали с теорией объектных отношений на том основании, что в нем большое внимание уделяется ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ, Лакан настойчиво подвергал последнюю критике. В основном эта критика касалась предположения теории объектных отношений о существовании возможности полного и совершенно удовлетворительного отношения между субъектом и объектом. Согласно Лакану, у людей не существует никакой «предустановленной гармонии» между «потребностью и объектом, который ее удовлетворяет» (S1, 209). Причину заблуждения теории объектных отношений Лакан видел в том, что в ней «объект понимается только как объект удовлетворения» (S1, 209). Другими словами, помещая объект в регистр удовлетворения и ПОТРЕБНОСТИ, теория объектных отношений смешивает объект психоанализа с объектом биологии, пренебрегая символическим измерением желания. Пренебрежение специфическими трудностями, связанными с символической конституцией желания, приводит к серьезным последствиям: целью лечения становится достижение «взрослых объектных отношений» и идеала

«генитальной любви». Таким образом, теория объектных отношений становится источником «бредового морализаторства» (Ес, 71б; см. также ГЕНИТАЛЬНОЕ).

Другим положением теории объектных отношений, тесно связанным с предыдущим и тоже критикуемым Лаканом, является перенесение фокуса с эдипальной триады на отношения мать-ребенок, рассматривающиеся в качестве совершенно симметричных и взаимных. Одной из основных задач Лакана является возвращение эдипальной триаде ее центрального места в психоанализе. Он добивается этого благодаря акцентированию внимания на роли отца, а не матери, как это происходит в теории объектных отношений. Лакан не соглашается с тем, что объектные отношения являются симметрическими и дуальными (см. ДУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ), и утверждает, что они являются интерсубъективными, и включают не два, а три элемента.

Критика британской теории объектных отношений является одной из основных тем первого года публичного семинара Лакана (1953-1954 гг.). Четвертый год семинара, получивший название «Объектные отношения» (Lacan, 1956-7), Лакан посвящает анализу не британской (Балинт, Фейрберн, Гантрип и др.), но французской теории объектных отношений (Морис Бове).

ТОЛКОВАНИЕ

(**фр. *interprétation*; англ. *interpretation***) В процессе лечения аналитик выполняет двойную роль. С одной стороны, он должен слушать анализанда, а с другой – прерывать его для того, чтобы что-то ему сообщить. Хотя аналитик прибегает к использованию различных речевых актов (вопросов, советов и пр.), принципиальное, исключительное значения для всего процесса лечения имеют предлагаемые им толкования. Можно сказать, что толкованиями являются те случаи, когда слова аналитика подрывают «повседневный», сознательный способ рассмотрения анализандом чего-либо.

Впервые Фрейд начал предлагать своим пациентам толкования для того, чтобы помочь им вспомнить вытесненные из их памяти идеи. Эти толкования были обоснованными предположениями о том, что именно пациенты пропускали в своем рассказе о событиях, приведших к образованию их симптома. Например, в одном из ранних записанных толкований Фрейд сообщает своему пациенту о том, что тот не раскрыл всех мотивов собственного интенсивного аффекта по отношению к сыну своего работодателя; после этого Фрейд говорит: «Я думаю, что на самом деле вы влюблены в своего работодателя, директора, хотя, наверное, сами не отдаете себе в этом отчета» (Freud, 1895d: SE II, 117). Цель данного толкования заключалась в том, чтобы помочь пациенту осознать собственные бессознательные мысли.

Модель толкования была проработана Фрейдом в «Толковании сновидений» (Freud, 1900a); и хотя в этом произведении Фрейд касался исключительно толкования снов, он в тоже время отмечал, что толкование может быть применено и к другим образованиям бессознательного (парапраксисам, шуткам, симптомам и пр.) Во второй главе «Толкования» психоаналитический метод толкования противопоставляется методу «расшифровки». В случае с толкованием используется метод свободных ассоциаций: психоаналитическое толкование не

предполагает приписывания значения сну посредством обращения к существующей системе значений, но обращается к ассоциациям самого пациента. Следовательно, один и тот же образ, увиденный разными людьми, может иметь различные значения. Даже признав позднее существование во снах особого «символизма» (предполагающего, что некоторые образы имеют неизменные универсальные значения, дополняемые уникальным значением индивидуального пациента), Фрейд продолжал утверждать, что толкование должно фокусироваться на частном значении, и предостерегал аналитиков от «переоценки значимости символов в толковании снов» (Freud, 1900a: SE V, 359–60).

В самом начале истории психоаналитического лечения толкование стало наиболее важным инструментом аналитика в деле достижения терапевтического эффекта. Поскольку симптом понимался в качестве выражения вытесненной идеи, толкование рассматривалось как средство, помогающее пациенту осознать эту идею и излечить, таким образом, симптом. Однако в 1910–1920 гг., по окончании раннего периода, на протяжении которого толкование зарекомендовало себя в качестве исключительно эффективного метода, аналитики начали замечать, что их толкования становятся менее действенными. В частности было замечено, что симптом сохраняется даже после исчерпывающего толкования со стороны аналитика.

Для объяснения этого феномена аналитики обратились к понятию СОПРОТИВЛЕНИЯ, утверждая, что недостаточно просто предложить толкование бессознательного, необходимо также избавиться от сопротивления пациента, от его нежелания осознать свое бессознательное (см. Strachey, 1934). Лакан, впрочем, предлагал другое объяснение данного явления и утверждал, что кризис эффективности толкований после 1920-х гг. связан с «закрытием» бессознательного, спровоцированным самими аналитиками (S2, 10–11; S8, 390). Среди прочего, Лакан обвиняет аналитиков первого поколения в их стремлении основывать свои толкования на символизме (несмотря на предостережения Фрейда), то есть на обращении к допсихоаналитическому «расшифровывающему» методу толкования. Такой подход не только сводит все толкования к совокупности формул, но также дает пациенту заранее предугадывать, что скажет ему аналитик о его симптоме или ассоциации (что, как замечает Лакан «является наиболее раздражающей уловкой, достойной ремесла гадалки»; Es, 462). Таким образом, толкования теряют свою значимость и способность вызывать шок, удивление.

Другие аналитики еще до Лакана утверждали, что эти проблемы связаны с тем, что пациенты уже знакомы с психоаналитической теорией. Решение, которое они предлагали, заключалось в том, чтобы «переместить многознание со стороны пациента на сторону аналитика» (Ferenczi и Rank, 1925:61). Другими словами, они призывали аналитиков к разработке еще более сложной теории, позволяющей оставаться на шаг впереди пациента. Лакан, однако, предлагал другое решение, заключавшееся, по его мнению, не в усложнении толкований, но в новом подходе к их производству. Он призывал к созданию «обновленной техники толкования» (E, 82), которая подрывала бы базовые положения классической психоаналитической модели толкования.

Классические толкования приписывали сну, симптому, парапракису или ассоциации значение, в корне отличное от того, которое давал им сам пациент. Например, толкование могло иметь такую форму: «В действительности значение симптома заключается в том, что вы желаете *x*». Основной предпосылкой такого толкования было убеждение в том, что оно раскрывает тайное значение, истинность которого подтверждается в процессе производства

пациентом новых ассоциаций. Лакан подвергает критике это положение, утверждая, что аналитические толкования должны быть направлены не на раскрытие тайного значения, но на нарушение значения: «Толкование направлено не на «создание смысла», но на сведение означающих к их «бессмысленности» [англ. *non-sense*] для того, чтобы найти детерминанты всех форм поведения субъекта» (S11, 212). Таким образом, толкование инвертирует отношение между означающим и означаемым: вместо того, чтобы производить значение (означающее производит означаемое), толкование работает на уровне *s* производящем *S* и приводит тем самым к появлению «несводимых означающих», являющихся «без-смысленными» (S11, 250). Следовательно, Лакан не занимается вписыванием дискурса анализанда в предугазанную матрицу теории толкования (то есть, не «расшифровкой»), но напротив – подрывает все подобные теории. Толкование не предлагает анализанду нового сообщения, но дает ему услышать то сообщение, которое он все это время адресовывал самому себе. Речь анализанда всегда несет в себе значения, отличные от тех, которые он сознательно пытается передать. Аналитик играет на двусмысленности речи анализанда, делая очевидной ее многозначность. Чаще всего для достижения этой цели самому толкованию необходимо сохранять двусмысленность. Совершая подобное толкование, аналитик возвращает анализанду его собственное сообщение в его подлинной, инвертированной форме (см. КОММУНИКАЦИЯ).

Таким образом, толкование предлагается не как средство достижения согласия со стороны анализанда, но как тактическое средство, нацеленное на обеспечение возможности продолжения речи анализанда в той ситуации, когда поток ассоциаций заблокирован. Ценность толкования заключается не в его соответствии реальности, а в силе производить определенный эффект; толкование может быть неточным, в смысле его несоответствия «фактам», но все равно истинным, в смысле силы оказываемого им символического воздействия (см. E, 237).

Лакан утверждает, что аналитик должен воспринимать речь анализанда абсолютно буквально (*à la lettre*). То есть, задача аналитика заключается не в воображаемом, интуитивном постижении некоего «тайного сообщения» анализанда, но в чтении речи анализанда таким образом, будто она является текстом, и в обращении внимания на особенности этой речи, на постоянно повторяющиеся в ней означающие (S2, 153). Этим объясняются частые предостережения Лакана об опасностях «понимания»: «Чем меньше вы понимаете, тем больше слушаете» (S2, 141). Понимание (*comprendre*) имеет для Лакана негативные коннотации, поскольку предполагает вид слушания, идущего по пути вписывания речи другого в уже готовую теорию (см. E, 270; S2, 103; S8, 229–30). Во избежание этого аналитик, когда слушает, должен «забыть обо всем что знает» (Eс, 349), и предлагать толкование так, как будто он при этом «совершенно не знает теории» (Lacan, 1953b:227).

Для рассмотрения комплексного лакановского подхода к «толкованию переноса», см. ПЕРЕНОС.

ТОПОЛОГИЯ

(фр. *topologie*; англ. *topology*) Топологией (изначальное понятие Лейбница – *analysis situs*) называется отрасль математики, изучающая такие свойства фигур в пространстве, которые

сохраняются при любых непрерывных деформациях. Этими свойствами являются непрерывность, смежность и размежевание [англ. *delimitation*]. Пространство в топологии является топологическим, его размерность не определяется ни Эвклидовым пространством (двух- и трехмерным), ни теми пространствами, которые вообще не имеют измерений. Понятие топологического пространства включает в себя, таким образом, любые определения расстояний, размеров, областей и углов, основанные на понятиях близости и соседства.

Фрейд использовал пространственные метафоры для описания психики в «Толковании сновидений». В этом произведении он, заимствуя идею Фехнера о сцене сновидения, отличной от бодрствующей осмысленной жизни, предлагает понятие «психической локальности». Фрейд подробно объясняет, что данное понятие имеет чисто топографический смысл, не имеющий ничего общего с физической локальностью в анатомическом смысле (Freud, 1900a: SE V, 536). В его «первой топографии» (обычно называемой «топографической моделью» [англ. *the topographic system*]) психика разделена на три системы: сознание (англ. *conscious, Cs*), предсознание (англ. *preconscious, Pcs*) и бессознательное (англ. *unconscious, Ucs*). Во «второй топографии» (называемой «структурной моделью») психика разделена на три структуры: эго, супер-эго и Ид.

Лакан подвергает эти модели критике за их недостаточную топологичность. Он утверждает, что интуитивная сила образа диаграммы, иллюстрирующей вторую топологию в «Я и Оно» (1923b), привела к тому, что большинство читателей Фрейда забыли тот анализ, на основе которого она была создана (см. E, 214). Интерес Лакана к топологии объясняется тем, что с ее помощью можно чисто теоретически выразить понятие СТРУКТУРЫ, столь необходимое для понимания символического порядка. Лакан, таким образом, использует топологические модели «во избежание поглощения воображаемым» (E, 333). В интуитивных образах «восприятие затуманивает структуру», в лакановской же топологии «сокрытие символического не происходит» (E, 333).

Лакан утверждает, что топология представляет собой не метафорический способ выражения понятия структуры, но саму структуру (Lacan, 1973b). Он обращает внимание на то, что топология играет роль среза (*coupure*), устанавливающего различие между непрерывной и прерывной трансформацией. Каждый из видов трансформации играет особую роль в психоаналитическом лечении. Примером непрерывной трансформации для Лакана является ЛЕНТА МЕБИУСА; подобно тому, как одна сторона ленты непрерывно переходит в другую, субъект выходит за фантазм без мифического скачка от внутреннего к внешнему. Примером прерывной трансформации для Лакана также служит лента Мебиуса, которая, если отрезать середину, превращается в единственную петлю с очень разными топологическими свойствами; она имеет две стороны, а не одну. Так же, как срез превращает прерывную трансформацию в ленту Мебиуса, действенное толкование, предлагаемое аналитиком, радикально изменяет структуру дискурса анализанда.

Появление СХЕМЫ I и других схем в 1950-х гг. можно рассматривать в качестве первого шага Лакана к топологии. Основное же внимание топологическим формам Лакан уделяет в 1960-х гг., обращаясь к ленте Мебиуса, бутылке Клейна, фигурам тора и скрещенного колпака (см. Lacan, 1961-2). Позднее, в 1970-х гг., Лакан обращается к более сложной области топологии – теории узлов, особое внимание уделяя БОРРОМЕЕВУ УЗЛУ. Для введения в лакановскую топологию см. Granon-Lafont (1985).

тор

(фр. *tore*; англ. *torus*) Тор является одной из фигур, анализируемых Лаканом в его исследованиях ТОПОЛОГИИ. Элементарная форма тора представляет собой кольцо, трехмерный объект, образованный посредством соединения оснований цилиндра (Рисунок 19).

Впервые Лакан обратился к тору в 1953 г. (см. Е, 105), но существенное место в его теории эта фигура стала занимать только в работах по топологии в 1970 гг. Топология тора иллюстрирует определенные особенности структуры субъекта:

- Так же, как центр тяжести тора расположен за пределами его объема, центр субъекта расположен вне его самого; субъект, как и тор, децентрирован, экс-центричен.
- Другим свойством тора является то, что «его периферическая внешняя и центральная внешняя стороны являются частями непрерывного участка» (Е, 105). Эта особенность иллюстрирует то, каким образом психоанализ проблематизирует различие между «внутренним» и «внешним» (см. ЭКСТИМНОСТЬ).

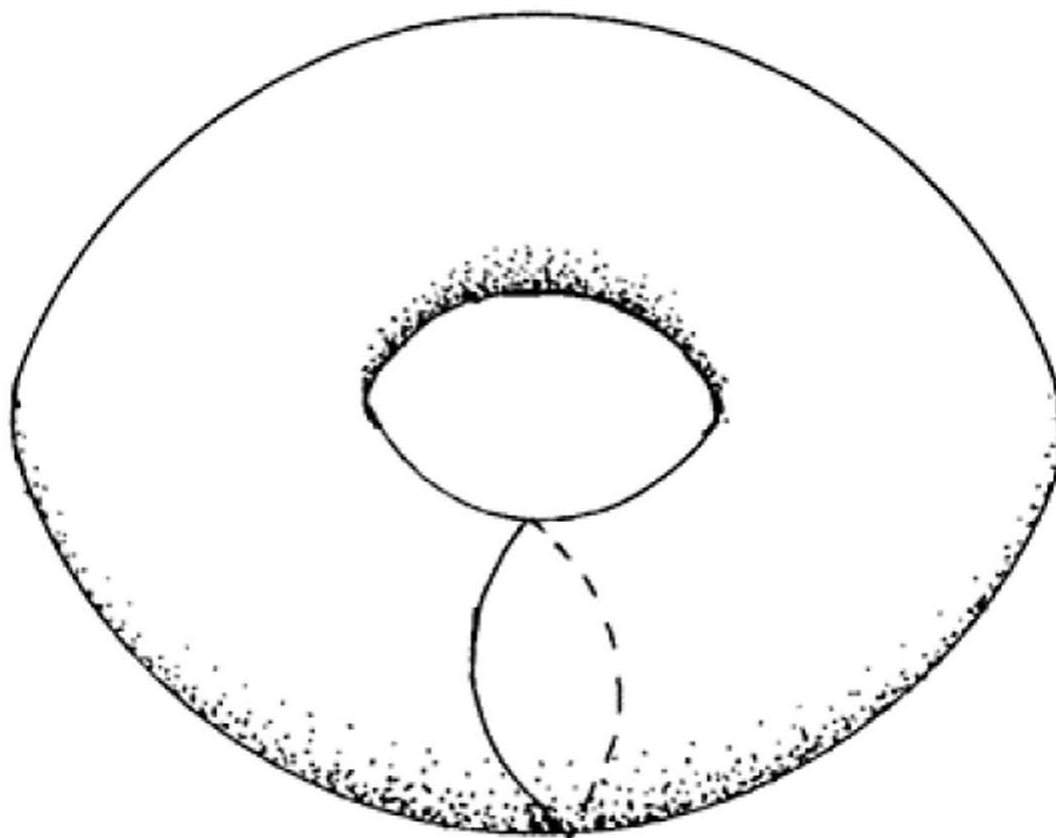

Рисунок 69 Тор

ТРАНСИТИВИЗМ

(фр. *transitivisme*; англ. *transitivism*) Феномен транзитивизма был впервые описан Шарлоттой Бюлер (см. Е, 5) как особый вид ИДЕНТИФИКАЦИИ, часто наблюдаемой в поведении маленьких детей. Например, ребенок может ударить своего сверстника по левой щеке, а затем прикоснуться к своей правой щеке и заплакать от воображаемой боли. Для Лакана транзитивизм иллюстрирует смещение эго и Другого, присущее воображаемой идентификации. ИНВЕРСИЯ (справа налево), характерная для транзитивизма, является дополнительным свидетельством существования зеркальной функции.

Транзитивизм также проявляется в паранойе, когда приступ и контрприступ связаны между собой «в абсолютной эквивалентности» (Lacan, 1951b:16).

требование

(фр. *demande*; англ. *demand*) У французских терминов «*demande*» и «*demande*» отсутствуют коннотации императивности и настойчивости, характерные для английского слова «*demand*». Скорее они ближе по смыслу к «*ask for*» [попросить] и «*request*» [запросить]. Однако в целях сохранения последовательности, во всех английских переводах Лакана используется термин «*demand*».

Хотя термин «*demand*» начинает фигурировать в лакановских работах с 1958 г., связанные с ним темы можно найти уже в семинаре 1956-1957 гг. Именно в этом году Лакан анализирует зов (*l'appel*), крик ребенка, направленный к матери (S₄, 182). Лакан утверждает, что крик (*cri*) представляет собой нечто большее, чем простой инстинктивный сигнал, поскольку «он включен в синхронический мир криков, организованных в символическую систему» (S₄, 188). Иными словами, крики ребенка организуются в лингвистическую структуру задолго до того, как ребенок начинает осмысленно пользоваться словами.

Именно представление о символической природе криков ребенка формирует ядро лакановского понятия требования, введенного им в 1958 г. в контексте различия между ПОТРЕБНОСТЬЮ, требованием и ЖЕЛАНИЕМ. Лакан утверждает, что поскольку младенец не способен осуществлять специфические действия, необходимые для удовлетворения своих биологических потребностей, он вынужден артикулировать эти потребности с помощью голоса (требований), чтобы другой (мать) мог осуществить за него необходимые действия. Примером такой первоначальной биологической потребности является голод. Ребенок артикулирует потребность в форме крика (требования), призывающего мать его покормить.

Однако поскольку объект, удовлетворяющий потребности ребенка, предоставляется другим, он приобретает тем самым дополнительное значение доказательства любви со стороны Другого. Соответственно, требование начинает выполнять две функции: в дополнении к артикуляции потребности, она также становится требованием любви. Так же, как символическая функция объекта как доказательства любви затмевает его реальную функцию как объекта, удовлетворяющего потребность, символическое измерение требования (как требования любви) заслоняет собой его реальную функцию (как артикуляции

потребности). Эта двойная функция рождает желание, поскольку если потребность, артикулированную в требовании можно удовлетворить, то жажда любви безусловна и ненасытна. Следовательно, даже после того, как потребности уже удовлетворены, сохраняется остаток; этот остаток и конституирует желание.

Требование, таким образом, внутренне связано с первоначальной БЕСПОМОЩНОСТЬЮ человеческого субъекта. Принуждая пациента к полному самовыражению в речи, психоаналитик помещает его в положение беспомощного младенца и поощряет тем самым РЕГРЕССИЮ.

Посредством требования прошлое раскрывается полностью, вплоть до раннего младенчества. Субъект всю свою жизнь выражает требования – иначе бы он не смог выжить. Нам необходимо просто исходить из этого факта.

(E, 254)

Любая речь пациента уже является требованием (ответа), но это требование подкреплено более глубоким требованием (вылечиться, раскрыться самому себе, стать аналитиком) (E, 254). Ключевым вопросом является вопрос о том, каким образом аналитику следует относиться к этим требованиям. Очевидно, что аналитик не должен пытаться удовлетворить все требования пациента, однако его задача не сводится также к тому, чтобы во всем ему отказывать (см. ФРУСТРАЦИЯ).

В 1961 г. Лакан переосмысляет различные стадии либидинальной организации как формы требований. Оральная стадия организуется вокруг требования быть накормленным, исходящего со стороны субъекта. Анальная стадия, напротив, организуется не вокруг требования субъекта, но вокруг требования Другого (родители обучают ребенка пользоваться горшком) (S8, 238–46, 269). На обеих догенитальных стадиях удовлетворение требования затмевает собой желание; последнее конституируется в полной мере только на генитальной стадии (S8, 270).

тревога

(фр. *angoisse*; англ. *anxiety*) Долгое время тревога понималась в психиатрии как наиболее общий симптом психического расстройства. Психиатрические описания тревоги в основном указывали на психические (мрачное предчувствие, беспокойство) и телесные явления (одышка, учащенное сердцебиение, мышечное напряжение, усталость, головокружение, потливость и дрожь). Психиатры также различали два основных вида тревоги: относительно стабильную «свободно блуждающую тревогу» и «приступы паники», считавшиеся «скачкообразными эпизодами острой тревоги» (Hughes, 1981:48–9).

Термин, используемый Фрейдом для обозначения тревоги (*Angst*), имеет психиатрическое значение, описанное выше, но кроме того является и чисто техническим термином повседневного языка. На протяжении своего творчества Фрейд развивает две теории тревоги. С 1884 г. по 1925 г. он утверждает, что невротическая тревога является превращенной формой сексуального либидо, не нашедшего адекватного способа удовлетворения. Однако в 1926 г. он

утверждает, что тревога является реакцией на «травматическую ситуацию» – переживанием БЕСПОМОЩНОСТИ перед лицом накопленного возбуждения, не находящего себе разрядки. Травматические ситуации вызываются к жизни «ситуациями опасности», например, рождением, потерей матери как объекта, потерей объекта любви и, более всего, кастрацией. Фрейд различает «автоматическую тревогу», возникающую непосредственно в результате травматической ситуации, и «тревогу как сигнал», активно воспроизводимую эго в качестве предупреждения о возможной опасной ситуации.

В довоенных произведениях Лакан ассоциирует тревогу с угрозой фрагментации, с которой сталкивается субъект на стадии зеркала (см. ФРАГМЕНТИРОВАННОЕ ТЕЛО). Только после прохождения стадии зеркала фантазии о расчленении тела объединяются вокруг страха потери пениса, вызывающего тревогу кастрации (Lacan, 1938:44). Лакан также ассоциирует тревогу со страхом быть поглощенным матерью. Эта тема (с отчетливо кляйнианским оттенком), оказавшая влияние на лакановское понимание тревоги, определяет основное отличие Лакана от Фрейда: если Фрейд полагает в качестве одной из причин тревоги отделение от матери, то Лакан утверждает, что в тревоге проявляется как раз нехватка такого отделения.

С 1953 г. Лакан определяет тревогу в связи со своим понятием реального. Последнее представляет собой травматический элемент, остающийся по ту сторону символизации, а значит, любого возможного опосредования. Реальное является «сущностным объектом, уже не являющимся объектом; оно представляет собой нечто, перед чем любые слова и категории бессильны, объект тревоги *par excellence*» (S2, 164).

Кроме связи тревоги с реальным, Лакан помещает ее в порядок воображаемого, противопоставляя ей вину, принадлежащую символическому (Lacan, 1956b:272–3). «Тревога, как мы знаем, всегда связана с потерей... с двойственным отношением угасания, которое вытесняется чем-то, встречу с чем пациент не может перенести без головокружения» (Lacan, 1956b:273).

В семинаре 1956-1957 гг. Лакан продолжает развивать свою теорию тревоги в контексте анализа ФОБИИ. Он утверждает, что тревога является радикальной опасностью, избежать которой субъект желает любой ценой. Различные субъективные образования, исследуемые психоанализом, от фобий до фетишизма, являются формами защиты от тревоги (S4, 23). Тревога, таким образом, представлена во всех невротических структурах, особенно в фобии (E, 321). Даже фобия более предпочтительна тревоге (S4, 345): по крайней мере, она заменяет тревогу (ужасную именно из-за того, что она не связана ни с каким определенным объектом и организуется вокруг отсутствия) страхом (который связан с определенным объектом, а значит, может быть символически преодолен) (S4, 243–6).

На материале анализа случая Маленького Ганса (Freud, 1909b), Лакан показывает, что тревога возникает в момент, когда субъект находится в состоянии перехода от воображаемой доэдипальной триады к эдипальной четверичности. В этот момент реальный пенис Ганса дает о себе знать в инфантильной мастурбации; тревога возникает из-за осознания Гансом разницы между тем, за что он любим матерью (его положение в качестве воображаемого фаллоса) и тем, что он может предложить ей в действительности (его ничтожный реальный орган) (S4, 243). Тревога является точкой между настоящим моментом, когда субъект уже не знает, где он находится, и будущим, в котором он больше никогда не сможет себя обнаружить

(S4, 226). Ганс мог бы быть спасен от тревоги благодаря кастрирующему вмешательству реального отца, но этого не произошло; отец не смог вмешаться и отделить его от матери, вследствие чего у Ганса и развилась фобия как заменитель этого вмешательства. Иными словами, по мысли Лакана, тревогу у Ганса вызвало не отделение от матери, но невозможность этого отделения (S4, 319). Следовательно, кастрация не является принципиальным источником тревоги. Напротив, она является тем, что спасает субъекта от тревоги.

В семинаре 1960-1961 гг. Лакан говорит об отношении тревоги к желанию; тревога представляет собой способ сохранения желания в том случае, если объект желания исчез, и наоборот, желание является лекарством от тревоги, поскольку его легче перенести, чем тревогу (S8, 430). Он также утверждает, что источник тревоги не обязательно заключается в самом субъекте, но может быть внесен извне другим, как это происходит, например, в стае животных: «Если тревога является сигналом, то, следовательно, она может исходить от другого» (S8, 427). Именно поэтому аналитик не должен примешивать к лечению собственную тревогу. Чтобы этого не происходило, он должен поддерживать свое желание, желание аналитика (S8, 430).

В семинаре «Тревога» 1962-1963 гг. Лакан утверждает, что тревога является аффектом, а не эмоцией. Более того, она является единственным несомненным аффектом, аффектом, который не может нас обмануть (см. также S11, 41). Если Фрейд различает страх (источником которого является особый объект) и тревогу (которая не имеет такого объекта), то Лакан показывает, что тревога «не без объекта» (*n'est pas sans objet*), просто речь в ее случае идет о таком виде объекта, который невозможно символизировать. Этим объектом является *objet petit a*, объект-причина желания, и тревога возникает тогда, когда нечто занимает место этого объекта. Тревога появляется тогда, когда субъект сталкивается с желанием Другого и не понимает, каким объектом для этого желания является он сам.

В том же году Лакан ассоциирует тревогу с понятием нехватки. Причиной любого желания является нехватка, тревога же появляется в случае, когда не хватает самой нехватки; тревога – это нехватка нехватки. Она возникает не как следствие отсутствия груди, но как следствие ее всепоглощающего присутствия; только возможность ее отсутствия спасает от тревоги. Разыгрывание и переход к поступку являются последними формами защиты от тревоги.

Тревога также связана со стадией зеркала. Даже в зачастую столь утешительном процессе переживания собственного отражения в зеркале может возникнуть момент изменения и остранения зеркального образа. В этом измерении Лакан ассоциирует тревогу с фрейдовским понятием зловещего [англ. *uncanny*] (Freud, 1919h).

Если в семинаре 1962-1963 гг. Лакан обращается ко второй теории тревоги Фрейда (тревога как сигнал), то в семинаре 1974-1975 гг. он, кажется, возвращается к первой (тревога как трансформированное либидо). В этот же период возникает его объяснение тревоги как того, что существует внутри тела, переполненного фаллическим *jouissance* (Lacan, 1974-5: лекция 17 декабря 1974 г.).

У

уловка

(фр. *leurre*; англ. *lure*) Как отмечает Алан Шеридан в коротком глоссарии, составленном им для собственного перевода *Écrits*, «французское слово *leurre* может быть переведено и как «приманка» [англ. *lure*] (для ястреба, рыбы), и как «манок» [англ. *decoy*] (для птиц), и как «наживка» [англ. *bait*] (для рыбы), и как «обольщение» [англ. *allurement*] и «очарование» [англ. *enticement*]» (Sheridan, 1977:xi).

Уловки являются частью порядка воображаемого. Соблазняющие маневры ребенка в доэдипальной триаде (когда ребенок пытается быть фаллосом для матери) описываются как уловки (S4, 201). По отношению к психоаналитическому лечению различные формы СОПРОТИВЛЕНИЯ также являются уловками, и аналитик должен использовать все свое мастерство, чтобы избежать попадания в их сети (см. E, 168).

Не только люди способны использовать уловки, и этот факт иногда используется для доказательства существования «сознания у животных». Лакан, однако, утверждает, что необходимо отличать уловки животных от уловок людей:

- **Животные уловки** Животные могут обманывать своим внешним видом, или «когда один член стада отводит хищника от всего стада», но «даже в этом случае нет ничего, что выходило бы за пределы функционирования уловки в качестве инструмента удовлетворения потребности» (E, 172). Уловки животных особенно важны в церемониях спаривания, когда одно животное должно соблазнить другого; именно это обстоятельство сообщает элемент воображаемого человеческой сексуальности: «Половое поведение особенно склонно к уловкам» (S1, 123).

- **Человеческие уловки** Если уловки животных непосредственны, то для специфически человеческих уловок характерен «двойной обман». Такой вид уловок предполагает обман, притворяющийся обманом (т.е. говорить правду предполагая, что другой примет сказанное за ложь) (см. E, 305). Классическим примером собственно человеческой уловки является шутка о двух польских евреях, которая встречается у Фрейда (и часто цитируется Лаканом): «Зачем ты говоришь мне, что ты едешь в Краков, чтобы я поверил, что ты направляешься во Львов, когда ты на самом деле едешь в Краков?» (E, 173). Другие животные неспособны к таким уловкам, поскольку они не обладают языком.

Ф

фактор к

(фр. *facteur c*; англ. *factor c*) Лакан впервые употребляет термин «фактор к» на психиатрическом конгрессе 1950 г. «Фактор к» представляет собой «постоянную характеристику любой данной культурной среды» (Е, 37). Этим понятием Лакан пытается обозначить ту часть символического порядка, которая включает в себя особые характеристики, отличающие одну культуру от другой («к» означает «культура»). Хотя было бы интересно порассуждать о возможностях применения этого понятия во взаимоотношениях психоанализа с различными культурными средами, Лакан дает только один пример «фактора к»: антиисторизм, утверждает он, является «фактором к» культуры США (см. Е, 37 и Е, 115). «Американский образ жизни» вращается вокруг означающих «счастья», «адаптации», «человеческих отношений» и «управления человеком» (Е, 38). Лакан рассматривает «фактор к» американской культуры в качестве антитезы психоанализа и видит в нем причину ошибок, допущенных психоаналитической теорией в США (например, ЭГО-ПСИХОЛОГИЕЙ).

фаллос

(фр., англ. *phallus*) Работы Фрейда изобилуют отсылками к пенису. Фрейд отмечает, что дети обоих полов придают ему большое значение, и открытие ими того факта, что некоторые люди им не обладают, ведет к важным психическим последствиям (см. КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ). Однако термин «фаллос», если и встречается у Фрейда, то выступает в качестве синонима «пениса». Фрейд иногда использует прилагательное «фаллический» как, например, в словосочетании «фаллическая фаза», однако не предполагает различия между терминами «фаллос» и «пенис». Фаллическая фаза является стадией развития ребенка (мальчика или девочки), на которой он знает о существовании только одного генитального органа – пениса.

Лакан предпочитает использовать термин «фаллос», а не «пенис», подчеркивая тем самым тот факт, что психоаналитическую теорию интересует не мужской генитальный орган в его биологической реальности, но роль этого органа в фантазме. Поэтому Лакан обычно пользуется термином «пенис» для обозначения биологического органа, а термином «фаллос» – для обозначения его воображаемой и символической функции.

Хотя Фрейд не прибегает к подобному терминологическому различению, оно все же соответствует логике, присущей его формулировкам о пенисе. Так, например, очевидно, что когда Фрейд говорит о символическом равенстве между пенисом и ребенком, позволяющем девочке преодолеть свою зависть к пенису посредством деторождения, он не имеет в виду реальный орган (Freud, 1917c). Можно сказать, что терминологическая инновация Лакана проясняет некоторые различия, уже имплицитно присущие мысли Фрейда.

До 1950-х гг. понятие фаллоса играло в произведениях Лакана довольно незначительную роль, однако затем постепенно начало приобретать все большее значение. Фаллос имеет принципиальное значение в ЭДИПОВОМ КОМПЛЕКСЕ и в теории ПОЛОВОГО РАЗЛИЧИЯ.

- **Фаллос и Эдипов комплекс** Фаллос является одним из трех элементов воображаемой триады ДОЭДИПАЛЬНОЙ ФАЗЫ. Он представляет собой воображаемый объект, циркулирующий между матерью и ребенком (S₃, 319). Мать желает обладать этим объектом, а ребенок стремится удовлетворить ее желание, идентифицируясь с фаллосом или с фаллической матерью. Появление отца как четвертого элемента в Эдиповом комплексе разрушает воображаемую триаду и выполняет кастрирующую функцию: отец делает невозможной идентификацию ребенка с воображаемым фаллосом. Ребенок становится перед выбором: или принять эту кастрацию (принять, что он не может быть фаллосом для матери) или отвергнуть ее.

- **Фаллос и половое различие** Лакан утверждает, что через принятие кастрации проходят как мальчики, так и девочки, в том смысле, что любой ребенок, независимо от пола, должен отвергнуть возможность стать фаллосом для матери; подобное «отношение к фаллосу... устанавливается безотносительно к анатомическому различию полов» (E, 282). Отказ обоих полов от идентификации с воображаемым фаллосом делает возможным отношение с символическим фаллосом, которое выстраивается для каждого пола по-разному: мужчина имеет символический фаллос (или, если быть точным, «он не без того, чтобы его иметь» [фр. *il n'est pas sans l'avoir*; англ. *he is not without having it*]), а женщина нет. Это обстоятельство осложняется тем, что мужчина может притязать на обладание символическим фаллосом только в том случае, если он принял собственную кастрацию (отказался быть воображаемым фаллосом), а также тем, что отсутствие у женщины символического фаллоса является своеобразной формой обладания им (S₄, 153).

Каков статус фаллоса? Принадлежит ли он реальному, воображаемому или символическому? Лакан говорит о реальном, воображаемом и символическом фаллосе:

- **Реальный фаллос** Как уже было отмечено, для обозначения реального биологического органа Лакан обычно пользуется термином «пенис», обозначая «фаллосом» воображаемые и символические функции этого органа. Однако Лакан не всегда придерживался такого словоупотребления, иногда используя термин «реальный фаллос» для обозначения биологического органа или используя термины «символический фаллос» и «символический пенис» как синонимы (S₄, 153). Такое неточное словоупотребление привело некоторых комментаторов к убеждению в том, что предполагаемое различие между фаллосом и пенисом весьма нестабильно и что «понятие фаллоса является точкой регрессии к биологическому органу» (Masey, 1988:191).

Хотя воображаемому и символическому фаллосу Лакан уделяет больше внимания, чем реальному фаллосу, он тем не менее не оставляет последний без внимания. Реальный пенис играет важную роль в Эдиповом комплексе маленького мальчика, поскольку его сексуальность проявляется в детской мастурбации именно посредством этого органа; подобное вторжение реального в воображаемую доэдипальную триаду превращает ее из источника удовольствия в источник тревоги (S₄, 225–6; S₄, 341). Вопрос, который ставится в Эдиповом комплексе, состоит именно в том, где же расположен реальный фаллос? Ответ, необходимый для разрешения этого комплекса, звучит следующим образом: реальный фаллос расположен у реального отца (S₄, 281). Реальный фаллос в лакановской алгебре обозначается символом П [пи прописная – прим. пер.].

- **Воображаемый фаллос** Когда Лакан впервые вводит различие между пенисом и фаллосом, последний обозначает воображаемый объект (S₄, 31). Это «образ пениса» (E, 319), пенис, воображаемый в качестве частичного объекта, который может быть отделен от тела посредством кастрации (E, 315), «фаллический образ» (E, 320). Воображаемый фаллос воспринимается ребенком в доэдипальной фазе как объект желания матери, находящийся за пределами самого ребенка; поэтому ребенок желает идентифицироваться с этим объектом. Эдипов комплекс и комплекс кастрации ведут к отказу от попыток стать воображаемым фаллосом. Воображаемый фаллос в лакановской алгебре обозначается символом ф (строчная фи), который символизирует также фаллическое означивание. Кастрация обозначается как -ф (минус строчная фи).

- **Символический фаллос** Циркуляция воображаемого фаллоса между матерью и ребенком запускает первую форму диалектики в жизни ребенка, которая, хоть и является воображаемой, сразу же прокладывает путь для возникновения символического, поскольку воображаемый элемент циркулирует точно так же, как и означающее (фаллос становится «воображаемым означающим»). Поэтому формулировка Лакана о воображаемом фаллосе в семинаре 1956–1957 гг. сопутствуют признания фаллоса символическим объектом (S₄, 152) и означающим (S₄, 191). Идея о том, что фаллос является означающим, получает дальнейшее развитие в семинаре 1957–1958 гг. и становится принципиальным элементом лакановской теории фаллоса. Последний понимается как «означающее желания Другого» (E, 290) и означающее *jouissance* (E, 320).

Эти идеи наиболее ясно изложены в статье Лакана «Означивание фаллоса» (Lacan, 1958c):

Фаллос – это не фантазм, если под последним понимать результат воздействия воображаемого. Это также не объект (частичный, внутренний, хороший, плохой и пр.). В наименьшей степени он является символизируемым им органом, пенисом или клитором... Фаллос – это означающее... Это означающее, призванное определять совокупность воздействий на означаемое.

(E, 285)

Если в комплексе кастрации и Эдиповом комплексе на первом месте находится воображаемый фаллос, то главное место при решении вопроса о половом различии отводится символическому фаллосу. У фаллоса нет соответствующего женского означающего: «Фаллос – это символ, у которого нет соответствия, нет эквивалента. В этом смысл асимметрии в

означающем» (S3, 176). И мужчина, и женщина принимают свой пол посредством отношения к символическому фаллосу.

В отличие от воображаемого фаллоса, символический фаллос не может быть отвергнут, поскольку на символическом уровне отсутствие имеет тот же положительный статус, что и присутствие (см. E, 320). Поэтому даже женщина, не обладающая символическим фаллосом, может владеть им, поскольку не обладание в символическом также является формой обладания (S4, 153). И наоборот, принятие символического фаллоса мужчиной возможно только благодаря первоначальному принятию им собственной кастрации.

В 1961 г. Лакан утверждает, что символический фаллос появляется на месте нехватки означающего в Другом (S8, 278–81). Это не простое означающее, но реальное присутствие желания самого по себе (S8, 290). В 1973 г. он пишет, что символический фаллос является «означающим, у которого нет означаемого» (S20, 75).

Символический фаллос обозначается в лакановской алгебре символом Ф [фи прописная – прим. пер.]. Однако Лакан предупреждает своих учеников, что вся сложность этого символа будет упущена, если он будет просто отождествляться с символическим фаллосом (S8, 296). Правильнее будет рассматривать этот символ в качестве обозначения «фаллической функции» (S8, 298). В начале 1970-х гг. Лакан вводит символ фаллической функции в свою формулу сексуации. Используя логику предикатов, он артикулирует проблемы полового различия посредством двух формул для мужской позиции и двух формул для женской позиции. Все четыре формулы группируются вокруг фаллической функции, которая здесь эквивалентна функции кастрации.

- **Критика Лакана** Из всех идей, предложенных Лаканом, понятие фаллоса вызвало, возможно, наибольшее количество споров. Критические замечания в отношении этого понятия можно разделить на две основные группы:

Во-первых, некоторые феминистские авторы полагают, что, отводя фаллосу привилегированную позицию, Лакан повторяет патриархальный жест Фрейда (например, Grosz, 1990). Другие феминисты защищают Лакана, доказывая, что его различие между фаллосом и пенисом открывает путь для понимания полового различия, не сводимого к биологии (например, Mitchell и Rose, 1982).

Второе главное возражение против лакановского понятия фаллоса было высказано Жаком Деррида (Derrida, 1975) и поддержано многими другими. Он указывает на то, что, несмотря на лакановский отказ от трансцендентализма, фаллос функционирует как трансцендентальный элемент, действующий в качестве идеального гаранта смысла. Каким образом может существовать «привилегированное означающее», спрашивает Деррида, если любое означающее определяется только через отличия от других означающих? Иными словами, понятие фаллоса в очередной раз приводит к утверждению метафизики присутствия, которую Деррида обозначает как логоцентризм. Совмещая последний с фаллоцентризмом, Деррида заключает, что Лакан создал фаллологоцентрическую систему мысли.

фантазм

(фр. *fantasme*; англ. *fantasy*) Понятие фантазма (пишется как «*phantasy*» в «*Полном собрании сочинений*») является центральным для творчества Фрейда. Происхождение психоанализа связано с признанием Фрейдом в 1897 г. того, что воспоминания о соблазнении иногда являются продуктами фантазма, а не результатом действительного сексуального насилия. Этот решающий момент в развитии творчества Фрейда (который зачастую упрощенно называют «отказом от теории соблазнения»), по-видимому, предполагает противопоставление фантазма и действительности. Первый является чистой иллюзией воображения и стоит на пути правильного восприятия действительности. Однако психоаналитическая теория не может принять такое понимание фантазма, поскольку сама реальность не является некоей очевидной, объективно воспринимаемой данностью. Реальность всегда сконструирована в согласии с определенным дискурсом. Поэтому изменения в понимании фантазма не привели Фрейда к отрицанию достоверности всех воспоминаний о сексуальном насилии, но открыли фундаментально дискурсивную и фантазматическую природу памяти: воспоминания о событиях прошлого постоянно изменяются в связи с бессознательными желаниями, и поэтому симптомы возникают не как следствия «объективных фактов», но как результат сложной диалектики, важную роль в которой играет фантазм. Следовательно, Фрейд использует термин «фантазм» для обозначения сцены, представленной в воображении, на которой разыгрывается бессознательное желание. Субъект всегда играет на этой сцене определенную роль, даже когда это неочевидно. Воображаемая сцена может быть сознательной или бессознательной. В последнем случае аналитик должен реконструировать ее на основании различных подсказок (см. Freud, 1919e).

Принимая положение Фрейда о важности фантазма, а также о визуальном характере сценариев, в согласии с которыми разыгрываются желания, Лакан, тем не менее, акцентирует внимание на защитной функции фантазма. Лакан сравнивает СЦЕНУ фантазма с остановленным изображением на киноэкране: в определенный момент фильм может быть остановлен, для того чтобы спасти зрителя от травматической сцены. Фантазм, в этом смысле, представляет собой защитный механизм, скрывающий кастрацию (S_4 , 19–20). Таким образом, фантазм характеризуется фиксированностью и неподвижностью.

Хотя термин «фантазм» возникает в работах Лакана только в 1957 г., понятие ЗАЩИТЫ начинает им использоваться раньше (см., например, заметку Лакана 1951 г. о «постоянных способах, с помощью которых субъект конституирует свои объекты»; Ес, 225). Это понятие лежит в основе как лакановской идеи фантазма, так и его понятия клинической структуры: оба понимаются как относительно стабильные способы защиты от кастрации, от нехватки в Другом. Каждая из клинических структур может рассматриваться в качестве специфического способа использования сцены фантазма для сокрытия нехватки в Другом. Фантазм невротика, формализованный Лаканом в матеме ($\$ \diamond a$), появляется в графе желания как ответ субъекта на энигматическое желание Другого, как способ ответа на вопрос о том, чего же от меня хочет Другой (*Che vuoi?*) (см. Е, 313). Данную матему следует читать так: зачеркнутый субъект в отношении к объекту. В фантазме перверта отношение к объекту инвертируется, и поэтому ее формула записывается как $a \diamond \$$ (Ес, 774).

Хотя матема ($S\Delta a$) обозначает общую структуру фантазма невротика, Лакан предлагает особые формулы для записи фантазмов истерика и навязчивого невротика (S8, 295). Хотя различные формулы фантазмов выражают общие характеристики, присущие фантазмам субъектов, обладающих той или иной клинической структурой, аналитик должен также стремиться выявить уникальные особенности, характерные для фантаматического сценария каждого пациента. Эти уникальные особенности выражают, в искаженном виде, особый способ *JOUISSANCE* субъекта. Искажение очевидно в фантазме как компромиссном образовании: фантазм – это и то, что позволяет субъекту сохранить свое желание (S11, 185; Ес, 780), и то, «благодаря чему субъект сохраняет себя на уровне своего исчезающего желания» (Е, 272, курсив мой – прим. Дилана Эванса).

Лакан утверждает, что за множеством образов, появляющихся во снах, лежит один «фундаментальный фантазм», который является бессознательным (см. S8, 127). В ходе психоаналитического лечения аналитик реконструирует фантазм анализанда во всех подробностях. Однако лечение на этом не останавливается: анализанд должен «перейти за/через фундаментальный фантазм» (см. S11, 273). Иными словами, лечение должно произвести определенную модификацию основного способа защиты субъекта, некое изменение в его способе *JOUISSANCE*.

Признавая силу образа в фантазме, Лакан, тем не менее, настаивал на том, что эта сила является результатом не какого-то имманентного свойства самого образа, но места, занимаемого им в символической структуре; фантазм всегда является «образом, работающим в означающей структуре» (Е, 272). Лакан подвергает критике кляйнианский анализ фантазма за то, что он, не принимая во внимание символическую структуру, остается на уровне воображаемого: «Любая попытка свести [фантазм] к воображению... является существенным недопониманием» (Е, 272). В 1960-х гг. Лакан посвящает целый год семинара изучению того, что он называет «логикой фантазма» (Lacan, 1966–7), не переставая указывать при этом на решающую роль в нем структуры означивания.

ФЕТИШИЗМ

(фр. *fétichisme*; англ. *fetishism*) Термин «фетиш» приобрел широкую популярность в XVIII в. в связи с изучением «примитивных религий». Фетишем в них назывался неодушевленный предмет поклонения (эту этимологию Лакан считал очень важной; S8, 169). В XIX в. Маркс использовал этот термин для описания того, как в капиталистическом способе производства общественные отношения приобретают иллюзорную форму отношений между вещами («товарный фетишизм»). В конце XIX-го века Рихард фон Краффт-Эбинг впервые применил этот термин для описания сексуальных отношений. Он определил фетишизм как сексуальную ПЕРВЕРСИЮ, в которой удовлетворение от секса полностью зависит от присутствия особого предмета (фетиша). Фрейд и многие другие исследователи сексуальности приняли именно такое определение фетиша. Фетишем обычно бывают неодушевленные предметы, например, обувь или часть нижнего белья.

Фрейд полагал, что фетишизм (почти всегда понимаемый в качестве мужской перверсии) возникает из детского страха женской кастрации. Осознав тот факт, что у матери нет пениса,

фетишист отрицает эту нехватку, находя предмет (фетиш) как символический заменитель потерянного пениса матери (Freud, 1927e).

Впервые проблемы фетишизма Лакан касается в 1956 г. Он отмечает, что этот феномен открывает широкое поле для исследований, практически незамеченное его современниками. Лакан отмечает также, что отождествление фетиша с материнским фаллосом может быть понято только в отношении к лингвистическим трансформациям, а не в связи со «смутными аналогиями визуального поля», например, сравнением лобковых волос с пушком (Lacan, 1956b:267). В качестве подтверждения своего тезиса он приводит фрейдовский анализ фразы «*Glanz auf der Nase*» (см. Freud, 1927e).

В последующие годы Лакан проводит различие между пенисом и фаллосом, отмечая, что фетиш представляет собой заменитель последнего, а не первого. Также он расширяет содержание понятия ОТКАЗА, рассматривая его в качестве конститутивной операции не только для фетишистской перверсии, но и перверсии как таковой. Однако он сохраняет фрейдовское понимание фетишизма как исключительно мужской перверсии (Ес, 734), весьма редко встречающейся у женщин (S4, 154).

В семинаре 1956-1957 гг. Лакан проводит важное отличие между объектом фетиша и объектом фобии; если фетиш является символическим заменителем потерянного пениса матери, то объект фобии представляет собой воображаемый заменитель символической кастрации (см. ФОБИЯ). Как и все перверсии, фетишизм происходит из доэдипальной триады мать-ребенок-фаллос (S4, 84-5, 194). Однако его уникальность заключается в том, что он имеет характер двойной идентификации: с матерью и с воображаемым фаллосом; в фетишизме, субъект, по сути, колеблется между двумя этими идентификациями (S4, 86, 160).

В 1958 г. Лакан утверждает, что пенис имеет для гетеросексуальной женщины «значение фетиша». Это утверждение поднимает ряд интересных вопросов (Е, 290). Во-первых, оно переворачивает фрейдовское понимание фетишизма: вместо того, чтобы фетишу быть символическим заменителем реального пениса, реальный пенис может сам стать фетишем, заменяя отсутствующий у женщины символический фаллос. Во-вторых, оно подрывает воззрение (и Фрейда, и Лакана) о том, что фетишизм является крайне редким феноменом у женщин; если пенис можно рассматривать в качестве фетиша, то фетишизм по преимуществу является женским, а не мужским феноменом.

Философия

(фр. *philosophie*; англ. *philosophy*) Фрейд рассматривал философию, наряду с искусством и религией, в качестве одного из величайших достижений культуры, которое является свидетельством высокоразвитого состояния цивилизации. Впрочем, он полагал, что отношения между философией и психоанализом имеют противоречивый характер. С одной стороны, он признавал, что некоторым философам (например, Эмпедоклу и Ницше) удалось интуитивно предвидеть то, что психоанализ смог открыть только благодаря продолжительным исследованиям (Freud, 1914d: SE XIV, 15-16). С другой стороны, он настойчиво критиковал философов за отождествление психики и сознания, и следующее из этого положения априорное исключение бессознательного (Freud, 1925e [1924]: SE XIX, 216-17).

Фрейд также сравнивал философские системы с параноидальным бредом (Freud, 1912–13: SE XIII, 73).

В творчестве Лакана отношения между психоанализом и философией также имеют амбивалентный характер. С одной стороны, Лакан противопоставляет психоанализ замкнутым философским системам (S₁, 118–19; S₁₁, 77), сравнивая философию с дискурсом ГОСПОДИНА, являющегося обратной стороной психоанализа (S₂₀, 33). С другой стороны, творчество Лакана изобилует ссылками на философские произведения; это обстоятельство рассматривается в качестве одной из наиболее характерных особенностей, отличающих Лакана от других психоаналитических мыслителей. Чаще всего Лакан обращается к следующим философам:

- **Платон** Лакан часто сравнивает психоаналитический метод с методом ведения сократического диалога (см. ДИАЛЕКТИКА). Он также уделяет внимание ряду платоновских произведений, особенно «*Пир*», анализу которого посвящает большую часть семинара 1960–1961 гг.

- **Аристотель** Лакан анализирует типологию причинности Аристотеля в семинаре 1964 г. (см. СЛУЧАЙНОСТЬ), а также аристотелевскую логику в семинаре 1970–1971 гг.

- **Декарт** В своих произведениях Лакана часто ссылаются на Декарта, поскольку его философия *COGITO* рассматривается им в качестве выражения центрального содержания психологии современного человека (S₂, 6). Субъект в лакановском понимании является одновременно и картезианским субъектом (в движении от сомнения к уверенности), и его свержением.

- **Кант** Кантовская философия морали («*Критика практического разума*»), более всего интересующая Лакана, становится предметом подробного анализа в его семинаре об этике (1959–1960 гг.) и его статье «*Кант и Сад*» (1962). Лакан интерпретирует категорический императив Канта с точки зрения фрейдовского понятия супер-эго.

- **Гегель** В 1933–1939 гг. Лакан посещал лекции Александра Кожева о Гегеле, проходившие в École des Hautes Études (позднее они были собраны и опубликованы Раймоном Кено; см. Kojève, 1947). Влияние этих лекций на творчество Лакана неопределимо. Каждый раз, обращаясь к Гегелю, Лакан в первую очередь обращается к той его интерпретации, которая была дана Кожевым. У Гегеля Лакан заимствует (среди прочего) диалектический метод мышления, понятие ПРЕКРАСНОЙ ДУШИ, диалектику раба и господина, а также различие между животным и человеческим ЖЕЛАНИЕМ.

- **Хайдеггер** Лакан был лично знаком с Хайдеггером, встречался с ним и переводил некоторые из его произведений. Влияние Хайдеггера на творчество Лакана можно увидеть в метафизическом анализе БЫТИЯ, а также в различении полной и пустой РЕЧИ.

Лакан часто ссылался и на работы других философов, например, Блаженного Августина, Спинозы, Сартра и других.

В своем творчестве Лакан опирался на работы многих философских школ и направлений. В ранних произведениях он склоняется к феноменологии, а в 1936 г. даже предлагает «феноменологическое описание психоаналитического опыта» (Es, 82–5). Позднее, впрочем, он

становится противником феноменологии, а в 1964 г. представляет критику «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти (Sp, 71–6). В отношении затрагиваемой психоанализом онтологической проблематики, Лакан заявляет о МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ характере своего учения, выступающего против любых форм идеализма. Касаясь вопросов эпистемологии и философии НАУКИ, Лакан всегда занимает позицию рационализма.

Более подробную информацию об отношениях Лакана с философией можно найти в работах Juranville (1984), Macey (1988: гл. 4), Ragland-Sullivan (1986) и Samuels (1993).

ФОБИЯ

(**фр. *phobie*; англ. *phobia***) Обычно в психиатрии под фобией понимается исключительный страх определенного объекта (например, животного) или конкретной ситуации (например, выхода из дома). Страдающий от фобии пациент, как правило, испытывает ТРЕВОГУ при столкновении с объектом фобии или при попадании в ситуацию, вызывающую страх. Для предотвращения этих столкновений он разрабатывает «стратегии уклонения». Эти стратегии становятся настолько изощренными, что жизнь субъекта подвергается серьезным ограничениям.

Наиболее существенным вкладом Фрейда в исследование фобии является анализ случая маленького мальчика, которого он называл Маленьким Гансом. К пяти годам у Ганса развилась серьезная боязнь лошадей, приведшая к нежеланию выходить на улицу, чтобы не повстречаться с ними. Изучая случай Ганса, Фрейд выделил первичную причину тревоги (не связанную с определенным объектом) и следующий за ней страх, сфокусированный на лошадях; только последний представлял собой фобию как таковую. Фрейд утверждал, что тревога являлась результатом трансформаций сексуального возбуждения, переживаемого Гансом в отношениях с матерью, в то время как лошади представляли собой отца, от которого Ганс боялся получить наказание (Freud, 1909b).

В семинаре 1956–1957 гг. Лакан представляет свой скрупулезный анализ случая Маленького Ганса, в ходе которого предлагает собственное понимание фобии. Вслед за Фрейдом, он признает различие между фобией и тревогой: сначала возникает тревога, за которой следует фобия как защитный механизм, обращающий тревогу в страх чего-то определенного (S4, 207, 400). Однако вместо того, чтобы отождествлять объект фобии с представителем отца, как это делает Фрейд, Лакан утверждает, что основной характеристикой объекта фобии является то, что он представляет не одного человека, но несколько человек поочередно (S4, 283–8). Лакан обращает внимание на то, что на протяжении всей фобии Ганс описывает свой страх различными способами: например, иногда Ганс боялся, что лошадь укусит его, а иногда – что она упадет (S4, 305–6). В каждый из этих моментов, утверждает Лакан, лошадь представляет собой различных людей из жизни Ганса (S4, 307). Таким образом, лошадь функционирует не в качестве эквивалента единственного означаемого, но в качестве означаемого, не имеющего одного определенного смысла и заменяемого разными означаемыми по очереди (S4, 288).

Лакан утверждает, что причиной развития у Ганса фобии стала неспособность его реального отца вмешаться в качестве носителя кастрации, сыграв, тем самым, свою роль в

ЭДИПОВОМ КОМПЛЕКСЕ (S₄, 212). Когда собственная сексуальность Ганса стала очевидной, проявив себя в инфантильной мастурбации, доэдипальная триада (мать-ребенок-воображаемый фаллос) перестала быть для Ганса источником наслаждения и превратилась в нечто, провоцирующее тревогу. Вмешательство реального отца могло бы спасти Ганса от тревоги, символически кастрировав его, но в отсутствии этого вмешательства Ганс был вынужден найти его заменитель в фобии. Фобия использует воображаемый объект (лошадь) для реорганизации символического мира Ганса, тем самым помогая ему совершить переход из воображаемого в символический порядок (S₄, 230, 245–6, 284). Являясь, таким образом, далеко не только негативным феноменом, фобия помогает сделать травматическую ситуацию мыслимой и проживаемой посредством введения символического измерения. Впрочем, предлагаемое ей решение является временным (S₄, 82).

Объектом фобии, таким образом, является воображаемый элемент, который несет функцию означающего, способного представлять любой из возможных элементов мира субъекта. Лошадь представляла для Ганса в различные моменты отца, мать, младшую сестры, друзей, его самого, и множество других вещей (S₄, 307). В процессе развития всех возможных превращений вокруг «кристалла означающего его фобии», маленький Ганс смог истощить все препятствия, стоявшие на пути его перехода от воображаемого к символическому. Это позволило ему найти разрешение невозможного благодаря обращению к уравнению означающего (E, 168). Другими словами, фобия играет ту же роль, что и понятие мифа у Леви-Стросса, только на уровне индивида, а не общества. Главным в мифах, отмечает Леви-Стросс, является не некое «естественное» или «архетипическое» значение конституирующих их элементов, но способ их соединения, позволяющий, даже при изменении элементами своего положения, оставлять неизменным способ отношения между ними (Lévi-Strauss, 1955). Такое постоянное переформирование одних и тех же элементов позволяет пережить встречу с невозможной ситуацией посредством артикуляции всех различных форм ее невозможности (S₄, 330).

Каково практическое значение лакановской теории для лечения субъектов, страдающих от фобий? Вместо того чтобы просто вернуть субъекту душевное равновесие (бихевиоральная терапия), или предоставить объяснение объекта фобии (например, «лошадь – это твой отец»), лечение должно помочь субъекту проработать все возможные превращения, включающие в себя означающее фобии. Помогая субъекту развить индивидуальный миф в соответствии с его собственными законами, лечение позволит истощить все возможные комбинации элементов означающего, а значит – привести к исчезновению фобии (S₄, 402) (стоит помнить, что анализ случая маленького Ганса у Лакана касается только лечения детских фобий, оставляя вопрос о лечении взрослых фобий открытым).

Как отмечал Фрейд по поводу случая Маленького Ганса, до сих пор в психиатрических нозографиях фобиям не было отведено какой-либо определенной позиции. Фрейд пытался преодолеть неопределенность, связанную с классификацией фобий, но не смог избежать некоторой двусмысленности. С одной стороны, поскольку симптомы фобии могут наблюдаться и у невротиков, и у психотиков, Фрейд утверждал, что фобию нельзя считать «независимым патологическим процессом» (Freud, 1909b: SE X, 115). С другой стороны, в той же работе Фрейд высказал мысль о существовании особой формы невроза, центральным симптомом которой является фобия. Он назвал его «тревожной истерией», особым типом истерии, отличным от «конверсионная истерия» (которую он до этого называл просто «истерией») [конверсионная истерия проявляется исключительно или преимущественно в

двигательных, сенсорных и вегетативных расстройств – прим. пер.]. Таким образом, двусмысленность замечаний Фрейда заключается в том, что под фобией понимается и симптом, и особое клиническое образование. Схожая двусмысленность наблюдается и в работах Лакана, где данная проблема переформулируется в различении фобии как *симптома* и фобии как *СТРУКТУРЫ*. В большинстве случаев Лакан различал только две невротические структуры (истерию и навязчивый невроз), описывая фобию как симптом, а не структуру (S4, 285). Однако в нескольких местах Лакан предлагает рассматривать фобию в качестве третьей формы невроза в дополнение к истерии и навязчивому неврозу, предполагая, таким образом, существование структуры фобии (например, E, 321); в 1961 г., например, он описывает фобию как «наиболее радикальную форму невроза» (S8, 425). Проблема оставалась неразрешенной до семинара 1968-1969 гг., на котором Лакан заявил, что

Не нужно видеть в ней [фобии] отдельное клиническое образование, но скорее нужно понимать ее как точку соединения [фр. *plaque tournante*; англ. *junction*], нечто, что может быть прояснено в отношении к тому, что является его конечной целью, то есть в отношении к двум великим порядкам невроза, истерии и навязчивости, а также реализующегося в нем соединения с перверсией.

(Lacan, 1968–9, цитата по Chetama, 1993:210)

Таким образом, фобия является, по Лакану, не одной из клинических структур наряду с истерией и навязчивым неврозом, но скорее поворотным пунктом, ведущим к одному из них, а также имеющим определенные связи со структурой перверсии. Эту связь с перверсией можно увидеть в сходстве фетиша и объекта фобии: оба являются символическими заместителями потерянного элемента, оба служат структурированию окружающего мира. Более того, и фобия, и перверсия, появляются из-за затруднений в переходе от вообразуемой доэдипальной триады к символической эдипальной четверичности.

ФОРКЛЮЗИЯ

(фр. *forclusion*; англ. *foreclosure*) Уже в докторской диссертации 1932 г. одним из центральных вопросов, занимающих Лакана, является вопрос о поиске психической причины формирования ПСИХОЗА. В процессе поисков вырисовываются две постоянные темы.

- **Форклюзия ОТЦА** В 1938 г. Лакан ассоциирует происхождение психоза с форклюзией отца из структуры семьи и последующей редукцией последней к отношениям мать-ребенок (Lacan, 1938:49). Позднее, проводя различие между реальным, воображаемым и символическим отцом, Лакан полагал, что к психозу приводит именно отсутствие символического отца.

- **Понятие *Verwerfung* Фрейда** Фрейд использует термин «*Verwerfung*» (переведенный как «отречение» [англ. *repudiation*] в «*Полном собрании сочинений*») в нескольких совершенно несопоставимых контекстах (см. Laplanche и Pontalis, 1967:166). Лакан обращает внимание на значение этого термина как особого, отличного от вытеснения (*Verdrangung*), защитного механизма, в котором «это отвергает неприемлемую идею вместе с сопровождающими ее

эмоциями и ведет себя так, как будто эта идея его никогда не посещала» (Freud, 1894a: SE III, 58). В 1954 г., опираясь на собственный анализ случая «Человека-волка» (см. Freud, 1918b: SE XVII, 79–80), Лакан описывает *Verwerfung* как особый механизм психоза, в котором элемент отвергается в символическом порядке таким образом, что создается ощущение, будто его никогда и не было (Ec, 386–7; S1, 57–9). В этот период Лакан предлагает несколько вариантов перевода термина «*Verwerfung*» на французский язык, например, «*rejet*» [отбрасывание, удаление – прим. пер.], «*refus*» [отказ – прим. пер.] (S1, 43), и «*retranchement*» [отсекание – прим. пер.] (Ec, 386). В 1956 г. Лакан предлагает термин «*forclusion*» [утрата, вытеснение; потеря права на обращение в суд в связи с истечением установленного срока – прим. пер.] (термин французской системы права; англ. *foreclosure*) как наиболее подходящий вариант перевода *Verwerfung* на французский язык (S3, 321). Этот термин Лакан продолжает использовать на протяжении всего своего творчества.

В 1954 г. Лакан впервые обращается к фрейдовскому понятию *Verwerfung* для обозначения особого механизма психоза. До этого было не совсем ясно, что же именно подлежит форкклюзии: кастрация, речь (S1, 53), или «генитальный уровень» (S1, 58). Лакан нашел решение этой проблемы в конце 1957 г., предложив понятие ИМЕНИ-ОТЦА (фундаментального означающего) как объекта форкклюзии (E, 217). Таким образом, Лакану удалось совместить в одной формулировке две темы, доминировавшие до этого в его исследованиях причин психоза (отсутствие отца и понятие *Verwerfung*). Эта формулировка остается центральной для лакановского понимания психоза на всем протяжении его творчества.

Когда Имя-Отца подвергается форкклюзии, оно оставляет дыру в символическом порядке, которую невозможно заполнить; в таком случае субъект приобретает структуру психоза, даже если при этом он не проявляет его классических признаков. Рано или поздно, когда подвергшееся форкклюзии Имя-Отца снова появляется в реальном, субъект оказывается неспособным ассимилировать его. Результатом этого становится «столкновение с не ассимилируемым означающим» (S3, 321), представляющее собой, собственно «вход в психоз», характеризующийся, как правило, возникновением ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ и/или БРЕДА.

Форкклюзию следует отличать от других операций, таких как ВЫТЕСНЕНИЕ, ОТРИЦАНИЕ и ПРОЕКЦИЯ.

- **Вытеснение** Форкклюзия отличается от вытеснения тем, что элемент, подвергшийся форкклюзии, не пропадает в бессознательном, но изгоняется из него. Вытеснение является операцией, конституирующей невроз, а форкклюзия – операцией, конституирующей психоз.

- **Отрицание** Форкклюзия отличается от отрицания тем, что не предполагает первоначального суждения о существовании (см. *BEJAHUNG*). В случае последней отрицаются те элементы, существование которых не было прежде осознано, первая же предполагает такое отторжение элемента, при котором его как будто бы никогда и не существовало.

- **Проекция** Форкклюзия является специфически психотическим механизмом, а проекция, по Лакану, представляет собой исключительно невротический механизм. Если в случае с проекцией процесс направляется изнутри вовне, то элемент, подвергшийся форкклюзии, возвращается внутрь извне. Как отмечал Фрейд в «*Психоаналитических заметках об автобиографическом случае паранойи*» (1911c), анализируя галлюцинации Шребера: «Было бы

неправильно говорить, что ощущение, которое было подавлено внутри проецируется вовне; истина, как мы сейчас наблюдаем, заключается в другом – то, что было уничтожено внутри, возвращается снаружи» (SE XII, 71). Лакан не только цитирует это предложение Фрейда, но и формулирует его в собственных терминах: «Что отвергается в символическом порядке... возвращается в реальном» (S3, 13).

В 1957 г. Лакан вкратце упоминает о *Verwerfung* как о механизме, в котором посредством идентификации с отцом в растворении Эдипова комплекса производится супер-эго (S4, 415). В данном употреблении этот термин обозначает нормальный/невротический процесс и явно не имеет ничего общего с механизмом форклюдии у психотика.

[На русский язык юридический термин «*forclusion*» можно перевести как «утрата права за истечением срока давности». Также фрейдовский термин «*Verwerfung*» переводится как «отбрасывание»: например, «отбрасывание страха кастрации» (*Verwerfung der Kastrationsangst*) или «отбрасывание отцовского означающего». См. Ольшанский Д.А. «От лингвистики Якобсона к клинике Фрейда: метонимия и метафора в психотическом языке» в Теоретическом журнале *Credo New*. № 3 (51), 2007. С. 191 – 212 – прим. пер.].

фрагментированное тело

(фр. *corps morcelé*; англ. *fragmented body*) Понятие фрагментированного тела является одним из наиболее ранних в творчестве Лакана. Это понятие связано со СТАДИЕЙ ЗЕРКАЛА. Младенец видит в своем зеркальном отражении целое/синтез, и благодаря этому восприятию формирует представление о своем теле (которому на этой стадии не хватает моторной координации) как о разделенном и фрагментированном. Возникающая из-за чувства фрагментированности тревога способствует идентификации с зеркальным образом, благодаря которой формируется эго. Однако предвосхищению целостности эго с тех пор постоянно угрожает память о чувстве фрагментированности, проявляющаяся в «образах кастрации, расчленения, разъединения, дезорганизации, опустошения, поглощения, разрывания тела», преследующих человеческое воображение (E, 11). Эти образы обычно возникают в сновидениях и ассоциациях анализанда на определенном этапе лечения – в тот момент, когда его агрессивность дает о себе знать в негативном переносе. Ее возникновение является важным ранним признаком того, что лечение движется в правильном направлении, то есть в направлении расщепления непоколебимого единства эго (Lacan, 1951b:13).

В более широком смысле понятие фрагментированного тела обозначает не только образы физического тела, но также любые ощущения фрагментированности и разъединенности: «Он [субъект] первоначально представляет собой зачаточное множество желаний – в этом и заключается подлинный смысл выражения «фрагментированное тело»» (S3, 39). Любое подобное ощущение разъединенности угрожает иллюзии целостности, конституирующей эго.

Лакан использует понятия фрагментированного тела для объяснения некоторых типичных для истерии симптомов. Истерический паралич, поражающий конечность, не является следствием физиологической структуры нервной системы, но отражает способ разделения тела в «воображаемой анатомии». Таким образом, фрагментированное тело «проявляется на

органическом уровне в шизоидных и спазматических симптомах истерии, обусловленных хрупкостью, характерной для фантазматической анатомии» (E, 5).

Фрустрация

(**фр., англ. *frustration***) Английский термин «*frustration*» начал приобретать популярность в 1950-х гг. в тех областях психоаналитической теории, где произошло смещение акцента с эдипальной триады на отношения мать-ребенок. В этом контексте под фрустрацией обычно понимался отказ матери предоставить ребенку объект, служащий удовлетворению одной из его биологических потребностей. Фрустрация ребенка, таким образом, рассматривалась некоторыми психоаналитиками в качестве главного фактора этиологии невроза.

Слово «фрустрация» используется в «*Полном собрании сочинений*» для перевода фрейдовского термина «*Versagung*». Не играя принципиальной роли в учении Фрейда, этот термин все же становится частью его терминологического словаря. На первый взгляд может показаться, что фрейдовское понимание фрустрации совпадает с описанным выше. Так, например, Фрейд отводит фрустрации важную роль в этиологии симптомов, утверждая, что «именно *фрустрация* делает пациента больным» (Freud, 1919a: SE XVII, 162). Следовательно, утверждая, что термин «фрустрация» «практически отсутствует в работах Фрейда» (S3, 235), Лакан имеет в виду, что фрейдовское понятие *Versagung* не соответствует описанному выше понятию фрустрации. Лакан говорит, что сторонники подобного понимания фрустрации, отклоняясь от работ Фрейда, заводят психоаналитическую теорию в серию тупиков (S4, 180). Поэтому в семинаре 1956-1957 гг. он предпринимает попытку переформулировать понятие фрустрации в соответствии с логикой фрейдовской теории.

Лакан начинает с того, что классифицирует фрустрацию в качестве одного из трех типов «нехватки объекта», отличного от кастрации и лишения (см. НЕХВАТКА). Соглашаясь с тем, что фрустрация находится в центре первоначальных отношений между матерью и ребенком (S4, 66), он утверждает, тем не менее, что фрустрация имеет отношение не к биологическим потребностям, но к ТРЕБОВАНИЮ любви. Это не значит, что фрустрация не имеет никакого отношения к реальному объекту удовлетворения потребности (например, к груди, или детской бутылочке с соской); напротив, такой объект, конечно же, имеет место, во всяком случае, поначалу (S4, 66). Однако важно то, что реальная функция этого объекта (удовлетворять потребность, например, голод) вскоре полностью затмевается его символической функцией, которая заключается в том, что он функционирует в качестве символа материнской любви (S4, 180–2). Объект, таким образом, в большей степени ценится как символический дар, а не как средство удовлетворения потребности. В качестве дара он вписывается в символическую сеть законом, регулирующим обмен, и рассматривается как то, на что субъект может предъявлять свои права (S4, 101). Фрустрация в собственном смысле слова может возникнуть только в контексте этого правового порядка. Поэтому когда объект, требуемый ребенком, не предоставляется, о фрустрации можно говорить только в том случае, если ребенок чувствует, что с ним обошлись несправедливо (S4, 101). В этом случае, когда объект все-таки предоставляется, ребенок продолжает испытывать чувство несправедливости (нереализованных обещаний, отвергнутой любви), и пытается утешить себя переживанием ощущений, связанных с удовлетворением его первоначальной потребности. Таким образом,

фрустрация предполагает нечто кардинально противоположное отказу в удовлетворении биологической потребности; напротив, удовлетворение биологической потребности представляет собой безуспешную попытку компенсировать подлинную фрустрацию, являющуюся результатом неудовлетворения требования любви.

Фрустрация играет важную роль в психоаналитическом лечении. Фрейд отмечает, что мотивация пациента продолжать лечение уменьшается по мере исчезновения раздражающих его симптомов. Чтобы пациент не потерял мотивацию и не захотел прервать лечение преждевременно, Фрейд рекомендовал аналитику «постоянно восстанавливать [страдание пациента] в другом месте в форме осязаемого лишения» (Freud, 1919a: SE XVII, 163). Этот технический совет обычно называют правилом абстиненции, в согласии с которым аналитик должен постоянно фрустрировать пациента, отказывая ему в удовлетворении требования любви. Такой подход «позволяет поддерживать потребности и стремления пациента, которые провоцируют его работать и изменяться» (Freud, 1915a: SE XII, 165).

Соглашаясь с утверждением Фрейда о том, что аналитик не должен удовлетворять требование любви пациента, Лакан отмечает, что акт фрустрации нельзя рассматривать в качестве самоцели. Напротив, фрустрация должна рассматриваться как средство, позволяющее повторно появиться означаемым прежних требований. «Аналитик поддерживает требование неудовлетворенным не для того, чтобы фрустрировать субъекта, но для того, чтобы позволить повторно появиться означаемым, с которыми связана эта фрустрация» (E, 255). Поддерживая требование анализанда в состоянии фрустрации, аналитик стремится выйти за пределы требования и вызвать к жизни желание анализанда (E, 276).

Лакановское понимание правила абстиненции отличается от фрейдовского. В первую очередь Фрейд понимал под абстиненцией воздержание анализанда от сексуальной активности; если пациент умоляет аналитика заняться с ним любовью, аналитик должен фрустрировать его требование отказом. Соглашаясь с этим советом, Лакан отмечает также, что существует более общее требование, которое может фрустрировать аналитик – требование пациента, чтобы аналитик ему отвечал. Пациент ожидает, что аналитик будет придерживаться правил повседневного общения. Отказ от этих правил – сохранение молчания, когда пациент задает вопрос, или наделение слов пациента новым неожиданным значением – является эффективным средством фрустрации пациента.

В 1961 г. Лакан упоминает о еще одном средстве фрустрации анализанда аналитиком. Это отказ аналитика сигнализировать пациенту собственную тревогу. Аналитик не должен поддаваться тревоге на всем протяжении лечения, и особенно тогда, когда пациент требует от аналитика испытывать тревогу. Лакан предполагает, что в ходе психоаналитического лечения именно эта форма фрустрации является наиболее плодотворной (S8, 428).

Ц

цепь означающих

(фр. *chaîne signifiante, chaîne du signifiant*; англ. *signifying chain*) Термин «цепь» начинает часто использоваться Лаканом с середины 1950-х гг. и всегда в связи с символическим порядком. В 1956 г. он говорит не о цепи означающих, но о цепи символического, особой родовой линии, включающей в себя каждого субъекта даже до рождения и после смерти, и влияющей бессознательно на его судьбу (Ес, 468). В том же году он говорит о «цепи дискурса» (S3, 261).

В 1957 г. Лакан вводит термин «цепь означающих», подразумевающий серию ОЗНАЧАЮЩИХ, связанных между собой. Цепь означающих не может быть завершена, поскольку к ней всегда можно добавить еще одно означающее, *ad infinitum*. В этой незавершенности выражается вечная природа желания; именно поэтому желание метонимично. Производство значений в цепи также имеет метонимический характер; означивание происходит не в какой-то определенной точке цепи, но в самой «настойчивости» движения от одного означающего к другому (см. Е, 153).

Для обозначения цепи означающих Лакан попеременно использует метафоры линии и круга:

- **Линейность** «Линейность, которую Соссюр считает конститутивной для цепи дискурса, может быть приписана дискурсу только в отношении его временной направленности» (Е, 154).
- **Кругообразность** Цепь означающих сравнивается с «кольцами ожерелья, которое само является кольцом в другом ожерелье, созданном из колец» (Е, 153).

С одной стороны, метафора линейности предполагает, что цепь означающих представляет собой поток речи, в котором означающие согласуются в соответствии с законами грамматики (которые Соссюр называет «синтагматическими» отношениями, а Лакан, вслед за Якобсоном, размещал на метонимической оси языка). С другой стороны, метафора кругообразности предполагает, что цепь означающих является серией означающих, связанных между собой свободными ассоциациями, один из возможных путей сквозь сеть означающих, конституирующих символический мир субъекта (путь, который Соссюр называл «ассоциативным» отношением, а Лакан, вслед за Якобсоном, размещал на метафорической оси языка). В действительности, цепь означающих предполагает оба вида отношений. В

диахроническом измерении она линейна, синтагматична, метонимична; в синхроническом измерении она кругообразна, ассоциативна, метафорична. Эти измерения пересекаются: «В конце концов, не существует такой цепи означающих [диахронической цепи], которая бы не обладала, в каждом из своих элементов, артикуляцией всех соответствующих контекстов [синхронические цепи], подвешенных «вертикально» в каждой из точек» (E, 154). Лакан, таким образом, объединяет в одном понятии два вида отношений («синтагматический» и «ассоциативный»). В то время как Соссюр полагал, что эти отношения существуют между знаками, Лакан утверждал, что они существуют не между знаками, а между означающими.

Ч

частичный объект

(фр. *objet partiel*; англ. *part-object*) Согласно Мелани Кляйн, недоразвитая способность младенца к восприятию, вместе с его заинтересованностью только в непосредственном удовлетворении своих потребностей, являются причинами того, что поначалу субъект относится к другому человеку как к части, а не как к целому. Первичным частичным объектом является, по мысли Кляйн, материнская грудь. По мере развития визуального аппарата, ребенок приобретает способность воспринимать людей в качестве целых объектов, а не совокупностей отдельных частей (см. Hinshelwood, 1989:378–80).

Хотя термин «частичный объект» впервые начал применяться кляйнианской школой психоанализа, происхождение этого понятия уходит корнями к работам Карла Абрахама и, в конечном счете, самого Фрейда. Например, когда Фрейд утверждает, что частичные влечения направлены на такие объекты как грудь и фекалии, он, несомненно, имеет в виду частичные объекты. Также, анализируя КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ и механизм фетишизма, Фрейд утверждает, что пенис является частичным объектом (который в комплексе кастрации воображается в качестве отделенного органа) (см. Laplanche and Pontalis, 1967:301).

Понятие частичного объекта начинает играть важную роль в творчестве Лакана уже на самых ранних его этапах. С его помощью Лакан критикует теорию объектных отношений, ложно приписывающую объекту завершенность. Свою критику Лакан аргументирует тем, что все ВЛЕЧЕНИЯ являются частичными, и, следовательно, все объекты по необходимости тоже являются частичными.

Внимание Лакана к понятию частичного объекта свидетельствует о влиянии на его учение идей Мелани Кляйн. Однако если Кляйн утверждает, что эти объекты являются частичными постольку, поскольку в совокупности образуют целый объект, то Лакан утверждает, что их частичность обусловлена «не тем, что они являются частью целого объекта, тела, но тем, что они лишь частично представляют ту функцию, которая их производит» (E, 315). Иными словами, в бессознательном представлены не биологические функции объектов, а те, которые связаны с удовольствием. Более того, Лакан доказывает, что причиной изолирования тех или иных частей тела в качестве частичных объектов является не некая их биологическая данность, но система означающих языка.

В дополнение к частичным объектам, уже обнаруженным психоаналитической теорией (грудь, фекалии, ФАЛЛОС как воображаемый объект и мочеотделение), Лакан добавляет (в 1960 г.) еще несколько: фонема, ВЗГЛЯД, голос и ничто (E, 315). У всех этих объектов есть нечто общее: «Они не имеют зеркального образа» (E, 315). Иными словами, они являются именно тем, что не может быть ассимилировано в нарциссическую иллюзию целостности субъекта.

Лакановская концепция частичных объектов подверглась изменениям в связи с разработкой в 1963-1964 гг. понятия *OBJET PETIT A* как причины желания. Каждый частичный объект становится объектом благодаря тому, что субъект воспринимает его в качестве объекта желания, *objet petit a* (SII, 104). Начиная с этого года, Лакан выделяет четыре основных частичных объекта: голос, взгляд, грудь, фекалии.

черта

(фр. *barre*; англ. *bar*) Этот термин впервые появляется в творчестве Лакана в 1957 г. в контексте анализа сосюрковского понятия ЗНАКА (E, 149). Первоначально под чертой понимается линия, разделяющая означающее и означаемое в Сосюрковском алгоритме (см. Рисунок 8, стр. 81), и символизирует собой сопротивление, свойственное означиванию и преодолеваемое только в метафоре. Лакан с особым удовольствием подчеркивает, что во французском языке слово «*barre*» является анаграммой «*arbre*» (дерево), а Сосюр именно на примере дерева иллюстрирует свою концепцию знака (E, 154).

Вскоре после появления этого термина в статье 1957 г., в семинаре 1957-1958 гг., Лакан использует черту для зачеркивания алгебраических символов *S* и *A* на манер того, как Хайдеггер зачеркивает слово «бытие» (см. Heidegger, 1956). Зачеркивание *S* производит \mathcal{S} , «зачеркнутого/разделенного субъекта». Черта здесь символизирует разделение субъекта посредством языка, то есть РАСЩЕПЛЕНИЕ. Таким образом, если до 1957 г. *S* обозначало субъект (например, в схеме *L*), то начиная с 1957 г. *S* обозначает означающее, а \mathcal{S} – (разделенного) субъекта. Черта также используется для зачеркивания *A* (большого Другого) и создания алгебраической записи \mathcal{A} , «зачеркнутый/разделенный Другой». Впрочем, Лакан продолжает использовать в своей алгебре оба знака (например, в графе желания). Разделенный *A* – это кастрированный, незавершенный, маркированный нехваткой Другой, противоположный завершенному, последовательному, некастрированному Другому, которого не существует.

В 1973 г. черта используется для зачеркивания определенного артикля *la* перед существительным *femme* (женщина), как в знаменитом лакановском афоризме *la femme n'existe pas* («женщины не существует» [англ. *woman does not exist*]). Определенный артикль во французском языке означает универсальность; зачеркивая его, Лакан иллюстрирует свой тезис о том, что женственность сопротивляется любым формам обобщения (см. S20, 68).

В дополнение к обозначенным функциям, черту также можно рассматривать в качестве символического фаллоса (который сам по себе никогда не зачеркнут), символа отрицания в формуле сексуации (см. ПОЛОВОЕ РАЗЛИЧИЕ) и как *trait unaire* (см. ИДЕНТИФИКАЦИЯ).

четверичность

(фр. *quaternaire*; англ. *quaternary*) Четверичность представляет собой структуру, состоящую из четырех элементов. Хотя Лакан, отрицая дуалистические схемы (см. ДУАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ), отдает предпочтение характерной для символического триадичной структуре, он также настаивает на важности четверичной схемы: «Начиная с возникновения бессознательного, четырехчастная структура играет существенную роль в построении субъективного порядка» (Ес, 774).

Впервые Лакан отмечает важность четверичной структуры в начале 1950-х гг. Возможно на него оказала влияние работа Леви-Строса о структуре авункулата [особенные отношения, существующие в некоторых обществах между мужчиной и сыном его сестры – прим. пер.], в которой была высказана мысль о том, что базовая клетка родства включает в себя как минимум четыре элемента (Lévi-Strauss, 1945). В статье 1953 г. Лакан отмечает, анализируя «индивидуальный миф» (еще одна отсылка к Леви-Стросу) невротика, что «внутри невроза всегда имеет место квартетная ситуация» (Lacan, 1953b:231). Далее он добавляет, что этот квартет полнее демонстрирует особенности каждого невротического случая, чем традиционная триадичная структура Эдипова комплекса. Лакан заключает, что «вся эдипальная схема должна быть переосмыслена» (Lacan, 1953b: 232). Таким образом, к трем элементам Эдипова комплекса (мать, ребенок, отец) Лакан часто добавляет четвертый элемент. Иногда он понимает под этим элементом СМЕРТЬ (Lacan, 1953b:237; S4, 431), а иногда – ФАЛЛОС (S3, 319).

В 1955 г. Лакан сравнивает психоаналитическое лечение с бриджем, «игрой для четырех игроков» (Е, 139; см. Е, 229–30). В том же году он описывает четверичную структуру, состоящую из триады и четвертого элемента (БУКВЫ), циркулирующего между первыми тремя (Lacan, 1955a).

Другими важными четверичными структурами, разработанными Лаканом, являются СХЕМА L (имеющая четыре точки), четыре частичных влечения и соответствующие им четыре частичных объекта, и четыре дискурса (каждый из которых имеет четыре символа, соответствующих четырем позициям). Кроме этого, Лакан перечисляет четыре «основные понятия психоанализа» (Lacan, 1964a) и говорит о *sinthome* как о четвертом круге, предотвращающем разделение трех других кругов в БОРРОМЕЕВОМ УЗЛЕ.

III

шифтер

(англ. *shifter*) Термин «шифтер» был введен в лингвистику Отто Йеспersenом в 1923 г. для обозначения таких элементов языка, общее значение которых не может быть определено без отсылки к сообщению. Например, местоимения «Я» и «Ты», слова «здесь» и «сейчас», а также грамматические времена можно понять только исходя из контекста их употребления. Роман Jakobson развил это понятие в статье, опубликованной в 1957 г. До этого считалось, что «особенность личных местоимений и других шифтеров состояла в отсутствии одного, постоянного, общего значения» (Jakobson, 1957:132). С точки зрения типологии ЗНАКОВ Пирса шифтеры рассматривались в качестве чистых ИНДЕКСОВ. Однако Jakobson, развивая мысль, предложенную самим Пирсом (Peirce, 1932:156–73), утверждает, что шифтеры все-таки имеют одно, общее значение. Так, например, личное местоимение «Я» всегда обозначает «человека, произносящего «Я»». Таким образом, шифтер становится «символом». Jakobson заключает, что шифтер сочетает в себе функции символа и индекса и «принадлежит к классу индексных СИМВОЛОВ» (Jakobson, 1957:132). Вывод Jakobsonа проблематизирует возможность существования внеконтекстуальной грамматики, указывая на то, что ПРОГОВАРИВАНИЕ всегда уже закодировано в самом утверждении. Также, поскольку грамматика оказывается включенной в parole, различие между *langue* и *parole* оказывается проблематичным (см. Caton, 1987:234–7).

Вслед за Jakobsonом, Лакан употребляет английское слово «шифтер» [англ. *shifter*], или «термин-индекс» [англ. *indexterm*], как он еще его называет (E, 186), для демонстрации проблематической природы «Я» (*Je*). Однако если Jakobson (будучи сторонником Пирса) определяет шифтер в качестве индексного символа, то Лакан определяет его в качестве индексного означающего. Такое определение проблематизирует различие между проговариванием и утверждением. С одной стороны, шифтер, будучи означающим, является частью утверждения. С другой стороны, будучи индексом, он принадлежит проговариванию. Подобное разделение «Я» не является всего лишь иллюстрацией расщепления субъекта; оно и есть само это расщепление. «Действительно, «Я» проговаривания не тождественно «Я» утверждения, то есть шифтеру, который, находясь в утверждении, определяет его» (Su, 139). Лакан называет шифтером также французскую частицу *ne* (E, 298).

ШКОЛА

(фр. *école*; англ. *school*) В 1964 г., после ухода из *Société Franchise de Psychanalyse* (SPP), Лакан основал *École Freudienne de Paris* (EFP) [Парижская школа фрейдизма – прим. пер.]. Он захотел назвать свою организацию «школой» преследуя вполне определенную цель. Мало того, что такое название было беспрецедентным для всей истории психоаналитических организаций (которые обычно назывались «ассоциациями» или «обществами»), оно также было призвано подчеркнуть, что EFP является скорее средством психоаналитического образования, концентрирующегося вокруг учения, а не организацией, созданной вокруг группы важных людей. Само слово «школа» в имени EFP обозначает попытку создать особый тип психоаналитической институции, который бы отличался от всех предыдущих. В первую очередь Лакан стремился избежать опасностей иерархической организации, примером которой для него служила МЕЖДУНАРОДНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ (МПА), обвиняемая им в теоретических ошибках; по мнению Лакана, МПА уподобилась церкви (Sl, 4). Впрочем, критика МПА не подразумевает критику Лаканом психоаналитической институции *per se*; хотя он видел опасности, подстерегающие любые психоаналитические институции, сам факт организации им собственной школы является свидетельством признания важности для психоанализа определенной институциональной структуры. Поэтому Лакан относился в равной степени скептично как к тем аналитикам, которые отвергали любой вид институциональной организации, так и к тем, кто превращал любую институцию в подобие церкви.

Многие из идей Лакана невозможно понять без обращения к истории EFP (1964–80). Особенно это касается идей, затрагивающих ОБУЧЕНИЕ аналитиков. Важно помнить, что EFP была не просто обучающим институтом. Круг его членов не был ограничен аналитиками и теми, кто проходил анализ, но был открыт для всех, кто интересовался психоанализом, при этом все члены имели равное право голоса. Таким образом, EFP была первой в истории действительно демократической психоаналитической организацией.

Членство в EFP подразделялось на четыре категории: М.Е. (*Membre de l'École*, или простой член организации), А.Р. (*Analyste Practiquant*, практикующий аналитик), А.М.Е. (*Analyste Membre de l'École*, аналитик-член школы), и А.Е. (*Analyste de l'École*, аналитик школы). Все члены организации могли иметь, и часто имели, несколько званий одновременно. Прежде чем получить звание М.Е., желающие вступить в школу проходили собеседование перед комитетом, получившим название *cardo* (буквально переводится как дверная петля).

Только А.М.Е. и А.Е. признавались аналитиками школы, хотя другим членам не запрещалось вести анализ; более того, для обозначения того, что они являются практикующими аналитиками, они могли сами присваивать себе звание А.Р. Член школы получал звание А.М.Е. в случае признания коллегией старших членов двух успешно проведенных им анализов; в этом смысле, члены категории А.М.Е. были похожи на титульных членов психоаналитических обществ. Звание А.Е. вручалось на основании особой процедуры, которую Лакан называл ПЕРЕХОДОМ. Учрежденный Лаканом в 1967 г. как средство подтверждения окончания анализа, переход представлял собой наиболее характерную и уникальную особенность EFP. Другой такой особенностью было содействие работе небольших исследовательских групп, называемых КАРТЕЛЯМИ.

Последние годы EFP были ознаменованы ожесточенными спорами вокруг перехода и других проблемных моментов (см. Roudinesco, 1986). В 1980 г. Лакан распустил EFP, а вместо нее в 1981 г. создал новую организацию – *École de la Cause Freudienne* (ECF). Некоторые члены EFP последовали за Лаканом в ECF, а другие создали множество новых групп. Некоторые из них, также как и ECF, существуют и поныне.

Э

ЭГО

(фр. *moi*; англ. *ego*) Уже на ранних этапах своего творчества Лакан обыгрывает тот факт, что немецкий термин, используемый Фрейдом (*Ich*) может быть переведен на французский и как «*moi*» (термин, обычно использующийся французскими психоаналитиками для перевода фрейдовского «*Ich*»), и как «*je*». Это обстоятельство впервые было отмечено французским грамматиком Эдуардом Пишоном (см. Roudinesco, 1986:301). Так, например, в статье о стадии зеркала, Лакан колеблется между этими двумя терминами (Lacan, 1949). Хотя провести какое-либо систематическое различие между этими терминами в данной статье не представляется возможным, очевидно, что они не используются в качестве простых синонимов. В 1956 г. Лакан все еще пытается провести между ними четкое различие (S3, 261). Сделать это ему позволяет публикация в 1957 г. статьи Якобсона о шифтерах; основываясь на изложенных в ней идеях, Лакан в 1960 г. называет *je* ШИФТЕРОМ, указывающим на субъект произношения, но при этом не означающим его (E, 298). В большинстве английских переводов для обозначения различия между лакановскими терминами «*moi*» и «*je*» используются слова «эго» и «Я» соответственно.

Лакан употребляет латинское слово «*Ego*» (которым в «*Полном собрании сочинений*» переводится фрейдовское «*Ich*») в том же значении, что и термин «*moi*», подразумевая при этом, однако, отсылку к англо-американским школам психоанализа, особенно к ЭГО-ПСИХОЛОГИИ.

Фрейдовское употребление термина «*Ich*» (эго) является очень проблематичным. Прежде чем стать одним из элементов так называемой «структурной модели» (двумя другими являются Ид и супер-эго), этот термин прошел через ряд трансформаций. Несмотря на всю сложность фрейдовского понимания эго, Лакан выделяет в его работах два основных подхода и указывает на их очевидную противоречивость. С одной стороны, в контексте теории нарциссизма, «эго занимает сторону, противоположную объекту»; с другой стороны, в контексте «структурной модели», «эго занимает сторону объекта» (Lacan, 1951b:11). В рамках первого подхода эго размещается в системе либидинальной экономики и ассоциируется с принципом удовольствия; в рамках второго подхода эго ассоциируется с системой восприятие-сознание [англ. *perception-consciousness system*] и противопоставляется принципу удовольствия. Лакан утверждает, что явное противоречие между двумя этими подходами «исчезает, когда мы освобождаем себя от наивного понятия принципа реальности» (Lacan, 1951b:11; см. ПРИНЦИП РЕАЛЬНОСТИ). Таким образом, реальность, опосредующая эго

во втором подходе, является, по сути, результатом принципа удовольствия, репрезентируемого эго в первом подходе. Неясно, впрочем, действительно ли этот аргумент разрешает противоречие, или же просто утверждает превосходство одного подхода над другим (см. S20, 53, где говорится, что эго растет «в цветочном горшке принципа удовольствия»).

Лакан утверждает, что открытие Фрейдом бессознательного сместило эго с центральной позиции, занимаемой им в западноевропейской философской традиции со времен Декарта. Он также утверждает, что сторонники эго-психологии предали радикальное открытие, совершенное Фрейдом, возвратив эго центральное место в структуре субъективности (см. АВТОНОМНОЕ ЭГО). Критикуя подобную теоретическую установку, Лакан утверждает, что эго не только не расположено в центре, но является, по сути, объектом.

Эго представляет собой конструкцию, формирующуюся посредством идентификации с зеркальным образом на стадии зеркала. Оно является, таким образом, точкой отчуждения субъекта от самого себя, превращения себя в своего двойника. Отчуждение, находящееся в основании эго, структурно схоже с паранойей, поэтому Лакан пишет, что эго обладает параноидальной структурой (E, 20). Таким образом, эго представляет собой воображаемое образование, в отличие от СУБЪЕКТА, являющегося продуктом символического (см. E, 128). В действительности эго – это *méconnaissance* символического порядка, средоточие сопротивления. «Эго структурировано так же, как и симптом. Расположенное в самом центре субъекта, оно репрезентирует привилегированный симптом, человеческий симптом *par excellence*, психическое заболевание человека» (S1, 16).

Лакан резко выступает против идеи эго-психологии, согласно которой целью психоаналитического лечения является укрепление эго. Поскольку эго является «средоточием иллюзий» (S1, 62), увеличение его силы приведет к еще большему отчуждению субъекта. Также, поскольку эго является источником сопротивления психоаналитическому лечению, его укрепление, соответственно, будет способствовать увеличению сопротивления. Из-за своей фиксации в воображаемом, эго сопротивляется любому субъектному росту и изменению, а также диалектическому движению желания. Подрывая фиксацию эго, психоаналитическое лечение стремится восстановить диалектику желания и возобновить процесс становления субъекта.

Помимо этого, Лакан выступает против представления эго-психологии о том, что в процессе лечения эго пациента должно быть союзником аналитика, а также рассмотрения психоаналитического лечения в качестве средства АДАПТАЦИИ эго к реальности.

ЭГО-ИДЕАЛ

(фр. *idéal du moi*; англ. *ego-ideal*) В произведениях Фрейда сложно провести четкое различие между тремя взаимосвязанными терминами: «эго-идеал» (нем. *Ich-ideal*; англ. *ego-ideal*), «идеальное эго» (нем. *Ideal Ich*; англ. *ideal ego*) и супер-эго (нем. *Über-Ich*; англ. *superego*), хотя ни один из них не используется им как синоним другого. Лакан утверждает, что эти «образования эго» представляют собой три принципиально отличных друг от друга понятия.

В довоенных произведениях Лакан уделяет большое внимание различию между эго-идеалом и супер-эго, не употребляя при этом термин «идеальное эго». Хотя и эго-идеал, и СУПЕР-ЭГО связаны с завершением Эдипова комплекса и являются продуктами идентификации с отцом, Лакан утверждает, что они представляют собой различные аспекты двойственной роли отца. Супер-эго является структурой бессознательного, функция которой заключается в подавлении сексуального желания к матери, в то время как эго-идеал представляет собой сознательное давление, направленное на сублимацию и предоставляющее координаты, руководствуясь которыми субъект может принять мужскую или женскую половую позицию (Lacan, 1938:59–62).

В послевоенных произведениях Лакан уделяет больше внимания различию между эго-идеалом и идеальным эго (фр. *moi idéal*. Заметьте: в 1949 г. Лакан использует для перевода фрейдовского «*Ideal-Ich*» термин «*je-idéal*» [E, 2]; впрочем, вскоре он отказывается от подобной практики и в дальнейшем пользуется только термином «*moi idéal*»). В семинаре 1953-1954 гг. он разрабатывает ОПТИЧЕСКУЮ МОДЕЛЬ для прояснения различия между этими двумя образованиями. Лакан утверждает, что эго-идеал является символической интродекцией, а идеальное эго – источником воображаемой проекции (см. S8, 414). Эго-идеал – это означающее, функционирующее в качестве идеала, интериоризированный план закона, который позволяет управлять положением субъекта в символическом порядке и предвосхищает тем самым вторичную (эдипальную) идентификацию (S1, 141) или является ее продуктом (Lacan, 1957–8). Идеальное эго, напротив, возникает в зеркальном образе на стадии зеркала. Оно дает надежду на будущий синтез, к которому стремится эго и представляет собой иллюзию единства, на которой оно основывается. Идеальное эго всегда сопутствует эго и постоянно подталкивает его к восстановлению всемогущества доэдипального дуального отношения. Несмотря на то, что идеальное эго формируется в процессе первичной идентификации, оно продолжает играть роль источника всех вторичных идентификаций (E, 2). В лакановской алгебре идеальное эго записывается символом $i(a)$, а эго-идеал – символом $I(A)$.

ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ

(фр. *psychologie du moi*; англ. *ego-psychology*) Со времен своего возникновения в 1930-х гг. эго-психология являлась господствующей школой психоанализа в МЕЖДУНАРОДНОЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (МПА). В своих теоретических положениях эта школа исходит из созданной Фрейдом структурной модели психики, впервые представленной им в произведении «*Я и Оно*» (1923b). Эта модель состоит из трех структур: Ид, эго (я) и супер-эго. Главную роль в опосредовании конфликтующих требований инстинктивного Ид, моралистического супер-эго и внешней реальности играет именно эго, поэтому основное внимание исследователей эго-психологии уделяется его развитию и структуре. Книга Анны Фрейд «*Эго и защитные механизмы*» (1936) стала одной из первых работ, посвященной исключительно проблеме эго. Последовавшее за ней произведение Хайнца Хартманна «*Эго-психология и проблема адаптации*» (1939) считается основополагающим текстом эго-психологии. В конце 1930-х гг. это направление было привезено в США эмигрировавшими австрийскими психоаналитиками, а с 1950-х гг. стало господствующей школой психоанализа не только в США, но и в МПА. Такое положение позволило эго-психологии представлять себя

в качестве наследницы фрейдовского психоанализа в его чистой форме, хотя в действительности между некоторыми ее положениями и учением Фрейда существуют радикальные различия.

На протяжении всей своей профессиональной карьеры Лакан подвергал критике претензии эго-психологии на место подлинной преемницы фрейдовского учения. При этом Рудольф Левенштейн, у которого Лакан проходил анализ, был одним из основоположников эго-психологии. После исключения из МПА в 1953 г., Лакан стал открыто высказывать критические замечания в адрес эго-психологии, а позднее разработал серьезную и мощную критику этой школы. Большинство положений лакановской теории невозможно адекватно понять без обращения к идеям эго-психологии. Лакан подверг критике все главные понятия этого учения (такие как АДАПТАЦИЯ и АВТОНОМНОЕ ЭГО). Часто его критика эго-психологии была взаимосвязана с критикой МПА. Лакан представлял обе школы в качестве «антитезиса» подлинному психоанализу (Е, 116) и утверждал, что они безнадежно испорчены американской культурой (см. ФАКТОР К). Усилия Лакана привели к тому, что сегодня многие стали гораздо критичней относиться к претензиям эго-психологии на занятие позиции «классического психоанализа».

Эдипов комплекс

(фр. *complexe d'Oedipe*; англ. *Oedipus complex*) Фрейд определяет Эдипов комплекс как совокупность бессознательных желаний любви и ненависти, переживаемых субъектом по отношению к своим родителям; субъект желает одного родителя, и, как следствие, вступает в соперничество с другим. «Положительная» форма Эдипова комплекса предполагает, что субъект желает родителя противоположного пола и соперничает с родителем того же пола. Эдипов комплекс возникает на третьем году жизни и полностью проходит к пятому году, когда ребенок отказывается от сексуального желания к одному из родителей и идентифицируется со своим соперником. Фрейд утверждает, что причиной возникновения любой психопатологической структуры является сбой прохождения Эдипова комплекса, названного впоследствии «зачаточным комплексом невроза». Хотя сам термин не появлялся в работах Фрейда до 1910 г., следы его происхождения можно обнаружить еще в раннем периоде. Начиная с 1910 г. и далее этот термин постепенно приобретает принципиальное значение для психоаналитической теории.

Впервые Лакан обращается к Эдипову комплексу в статье о семье в 1938 г., в которой утверждает, что это последний и самый важный из трех «семейных комплексов» (см. КОМПЛЕКС). На данном этапе лакановское понимание Эдипова комплекса не слишком расходится с фрейдовским. Единственная оригинальность Лакана заключается лишь в акцентировании внимания на исторической и культурной относительности, идею которой он заимствуют из антропологических исследований Бронислава Малиновского и других (Lacan, 1938:66).

В 1950-х гг. Лакан начинает развивать собственную концепцию Эдипова комплекса. Принимая фрейдовское положение об Эдиповом комплексе как центральном комплексе бессознательного, Лакан начинает расходиться с Фрейдом в ряде важных положений.

Наиболее принципиальное из них, по мнению Лакана, заключается в том, что субъект никогда не перестает желать свою мать и соперничать с отцом, причем безотносительно к тому, принадлежит ли он к мужскому или к женскому полу. Соответственно, с точки зрения Лакана мужской и женский способы прохождения Эдипова комплекса радикально асимметричны друг относительно друга (см. ПОЛОВОЕ РАЗЛИЧИЕ).

Эдипов комплекс, согласно Лакану, представляет собой парадигмальную трехчастную структуру, противостоящую любым дуальными отношениями (впрочем, см. последний параграф ниже). Ключевой функцией Эдипова комплекса является функция ОТЦА, который является третьим элементом, трансформирующим дуальные отношения между матерью и ребенком в триадическую структуру. Эдипов комплекс представляет собой не что иное, как переход из воображаемого в символический порядок, «завоевание символического отношения как такового» (S3, 199). Тот факт, что этот переход осуществляется через сложную диалектику полов, означает, что субъект не может получить доступ к символическому порядку, не столкнувшись с проблемой полового различия.

На пятом году семинара Лакан, анализируя переход от воображаемого к символическому, различает три «периода» Эдипова комплекса, последовательность которых является логической в большей степени, чем хронологической (Lacan, 1957–8: лекция 22 января 1958 г.).

Для первого периода Эдипова комплекса характерна трехчастная воображаемая структура отношений матери, ребенка и фаллоса. В семинаре 1956–1957 гг. Лакан называет эту триаду доэдипальной (см. ДООЭДИПАЛЬНАЯ ФАЗА). Однако рассматривается ли она в качестве доэдипальной структуры, или как часть Эдипова комплекса, главная мысль остается той же: даже до вхождения отца отношения между матерью и ребенком не являются чисто дуальными, но уже включают в себя третий элемент, фаллос, воображаемый объект, который мать желает помимо самого ребенка (S4, 240–1). Лакан намекает на то, что существование воображаемого фаллоса в качестве третьего элемента в воображаемой триаде свидетельствует о присутствии и функционировании символического отца уже в этом периоде.

Таким образом, уже в первом периоде Эдипова комплекса ребенок понимает, что и он, и мать отмечены нехваткой. Мать отмечена нехваткой постольку, поскольку она рассматривается как незавершенная; иначе она не могла бы иметь желание. Субъект отмечен нехваткой постольку, поскольку он не полностью удовлетворяет желание матери. В качестве объекта нехватки в обоих случаях выступает воображаемый ФАЛЛОС. Мать желает фаллос, которого ей недостает, а субъект (в соответствии с гегелевской теорией ЖЕЛАНИЯ) желает быть объектом ее желания; он хочет стать фаллосом для матери и заполнить ее нехватку. На этом этапе мать всемогуща, а ее желание является законом. Хотя это всемогущество с самого начала может казаться угрожающим, ощущение угрозы усиливается, когда начинают себя проявлять собственные сексуальные влечения ребенка (например, в инфантильной мастурбации). Это возникновение реального влечения вносит дисгармоничную нотку тревоги в прежде соблазнительную воображаемую триаду (S4, 225–6). Ребенок сталкивается с пониманием того, что он не может обмануть желание матери воображаемым подобием фаллоса – он должен предоставить ей нечто в реальном. Однако реальный детский орган (как у мальчика, так и у девочки) безнадежно неполноценен. Чувство неполноценности и беспомощности перед лицом всемогущего и неудовлетворимого материнского желания приводит к появлению тревоги. Только вмешательство отца в последующих периодах Эдипова комплекса может предоставить реальное разрешение этой тревоги.

Второй «период» Эдипова комплекса характеризуется вмешательством воображаемого отца. Отец подчиняет желание матери закону, запрещая ей доступ к фаллическому объекту, а также запрещая субъекту доступ к матери. Лакан часто называет это вмешательство «кастрацией» матери, уточняя при этом, что, по сути, эта операция является не кастрацией, а лишением. Вмешательство воображаемого отца опосредовано дискурсом матери; иными словами, важно не столько присутствие реального отца, устанавливающего закон, сколько соблюдение этого закона самой матерью на словах и в поступках. Теперь субъект видит отца в качестве соперника материнского желания.

Третий «период» Эдипова комплекса отмечен вмешательством реального отца. Показывая, что он обладает фаллосом, который он ни на что не обменивает и никому не отдает (S₃, 319), реальный отец кастрирует ребенка, то есть делает безосновательными все его последующие претензии на занятие позиции фаллоса для матери; с реальным отцом бороться бессмысленно, поскольку он постоянно выигрывает (S₄, 208–9, 227). Субъект освобождается от невыполнимой и тревожной задачи пытаться *быть* фаллосом, поскольку он понимает, что отец уже им *обладает*. Это позволяет субъекту идентифицироваться с отцом. Проходя через вторую (символическую) идентификацию, субъект преодолевает агрессивность, внутренне присущую первичной (воображаемой) идентификации. Лакан, вслед за Фрейдом, утверждает, что супер-эго формируется именно из этой эдипальной идентификации с отцом (S₄, 415).

Поскольку символическое является царством ЗАКОНА, и поскольку Эдипов комплекс является завоеванием порядка символического, он выполняет нормативную и нормализующую функции: «Эдипов комплекс существенно необходим человеку, поскольку с его помощью он может получить доступ к очеловеченной структуре реального» (S₃, 198). Эта нормативная функция должна быть понята как в контексте клинических структур, так и в контексте проблемы сексуальности.

- **Эдипов комплекс и клинические структуры** В соответствии со взглядом Фрейда на Эдипов комплекс как на источник любой психопатологии, Лакан усматривает причину формирования всех клинических структур с затруднениями в прохождении этого комплекса. Поскольку полностью разрешить Эдипов комплекс невозможно, не-патологических структур не существует. Ближе всего к его прохождению находится невротическая структура; невротик проходит через все три периода Эдипова комплекса; без Эдипа невроза не существует. В свою очередь, психоз, перверсия и фобия являются результатами «некой существенной незавершенности в Эдиповом комплексе» (S₂, 201). В психозе фундаментальная блокировка происходит еще до начала первого периода Эдипова комплекса. В перверсии прохождение комплекса происходит нормально вплоть до третьего периода, в котором субъект, вместо того, чтобы идентифицироваться с отцом, идентифицируется с матерью и/или воображаемым фаллосом, и возвращается, таким образом, к воображаемой доэдипальной триаде. Фобия возникает тогда, когда из-за отсутствия вмешательства реального отца субъект не может перейти от второго периода Эдипова комплекса к третьему; фобия функционирует в качестве заместителя этого вмешательства, позволяющего субъекту перейти к третьему периоду Эдипова комплекса (хотя часто этот переход осуществляется атипичным способом).

- **Эдипов комплекс и сексуальность** Специфический путь преодоления субъектом Эдипова комплекса определяет как занятие им той или иной половой позиции, так и выбор сексуального объекта (относительно вопроса о выборе объекта, см. S₄, 201).

В семинаре 1969-1970 гг. Лакан снова обращается к Эдипову комплексу и анализирует миф об Эдипе в качестве одного из снов Фрейда (S17, гл. 8). В этом же году (хотя и не впервые, см. S7) Лакан сравнивает миф об Эдипе с другими фрейдовскими мифами (мифом об отце стаи в «Тотеме и Табу» и мифом об убийстве Моисея; см. Freud, 1912-13 и 1939a) и отмечает, что миф, изложенный в «Тотеме и Табу», структурно противоположен мифу об Эдипе. В мифе об Эдипе убийство отца позволяет Эдипу насладиться сексуальными отношениями со своей матерью. Напротив, убийство отца в «Тотеме и Табу» не только не предоставляет разрешения на доступ к отцовским женщинам, но и усиливает Закон, запрещающий инцест (см. S7, 176). Лакан утверждает, что в этом отношении миф в «Тотеме и табу» является более точным, чем миф об Эдипе; первый показывает, что наслаждение матерью невозможно, а последний предоставляет наслаждение матерью как запретное, но не невозможное. Таким образом, в Эдиповом комплексе запрет *jouissance* служит скрытию невозможности этого *jouissance*; благодаря этому субъект может продолжать упорствовать в своей невротической иллюзии, полагая, что *jouissance* был бы возможен, если бы не запрещающий его Закон.

Обращаясь к описанию четырехчастных структур, Лакан имплицитно критикует все трехчастные структуры Эдипова комплекса. Хотя в Эдиповом комплексе можно наблюдать переход от дуальных отношений к триадической структуре, Лакан утверждает, что правильнее будет рассматривать его в качестве перехода от доэдипальной триады (мать-ребенок-фаллос) к эдипальной ЧЕТВЕРИЧНОСТИ (мать-ребенок-отец-фаллос). Также Эдипов комплекс можно рассматривать в качестве перехода от доэдипальной (мать-ребенок-фаллос) к эдипальной триаде (мать-ребенок-отец).

ЭКСТИМНОСТЬ

(фр. *extimité*; англ. *extimacy*) Лакан создает слово «*extimité*» соединяя приставку «ex» (использующуюся, к примеру, в слове «*exterieur*», «наружный») с французским словом «*intimité*» («близость»). Полученный в результате неологизм, который можно перевести на английский язык как «*extimacy*» («экстимность»), точно выражает способ проблематизации в рамках психоанализа противоположности между внутренним и внешним, формой и содержанием (см. S7, 139). Так, например, реальное находится и внутри, и снаружи, а бессознательное представляет собой не только внутреннюю психическую систему, но также интерсубъективную структуру («бессознательное находится снаружи»). Кроме того, Другой – это «нечто отстраненное от меня, но, в то же время, находящееся в самом моем существе» (S7, 71), а центр субъекта находится снаружи самого субъекта; субъект экс-центричен (см. E, 165, 171). Структура экстимности прекрасно выражается с помощью топологических фигур ТОРА и ЛЕНТЫ МЕБИУСА.

Понятие экстимности получило дальнейшее развитие в семинаре Жака-Алена Миллера 1985-1986 гг. (см. обобщение этого семинара и связанных с ним статей в Bracher *et al.*, 1994).

ЭТИКА

(фр. *éthique*; англ. *ethics*) Лакан утверждает, что этика «занимает центральное место в нашей аналитической работе» (S7, 38) и посвящает целый год семинара рассмотрению отношений этики и психоанализа (Lacan, 1959–60). Немного упрощая, можно сказать, что этические проблемы в психоаналитическом лечении возникают с двух сторон: со стороны анализанда и со стороны аналитика.

Этическими проблемами со стороны анализанда являются проблема вины и проблема патогенной структуры общественной морали. В своих ранних произведениях Фрейд предполагает о существовании базового конфликта, разворачивающегося между требованиями «общественной морали» и безнравственными сексуальными влечениями субъекта. Когда нравственность терпит поражение, и влечения больше не поддаются сублимации, сексуальность либо выражает себя в перверсивных формах, либо вытесняется, приводя к невроту. Согласно Фрейду, общественная мораль лежит у основания невротических заболеваний (Freud, 1908d). Продолжая развивать идею о патогенной структуре морали, Фрейд разрабатывает теорию о бессознательном чувстве вины, а также предлагает понятие супер-эго как внутренней моральной инстанции, подчиняющей эго своим жестоким требованиям (Freud, 1923b).

Два источника этических проблем ставят перед аналитиком следующие вопросы:

Во-первых, как аналитику реагировать на чувство вины анализанда? Очевидно, что он не должен убеждать анализанда в том, что ему не следует винить себя, а также не должен пытаться «смягчить, притупить или ослабить его чувство вины» (S7, 3), или представить ее в качестве невротической иллюзии. Напротив, Лакан утверждает, что аналитик должен серьезно относиться к чувству вины анализанда, поскольку оно выдает желание последнего. «С аналитической точки зрения, единственным, что дает повод для чувства вины, является укорененность в себе собственного желания» (S7, 319). Следовательно, когда анализанд испытывает чувство вины, задача аналитика заключается в том, чтобы раскрыть, где анализанд уступает своему желанию.

Во-вторых, как аналитику реагировать на патогенную мораль, действующую посредством супер-эго? Отношение Фрейда к морали как к патогенной силе подразумевает, на первый взгляд, что аналитик должен просто помочь анализанду освободиться от моральных ограничений. Впрочем, хотя намеки на подобные выводы можно встретить в ранних произведениях Фрейда (Freud, 1908d), Лакан отмечает их в сторону и предпочитает более пессимистическую концепцию Фрейда, выраженную им в «Недовольстве культурой» (Freud, 1930a), утверждая, что «Фрейда ни в коей мере нельзя считать апологетом прогресса» (S7, 183). Психоанализ, таким образом, не сводится к распутному поведению.

Это обстоятельство приводит аналитика к моральной дилемме. С одной стороны, он не должен соглашаться с патогенной общественной моралью. С другой стороны, он не должен принимать противоположный либертинажный подход, поскольку последний также остается в пределах нравственного поля (см. S7, 3–4). Может показаться, что занятие нейтральной позиции предоставляет выход из данной ситуации, но Лакан утверждает, что этически нейтральной позиции не существует. Аналитик не может избежать встречи с этическими проблемами.

Та или иная этическая позиция внутренне присуща любому способу психоаналитического лечения, вне зависимости от того, признается ли это аналитиком или нет. Этическая позиция аналитика более всего проявляется в формулируемой им цели лечения (S7, 207). Так, например, формулировка эго-психологии, предполагающая адаптацию эго к реальности, подразумевает нормативную этику (S7, 302). Лакан противопоставляет этой этической позиции собственное видение аналитической этики.

Формулировка аналитической этики, предлагаемая Лаканом, ассоциирует действие с желанием (см. ПОСТУПОК). Лакан резюмирует ее в следующем вопросе: «Поступил ли ты в согласии со своим желанием?» (S7, 314). Он противопоставляет эту этику «традиционной этике» (S7, 314) Аристотеля, Канта и других моральных философов по нескольким основным направлениям.

Во-первых, традиционные этические модели выстраиваются вокруг идеи Блага и предлагают различные «блага», претендующие за звание «Наивысшего Блага». Психоаналитическая этика, напротив, видит в Благе препятствие на пути желания; таким образом, для психоанализа необходим «радикальный отказ от идеала блага» (S7, 230). Психоаналитическая этика отвергает все идеалы, включая идеалы «счастья» и «здоровья»; тот факт, что эго-психология принимает все эти идеалы, делает ее признание в качестве формы психоанализа невозможным (S7, 219). Поэтому желание аналитика не может быть желанием «делать добро» или «исцелять» (S7, 218).

Во-вторых, в рамках традиционной этики благо обычно ассоциируется с удовольствием; моральная мысль «развивалась, в сущности, по пути гедонистической проблематики» (S7, 221). Такой подход является неприемлемым для психоаналитической этики, поскольку в психоаналитическом опыте открывается двуличность удовольствия; существует предел, после преодоления которого удовольствие становится болью (см. JOUISSANCE).

В-третьих, традиционная этика выстраивается вокруг идеи «служения благу» (S7, 314), которая предполагает первоочередность труда и безопасного, упорядоченного существования и отодвигает вопрос о желании на второй план; она говорит людям, что их желания должны подождать (S7, 315). Психоаналитическая этика, напротив, заставляет субъекта столкнуться с отношением между его действиями и его желанием в непосредственном настоящем.

После года семинара, посвященного этике психоанализа (1959-1960 гг.), Лакан продолжает отводить этической проблематике центральное место в психоаналитической теории. Он интерпретирует слово «soll» в знаменитом афоризме Фрейда «Wo es war, soll Ich werden» («Где было бессознательное, там должно появиться эго»; Freud, 1933a: SE XXII, 80) как этическое обязательство (E, 128), и утверждает, что бессознательное имеет этический, а онтологический статус (SII, 33). В 1970-х гг. он смещает акцент психоаналитической этики с вопроса о действии («Поступил ли ты в согласии со своим желанием?») на вопрос о речи; теперь она становится этикой «хорошего говорения» (фр. *l'éthique du Bien-dire*; англ. *speaking well*) (Lacan, 1973a:65). Однако разница заключается лишь в акценте, поскольку, согласно Лакану, хорошо говорить уже значит совершать поступок.

По сути, именно этическая позиция является тем, что отличает психоанализ от СУГГЕСТИИ; психоанализ уважает право пациента сопротивляться господству, в рамках же суггестии подобное сопротивление рассматривается в качестве препятствия, которое необходимо устранить.

Я

ЯЗЫК

(фр. *langue, langage*; англ. *language*) Следует отметить, что английскому слову «*language*» [язык] соответствуют два французских слова: *langue* и *langage*. В работах Лакана эти слова имеют совершенно разные значения: словом *langue* обычно обозначается какой-то конкретный язык, например, французский или английский, а словом *langage* – система языка в целом, абстрагированная от любых отдельных языков. В первую очередь Лакана интересует именно общая структура языка (*langage*), а не различия между отдельными языками (*langues*). При чтении Лакана в английском [впрочем, как и в русском – прим. ред.] переводе следует обращать внимание на то, какой из терминов употребляется в оригинале: в большинстве случаев это будет «*langage*».

Зачатки интереса Лакана к лингвистическим феноменам можно найти еще в его раннем увлечении сюрреалистической поэзией и восхищении психотическим языком Эме, параноидальной женщины, анализу сочинений которой Лакан посвящает часть своей докторской диссертации (Lacan, 1932). После этого лакановское изучение природы языка прошло долгий путь развития, который можно условно разделить на четыре больших этапа (см. Масеу, 1988:121–76).

1. В период между 1936 и 1949 гг. Лакан делает несколько малочисленных, но существенных замечаний о языке; например, уже в 1936 г. он отмечает, что язык является конститутивным для психоаналитического опыта (Ес, 82), а в 1946 г. утверждает, что безумие невозможно понять, не обращаясь к проблеме языка (Ес, 166). Замечания этого периода не содержат отсылок к какой-либо специфической лингвистической теории, однако пестрят философскими аллюзиями, формулируемымы в основном в гегелевских понятиях. Язык понимается, в первую очередь, как опосредующий элемент, позволяющий субъекту добиваться признания со стороны другого (см. Е, 9). Помимо выполнения функции передачи информации, язык, прежде всего, служит для обращения к собеседнику; выражаясь в яacobсоновских терминах, Лакан отдает предпочтение конативной, а не референтной функции языка. Поэтому он настаивает на том, что язык представляет собой не просто систему обозначений (Ес, 166).

2. В период с 1950 по 1954 гг. язык занимает в работах Лакана центральное место, которое и будет удерживать на протяжении всего его дальнейшего творчества. В этот период

лакановский анализ языка испытывает на себе влияние феноменологии Хайдеггера и, что более важно, антропологии языка (Мосс, Малиновский и Леви-Стросс). Язык рассматривается в качестве силы, структурирующей социальные законы обмена, в качестве символической конвенции и т.д. Иногда Лакан говорит также о его риторических функциях, впрочем, подобные упоминания не получают дальнейшей разработки (например, E, 169). Также можно обнаружить несколько аллюзий к Соссюру (например, S₁, 248). Впрочем, в своей знаменитой «Римской речи» Лакан устанавливает оппозицию *parole* и *langage* (в отличие от соссюрской оппозиции *parole* и *langue*).

3. С 1955 по 1970 гг. язык окончательно становится центральной проблемой лакановского дискурса. В этот же период Лакан разрабатывает свой классический тезис о том, что «бессознательное структурировано как язык» (S₁₁, 20). На передний план в его работах выходят имена Фердинанда де Соссюра и Романа Якобсона.

Лакан заимствует теорию Соссюра о языке как структуре, составленной из дифференциальных элементов, заменяя при этом соссюрское *langue* на *langage*. *Langage* становится для Лакана единой парадигмой всех структур. Критикуя соссюрское понимание языка, Лакан утверждает, что основным элементом языка является не знак, а ОЗНАЧАЮЩЕЕ. Утверждение о том, что БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, как и язык, представляет собой структуру означающих, позволяет Лакану более точно сформулировать категорию символического. В 1969 г. Лакан развивает понятие ДИСКУРСА как вида социальных отношений.

4. Начиная с 1971 г. в творчестве Лакана намечается смена лингвистической парадигмы научности на математическую, сопровождающаяся тенденцией придавать особое значение поэтичности и двусмысленности языка; очевидным свидетельством этого является увеличение интереса Лакана к «психотическому языку» Джеймса Джойса (см. Lacan, 1975a; 1975–6). Эти изменения также отразились на стиле Лакана, который стал еще больше изобиловать словесными играми и неологизмами. Лакан создает термин «*lalangue*» (соединяя определенный артикль «*la*» и существительное «*langue*») и обозначает им те некоммуникативные стороны языка, которые, благодаря двусмысленности и гомофонии, позволяют испытывать особое *jouissance* (S₂₀, 126). Термин «*lalangue*» противопоставляется понятию «язык». *Lalangue* представляет собой нечто вроде первичного хаотического субстрата полисемии, из которого язык производится как некая упорядоченная надстройка, располагающаяся над этим субстратом: «Язык, несомненно, создан из *lalangue*. Он является результатом изнурительного труда [англ. *elucubration*] знания [фр. *savoir*] над *lalangue*» (S₂₀, 127).

Именно подобный акцент на значимости языка обычно рассматривается в качестве одной из главных отличительных черт лакановского психоанализа. Лакан критикует другие формы психоанализа – кляйнианский психоанализ и теорию объектных отношений – за то, что в них недооценивается значение языка, а «невербальным способам коммуникации» пациента (его «языку тела» и пр.) уделяется больше внимания, чем его речи. Такой подход, согласно Лакану, является фундаментально ошибочным по трем основным причинам:

Во-первых, все формы человеческого общения имеют лингвистическую структуру; даже «язык тела», как предполагает название, по сути является формой языка, с теми же структурными особенностями, что и у любого другого языка.

Во-вторых, основная цель психоаналитического лечения заключается в артикуляции истины о желании субъекта посредством речи, а не какого-либо другого медиума; фундаментальное правило психоанализа основано на положении, согласно которому именно речь является единственным путем достижения этой истины.

Наконец, в-третьих, язык является единственным средством в арсенале психоаналитика; поэтому любой аналитик, не понимающий принципов функционирования речи и языка, не понимает и самого психоанализа (см. E, 40).

Делая акцент на значении языка для психоаналитического лечения, Лакан рекомендует аналитикам особенно тщательно анализировать формальные особенности речи пациента (означающие) и не идти на поводу у эмпатического отношения, основанного на воображаемом понимании содержания речи (означаемое).

Одно из недопониманий Лакана заключается в представлении о том, что язык синонимичен символическому порядку. Такое представление является некорректным; Лакан отмечает, что язык обладает как символическим, так и воображаемым измерением: «Символическая функция человеческого дискурса всегда соседствует с чем-то, что не может быть полностью устранено. Воображаемое играет роль именно такого неустранимого остатка» (S2, 306). Символическое измерение языка является измерением означающего и полной речи. Воображаемое измерение языка является измерением означаемого, означивания, и пустой речи. В СХЕМЕ L эти измерения языка представлены посредством двух пересекающихся осей. Ось A-S представляет язык в его символическом измерении, дискурс Другого, бессознательное. Ось a'-a представляет язык в его воображаемом измерении, стену языка, прерывающую, искажающую и инвертирующую дискурс Другого. Лакан утверждает, что «язык в той же степени помогает нам находить себя в Другом, в какой радикальным образом не дает нам его понять» (S2, 244).

Лакан проводит различие между языком и КОДАМИ; в отличие от кодов, в языках не существует стабильных соотношений между знаком и референтом, так же, как между означающим и означаемым. Именно это свойство языка определяет внутренне присущую любому дискурсу неоднозначность. Эта неоднозначность проявляется в образованиях бессознательного, которые могут быть проинтерпретированы посредством обыгрывания гомофонии или других форм двусмысленности (фр. *l'équivoque*; англ. *equivocation*) (см. ТОЛКОВАНИЕ).

Приложение: ссылки на страницы в лакановском Écrits

Ссылки на страницы в лакановском *Écrits* по возможности отсылают к английскому изданию (Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, пер. Alan Sheridan, London: Tavistock, 1977); эти отсылки обозначаются буквой E. Поскольку это издание является лишь частичным переводом первоисточника, ссылки на страницы непереуведенных фрагментов *Écrits* отсылают к французскому изданию (Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966); эти отсылки обозначены сокращением Ec. Во избежание путаницы, которую может создать такая система ссылок, приводится ниже следующая таблица, призванная помочь читателю найти исходные фрагменты всех цитат из *Écrits*.

Ссылки на страницы в английском издании

E, 1–7	The mirror stage as formative of the function of the I (1949).
E, 8–29	Aggressivity in psychoanalysis (1948).
E, 30–113	The function and field of speech and language in psychoanalysis (1953a).
E, 114–45	The Freudian thing (1955c).
E, 146–78	The agency of the letter in the unconscious or reason since Freud (1957b).
E, 179–225	On a question preliminary to any possible treatment of psychosis (1957–8b).
E, 226–80	The direction of the treatment and the principles of its power (1958a).
E, 281–91	The signification of the phallus (1958c).
E, 292–325	The subversion of the subject and the dialectic of desire in the Freudian unconscious (1960a).

Ссылки на страницы во французском издании

Ec, 9–10	Overture to this collection (1966b).
Ec, 11–61	Seminar on ‘The Purloined Letter’ (1955a).
Ec, 65–72	On our predecessors (1966c).
Ec, 73–92	Beyond the ‘reality principle’ (1936).
Ec, 125–49	A theoretical introduction to the functions of psychoanalysis in criminology (1950).

- Ec, 151-93 Remarks on psychical causality (1946).
- Ec, 197-213 Logical time (1945).
- Ec, 215-26 An intervention on the transference (1951a).
- Ec, 229-36 On the subject at last in question (1966d).
- Ec, 323-62 Variants of the typical treatment (1955b).
- Ec, 363-7 On a design (1966e).
- Ec, 369-80 Introduction to Jean Hyppolite's commentary on Freud's 'Negation' (1954a).
- Ec, 381-99 Reply to Jean Hyppolite's commentary on Freud's 'Negation' (1954b).
- Ec, 437-58 Psychoanalysis and its teaching (1957a).
- Ec, 459-91 The situation of psychoanalysis and the training of the analyst in 1956 (1956a).
- Ec, 674-84 A remark on Daniel Lagache's report: 'Psychoanalysis and the structure of personality' (1960b).
- Ec, 697-717 In memory of Ernest Jones: on his theory of symbolism (1959).
- Ec, 717-24 On a retroactive syllabarium (1966f).
- Ec, 725-36 Guiding remarks for a congress on feminine sexuality (1958d).
- Ec, 739-64 Gide's youth, or the letter and desire (1958b).
- Ec, 765-90 Kant with Sade (1962).
- Ec, 829-50 Position of the unconscious (1964c).
- Ec, 851-4 On Freud's 'drive' and the desire of the psychoanalyst (1964d).
- Ec, 855-77 Science and truth (1965a).

Библиография

Во избежание анахронизмов, созданных гарвардской системой ссылок, работы Жака Лакана цитируются по дате их написания. Работы других авторов цитируются по дате их первой публикации.

Номера томов и страниц в ссылках на работы Фрейда отсылают к «*Полному собранию сочинений Зигмунда Фрейда*» [англ. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*] в 24 томах (под редакцией Джеймса Стрейчи - на английском языке), London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis (здесь обозначается аббревиатурой SE). Буквы, приписанные к датам работ Фрейда, соответствуют библиографическим указаниям в XXIV томе «*Полного собрания сочинений*».

За более полной библиографией лакановских работ обращайтесь к Dor (1983).

Adams, Parveen and Cowie, Elizabeth (1990) *The Woman in Question*, Cambridge, Mass: MIT Press.

American Psychiatric Association (1987) *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* (3rd edn, revised), New York: American Psychiatric Association.

Balint, Michael (1947) 'On genital love', in *Primary Love and Psychoanalytic Technique*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1952.

Benvenuto, Bice and Kennedy, Roger (1986) *The Works of Jacques Lacan: An Introduction*, London: Free Association Books.

Blakemore, Diane (1992) *Understanding Utterances*, Oxford: Blackwell.

Borch-Jacobsen, Mikkel (1991) *Lacan: The Absolute Master*, trans. Douglas Brick, Stanford: Stanford University Press.

Bowie, Malcolm (1991) *Lacan*, London: Fontana.

Bracher, Mark, Alcorn, Marshall, Corthell, Ronald and Massardier-Kenney, Françoise (eds) (1994) *Lacanian Theory of Discourse. Subject, Structure and Society*, New York: New York University Press.

Brennan, Teresa (ed.) (1989) *Between Feminism and Psychoanalysis*, London and New York: Routledge.

Burks, Arthur W. (1949) 'Icon, index, and symbol', *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 9:673-89.

Caton, Stephen C. (1987) 'Contributions of Roman Jakobson', *Ann. Rev. Anthropol.*, vol. 16:223-60.

Chemama, Roland (ed.) (1993) *Dictionnaire de la Psychanalyse. Dictionnaire actuel des signifiants, concepts et mathèmes de la psychanalyse*, Paris: Larousse.

Clavreul, Jean (1967) 'The perverse couple', trans. Stuart Schneiderman, in Stuart Schneiderman (ed.), *Returning to Freud: Clinical Psychoanalysis in the School of Lacan*, New Haven and London: Yale University Press, 1980, pp. 215–33.

Clément, Cathérine (1981) *The Lives and Legends of Jacques Lacan*, trans. A. Goldhammer, New York: Columbia University Press, 1983.

Copjec, Joan (1989) 'The orthopsychic subject: film theory and the reception of Lacan', October, 49, reprinted in *Read My Desire: Lacan against the Historicists*, Cambridge, Mass. and London: MIT Press, 1994, pp. 15–38.

—(1994) 'Sex and the euthanasia of reason', in Joan Copjec (ed.), *Supposing the Subject*, London: Verso, pp. 16–44.

Davis, Robert Con (ed.) (1983) *Lacan and Narration. The Psychoanalytic Difference in Narrative Theory*, Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.

Derrida, Jacques (1975) 'Le facteur de la vérité', in *The Post Card: From Socrates to Freud and Beyond*, trans. Alan Bass, Chicago and London: University of Chicago Press, 1987, pp. 413–96.

Descartes, René (1637) *Discourse on the Method of Properly Conducting One's Reason and of Seeking the Truth in the Sciences*, trans. F.E. Sutcliffe, Harmondsworth: Penguin, 1968.

Dor, Joël (1983) *Bibliographie des travaux de Jacques Lacan*, Paris: InterEditions.

Ducrot, Oswald and Todorov, Tzvetan (1972) *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Paris: Seuil.

Feldstein, Richard, Fink, Bruce and Jaanus, Marie (eds) (1995) *Reading Seminar XI: Lacan's Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*, Albany: State University of New York.

Felman, Shoshana (1987) *Jacques Lacan and the Adventure of Insight. Psychoanalysis in Contemporary Culture*, Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Ferenczi, Sándor (1909) 'Introjection and transference', in *Sex in Psychoanalysis*, New York: Basic Books, pp. 35–57.

Ferenczi, Sándor and Rank, Otto (1925) 'The development of psychoanalysis', trans. Caroline Newton, *J. Nerv. Ment. Dis.*, Monograph no. 40.

Forrester, John (1990) *The Seductions of Psychoanalysis: On Freud, Lacan and Derrida*, Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*, London: Hogarth, 1937.

Freud, Sigmund (1894a) 'The Neuro-Psychoses of Defence', SE III, 43.

—(1895d) with Josef Breuer *Studies on Hysteria*, SE II.

—(1900a) *The Interpretation of Dreams*, SE IV–V.

- (1901b) *The Psychopathology of Everyday Life*, SE VI.
- (1905c) *Jokes and their Relation to the Unconscious*, SE VIII.
- (1905d) *Three Essays on the Theory of Sexuality*, SE VII, 125.
- (1905e [1901]) 'Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria', SE VII, 3.
- (1907b) 'Obsessive Actions and Religious Practices', SE IX, 116.
- (1908c) 'On the Sexual Theories of Children', SE IX, 207.
- (1908d) "'Civilized" Sexual Morality and Modern Nervous Illness', SE IX, 179.
- (1909b) 'Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy', SE X, 3.
- (1909c) 'Family Romanies', SE IX, 237.
- (1909d) 'Notes upon a Case of Obsessional Neurosis', SE X, 155.
- (1910c) *Leonardo da Vinci and a Memory of his Childhood*, SE XI, 59.
- (1911b) 'Formulations on the Two Principles of Mental Functioning', SE XII, 215.
- (1911c) 'Psycho-Analytic Notes on an Autobiographical Account of a Case of Paranoia (Dementia Paranoides)', SE XII, 3.
- (1912–13) *Totem and Taboo*, SE XIII, 1.
- (1913c) 'On Beginning the Treatment', SE XII, 122.
- (1913j) 'The Claims of Psycho-Analysis to Scientific Interest', SE XIII, 165.
- (1914b) 'The Moses of Michelangelo', SE XIII, 211.
- (1914c) 'On Narcissism: An Introduction', SE XIV, 69.
- (1914d) 'On the History of the Psycho-Analytic Movement', SE XIV, 3.
- (1915a) 'Observations on Transference Love', SE XII, 160.
- (1915e) 'The Unconscious', SE XIV, 161.
- (1915c) 'Instincts and their Vicissitudes', SE XIV, 111.
- (1917c) 'On the Transformations of Instinct, as Exemplified in Anal Erotism', SE XVII, 127.
- (1918b [1914]) 'From the History of an Infantile Neurosis', SE XVII, 3.
- (1919a [1918]) 'Lines of Advance in Psycho-Analytic Therapy', SE XVII, 159.
- (1919e) 'A Child Is Being Beaten', SE XVII, 177.
- (1919h) 'The Uncanny', SE XVII, 219.
- (1920a) 'The Psychogenesis of a Case of Female Homosexuality', SE XVIII, 147.

- (1920g) *Beyond the Pleasure Principle*, SE XVIII, 7.
- (1921c) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*, SE XVIII, 69.
- (1923a) 'Two Encyclopaedia Articles', SE XVIII, 235.
- (1923b) *The Ego and the Id*, SE XIX, 3.
- (1923e) 'The Infantile Genital Organisation', SE XIX, 141.
- (1924b [1923]) 'Neurosis and Psychosis', SE XIX, 149.
- (1924d) 'The Dissolution of the Oedipus Complex', SE XIX, 173.
- (1924e) 'The Loss of Reality in Neurosis and Psychosis', SE XIX, 183.
- (1925d) *An Autobiographical Study*, SE XX, 3.
- (1925e [1924]) 'The Resistances to Psycho-Analysis', SE XIX, 213.
- (1925h) 'Negation', SE XIX, 235.
- (1925j) 'Some Psychological Consequences of the Anatomical Distinction between the Sexes', SE XIX, 243.
- (1926e) *The Question of Lay-Analysis*, SE XX, 179.
- (1927c) *The Future of an Illusion*, SE XXI, 3.
- (1927e) 'Fetishism', SE XXI, 149.
- (1930a) *Civilization and Its Discontents*, SE XXI, 59.
- (1931b) 'Female Sexuality', SE XXI, 223.
- (1933a) *New Introductory Lectures on Psycho-Analysis*, SE XXII, 3.
- (1937c) 'Analysis Terminable and Interminable', SE XXIII, 211.
- (1939a [1937-9]) *Moses and Monotheism*, SE XXIII, 3.
- (1940a [1938]) *An Outline of Psycho-Analysis*, SE XXIII, 141.
- (1940e [1938]) 'Splitting of the Ego in the Process of Defence', SE XXIII, 273.
- (1941d [1921]) 'Psycho-Analysis and Telepathy', SE XVIII, 177.
- Gallop, Jane (1982) *Feminism and Psychoanalysis: The Daughter's Seduction*, London: Macmillan.
- (1985) *Reading Lacan*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Granon-Lafont, Jeanne (1985) *La topologie ordinaire de Jacques Lacan*, Paris: Point Hors Ligne.
- Groddeck, Georg (1923) *The Book of the It*, London: Vision Press, 1949.

Grosz, Elizabeth (1990) *Jacques Lacan: A Feminist Introduction*, London and New York: Routledge.

Hartmann, Heinz (1939) *Ego Psychology and the Problem of Adaptation*, New York: International Universities Press, 1958.

Hegel, G.W.F. (1807) *Phenomenology of Spirit*, trans. A.V. Miller, with Analysis of the Text and Foreword by J.N. Findlay, Oxford: Clarendon Press, 1985.

Heidegger, Martin (1927) *Being and Time*, trans. J. Macquarrie and E. Robinson, London: SCM Press, 1962.

— (1956) *The Question of Being*, trans. William Kluback and Jean T. Wilde, London: Vision, 1959.

Heimann, Paula (1950) 'On counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.*, vol. 31:81-4.

Hinshelwood, R.D. (1989) *A Dictionary of Kleinian Thought*, London: Free Association Books, 1991 (2nd edn, revised and enlarged).

Hughes, Jennifer (1981) *An Outline of Modern Psychiatry*, Chichester: Wiley, 1991 (3rd edn).

Hugo, Victor (1859-83) *La légende des siècles*, Paris: Garnier-Flammarion, 1979.

Jakobson, Roman (1956) 'Two aspects of language and two types of aphasic disturbances', in *Selected Writings*, vol. II, *Word and Language*, The Hague: Mouton, 1971, pp. 239-59.

— (1957) 'Shifters, verbal categories, and the Russian verb', in *Selected Writings*, vol. II, *Word and Language*, The Hague: Mouton, 1971, pp. 130-47.

— (1960) 'Linguistics and poetics', in *Selected Writings*, vol. III, *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry*, The Hague: Mouton, 1981, pp. 18-51.

Jay, Martin (1993) *Downcast Eyes: Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*, Berkeley: University of California Press.

Jones, Ernest (1927) 'Early Development of Female Sexuality' in *Papers on Psychoanalysis* (5th edn), Baltimore: Williams & Wilkins, 1948.

— (1953-7) *Sigmund Freud: Life and Work*, 3 vols, London: Hogarth Press.

Juranville, Alain (1984) *Lacan et la philosophic*, Paris: Presses universitaires de France.

Kaufman, Phillippe (ed.) (1994) *L'apport freudien*, Paris: Bordas.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego', in Roger Money-Kyrle (ed.), *The Writings of Melanie Klein*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1975, vol. 1, pp. 219-32.

Kris, Ernst (1951) 'Ego-psychology and interpretation in psychoanalytic therapy', *Psychoanalytic Quarterly*, vol. 20:15-30.

Kojève, Alexandre (1947 [1933–39]) Introduction to the Reading of Hegel, trans. James H. Nichols Jr., New York and London: Basic Books, 1969.

Lacan, Jacques (1932) De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité, Paris: Seuil, 1975.

—(1936) ‘Au-delà du “principe de réalité”’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 73–92.

—(1938) Les complexes familiaux dans la formation de l’individu. Essai d’analyse d’une fonction en psychologie, Paris: Navarin, 1984.

—(1945) ‘Le temps logique’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 197–213.

—(1946) ‘Propos sur la causalité psychique’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 151–93.

—(1948) ‘L’agressivité en psychanalyse’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 101–24 [‘Aggressivity in psychoanalysis’, trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 8–29].

—(1949) ‘Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 93–100 [‘The mirror stage as formative of the function of the I’, trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 1–7].

—(1950) ‘Introduction théorique aux fonctions de la psychanalyse en criminologie’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 125–49.

—(1951a) ‘Intervention sur le transfert’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 215–26 [‘Intervention on the transference’, trans. Jacqueline Rose, in Juliet Mitchell and Jacqueline Rose (eds), *Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, London: Macmillan, 1982, pp. 61–73].

—(1951b) ‘Some reflections on the ego’, *Int. J. Psycho-Anal.*, vol. 34, 1953: pp. 11–17.

—(1953a) ‘Fonction et champ de la parole et du langage en psychanalyse’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 237–322 [‘The function and field of speech and language in psychoanalysis’, trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 30–113].

—(1953b) ‘The neurotic’s individual myth’, trans. Martha Evans, in L. Spurling (ed.), *Sigmund Freud: Critical Assessments*, vol. II, *The Theory and Practice of Psychoanalysis*, London and New York: Routledge, 1989, pp. 223–38. [Originally published in *Psychoanalytic Quarterly*, 48(1979)].

—(1953–4) *Le Séminaire. Livre I. Les écrits techniques de Freud, 1953–4*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975 [The Seminar. Book I. Freud’s Papers on Technique. 1953–4, trans. John Forrester, with notes by John Forrester, Cambridge: Cambridge University Press, 1987].

—(1954a) ‘Introduction aux commentaires de Jean Hyppolite sur la “Verneinung” de Freud’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 369–80.

- (1954b) ‘Réponse aux commentaires de Jean Hyppolite sur la “Verneinung” de Freud’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 381–99.
- (1954–5) *Le Séminaire. Livre II. Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse, 1954–55*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1978 [The Seminar. Book II. The Ego in Freud’s Theory and in the Technique of Psychoanalysis, 1954–55, trans. Sylvana Tomaselli, notes by John Forrester, Cambridge: Cambridge University Press, 1988].
- (1955a) ‘Le séminaire sur “La lettre volée”’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 11–61 [‘Seminar on “The Purloined Letter”’, trans. Jeffrey Mehlman, *Yale French Studies*, 48(1972):38–72, reprinted in John Muller and William Richardson (eds), *The Purloined Poe. Lacan, Derrida and Psychoanalytic Reading*, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988, pp. 28–54].
- (1955b) ‘Variantes de la cure-type’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 323–62.
- (1955c) ‘La chose freudienne’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 401–36 [‘The Freudian thing’, trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 114–45].
- (1955–6) *Le Séminaire. Livre III. Les psychoses, 1955–56*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1981 [The Seminar. Book III. The Psychoses, 1955–56, trans. Russell Grigg, with notes by Russell Grigg, London: Routledge, 1993].
- (1956a) ‘Situation de la psychanalyse et formation du psychanalyste en 1956’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 459–91.
- (1956b) ‘Fetishism: the symbolic, the imaginary and the real’ (with W. Granoff), in M. Balint (ed.), *Perversions: Psychodynamics and Therapy*, New York: Random House, London: Tavistock, pp. 265–76.
- (1956–7) *Le Séminaire. Livre IV. La relation d’objet, 1956–57*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1994.
- (1957a) ‘La psychanalyse et son enseignement’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 437–58.
- (1957b) ‘L’instance de la lettre dans l’inconscient ou la raison depuis Freud’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 493–528 [‘The agency of the letter in the unconscious or reason since Freud’, trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 146–78].
- (1957–8a) *Le Séminaire. Livre V. Les formations de l’inconscient, 1957–58*, unpublished [partial summary by Jean-Bertrand Pontalis in *Bulletin de Psychologie*, XII/2–3, November 1958, pp. 182–92 and XII/4, December 1958, pp. 250–6].
- (1957–8b) ‘D’une question préliminaire à tout traitement possible de la psychose’, in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 531–83 [‘On a question preliminary to any possible treatment of psychosis’, trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 179–225].

- (1958a) 'La direction de la cure et les principes de son pouvoir', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 585–645 ['The direction of the treatment and the principles of its power', trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 226–80].
- (1958b) 'Jeunesse de Gide ou la lettre et le désir', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 739–64.
- (1958c) 'La signification du phallus', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 685–95 ['The signification of the phallus', trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 281–91].
- (1958d) 'Propos directifs pour un congrès sur la sexualité féminine', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 725–36 ['Guiding remarks for a congress on feminine sexuality', trans. Jacqueline Rose, in Juliet Mitchell and Jacqueline Rose (eds), *Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, London: Macmillan, 1982, pp. 86–98].
- (1958–9) *Le Séminaire. Livre VI. Le désir et son interprétation, 1958–59*, published in part in *Ornicar?*, 24–27, 1981–83 ['Desire and the Interpretation of Desire in Hamlet', trans. James Hulbert, *Yale French Studies*, vol. 55/6, 1977:11–52].
- (1959) 'A la mémoire d'Ernest Jones: sur sa théorie du symbolisme', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 697–717.
- (1959–60) *Le Séminaire. Livre VII. L'éthique de la psychanalyse, 1959–60*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1986 [The Seminar. Book VII. The Ethics of Psychoanalysis, 1959–60, trans. Dennis Porter, with notes by Dennis Porter, London: Routledge, 1992].
- (1960a) 'Subversion du sujet et dialectique du désir dans l'inconscient freudien', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 793–827 ['The subversion of the subject and the dialectic of desire in the Freudian unconscious', trans. Alan Sheridan, in Jacques Lacan, *Écrits: A Selection*, London: Tavistock, 1977, pp. 292–325].
- (1960b) 'Remarque sur la rapport de Daniel Lagache: "Psychanalyse et structure de la personnalité"', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 647–84.
- (1960–1) *Le Séminaire. Livre VIII. Le transfert, 1960–61*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1991.
- (1961–2) *Le Séminaire. Livre IX. L'identification, 1961–62*, unpublished.
- (1962) 'Kant avec Sade', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 765–90 ['Kant with Sade', trans. James B. Swenson Jr, *October*, no. 51, winter 1989, pp. 55–75].
- (1962–3) *Le Séminaire. Livre X. L'angoisse, 1962–63*, unpublished.
- (1964a) *Le Séminaire. Livre XI. Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse, 1964*, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1973 [The Seminar. Book XI. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis, trans. Alan Sheridan, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1977].

- (1964b) 'Acte de fondation', *Annuaire de l'École Freudienne de Paris*, Paris: Les presses artistiques, 1977.
- (1964c) 'Position de l'inconscient', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 829–50.
- (1964d) 'Du "Trieb" de Freud et du désir du psychanalyste', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 851–4.
- (1964–5) *Le Séminaire. Livre XII. Problèmes cruciaux pour la psychanalyse*, 1964–65, unpublished.
- (1965a) 'La science et la vérité', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 855–77.
- (1965b) 'Hommage fait à Marguerite Duras, du ravissement de Lol V. Stein', *Ornicar?*, no. 36, 1986.
- (1965–6) *Le Séminaire. Livre XIII. L'objet de la psychanalyse*, 1965–66, unpublished.
- (1966a) 'Of structure as an inmixing of an otherness prerequisite to any subject whatever', in Richard Macksey and Eugenio Donate (eds), *The Structuralist Controversy*, Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1970:186–200.
- (1966b) 'Ouverture de ce recueil', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 9–10.
- (1966c) 'De nos antécédents', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 65–72.
- (1966d) 'Du sujet enfin en question', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 229–36.
- (1966e) 'D'un dessein', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 363–7.
- (1966f) 'D'un syllabaire après coup', in Jacques Lacan, *Écrits*, Paris: Seuil, 1966, pp. 717–24.
- (1966–7) *Le Séminaire. Livre XIV. La logique du fantasme*, 1966–67, unpublished.
- (1967) 'Proposition du 9 octobre 1967 sur le psychanalyste de l'École', *Scilicet*, no. 1(1968) pp. 14–30.
- (1967–8) *Le Séminaire. Livre XV. L'acte psychanalytique*, 1967–68, unpublished.
- (1968–9) *Le Séminaire. Livre XVI. D'un Autre à l'autre*, 1968–69, unpublished.
- (1969–70) *Le Séminaire. Livre XVII. L'envers de la psychanalyse*, 1969–70, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1991.
- (1970) 'Radiophonie', *Scilicet*, nos 2–3, 1970.
- (1970–1) *Le Séminaire. Livre XVIII. D'un discours qui ne serait pas du semblant*, 1970–71, unpublished.
- (1971) 'Lituraterre', *Littérature*, no. 3, p. 3.
- (1971–2a) *Le Séminaire. Livre XIX.... Ou pire*, 1971–72, unpublished.

- (1971–2b) *Le savoir du psychanalyste*, lectures given in the Hospital of Sainte Anne, 1971–72, unpublished.
- (1972–3) *Le Séminaire. Livre XX. Encore*, 1962–63, ed. Jacques-Alain Miller, Paris: Seuil, 1975.
- (1973a) *Télévision*, Paris: Seuil, 1973 [Television: A Challenge to the Psychoanalytic Establishment, ed. Joan Copjec, trans. Denis Hollier, Rosalind Krauss and Annette Michelson, New York: Norton, 1990].
- (1973b) 'L'Étourdit', *Scilicet*, no. 4, 1973, pp. 5–52.
- (1973–4) *Le Séminaire. Livre XXI. Les non-dupes errent/Les noms du père*, 1973–74, unpublished.
- (1974–5) *Le Séminaire. Livre XXII. RSI*, 1974–75, published in *Ornicar?*, nos. 2–5, 1975.
- (1975a) 'Joyce le symptôme', in Jacques Aubert (ed.), *Joyce avec Lacan*, Paris: Navarin, 1987.
- (1975b) 'Conférence à Genève sur le symptôme', *Les Block-Notes de la psychanalyse*, Brussels.
- (1975–6) *Le Séminaire. Livre XXIII. Le sinthome*, 1975–76, published in *Ornicar?*, nos 6–11, 1976–7.
- (1976) 'Conférences et entretiens dans des universités nord-américaines', *Scilicet*, nos 6–7, 1976.
- (1976–7) *Le Séminaire. Livre XXIV. L'insu que suit de l'une bévue s'aile à mourre*, 1976–77, published in *Ornicar?*, nos 12–18, 1977–9.
- (1977–8) *Le Séminaire. Livre XXV. Le moment de conclure*, 1977–78, published in part in *Ornicar?*, no. 19, 1979.
- (1978–9) *Le Séminaire. Livre XXVI. Le topologie et le temps*, 1978–79, unpublished.
- (1980a) *Le Séminaire. Livre XXVII. Dissolution*, 1980, published in *Ornicar?*, nos 20–23, 1980–1.
- (1980b) 'Séminaire de Caracas', *L'Ane*, no. 1, July 1981.

Lacoue-Labarthe, Philippe, and Nancy, Jean-Luc (1973) *Le Titre de la lettre*, Paris: Galilée.

Laplanche, Jean and Pontalis, Jean-Bertrand (1967) *The Language of Psycho-Analysis*, trans. Donald Nicholson-Smith, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1973.

Leader, Darien (with Judith Groves) (1995) *Lacan for Beginners*, Cambridge: Icon.

—(1996) *Why Do Women Write More Letters than they Post?*, London: Faber & Faber.

Lemaire, Anika (1970) *Jacques Lacan*, trans. David Macey, London: Routledge & Kegan Paul, 1977.

Lévi-Strauss, Claude (1945) 'Structural analysis in linguistics and in anthropology', in *Structural Anthropology*, trans. Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf, New York: Basic Books, 1963, pp. 29–53.

- (1949a) 'The effectiveness of symbols', in *Structural Anthropology*, trans. Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf, New York: Basic Books, 1963, pp. 186–205.
- (1949b) *The Elementary Structures of Kinship*, Boston: Beacon Press, 1969.
- (1950) 'Introduction à l'œuvre de Marcel Mauss', in Marcel Mauss, *Sociologie et Anthropologie*, Paris: Presses Universitaires de France, 1966, pp. ix–lii.
- (1951) 'Language and the analysis of social laws', in *Structural Anthropology*, trans. Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf, New York: Basic Books, 1963, pp. 55–66.
- (1955) 'The structural study of myth', in *Structural Anthropology*, trans. Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf, New York: Basic Books, 1963, pp. 206–31.

MacCannell, Juliet Flower (1986) *Figuring Lacan. Criticism and the Cultural Unconscious*, London: Croom Helm.

Macey, David (1988) *Lacan in Contexts*, London and New York: Verso.

- (1995) 'On the subject of Lacan', in Anthony Elliott and Stephen Frosh (eds), *Psychoanalysis in Contexts: Paths between Theory and Modern Culture*, London and New York: Routledge, 1995, pp. 72–86.

Mauss, Marcel (1923) *The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*, trans. W.D.Halls, with foreword by Mary Douglas, London and New York: Routledge, 1990.

Metz, Christian (1975) *The Imaginary Signifier: Psychoanalysis and the Cinema*, trans. Annwyl Williams, Ben Brewster and Alfred Guzzetti, Bloomington: Indiana University Press, 1977.

Meyerson, Émile (1925) *La déduction relativiste*, Paris: Payot.

Miller, Jacques-Alain (1977) 'Introduction aux paradoxes de la passé', *Ornicar?*, nos 12–13.

—(1981) 'Encyclopédic', *Ornicar?*, no. 21:35–44.

—(1985) *Entretien sur le Séminaire*, avec François Ansermet, Paris: Navarin.

—(1987) 'Préface' in Jacques Aubert (ed.) *Joyce avec Lacan*, Paris, Navarin.

Mitchell, Juliet and Rose, Jacqueline (eds) (1982) *Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, London: Macmillan.

Muller, John and Richardson, William (1982) *Lacan and Language: A Reader's Guide to Écrits*, New York: International Universities Press.

- (eds) (1988) *The Purloined Poe. Lacan, Derrida and Psychoanalytic Reading*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Mulvey, Laura (1975) 'Visual pleasure and narrative cinema', *Visual and Other Pleasures*, Bloomington: Indiana University Press, pp. 14–26.

Nietzsche, Friedrich (1886) *Beyond Good and Evil*, trans. R.J.Hollingdale, Harmondsworth: Penguin, 1990.

Peirce, Charles S. (1932) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, vol. II, *Elements of Logic*, Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Poe, Edgar Allan (1844) 'The Purloined Letter', in *Great Tales and Poems of Edgar Allan Poe*, New York: Pocket Library, 1951.

Ragland-Sullivan, Ellie (1986) *Jacques Lacan and the Philosophy of Psychoanalysis*, London and Chicago: Croom Helm and the University of Illinois Press.

Rivière, Joan (1929) 'Womanliness as masquerade', *Int. J. Psycho-Anal.*, 10: 303–13.

Rose, Jacqueline (1986) *Sexuality in the Field of Vision*, London: Verso.

Roudinesco, Elisabeth (1986) *Jacques Lacan & Co.: A History of Psychoanalysis in France, 1925–1985*, trans. Jeffrey Mehlman, London: Free Association Books, 1990.

—(1993) *Jacques Lacan, esquisse d'une vie, histoire d'un système de pensée*, Paris: Fayard.

Roustang, François (1986) *The Lacanian Delusion*, trans. Greg Sims, Oxford: Oxford University Press, 1990.

Rycroft, Charles (1968) *A Critical Dictionary of Psychoanalysis*, Harmondsworth: Penguin, 1972.

Sade, Marquis de (1797) *Juliette*, trans. Austryn Wainhouse, New York: Grove Press, 1968.

Saint-Drôme, Oreste (1994) *Dictionnaire inespéré de 55 termes visités par Jacques Lacan*, Paris: Seuil.

Samuels, Andrew, Shorter, Bani and Plant, Fred (1986) *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*, London and New York: Routledge.

Samuels, Robert (1993) *Between Philosophy and Psychoanalysis. Lacan's Reconstruction of Freud*, London and New York: Routledge.

Sartre, Jean-Paul (1943) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology*, trans. Hazel E. Barnes, London: Methuen, 1958.

Sarup, Madan (1992) *Jacques Lacan*, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.

Saussure, Ferdinand de (1916) *Course in General Linguistics*, ed. Charles Bally and Albert Sechehaye, trans. Wade Baskin, Glasgow: Collins Fontana.

Schneiderman, Stuart (1980) *Returning to Freud: Clinical Psychoanalysis in the School of Lacan*, New Haven and London: Yale University Press.

—(1983) *Jacques Lacan: The Death of an Intellectual Hero*, Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Sheridan, Alan (1977) 'Translator's note', in *Jacques Lacan, Écrits: A Selection*, trans. Alan Sheridan, London: Tavistock, pp. vii–xii.

Spinoza, Baruch (1677) *Ethics*, trans. A. Boyle, London: Dent, 1910.

Strachey, James (1934) 'The nature of the therapeutic action of psychoanalysis', *Int. J. Psychoanal.*, vol. 15:126–59.

Turkle, Sherry (1978) *Psychoanalytic Politics: Freud's French Revolution*, New York: Basic Books.

Wilden, Anthony (ed.) (1968) *The Language of the Self: The Function of Language in Psychoanalysis*, Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.

Wright, Elizabeth (1984) *Psychoanalytic Criticism: Theory in Practice*, London: Methuen.

——(ed.) (1992) *Feminism and Psychoanalysis: A Critical Dictionary*, Oxford: Blackwell.

Žižek, Slavoj (1991) *Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture*, Cambridge, Mass: MIT Press.